

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 2 (22) 2019

Петербургский Исторический Журнал

исследования по российской
и всеобщей истории

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д.и.н. *О. П. Илюха* (директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

к. филол. н. *Д. В. Кейер*

№ 2 (22) 2019

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов*
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Дата подписания в печать: ??.05.2019

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1691

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77–64510

от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

Члены редколлегии:

Professor *Alexander Martin*
(University of Notre Dame)

Professor *Simon Franklin* (Department
of Slavonic Studies, Clare College)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН; Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *В. И. Шишкин* (Институт
истории Сибирского отделения РАН)

профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский
университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет
Мичигана, Европейский университет
в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Т. Г. Леонтьева*
(Тверской государственной университет)

профессор *Д. М. Шаховской*
(Universite de Rennes-1)

Содержание

История России

- *О. А. Абеленцева*
Восстановительные строительные работы в Успенском Тихвинском монастыре в 1623–1633 гг. (по данным монастырских расходных книг)..... 7
O. A. Abelentseva
Recovery construction works at the Tikhvin Assumption Monastery in 1623–1633 (according to the monastic expenditure books)

- *А. Г. Гуменюк*
«Воспоминания крепостного» и их герой крестьянин Савва Пурлевский.....27
A. G. Gumenyuk
“Serf’s memoirs” and their hero peasant Savva Purlevskiy

- *Т. В. Андреева*
Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии:
технология законотворчества. 1826–1832 гг.....43
T. V. Andreeva
The Second Section of His Own Imperial Majesty Own Chancellery:
lawmaking technology. 1826–1832

- *Л. В. Выскочков*
До междуцарствия. «Ангел» Александр
и великий князь Николай Павлович (3 июля 1819 – 1 сентября 1825).....65
L. V. Vyskochkov
Before the Interregnum: “Angel” Alexander and Grand Prince Nikolai Pavlovich
(July 3, 1819 – September 1, 1825)

- *С. В. Куликов*
Оттон Эйхельман и его проект Основных государственных законов 1906 г.:
по новым документам 82
S. V. Kulikov
Otton Eichelman and his draft Basic state laws of 1906: according to new documents

- *В. В. Носков*
Своевременные мысли: революция 1917 г. и судьбы
русской государственности в восприятии Н. А. Бердяева..... 100
V. V. Noskov
Timely thoughts: the 1917 Revolution and fate of Russian statehood as apprehended
by Nikolay A. Berdyayev

- *Л. А. Кузнецова*
«Известную помощь имею крепкую»:
патронаж в системе советского администрирования..... 117
L. A. Kuznetsova
“I Get Good Help”: Patronage and the Soviet Management System

Всеобщая история

- *И. П. Потехина*
Уильям Эдвард Лант и ранняя история административно-финансовой
системы средневекового папства 133
I. P. Potekhina
William Edward Lunt and the early history of the administrative
and financial system of the medieval papacy

Круглый стол «Изучение истории декабристов»

- *П. В. Ильин*
Декабристоведческая научная традиция:
актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем 146
P. V. Ilyin
Historiography of the Decembrists: actual problems of studying in the past and present
- *О. В. Эдельман*
Разговор о декабристах..... 156
O. V. Edelman
Speaking about Decembrists
- *С. Е. Эрлих*
Декабристы. История мифа..... 160
Sergei Erlikh
Decembrists. History of the myth
- *В. А. Шкерин*
«...Видно, тайное общество состояло
не из одних злоумышленных и безнравственных людей»:
к вопросу о феномене «декабристов без декабря»..... 168
V. A. Skherin
“...It can be seen, that the secret society consisted not only of malicious and immoral people”:
To the question of the phenomenon of “Decembrists without December”
- *Я. А. Гордин*
Новое декабристоведение — технология «разрушения мифов»..... 178
Ya. A. Gordin
New Decembrists studies — technology of “myth busting”
- *Н. Д. Потапова*
Декабристы и республиканская традиция..... 194
N. Potapova
Decembrists and the Republican tradition
- *Г. Д. Казьмирчук, М. Г. Казьмирчук*
Первый период развития Украинской декабристоведческой школы
(1825–1917 гг.) 211
Grygorii D. Kazmirchuk, Mariia G. Kazmirchuk
The first period in the development of the Ukrainian School of Decembrist studies (1825–1917)

- *К. Г. Боленко*
Об одной историографической развилке 1920-х гг.: Н. В. Голицын как историк Верховного уголовного суда по делу декабристов..... 225
K. G. Bolenko
About a historiographical dilemma of 1920s: N. V. Golitsin as a researcher of the supreme criminal court

Историография

- *Е. Н. Мещерская*
Новые исследования по библеистике 243
E. N. Mescherskaya
New Research on Biblical Studies
- *И. Г. Воробьёва*
В. И. Райцес — сын «врага народа». К 90-летию со дня рождения 250
I. G. Vorobyova
V. I. Raitses — the son of the “enemy of people”: to the 90th anniversary of his birth
- *Н. Г. Кедров*
М. А. Безнин в галерее историков-марксистов 261
N. G. Kedrov
M. A. Beznin in gallery of historians-Marxists

Сообщения

- *А. И. Рупасов*
Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. 282
Aleksandr I. Rupasov
Deprived of electoral rights in Leningrad in the 1920s

Рецензии

- *А. И. Богомолов*
Рецензия на монографию: *Alapuro R. State and Revolution in Finland*.
Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. XIV, 306 p.
(Historical Materialism Book Series. Vol. 174) 296
A. I. Bogomolov
Review on monograph: Risto Alapuro. State and Revolution in Finland.
Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. XIV, 306 p. (Historical Materialism Book Series. Vol. 174)

- Требования к публикации статей и материалов 303**

О. А. Абеленцева

Восстановительные строительные работы в Успенском Тихвинском монастыре в 1623–1633 гг.

(по данным монастырских расходных книг)*

Архитектурный ансамбль Успенского Тихвинского монастыря является памятником истории и архитектуры, облик которого постепенно сформировался на протяжении XVI–XIX вв. Его научное изучение началось в первые десятилетия XX в.¹ и после вынужденного перерыва было возобновлено лишь в 1958 г. специалистами проектного сектора Ленинградской областной специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (с 1977 г. — НИИ «Спецпроектреставрация»). По итогам этой многолетней работы архитекторы-реставраторы Е. П. Варакин и Т. Н. Пятницкая в 2017 г. опубликовали монографию, посвященную истории изучения и реставрации архитектурных памятников монастыря². В силу специфики реставрационных работ приоритетным в ходе подготовительных исследований к ним было в основном изучение сохранившихся памятников каменного зодчества и планировочной структуры.

Цель предлагаемой статьи — охарактеризовать небольшой этап в строительной истории монастыря — 1623–1633 гг. — его восстановление после пожара 29 июня 1623 г., полностью уничтожившего деревянные постройки и повредившего каменные. На основании комплексного анализа данных монастырских

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00106/19.

расходных книг, которые являются основным источником для изучения этого строительного периода в монастыре, мы определим особенности фиксации в книгах расходов на строительные работы, приобретение и изготовление материалов. Книги позволяют подсчитать число вновь возведенных сооружений и суммы, потраченные на строительные материалы и оплату труда. Также, насколько это позволяют источники, отражающие только денежный расход, мы попытаемся выявить степень участия в работах разных групп монастырского локального сообщества — старцев, слуг и посадских людей.

Чтобы установить, что именно было утрачено в пожаре 1623 г. и в какой степени удалось восполнить потери к 1633 г., следует обратиться к источникам, сведения которых позволяют судить о состоянии монастыря до пожара. О строительстве в монастыре до 1623 г. известно немного, так как его архив за XVI — начало XVII в. за исключением небольшого числа документов погиб во время набега на монастырь польских, литовских и русских «воровских» людей в 1612 г.³, а за 1613–1622 гг. был также почти полностью уничтожен пожаром 1623 г. По данным «Сказания об основании Тихвинского Успенского монастыря», строитель монастыря Федор Сырков возвел в нем деревянную церковь Рождества Богородицы с трапезной, колокольню, хлебню, просфорню, две поварни и 42 кельи, расположенные «четверообразно» вокруг каменного Успенского собора, а также ограду с тремя воротами, мельницу и другие необходимые службы⁴. В дозорной книге Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина 1582/83 г. описание монастыря краткое, отмечены каменные храмы — Успенский собор с приделом Николая Чудотворца и церковь Рождества Богородицы с трапезой (построена в 1581 г.), деревянные сооружения — келья игумена Иосифа и 35 келий, в которых жили священники, дьяконы и монастырская братия, а за пределами монастыря конюшенный двор и двор для приезда гостей⁵. К XVII в. относятся два документа, отражающие состояние монастыря, более близкое по времени к рассматриваемому нами строительному периоду. Во-первых, это опись строений и имущества монастыря, составленная представителями шведской администрации Великого Новгорода не ранее 23 сентября 1612 г., после упомянутого набега⁶. У описи утрачено начало, в котором, если исходить из анализа последующих описей, традиционно давалось краткое описание монастыря и его оборонительных сооружений. Сохранившийся текст памятника всё же позволяет перечислить ряд зданий, имевшихся в монастыре в 1612 г., — это ранее названные каменные Успенский собор и церковь Рождества с трапезой, построенные к этому времени Святые ворота с церковью Вознесения и приделом Федора Стратилата (1593 г.), колокольня (1600 г.); деревянные постройки — кельи: казенная, дружинного старца, подкелларника; сушило, погреб чашника, квасная и «естомая» поварни, хлебня, пять житниц в монастыре, мельница за монастырем и еще три житницы около нее. Вероятно, имелись конюшенный и коровий дворы, так как перечислены находящиеся в них животные. Описано вооружение в башнях «на городе», т. е. вокруг

монастыря имелись укрепления с башнями, которые в 1613 г. позволили монастырю выдержать осаду. Дозорная книга 1619/20 г. Мины Дмитриевича Лыкова и подьячего Якова Гневашева описывает состояние монастыря через семь лет после осады его войсками противника в 1613 г.⁷ Во время военных действий был сожжен Тихвинский посад, часть жителей которого были убиты, кому-то удалось бежать, а оставшиеся переселились внутрь монастырских стен. В дозоре перечислены все ранее названные каменные храмы, две кельи игумена и девять келий, в которых жили семь священников, два дьякона и 53 старца, 26 пустых обвалившихся «с литовского и немецкого разорения» келий, новый монастырский двор и острог вокруг монастыря. Также внутри острога с осадного времени продолжали стоять «хоромишка» мирских людей — восемь дворов церковного причта, 18 дворов монастырских слуг и 35 дворов посадских людей — монастырских бобылей и крестьян, дворовые места которых были на посаде. Внутри монастырских стен также находились восемь лавок торговых людей. Конюшенный двор и двор для приезда гостей за оградой были уничтожены, лошади, вероятно, содержались внутри ограды, так как без них не могло функционировать ни одно хозяйство. На посаде уже были поставлены таможенная изба и 13 дворов ремесленных людей. Остальное население посада пока оставалось внутри монастырских стен, несмотря на то что это было прямым нарушением действующего законодательства, запрещавшего жить в монастырях мирянам с семьями. Вероятно, и к 1623 г. не все мирские люди успели построиться на посаде. Об этом косвенно свидетельствуют слова Сказания о пожаре в монастыре 1623 г., автор которого связывает его возникновение с необходимостью испелить скверну в доме Пресвятой Богородицы⁸. Сведения перечисленных нами источников позволяют предположить, что к лету 1623 г. восстановление посада и монастыря только начиналось. Пожар 1623 г. вынудил монастырские власти ускорить этот процесс.

Расходные книги монастыря позволяют проследить основные этапы строительных работ в целом и на отдельных объектах. Записи в книгах разделены по годам и месяцам, дни месяцев не указаны. Некоторые записи об оплате строительных работ большого объема могли вноситься в книги уже после их проведения и расчетных платежей, но мы вынуждены ориентироваться на имеющуюся в расходных книгах хронологию, так как договоры того времени не сохранились. Если оплата производилась значительно позже, то в записях это оговаривалось, например, тихвинским кирпичникам в августе 1629 г. оплатили работы за 1628–1629 гг.⁹

Для того чтобы установить, как именно фиксировалась в расходных книгах система оплаты работ в строительстве и заготовке материалов и какая для этого использовалась терминология, рассмотрим примеры записей, касающихся видов найма. Как уже было сказано, какие-либо письменные договоры на работы за 1623–1633 гг. не сохранились. Записи в расходных книгах о выплатах содержат лишь два упоминания о таких документах. В книге за июль 1624 г. зачеркнута запись: «Дано ис казны соборного храму плотником Непинаю

да Ждану каргопольцу с товарищи наперед найму трицать рублей, а как зделают верхи и все по приговорной записи, и им додать ис казны пятьдесят рублей»¹⁰. То есть в монастырском делопроизводстве договор на выполнение работ назывался приговорной записью, вероятно потому что сумма подряда должна была утверждаться приговором соборных старцев. Видимо, в ходе заключения этого договора в него были внесены какие-то изменения, сумма подряда была изменена, а запись об оплате в расходной книге в сентябре 1624 г. приняла следующий вид: «Дано ис казны плотником Ждану каргопольцу да Непинаю с товарищи от соборного храма Успенья Богородицы от четырех глав от дела, и от церковной кроли, и от паперти денег семдесят три рубли»¹¹. Второе упоминание письменного договора содержится в записи от января 1628 г. о строительстве двора в Великом Новгороде: «Плотником стрельцом Степану Федорову с товарищи, которые двор делали, додано по записи 5 рублей»¹². Если исходить из того, что договор требовал соборного приговора, то можно усмотреть его упоминание еще в одной записи от апреля 1624 г.: «Дано ис казны по приговору за четыреста за трицать бревен четырехсаженных Прошку Осипихину с товарищи четыре рубли 10 алтын»¹³.

Несмотря на отсутствие самих договоров и других упоминаний о них, кроме перечисленных, можно всё же предположить, что они составлялись на все сколько-нибудь значительные, особенно на крупные подряды, но в расходных книгах фиксировалась только выплата денег, а наличие договорных обязательств сторон обозначалось словом «наняты» или выражением «дано найму», чаще же просто писали «дано», «дано <...> за рубленье», «дано <...> от дела» и указывали сумму выплаты:

[1624 г. август] «Наняты плотники Офоня Олябьев да Ефтифейко Иванов сам десять с товарищи покрыть храм Рождество Пречистые Богородицы с трапезою, и в трапези и в келарской зделати все внутри, и крыльца, дано им ис казны найму шездесят пять рублей»¹⁴.

[1625 г. июль] «Дано ис казны плотнику Гуляю с товарищи от квасной поварни за рубленье найма рубль 25 алтын»¹⁵.

[1625 г. декабрь] «Дано ис казны плотником Куземки Онишину да Офонки от храма от Покрова Пресвятей Богородицы за рубленье и за всю отделку одинацать рублей двацать алтын»¹⁶.

[1623 г. сентябрь] «Дано плотником Ивану да Фильке от кельи от нутра от дела рубль 6 алтын 4 денги»¹⁷.

Такие же формы имеют записи об оплате работ по изготовлению строительных материалов. Устойчивого формуляра для записей не было, отражались лишь три основных параметра — имена подрядчиков, объем работы и денежная сумма. Анализ записей в расходных книгах с учетом названных особенностей фиксации оплаты работ показывает, что в 1623–1628 гг. объекты в монастыре возводились в основном на основе договоров со строительными артелями, при этом фиксировались имена двух-трех членов артели. На основании такого

рода записей невозможно установить состав этих артелей, особенно когда речь идет о местных плотниках. Не исключено, что это были разные по численности группы, формировавшиеся ситуативно в зависимости от объема предполагаемых работ и сроков.

В 1623–1628 гг. также практиковалась поденная и понедельная оплата наибольших работ, что выражалось в записях использованием терминов «найм» и «наймит». Основное отличие таких записей в том, что в них не указан объем выполненных работ:

[1623 г. август] «Дано ис казны плотнику Василью найму за десять дней 8 алтын 2 денги»¹⁸.

[1624 г. июль] «Дано ис казны плотнику Олексе за две недели найму восм алтын»¹⁹.

С конца 1628 г. помимо договоров монастырские власти стали практиковать поденный найм для строительства крупных хозяйственных объектов и завершения начатых, таких как конюшенный двор, мельница, коровий двор, житница и др. Записи о таких выплатах ценны тем, что в них сообщаются имена большинства участников работ, а не только глав артелей. Например, в записи о строительстве коровьего двора от апреля 1631 г. названы семь местных плотников, а трех «прихожих» не указаны: «Дано плотником, которые коровей двор делали, поденного найму Ивану Созонову за семь дней, Офони Олябью (с) сыном за девять дней, Тренки Решетнику да Трофиму, двум, по пяти дней, Левы Ущемускому за два дни да старины 4 денги, Гиту за три дни, Томилку Шевелеву за два дни, да прихожим плотником трем человеком по дни, всем им дано человеку на день по алтыну»²⁰. Такие записи позволяют установить численность и персональный состав плотников, работавших в монастыре в 1629–1633 гг. Всего в записях расходных книг за 1623–1633 гг. упоминается не менее 75 имен плотников. Указать точное число участвовавших в работах не представляется возможным по двум причинам. Во-первых, имена в записях о расходах не всегда записывали единообразно, т. е. указанные в записях Иван, Иван «прихожий наймит» и Иван «корелянин» могут быть как разными людьми, так и одним человеком²¹. Во-вторых, как уже было сказано, при подрядах указывали не весь состав артели.

Анализируя численность восстановленных и вновь построенных сооружений, следует начать с храмов. После пожара главной заботой монастырских старцев было восстановление места пребывания чудотворного образа Одигитрии Богоматери Тихвинской — Успенского собора, который был вновь освящен не позднее октября 1623 г. игуменом Духова монастыря Леонидом и священником новгородского Софийского собора Георгием²². По наблюдениям И. А. Шалиной, внутреннее убранство Успенского собора пострадало незначительно²³. Самая ранняя запись расходных книг о работах в Успенском соборе относится к ноябрю 1623 г., когда посадскому оконничнику Истома было оплачено изготовление окончины в южное («полуденное») окно, которое, вероятно, было разрушено из-за взрыва находящейся напротив него колокольни²⁴.

На следующий год заменили большую окончину над дверьми²⁵. В сентябре 1624 г. плотникам во главе с каргопольцем Жданом и Павлом Непинаем было выплачено 73 р. «от четырех глав от дела, и от церковной кроли, и от паперти», им же дана полтина на рукавицы²⁶. В 1625 г. плотникам Афанасию (Офоне) Олябьеву и Кузьме Оникееву заплатили «от побивки маковицы белым железом на большом храме от трети денег рубль»²⁷. Содержание этой записи не вполне понятно. В 1629 г. тот же Афанасий с товарищами покрыли железом еще две маковки, получив 2 р.²⁸ Если слово «треть» относится к сумме подряда, то вызывает вопросы его временная протяженность, ведь работы продолжились только через четыре года. За ближайшие годы нет записей о покрывании железом еще двух глав. Можно было бы предположить, что две главы были покрыты железом еще в 1624 г. артелью каргопольца Ждана и Павла Непина, но первые записи о перевозке из Москвы в монастырь 1 тыс. листов белого железа и луженых гвоздей для его прибавания относятся к октябрю 1625 г.²⁹ О покупке 1 тыс. листов железа также нет сведений; вероятно, они были даны монастырю царем Михаилом Федоровичем, как и еще 3 тыс. листов, полученные в январе 1630 г.³⁰ В расходной памяти игумена Вассиана о поездке в Москву от 15 августа 1624 г. сказано, что ему были даны из казны деньги на белое железо, но среди покупок оно не значится³¹. Можно предположить, что на первом этапе железом обили только кровли центральной и западных световых глав.

Восстановление церкви Рождества Богородицы (в настоящее время — Покровская) и примыкающей к ней монастырской трапезной началось в 1624 г. Десять плотников во главе с тихвинцами Афанасием Олябьевым и Евтихием Ивановым Дяткой подрядились покрыть церковь и трапезу, сделать крыльца и внутренние работы в трапезной и в келарской. Сумма подряда составила 65 р.³² В том же году кузнец Ефим Загустин «поделывал» (чинил) старый крест с главы храма³³. В 1625 г. артели Афанасия оплатили изготовление трех трапезных дверей³⁴. Оконничники Юшка Нефедов и Истома в 1624 г. сделали окончины в трапезу, а Лука в 1628 г. две окончины в алтарь³⁵. В последней записи храм не назван, но, вероятно, речь идет о Рождественской церкви, так как в конце 1628 г. для нее были получены антиминс на престол и благословенная грамота на освящение³⁶.

В 1591 г. в монастыре были построены каменные Святые ворота с церковью Вознесения и приделом Федора Стратилата. Вероятно, они пострадали при пожаре, но в рассматриваемые нами годы работы в них не велись. В Описи строений и имущества монастыря 1640 г. сказано, что «ныне те церкви заведены делать, еще не довершены»³⁷.

Еще одна запись о храмовом строительстве в монастыре относится к декабрю 1625 г. В ней сказано, что плотники Кузьма Онишин и Афанасий получили «от храму от Покрова Пресвятей Богородицы за рубленье и за всю отделку одиннадцать рублей двадцать алтын»³⁸. Вероятно, именно для ее освящения в феврале 1626 г. в Новгороде были получены антиминс и благословенная грамота — в записи о расходах посвящение храма не указано³⁹, но Успенский собор

освятили еще в 1624 г., Спасо-Преображенский храм на посаде — в 1625, а грамота и антиминс для Рождественской церкви были получены только в 1628 г., следовательно, речь в записи идет о Покровской церкви. Это единственные упоминания о ее существовании в монастыре. Может быть, это был небольшой теплый храм, необходимый на время восстановительных работ в церкви Рождества Богородицы. Исследователи полагают, что в середине XVII в. Покровская церковь находилась на восточной стороне внутреннего каре рядом с большими кельями⁴⁰, но в описях монастырского имущества, сохранившихся начиная с 1640 г., она уже не упоминается. В январе 1624 г. была получена благословенная грамота «на храм к Покрову на Пашу», т. е. для церкви в вотчине монастыря на реке Паше в Егорьевском Кожельском погосте⁴¹.

Из каменных сооружений монастыря больше всего пострадала колокольня⁴², в одном из помещений которой со времени осады хранились запасы пороха, взорвавшиеся при пожаре. В сентябре 1623 г. в Новгороде была подана челобитная монастырских властей о разборе колокольни, разрешение было получено лишь в декабре, но работы начались уже в октябре силами нанятых поденно «деловцов»⁴³. Вероятно, после взрыва состояние стен и окружающей территории требовало принятия срочных мер. Подготовительные работы к восстановлению колокольни начались лишь в 1628 г. — в мае зафиксирована оплата плотникам за постройку «кирпичного» сарая (для изготовления кирпича), в июле — мастеру Ивану Прокурату заплатили за то, что «пособлял» делать в нем печи⁴⁴, которые, вероятно, клали тверские кирпичники Иуда (Иютка), Максим и Федор. По «государеву указу», т. е., вероятно, особой указной грамоте, за 1 тыс. кирпичей им платили 50 к. Иуде и Максиму заплатили «от дела от кирпичю» за 20 тыс. шт., а Федору — за 4 тыс. Федору, названному «обжигальником», полагался еще и поденный корм — 7 денег в день за 16 недель с днем, вероятно, именно он руководил всеми работами. Отдельно всем троим были оплачены девять дней и ночей обжига — человеку в сутки по 6 к. Всего за изготовление кирпичей, их обжиг и на обратную дорогу в августе 1628 г. им было выплачено 18 р. 10 к.⁴⁵ В 1628–1631 гг. изготовлением кирпича занимались и тихвинские кирпичники Савва Овчинник и Данил (Даньша) Нефедов⁴⁶, которые, вероятно, освоили новую для себя компетенцию под руководством тверичей. Во всяком случае, приглашать сторонних мастеров при наличии местных не имело смысла. Расценки для местных мастеров могли варьироваться, вероятно, в зависимости от суммы оплаты «казаков», т. е. подсобных рабочих, и каких-то других затрат на производство, не отраженных в записях книг. В 1629 г. мастера вместе с «казаками» получили за 1627/28 г. от 30 тыс. шт. кирпичей 28 р., в 1628/29 г. за то же число 8 р., а в 1629/30 г. за 28 тыс. штук 12 р. (соответственно по 93, 26 и 42 к. за 1 тыс. шт.). В последние два года оплата была ниже, потому что «казаки у них были с посаду»⁴⁷. Так как в расходных книгах не зафиксированы выплаты «казакам», можно предположить, что ими были посадские люди, исполнявшие таким образом натуральную повинность

в пользу монастыря. В 1631 г. местным кирпичникам при поденных «казаках» с посада заплатили как и приезжим тверичам — по 50 к. за 1 тыс. штук.⁴⁸

В феврале 1629 г. «синенским» крестьянам (вероятно, из Сенно) была оплачена перевозка извести в монастырь, за 386 коробей заплатили 57 р. 90 к. (по 15 р. за 100 коробей)⁴⁹. В Дымском монастыре в марте 1626 г. были куплены часы для колокольни за 5 р., за их починку («поделку») мастеру Тимофею дано 6 р.⁵⁰

В 1629 г. начались восстановительные работы на колокольне. На основании записей расходных книг можно в общих чертах установить порядок организации работ и состав мастеров. В возведении колокольни участвовали каменщики из Ладоги и с Тихвинского посада. Руководил работами, вероятно, ладожский подмастерье каменщик Василий, получивший за сезон 1629 г. 7 р. («от дела от колокольни пять рублей» и еще «за два месяца два рубли»), т.е. условия его найма предполагали помесечную оплату в размере 1 р.⁵¹ Три каменщика князя Дмитрия Михайловича Пожарского — Петр Иевлев, Кирилл Афанасьев и Мина Евдокимов получили по 3 р. за неуказанный срок и объем работы⁵². Другой ладожанин, каменщик Михаил работал поденно и получил «за 19 недель за три дни, опрочи воскресеней, на день по 6 денег, всего три рубли семнадцать алтын» и гривну на рукавицы, т.е. его оплата составляла 3 к. в день⁵³. На тех же условиях работали Клим, названный «александровским», вероятно, из Александровой пустыни — 19 дней, пришлый дьячек Иван — 11 дней, тихвинец Иван Прокурат — 11 недель и 3 дня. По несколько дней отработали поденные наймиты Иван Колча, Митя Глазов, Ермак Белозер и Иван Росторгуй⁵⁴. В строительстве также принимали участие 13 монастырских слуг, традиционно получавших служеное, которым было дополнительно выплачено по 15 к. на рабочую одежду — «на кошули и на рукавицы», из них пятерым — Никифору Кропиве, Амвросию (Обросиму) Иванову, Ивану Некрасову, Степану Парфеньеву и Никите Дымскому — дважды. Никифор Крапива и Амвросий Иванов названы в книге «своими каменщиками», т.е. они были монастырскими слугами, которые получали регулярные выплаты — служеное. В 1623–1633 гг. Амвросий получал его в размере 60 к. за полгода, а Никифор 75 к.⁵⁵, и лишь в августе 1629 г. им было выплачено 1,5 и 2 р. соответственно, что, вероятно, связано с большим объемом работ во время восстановления колокольни⁵⁶.

В мае 1630 г. на колокольне начались плотницкие работы. Поденные плотники поставили под колокольной ворота, получая по 3 к. в день⁵⁷. В тот же сезон у колокольни сделали «верхи», двери и колокольные подвязи, покрыли кровлю. Работа выполнялась тихвинцами Афанасием Олябьевым с сыном Гаврилом, Томилом Шевелевым, Евтихием Дядкой, Сидором Ивановым, Василием Долгим, Филиппом Ивановым, Иваном Созоновым, Титом Белозером, Трофимом Андреевым, Львом Ущемушским и Трешкой Решетником. Характер найма (по договору или поденно) не указан, всего было уплачено 14 р. 56 к.⁵⁸ Семерым из ранее названных плотников — Дятке, Льву, Филиппу, Третьяку, Гавриле, Сидору, Титу и Василию были оплачены работы по строительству амбара для

«колокольного дела», поденная оплата человеку составляла 2,5 к.⁵⁹ Вероятно, амбар поставили в начале сезона, так как в этом же году московский колокольный мастер Алексей отлил для монастыря пять колоколов. Его оплату в размере 23 р. 28 к. книга привязывает к весу готовой продукции, который составил 145,5 пудов: «Дано колокольному мастеру москвитину Алексею от литья от колоколов от большого колокола да от четырех от меньших ото ста от сорока от полшеста пуда, всего дано денег двадцать три рубли девять алтын 2 деньги»⁶⁰.

Завершились работы по восстановлению колокольни в 1631 г. В апреле поденно нанятые плотники Афанасий, Василий, Томил, Третьяк, Сидор и Алексей Плясун обили ворота колокольни и бабку железом, поставили «поднемы» (вероятно, приспособления для подъема колоколов) и подняли колокола на звонницу, оплата составляла 3 к. человеку в день⁶¹. В августе Гаврил и Сидор покрыли шатер колокольни: «Дано плотником Гаврилке Олябьеву да Сидорку, на колокольни побили шатер белым железом, четыре алтына»⁶². В записи говорится об одном шатре, что, вероятно, подтверждает данные о числе шатров на плане И. Зеленина⁶³, т. е. восстановленная колокольня имела один, а не пять шатров.

В 1625–1626 гг. вокруг монастыря были построены новые оборонительные сооружения. В 1625 г. срубили девять башен — «угловую башню, что против мельницы», «воротную, что к конюшему двору», вторую «воротную», Столбовую, «угловую, что к Веденью», «башню, что над озерком», «башню, что за кельями на углу», Тайничную, Раскатную. За шесть из девяти башен заплатили по 5 р. и за три по 6 р., всего 48 р.⁶⁴ Стены между башнями появились летом следующего 1626 г., когда из бревен длиной 4 сажени было поставлено 314 сажень «острога» по цене 20 к. за сажень, общей стоимостью 62 р. 80 к.⁶⁵ Отдельно было оплачено сооружение «тайника» — выхода к реке Тихвине⁶⁶. На этом этапе острог скорее выполнял функцию забора, а не оборонительного сооружения, так как лишь в 1632 г. в нем были «просечены» верхние и нижние бои, поставлены надолбы и тарасы⁶⁷ у передних и задних ворот⁶⁸.

Жизненно необходимой частью хозяйства монастыря и источником дохода была мельница. Она не пострадала от пожара. В приходной книге 1623 г. есть сведения о том, что с сентября по декабрь в казну поступил 21 р. 33 к. «вымолотых» денег⁶⁹. Тем не менее периодически проводились работы по усовершенствованию ее конструкции. В 1624 г. мельничному служебнику Емельяну был оплачен ремонт (или изготовление нового) сухого колеса⁷⁰. В ноябре 1625 г. жернова для мельницы пытались заказать в Петровском, вероятно, Мелегижском погосте⁷¹, а из Устюжны был вызван мельничный мастер Игнатий⁷². В феврале 1626 г. новые жернова купили на Ояти за 2 р., в монастырь их привезли на лошадях, а в октябре не названному по имени мельничному мастеру заплатили за устройство мутовочной мельницы⁷³ — довольно простой по конструкции⁷⁴. В сентябре 1627 г. за неназванные работы на мельнице плотникам было дано 2 р.⁷⁵, судя по сумме, работы были строительные, а не ремонтные. В июне 1629 г. новые жернова приобрели в Брусно на Онежском озере за 5 р.

Вероятно, они были изготовлены из синевато-серого кварцевого песчаника, который здесь добывали⁷⁶. Для доставки жерновов в монастырь специально купили судно сойму за 2 р., а найм посадских людей, которые за ними ездили, составил 4 р. В июне же 1629 г. силами местных плотников на мельнице было сделано новое колесо, т. е. новая мельница стала колесной, а не мутовочной⁷⁷. Вероятно, найти качественные жернова было сложно. В 1631 г. старец Протасий получил в Великом Новгороде «пропускную» грамоту, по которой монастырский слуга Василий Афонин в июле того же года отправился в отошедший Швеции Кирьяжский погост «для мельничных жерновов», видимо, искать мастера⁷⁸, но поездка оказалась неудачной. Новые жернова купили в двух других местах: в ноябре 1631 г. пятипядный жернов за 3 р. в Остречинском погосте⁷⁹ и в июле 1632 г. два жернова за 8 р. в Сердобольском погосте на острове Тулома («Тулломском острове», сейчас — о. Тулолансаари) в Ладожском озере. Считается, что добыча камня там была начата шведами в XVII в.⁸⁰ Вероятно, в монастырской расходной книге 1632 г. мы имеем одно из ранних упоминаний о добыче камня на этом острове. Для доставки жерновов с Туломского острова были наняты за 5 р. посадские люди, отправившиеся туда на двух судах в сопровождении слуги, который должен был «монастырскими хлебами их кормить»⁸¹.

Кроме ранее названных были возведены другие деревянные жилые и хозяйственные постройки в очередности, зависевшей от нужд братии, и, вероятно, от числа мастеров, которых можно было нанять. Приведем краткую хронологию строительства по годам.

1623 г. — Были возобновлены самые важные для жизнеобеспечения строения. Они приобретались уже в готовом виде и приспособлялись для нужд монастыря. На посадке было куплено шесть жилых строений для братии и церковного причта: три избы, одна из которых с сенями, две избы в срубах и горница⁸². Там же из хозяйственных построек купили избу для луковой кельи, «хоромину» в срубах для овина, житницу для муки, еще одну житницу приобрели в монастырской деревне Стретилово, а в деревне Заболотье клеть на конюшенный двор⁸³. Четверо наемных плотников во главе с каргопольцем Жданом срубили ригу для сушки и обмолота зерна и поварню⁸⁴, а тихвинец Афанасий Олябьев с товарищами — большую житницу⁸⁵. Велись кровельные и отделочные работы в купленных и вновь построенных сооружениях. Наибольшие затраты в 1623 г. пришлось на покупки и заказы на изготовление кровельного материала (см. табл.) для всех строений монастыря — берестяных скалв, драниц и тесниц разной длины. Эту работу выполняли как местные, так и пришлые плотники. Самая большая сумма подряда была получена шунжанином Василием и каргопольцем Жданом — за 400 тесниц четырех саженей и 300 трех саженей они получили 21 р.⁸⁶ Из участвовавших в работе поименно названы девять человек — тихвинцы Афанасий Олябьев, Афанасий Пещерский и, предположительно, пришлые плотники Трешка «бывший стрелец», шунжанин Василий Алексеев, Артемий Михайлов, Андрей Конанов, корелянин Томил, Василий Драницын, Василий Бурков⁸⁷.

Денежный расход на восстановление Успенского Тихвинского монастыря в 1623–1633 гг. (в р.)*

Статья расхода	1623	1624	1625	1626	1627	1628	1629	1630	1631	1632	1633	Итого	%
Покупка строений и готовых изделий из дерева	30,77	–	8,00	1,15	0,12	0,30	–	–	–	–	–	40,34	2,96
Оплата работы плотников (служеное, найм)	9,99	161,535	110,39	74,80	34,12	44,455	23,77	21,81	31,19	27,745	14,00	553,805	40,67
Покупка и изготовление столярных изделий (бревна, доски, тесницы, драпицы, береста и др.)	95,915	54,49	22,69	17,77	22,935	20,875	–	–	–	–	–	234,675	17,24
Оплата работы кузнецов (служеное, найм)	1,79	6,43	10,53	1,085	0,87	0,12	4,57	3,915	0,52	2,23	0,36	32,42	2,38
Покупка изделий из железа (замки, кровельное железо, гвозди и др.)	–	0,40	0,47	0,715	16,00	79,365	29,49	27,23	1,40	4,09	–	159,16	11,69
Сырье для кузнечных работ (металл, уголь, кузнечные меха и др.)	0,08	2,66	6,06	6,04	4,20	2,70	8,745	3,42	1,58	0,67	1,35	37,505	2,75
Изготовление кирпича	–	–	–	–	–	18,43	48,00	–	20,00	–	–	86,43	6,35
Оплата каменщиков (служеное, найм)	4,60	2,60	2,70	2,70	2,70	2,82	34,99	2,70	2,70	2,94	3,60	65,05	4,78
Покупка и изготовление окончии	0,52	9,15	0,71	0,30	0,745	0,42	0,27	–	0,02	0,43	0,18	12,745	0,94
Покупка инструментов (в основном олонецких топоров)	0,28	3,75	0,35	0,54	2,39	1,20	0,90	1,50	0,96	1,93	–	13,80	1,00
Транспортные расходы на перевозку стройматериалов	–	4,625	2,60	0,48	1,80	–	57,90	–	–	–	–	67,405	4,96
Покупка и транспортировка мельничных жерновов	–	–	1,24	2,54	0,13	–	11,85	0,60	3,26	15,35	–	34,97	2,57
Литье колоколов	–	–	–	–	–	–	–	23,28	–	–	–	23,28	1,71
Итого	143,945	245,64	165,74	108,12	86,01	170,685	220,485	84,455	61,63	55,385	19,49	1361,585	100,0

* По данным монастырских расходных книг 1623–1633 гг. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 7, 9, 10, 13, 14, 15, 19, 21, 22, 24, 29, 32.

1624 г. — Закончена внутренняя отделка больничной кельи, вероятно, под нее приспособили одно из купленных в 1623 г. строений. То же можно сказать и о просфорне, для которой сделали сени силами просфорников и пономарей. Были срублены пять братских и три игуменские кельи, вероятно, две из трех последних были жилыми — для игумена и его келейника, а третья предназначалась для встреч с посетителями. Эти работы выполнялись пришлыми плотниками, упоминаются кореляне (без указания имен), толвуянин Третьяк, ваянец Дмитр, шунжанин Игнат Чураков и ряд лиц, которые после 1624 г. уже не встречаются в записях расходных книг, — Григорий Нефедьев, Дружина Куташев, Никита Евдокимов, Петр Григорьев. Местными плотниками построены житница и монастырская рига на посаде⁸⁸.

1625 г. — Поставлены 5 келей с сенями и отделкой, сделаны сени к игуменской келье, сушило, погреб и сени к ним, квасная поварня, еще одна житница, поваренный прибор и два рыбных ледника, а также куплена изба на конюший двор⁸⁹.

1626 г. — Построили ригу, сделали кровлю у мельницы и поставили монастырский амбар на посаде⁹⁰, купили избу на коровий двор.

1627 г. — Построили три братских кельи, сделали сени и внутреннюю отделку казенной кельи, срубили овин и житницу для муки, важню на посаде, амбар на конюшенном дворе⁹¹.

1628 г. — Поставили житницу за задним крыльцом, келью для слуг с сенями, сделали покрытие — «мост перед церковь и к трапезе», вероятно, дорожку от Успенского собора к трапезной⁹²; местные и «прихожие» плотники получили 26 р. на строительстве конюшенного двора⁹³.

1629 г. — Местные плотники поставили кузницу и продолжили работы на конюшенном дворе — поставили амбар и дружинные сени, а кореляне — житницу и покрыли крышу игуменской кельи⁹⁴.

1630 г. — Основные плотницкие работы велись на колокольне, в книгах зафиксированы только отделочные работы на конюшенном дворе.

1631 г. — Кореляне сделали чуланы в братских кельях и житницу⁹⁵, а посадские плотники — сени и чуланы в больничных кельях, еще одну житницу, «естомую» поварню и коровий двор⁹⁶.

1632 г. — Посадские плотники срубили и покрыли келью и доделали больничные сени и чуланы⁹⁷.

1633 г. — Посадские плотники сделали пол и засеки в амбаре, сени в хлебной келье, починили тайник, срубили 4-ю игуменскую келью с сенями, «прихожие» выполнили внутреннюю отделку и сделали сени в келье, «что подле келаря»⁹⁸.

Назовем основные цены на строительные работы и материалы.

Цены на возведение сооружений, зафиксированные в книгах, варьируются, вероятно, в зависимости от размера и степени завершенности строительства. В 1623 г. готовые избы покупались по цене от 4 до 5,5 р., за горницу заплатили 9 р. В 1624 г. келья без отделки, вероятно в зависимости от размера, стоила 1,35–1,80 р., в 1627 г. — 1,60 р. За келью с сенями, чуланами и отделкой в 1625 г.

заплатили 5 р., в 1633 г. 4,50 р. Житница стоила от 1,80 до 3,5 р., амбар от 2,50 до 3,5 р., рига от 1,08 до 1,60 р.

За день работы поденно нанятый плотник получал 2–2,5 к., а на крупных объектах — 3 к., кузнец в монастырской кузнице — 3 к., молотобоец — 1–2 к.

Цены на столярные изделия варьировались в зависимости от длины и, вероятно, качества изделий. Кровельные материалы: береста 33–38 к. за 100 скалв (кусков); драница (доска) двух сажень — 10–15 к. за 100 шт., трех сажень — 27 к. за 100 шт.; тес двух сажень — 2,1 к. за шт., трех — 2,25–3,2 к., четырех — 3,25 к. Бревно двух сажень — 0,4–0,9 к. за шт., 2,5 сажень — 0,9–1,1 к., трех — 1,5–2 к., четырех — 1,87–3,75 к. (толщина бревен не указана). Доска трех сажень — 2–2,5 к., четырех сажень — 5,4 коп, доска лавочная — 5 к.

Из продукции кузнечного промысла были востребованы в основном гвозди, топоры и замки. Гвозди для прибивания теса стоили в зависимости от длины от 42 к. до 1,16 р. за 1 тыс. шт., луженые для прибивания кровельного железа — 20–25 к. за 1 тыс. шт. За топоры местного производства платили 2,2 к. (без стоимости железа и угля), а за олонцекие, которые охотно закупал монастырь, от 7,5 до 10 к. Цены на замки варьировались в зависимости от конструкции и размера. Наиболее распространены были навесные («висучие») замки местные и немецкие по цене от 5,5 до 7 к., большой навесной замок стоил уже 20 к., «поличный» (вероятно, накладной) замок — 10–20 к. Мешок угля для кузницы — 2,5–3 к., угля «рудового» — 3,2 к.

На основании анализа записей мы можем установить мастеров, которые внесли наиболее значительный вклад в восстановление монастыря. Самой заметной фигурой среди мастеров являлся Афанасий (Офоня) Олябьев. Он участвовал в работах в 1623–1627 и 1628–1633 гг. В послужном списке артелей, где он работал, подряды на плотницкие работы в церкви Рождества Богородицы и трапезной, Мельничная башня, покрытие железом глав Успенского собора, вероятно, возведение деревянной Покровской церкви (в записи указано только имя — Офоня), 100 сажень острога, в котором сделаны подвязи и бои, срублены тарасы у ворот, выполнены плотницкие работы на колокольне и строительство других жилых и хозяйственных зданий⁹⁹. В 1628–1633 гг. в работах также принимал участие сын Афанасия — Гаврил¹⁰⁰.

Евтихий Иванов по прозвищу Дятка или Дядя упоминается в 1623–1631 гг. Сперва он был монастырским слугой плотником, получая жалованье — служеное. В августе 1623 г. ему было выплачено 50 к. за полгода (обычно всем старцам и слугам платили раз в полгода). Но уже в ноябре он получил служеное за два месяца, вероятно, взяв расчет, так как в дальнейшем среди слуг не упоминался, а работал в артелях или поденно. Строил больничные, игуменские, казенные, братские и служные кельи, в составе артели плотничал на колокольне, поденно работал на возведении мельницы, конюшенного и коровьего дворов. Кроме того, он был единственным плотником, у которого монастырь покупал доски («дерева») для икон пядниц (размером в пядь)¹⁰¹.

Кроме Афанасия Олябьева и Евтихия Дятки с 1623 г. по записям расходных книг в монастыре прослеживается работа двух слуг плотников — Харитона (Харки) Ималовского и Луки Тумиского. Харитон получил свое прозвище, вероятно, по происхождению из деревни Большое Ималово в вотчине монастыря в Егорьевском Кожельском погосте Обонежской пятины Новгородского уезда. Все годы он получал служеное в размере 60 к. за полгода. На каких именно объектах он работал, установить невозможно, так как записи о выплате служеного такой информации не содержат¹⁰². Второй слуга плотник Лука Тумиский, вероятно, был более ценным работником, что отразилось в записях о выплате ему служеного. В сентябре 1623 и марте 1624 г. он, как и Харитон, получал по 60 к. за полгода, в сентябре 1625 г. уже 75 к. и еще 25 к. («полполтины») прибавки по приказу игумена Вассиана, а с сентября 1625 г. получал по 1 р. за полгода¹⁰³. Последняя запись о выдаче ему служеного относится к марту 1632 г., а в приходной книге за апрель того же года имеется запись о получении денег на сорокоуст по старце Леониде Тумиском¹⁰⁴. Ни до, ни после такой старец в числе братии не упоминается. Можно предположить, что Лука Тумиский принял перед кончиной постриг с именем Леонид.

В 1629–1633 гг., за которые есть записи о поденном найме, в монастыре работала группа местных плотников: Богдан Шевелев, Василий Долгий, Иван Созонов, Лев Ущемуский (вероятно, происходил из деревни Усть Шемушки Пречистенского Тихвинского погоста), Сидор Иванов, Тит Белозер, Томил Шевелев, Тренка (Трешка) Рещетник, Трофим Андреев и Филипп Иванов. Из пришлых можно назвать глав артелей, которые срубили башни укреплений и поставили острог: Семен Кирилов и Афанасий Андреев, Матфей и Третьяк (3 башни), Иван Иванов, Василий Бурков, Иван (крестьянин Федора Лодыгина), Вятка, Девятка (100 сажений острога), Афанасий Ряба (84 сажени острога).

Подводя итоги ранее сказанному, можно сделать следующие выводы. Анализ данных расходных книг позволяет установить основные траты на строительные работы и приобретение материалов, но не фиксирует объем работ, выполненных старцами и слугами, получавшими регулярные выплаты — служеное, и посадских людей, исполнявших натуральную повинность. В записях зафиксированы число и хронология восстановления и строительства объектов. Итоги восстановительных работ за 1623–1633 гг. были следующие. Из церквей не была восстановлена только надвратная церковь Вознесения с приделом Федора Стратилата, но появилась деревянная Покровская церковь. Были вновь возведены оборонительные сооружения и крупные хозяйственные постройки — мельница, конюшенный и коровий дворы. Из жилых и небольших хозяйственных сооружений было куплено и достроено — 9, построено вновь местными плотниками — 21, «прихожими» — 17, в том числе: кельи священников, слуг, больничная, казенная, просфорня, хлебная, 13 братских и 4 игуменских кельи; 2 амбара, важня, 9 житниц, 3 поварни, 2 ледника, погреб, сушило, 3 риги, кузница, овин. Учитывая ранее сказанное об участии в строительных работах

старцев, слуг и посадских людей, можно утверждать, что вклад местных жителей в восстановление монастыря был более весомым, чем работников артелей, прибывших в монастырь из других мест. Проводя сравнение с ранее названными данными за 1612 и 1619/20 гг., можно сказать, что к 1633 г. было построено меньше келий, чем их было в 1619/20 г., когда зафиксировано 9 жилых и 26 обвалившихся. Всё же в целом условия жизни братии улучшились, так как, согласно нашим подсчетам, к 1633 г. число проживающих в кельях старцев, священно- и церковнослужителей не увеличилось, а число келий выросло с 9 до 15 (с учетом больничной и кельи священников). В 1619/20 в монастыре проживало 7 священников, 2 дьякона и 53 старца (всего 62 чел.), а в 1633 г. — 4 священника, 1 дьякон, 2 пономаря, 3 крылошанина, 37 старцев (из них 5 в больничной келье) и 7 старцев, которым было выплачено служеное за 2–5 месяцев, т. е. они пребывали в монастыре временно, исполняя необходимые послушания, например, два из них были дьяконами и 7 — псаломщиками мирянами, которые, вероятно, жили на посаде (всего 61 чел.).

За 1623–1633 гг. самые большие затраты пришлось на наем плотников — 553 р. 80,5 к. (40,67%) (см. табл.), второе место занимают покупки и изготовление столярных изделий — 234 р. 67,5 к. (17,24%), третье — покупки изделий из железа — 159 р. 16 к. (11,69%). Также на основании данных расходных книг можно подсчитать долю строительных затрат в денежном расходе монастыря. Для примера возьмем годы, когда зафиксированы наибольшие траты на восстановительные работы (см. табл.). В 1624 г. денежный приход монастыря составил 1583 р. 92 к., общий расход 876 р. 65 к., на строительство пошло — 245 р. 64 к. (28%). В 1629 г. — приход 1133 р. 90 к., расход — 716 р. 29 к., расход на строительство — 220 р. 48,5 к. (30,78%). Эти цифры показывают, что, несмотря на наличие средств, монастырские старцы не стремились возвести как можно больше деревянных сооружений, а создавали накопления, вероятно, с целью возобновить каменное строительство в монастыре, чтобы сделать его более защищенным от таких бедствий, как пожар.

¹ Романов К. К. 1) Остатки каменных стен XVII столетия в Тихвинском Богородице-Успенском монастыре Новгородской губернии // Известия Императорской Археологической комиссии. 1909. Вып. 32. С. 141–162; 2) Звонница Тихвинского Богородице-Успенского монастыря Новгородской губернии // Известия Императорской Археологической комиссии. 1910. Вып. 36. С. 94–122.

² Варакин Е. П., Пятницкая Т. Н. Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб., 2017.

³ Абеленцева О. А. О гибели архива Тихвинского Успенского монастыря в 1612 г. // На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 10–18.

- ⁴ Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской / Предисл., пер., коммент. Е. В. Крушельницкой. СПб., 2004. С. 62–63; Повесть пространнейша о поставлении и устройении монастыря Пречистыя Богородицы, иже на Тихвине в лето 7068 [1560] // Мильчик М. И. Тихвин: город позднего русского Средневековья. СПб., 2017. С. 185–191.
- ⁵ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб., 2015. С. 14. (Сер. Тихвинский архив).
- ⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 2.
- ⁷ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 130–134.
- ⁸ Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. С. 97.
- ⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 21. Л. 59 об.
- ¹⁰ Там же. № 9. Л. 20.
- ¹¹ Там же. № 10. Л. 6.
- ¹² Там же. № 15. Л. 27.
- ¹³ Там же. № 9. Л. 5 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 20 об.
- ¹⁵ Там же. № 10. Л. 51 об.
- ¹⁶ Там же. № 13. Л. 23.
- ¹⁷ Там же. № 7. Л. 16 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. № 9. Л. 14 об.
- ²⁰ Там же. № 21. Л. 159.
- ²¹ Там же. № 7. Л. 16 об.; № 14. Л. 42; № 21. Л. 159 об.
- ²² Там же. № 7. Л. 19.
- ²³ *Шалина И. А.* Иконостас Успенского собора Большого Тихвинского монастыря // Искусство Древней Руси и его исследователи. Вып. 6. СПб., 2002. С. 177–198.
- ²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 7. Л. 23.
- ²⁵ Там же. № 9. Л. 23.
- ²⁶ Там же. № 10. Л. 6; № 9. Л. 4.
- ²⁷ Там же. № 13. Л. 13 об.
- ²⁸ Там же. № 21. Л. 58.
- ²⁹ Там же. № 13. Л. 12 об.
- ³⁰ Там же. № 6. Л. 172 об.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Карт. 1. № 30. Л. 1.
- ³² Там же. № 9. Л. 20 об.
- ³³ Там же. Л. 17.
- ³⁴ Там же. № 13. Л. 26 об.
- ³⁵ Там же. № 9. Л. 23; № 10. Л. 8; № 21. Л. 5.
- ³⁶ Там же. № 21. Л. 20 об. — 21.
- ³⁷ Там же. № 71. Л. 69.
- ³⁸ Там же. № 13. Л. 23.
- ³⁹ Там же. Л. 29 об.
- ⁴⁰ *Мильчик М. И.* Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков. Статьи 1973–2017. СПб., 2017. С. 129.
- ⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 7. Л. 34.
- ⁴² Об архитектурных особенностях памятника см.: *Варакин Е. П., Пятницкая Т. Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. С. 72–81.
- ⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 7. Л. 15, 18, 19, 30 об.
- ⁴⁴ В мае 1628 г. подноен оплатили 3 дня работы еще одного кирпичника Даныши Нефедова, но объект работы в записи не указан (Там же. № 15. Л. 44 об.).
- ⁴⁵ Там же. № 15. Л. 44 об., 49 об., 52 об. — 53 об.; № 21. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же. № 21. Л. 59 об.
- ⁴⁷ Там же.

- ⁴⁸ Там же. № 29. Л. 21 — 21 об.
⁴⁹ Там же. № 21. Л. 29.
⁵⁰ Там же. № 13. Л. 42; № 14. Л. 18 об.
⁵¹ Там же. № 21. Л. 61, 62.
⁵² Там же. Л. 61.
⁵³ Там же. Л. 61 об.
⁵⁴ Там же. Л. 60 об. — 61 об.
⁵⁵ Там же. № 7. Л. 14, 41; № 10. Л. 5 об. — 6, 29 об.; № 13. Л. 9, 36 об. — 37; № 14. Л. 5 — 5 об., 35 — 35 об.; № 15. Л. 5 об. — 6, 34 об., 36; № 21. Л. 4 — 4 об., 36, 37, 61 об., 95 об. — 96, 122 об. — 123, 150 об. — 151; № 29. Л. 14 — 14 об., 50 об. — 51, 86, 138 — 138 об., 173 об.
⁵⁶ Там же. № 21. Л. 60 об., 61 об. — 62.
⁵⁷ Там же. Л. 103 об. — 104.
⁵⁸ Там же. Л. 114 об.
⁵⁹ Там же. Л. 130.
⁶⁰ Там же. Л. 139.
⁶¹ Там же. Л. 158.
⁶² Там же. № 29. Л. 6.
⁶³ Подробнее о строительстве звонницы и изменениях ее архитектурного облика см.: *Варакин Е. П., Пятницкая Т. Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. С. 72–81.
⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 10. Л. 39, 40, 41 об., 44 об., 45 об., 48 об., 49–50.
⁶⁵ Там же. № 13. Л. 50 об., 52, 55 об. — 56.
⁶⁶ Там же. Л. 56 об.
⁶⁷ Наружные городские укрепления в виде срубов, засыпанных землей, камнями или песком.
⁶⁸ Там же. № 29. Л. 68, 69, 82.
⁶⁹ Там же. № 6. Л. 8, 12, 14 об.
⁷⁰ Там же. № 10. Л. 4.
⁷¹ Там же. № 13. Л. 15.
⁷² Там же. Л. 20 об.
⁷³ Там же. № 13. Л. 31; № 14. Л. 9 об.
⁷⁴ *Заяц И. С.* Водяные и ветряные мельницы Северо-Западного региона России. История и перспективы сохранения. Автореф. дис. ... канд. архитектуры. СПб., 2007. С. 11, 20.
⁷⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 15. Л. 7 об.
⁷⁶ *К-в В.* Бруснинское месторождение точильного камня // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 11. С. 13–15.
⁷⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 21. Л. 50 об., 51 об.
⁷⁸ Там же. № 21. Л. 166 об.; № 29. Л. 4.
⁷⁹ Там же. № 29. Л. 25.
⁸⁰ *Борисов И. В.* Каменоломни острова Тулолансаари // Дорога горных промыслов / Отв. ред. В. А. Шеков. Петрозаводск, 2014. С. 221.
⁸¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 29. Л. 71 об. — 72.
⁸² Там же. № 7. Л. 5, 6 об., 8, 13 — 13 об., 15 об.
⁸³ Там же. Л. 6 об., 14 об., 15 об., 19 об. — 20.
⁸⁴ Там же. Л. 3 об., 8.
⁸⁵ Там же. Л. 29.
⁸⁶ Там же. Л. 19 об.
⁸⁷ Там же. Л. 16, 18, 19 — 19 об., 21, 22 — 23 об.
⁸⁸ Там же. № 7. Л. 33, 34 об.; № 9. Л. 7 об., 8 об., 9 об., 12, 14 — 14 об., 17; № 10. Л. 4, 7, 12 об.
⁸⁹ Там же. № 10. Л. 19 об., 23, 36 об., 44 об., 51 об., 55; № 13. Л. 13, 14, 20 об.
⁹⁰ Там же. № 14. Л. 6 об., 7 об., 11.
⁹¹ Там же. № 14. Л. 45, 51; № 15. Л. 7 об., 10 — 10 об., 16 об. — 17.
⁹² Там же. № 15. Л. 44 об. — 45 об., 49.

- ⁹³ Там же. № 21. Л. 8 об.
⁹⁴ Там же. Л. 50, 55, 72 об.
⁹⁵ Там же. Л. 162 об. — 163, 167 об. — 168.
⁹⁶ Там же. № 21. Л. 159–160, 163–164; № 29. Л. 2 об. — 3, 6–7, 17 — 17 об., 24 — 24 об.
⁹⁷ Там же. № 29. Л. 88, 104 об., 105 об.
⁹⁸ Там же. № 29. Л. 121, 153 об., 161, 174 об., 178–179.
⁹⁹ Там же. № 7. Л. 4 об., 22, 29; № 9. Л. 20 об.; № 10. Л. 23, 39; № 13. Л. 13 об., 23, 26 об., 50 об.; № 14. Л. 7 об., 11, 24; № 15. Л. 10 об., 17; № 21. Л. 50, 52, 58, 72 об., 114 об., 141 об., 158, 159–160, 163 — 163 об.; № 29. Л. 24 об., 68, 72, 178 об.
¹⁰⁰ Там же. № 21. Л. 13 об., 51 об., 104, 116, 130, 158 об. — 160, 163 — 163 об.; № 29. Л. 2 об., 6, 7 об., 8 об., 9 об., 24, 88, 103, 104 об., 109 об., 121, 147, 178 об.
¹⁰¹ Там же. № 7. Л. 4, 23 об., 27, 30 об., 33; № 9. Л. 20 об.; № 10. Л. 23, 36 об., 44 об.; № 13. Л. 14, 56; № 14. Л. 11, 23, 45, 51 об., 59; № 15. Л. 7 об., 17, 45 — 45 об., 49 об.; № 21. Л. 50 — 51 об., 97 об., 114 об., 126, 130, 141 об., 159 — 159 об., 163, 164,
¹⁰² Там же. № 7. Л. 4; № 10. Л. 30; № 13. Л. 9, 37; № 14. Л. 5, 35 об.; № 15. Л. 6 об., 35; № 19. Л. 5 об.; № 21. Л. 36 об., 67, 96, 123, 151; № 29. Л. 15, 51, 86, 138 об., 173 об.
¹⁰³ Там же. № 7. Л. 11 об., 42 об.; № 10. Л. 4, 30 об.; № 13. Л. 8 об.; № 14. Л. 5, 35; № 15. Л. 5 об., 34 об.; № 21. Л. 4, 36, 67, 95 об., 123, 150 об.; № 29. Л. 14 об., 51.
¹⁰⁴ Там же. № 34. Л. 14 об.

References

ABELENТSEVA O. A. (ed.). Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya. Vyp. 1: Akty i materialy pistsovogo dela. Chast' 1. 1560–1644 gg. [The materials on the history of the Assumption Tikhvin Monastery. Vol. 1: The acts and materials on the scribal' work. Part 1. 1560–1644. In Russ.]. Moscow; St Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2015.

ABELENТSEVA O. A. O gibeli arkhiva Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya v 1612 g. [On the Ruination of the Archive of the Tikhvin Assumption Monastery in 1612. In Russ.] // L. A. Kolesnikova (ed.). Na rubezhe kul'tur: Tikhvin v XVII stoletii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. St Petersburg: Kalamos, 2015.

BORISOV I. V. Kamenolomni ostrova Tulolansaari [Stone quarries of Tulolansaari island. In Russ.] // Doroga gornyh promyslov / Otv. red. V. A. Shekov. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2014. P. 216–235.

Kniga ob ikone Bogomateri Odigitrii Tihvinskoj [The Book about the Hodegetria Icon of the Theotokos of Tikhvin. In Russ.] / Predisl., per., komment. E. V. Krushel'nitskoj. St Petersburg: Russkaya simfoniya, 2004.

K-V V. Brusninskoe mestorozhdenie tochil'nogo kamnya [Brusninskoe Grindstone Quarry. In Russ.] // Vestnik Karelo-Murmanskogo kraja. 1925. N 11. P. 13–15.

MIL'CHIK M. I. Drevnerusskaya ikonografiya monastyrej, hramov i gorodov XVI–XVIII vekov [Old Russian Iconography of Monasteries, Churches and Towns of the 16th–18th Centuries. In Russ.]. St Petersburg: Kolo, 2017.

MIL'CHIK M. I. Tihvin: gorod pozdnego russkogo Srednevekov'ya [Tikhvin: A Town of the Late Russian Middle Ages]. St Petersburg: Liki Rossii, 2017.

ROMANOV K. K. Ostatki kamennyh sten XVII stoletiya v Tihvinskom Bogoroditse-Uspenskom monastyre Novgorodskoj gubernii [Remains of the Seventeenth-Century Stone Walls in the Dormition of the Mother of God Tikhvin Monastery of the Novgorod Province. In Russ.] // Izvestiya imperatorskoj arheologicheskoi komissii. Vyp. 32. St Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1909. P. 141–162.

ROMANOV K. K. Zvonitsa Tihvinskogo Bogoroditse-Uspenskogo monastyrya Novgorodskoj gubernii [Belfry of the Dormition of the Mother of God Tikhvin Monastery of the Novgorod Province. In Russ.] // Izvestiya imperatorskoj arheologicheskoy komissii. Vyp. 36. St Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1910. P. 94–122.

SHALINA I. A. Ikonostas Uspenskogo sobora Bol'shogo Tihvinskogo monastyrya [Iconostasis of the Assumption Cathedral of the Big Tikhvin Monastery] // Iskusstvo Drevnej Rusi i ego issledovateli. Vyp. 6. St Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo Universiteta, 2002. P. 177–198.

VARAKIN E. P., PYATNITSKAYA T. N. Arhitekturnyj ansambl' Uspenskogo monastyrya v Tihvine [Architectural Complex of the Tikhvin Assumption Monastery. In Russ.]. St Petersburg: Liki Rossii, 2017.

ZAYATS I. S. Vodyanye i vetryanye mel'nitsy Severo-Zapadnogo regiona Rossii. Istoriya i perspektivy sohraneniya [Water and Wind Mills of the North-West of Russia. History and Perspectives on Preservation. In Russ.]. Avtoref. dis. ... kand. arhitektury. St Petersburg, 2007.

Список литературы

Абеленцева О. А. О гибели архива Тихвинского Успенского монастыря в 1612 г. // На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 10–18.

Борисов И. В. Каменоломни острова Тулолансаари // Дорога горных промыслов / Отв. ред. В. А. Шеков. Петрозаводск, 2014. С. 216–235.

Варакин Е. П., Пятиницкая Т. Н. Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб., 2017.

Заяц И. С. Водяные и ветряные мельницы Северо-Западного региона России. История и перспективы сохранения. Автореф. дис. ... канд. архитектуры. СПб., 2007.

К-в В. Бруснинское месторождение точильного камня // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 11. С. 13–15.

Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской / Предисл., пер., коммент. Е. В. Крушельницкой. СПб., 2004.

Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.: СПб., 2015. (Сер. Тихвинский архив).

Мильчик М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков. Статьи 1973–2017. СПб., 2017.

Мильчик М. И. Тихвин: город позднего русского Средневековья. СПб., 2017.

Романов К. К. Звонница Тихвинского Богородице-Успенского монастыря Новгородской губернии // Известия Императорской Археологической комиссии. 1910. Вып. 36. С. 94–122.

Романов К. К. Остатки каменных стен XVII столетия в Тихвинском Богородице-Успенском монастыре Новгородской губернии // Известия Императорской Археологической комиссии. 1909. Вып. 32. С. 141–162.

Шалина И. А. Иконостас Успенского собора Большого Тихвинского монастыря // Искусство Древней Руси и его исследователи. Вып. 6. СПб., 2002. С. 177–198.

О. А. Абеленцева. Восстановительные строительные работы в Успенском Тихвинском монастыре в 1623–1633 гг. (по данным монастырских расходных книг)

В 1623–1633 гг. в Успенском Тихвинском монастыре велись восстановительные работы после пожара 1623 г., полностью уничтожившего деревянные постройки и повредившего каменные. В статье на основании комплекса расходных книг монастыря выявлены особенности фиксации в них выплат за строительные работы, приобретение и изготовление материалов, установлено число отремонтированных и вновь возведенных сооружений, последовательность ведения работ, суммы, потраченные на строительные материалы и оплату труда. Определены, насколько это позволяют источники, роль в восстановительных работах членов монастырского локального сообщества — посадских людей и слуг, персональный состав и численность мастеров, трудовой вклад отдельных лиц, местных и приезжих артелей.

Ключевые слова: Россия, XVII в., Успенский Тихвинский монастырь, монастырские архивы, монастырские расходные книги, монастырский архитектурный ансамбль.

O. A. Abelentseva. Recovery construction works at the Tikhvin Assumption Monastery in 1623–1633 (according to the monastic expenditure books)

In 1623–1633, after the fire of 1623 that had totally destroyed all wooden structures and damaged stone buildings of the Tikhvin Assumption Monastery, the monastic authorities conducted recovery construction works. On the basis of the monastery's Books for Recording of Expenses (*Rashhodnaya kniga*), the article reveals peculiarities of recording of payments for construction works, expenditures on construction materials and labor. It also detects the role in the recovery construction works of members of the local community associated with the monastery — people from the trading quarters and servants, personal names and numbers of masters, the amount of labor contributed by individuals, local and out-of-town artels.

Key words: the history of Russia in the 17th century, the Tikhvin Assumption (of the Dormition of the Mother of God) Monastery, monastic archives, monastic Books for Recording of Expenses, monastic architectural complex.

Абеленцева, Ольга Алексеевна, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Abelentseva, Olga Alekseevna, Ph. D. (History), Senior Researcher, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: oaabelen@mail.ru

А. Г. Гуменюк

«Воспоминания крепостного» и их герой крестьянин Савва Пурлевский

В 1877 г. на страницах «Русского вестника» Николай Васильевич Щербань опубликовал яркое произведение, обличающее крепостной строй. Статья называлась «Воспоминания крепостного»¹, повествование в ней велось от лица ярославского крестьянина Саввы Пурлевского. Статья сразу привлекла внимание современников и еще более была востребована исследователями в следующем столетии. Историки предпочитали не замечать, что в их руках находится литературное произведение, подписанное журналистом Н. В. Щербанем, и полагали, что текст полностью написан «мыкавшим горе бедным» крепостным парнем.

Автор публикации Николай Васильевич Щербань долго жил в Европе, преимущественно во Франции. Напечатал в газете «Голос» серию заметок «Письма из Парижа», объемные статьи в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях». Некоторое время редактировал газету *Le Nord*², выходившую в Брюсселе. Н. В. Щербань обладал обширными знакомствами в среде русской эмиграции, по просьбе Тургенева делал корректуру романа «Отцы и дети» для публикации в «Русском вестнике».

В предисловии к первому изданию «Воспоминаний крепостного» Н. В. Щербань назвал свое произведение статьей. Возникло противоречие — в тексте о своей жизни рассказывает крепостной крестьянин Савва Дмитриевич Пурлевский, могут ли воспоминания называться статьей? Почему Щербань называет себя автором этого произведения? На эти вопросы Щербань дал следующее объяснение: «Предлагаемая статья не есть литературное произведение

в собственном смысле этого слова, то есть это не вымысел и не записанный рассказ. Это — подлинная автобиография крепостного из зажиточной, потом обедневшей семьи, автобиография крестьянина, мыкавшего горе бедным парнем <...> К сожалению, рукопись не могла быть напечатана в своем сыром виде. Во-первых, она состоит из очевидно необработанных черновых набросков, во-вторых, она изобилует повторениями и, подчас, вдается в не оправданное потребностями изложения многословие, естественное со стороны человека умного, бывалого, читавшего на своем веку, но едва грамотного. Нужно было очистить эту кору, чтобы получить простой и складный рассказ, какой, вероятно, сам автор нанес бы на бумагу, если бы имел большую привычку к письменности. Но, сокращая и устраняя лишнее, я ни одного почти слова не прибавил от себя и старался сохранить своеобразность речи везде, где она проявлялась»³.

Можно заключить, что первоначальный текст «Воспоминаний» был существенно переработан Н. В. Щербанем. До начала XX в. его авторство не ставилось под сомнение. В Русском биографическом словаре А. А. Половцова «Воспоминания крепостного» приведены в списке статей Н. В. Щербаня⁴. Однако в XX в. исследователи называли автором текста Савву Пурлевского, а Щербань стал упоминаться только как издатель. С. Д. Пурлевский занял почетное место в списке ярославских писателей как «крепостной писатель, современник Пушкина»⁵.

Второй раз «Воспоминания крепостного» были опубликованы в 2006 г. в сборнике «Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в.» под ред. В. А. Кошелева. В этом издании автором текста был указан С. Д. Пурлевский⁶.

В «Воспоминаниях крепостного» изложена история жизни ярославского крестьянина Саввы Пурлевского в первой половине XIX в. Автор описывает жизнь села Великого, историю смены его владельцев и их взаимоотношения с крестьянами, тепло вспоминает о своем детстве в родительском доме. Читатели могут познакомиться с подробностями быта состоятельной крестьянской семьи. Главы IV и V посвящены детским играм и обучению грамоте у местного дьячка. Родители героя, несмотря на свое крепостное положение, пользовались расположением окрестных помещиков. Владельцы имения привлекали крестьян к управлению вотчиной, в разные годы дед и отец Саввы Дмитриевича исполняли обязанности бурмистра села Великого. Семейная торговля шла успешно, в доме постоянно держали прислугу. Жизнь героя резко изменилась, когда преждевременно умер его отец. Торговля пришла в упадок, Савва был еще слишком мал, чтобы ее возглавить. Несколько лет он ходил пешком по окрестным деревням и торговал с лотка. Свадьба с дочерью богатого крестьянина, служившего приказчиком у владельца села, помощь тестя вернули героя в круг богатых торговцев.

Савва Пурлевский успешно выполнял поручения владельцев по продаже на Нижегородской ярмарке железа, произведенного на уральских заводах. По-

сле этого он был назначен бурмистром села. На этой должности он старался понять общественные нужды и исправить недостатки. Подробно рассказывается о его работе по созданию в селе училища для крестьянских детей и приглашению вольнопрактикующего врача для помощи заболевшим крестьянам. В 1830 г. торговля на Нижегородской ярмарке закончилась неудачно, С. Д. Пурлевский был несправедливо обвинен в недостаче. Текст «Воспоминаний крепостного» обрывается в тот момент, когда герой отправляется «к самому барину, генералу А.», для личных объяснений.

В главах XI, XIII, XIV, XVI «Воспоминаний крепостного» герой, жизнь которого складывалась успешно, неоднократно возвращается к размышлениям о тяжелой крестьянской доле и «горькой» крепостной зависимости. Такие «социально-психологические» отступления резко выделяют «Воспоминания крепостного» из общей массы отечественной мемуарной литературы XIX в. В послесловии Н. В. Щербань описал дальнейшую судьбу С. Д. Пурлевского: опасаясь жестокой расправы, герой теряет голову и решается бежать, имея с собой незначительную сумму денег. Он некоторое время скрывается у раскольников, живущих в Молдавии, в Яссах, потом перебирается в Одессу. В 1847 г. Пурлевский начинает работать комиссионером сахарных заводов Яхненко и Симиренко, а с 1852 г. живет в Москве и записывается в купечество.

Статья Н. В. Щербаня «Воспоминания крепостного» имела широкий резонанс, через два года после публикации текст цитирует Ф. М. Достоевский. В 1879 г., в том же «Русском вестнике», начинается печататься роман «Братья Карамазовы», в V главе Иван Карамазов пересказывает Алеше «картинку», которую он «только что прочел в одном из сборников наших древностей». Далее Достоевский воспроизводит фрагмент XII главы «Воспоминаний крепостного», о том, как помещик затравил собаками крепостного мальчика⁷.

В 1940 г. авторы «Курса источниковедения истории СССР» в разделе о крестьянских мемуарах, подробно описывая «Записки Пурлевского», отмечали, что «автор не ограничивается сообщениями о своей коммерческой деятельности, а изображает отношение своего и соседних помещиков к крестьянам»⁸. В 1947 г. Л. Б. Генкин называет текст «Воспоминаний крепостного» ценным историческим источником и активно использует его в своей монографии «Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года»⁹. В 1967 г. в «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» под редакцией Б. Н. Пономарева приводятся цитаты из текста «Воспоминаний крепостного». Процесс формирования разночинской интеллигенции перед реформой 1861 г. иллюстрируется «воспоминаниями» Саввы Пурлевского, как он «целые ночи, бывало, просиживал за книгами», читая «не только повести Карамзина и пьесы Фонвизина, но и “настоящую литературу”, т.е. сочинения современных ему писателей»¹⁰. Эта же цитата приводится в «Истории СССР с древнейших времен до 1861 года» под редакцией Н. И. Павленко¹¹.

Текст «Воспоминаний крепостного» часто используется при изучении русского крестьянства в дореформенный период. Так, Е. Л. Сараева отмечает: «Воспоминания С. Д. Пурлевского интересны как источник по социальной психологии крепостных крестьян <...> Описание психологического состояния крепостного человека ставит мемуары в ряд редких источников, отразивших классовые представления крестьян»¹². Д. В. Тимофеев ставит «воспоминания Пурлевского» в один ряд с воспоминаниями ведущих литераторов середины XIX в.: «Еще одна разновидность источников личного происхождения, авторы которых предполагали возможность последующей публикации своих записей, представлена воспоминаниями Г. Р. Державина, С. П. Жихарева, Ф. П. Лубяновского, С. Д. Пурлевского, Н. И. Тургенева, И. Д. Якушкина»¹³. Ссылки на «воспоминания С. Д. Пурлевского» используются в диссертациях С. А. Козлова, О. В. Смуровой, Е. В. Беляева, Н. И. Кобзаревой, М. В. Смахтиной, А. А. Платоновой, Т. В. Петровой¹⁴, а также в монографиях Б. Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в.», Б. Ю. Тарасова «Россия крепостная. История народного рабства», Л. В. Беловинского «Жизнь русского обывателя. Изба и хоромы», Ф. Т. Селюкова «Происхождение действующего права» и др.¹⁵

В. А. Кошелев в предисловии ко второму изданию «Воспоминаний крепостного» пишет: «Никаких иных документальных данных о жизни и личности С. Д. Пурлевского не обнаружено»¹⁶. Это утверждение не соответствует действительности. Большой объем документов о жизни Великосельской вотчины наследников Сергея Саввовича Яковлева хранится в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА; ф. 51 «Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева») и в Государственном архиве Ярославской области (далее — ГАЯО; ф. 230 «Ярославская духовная консистория», ф. 549 «Дирекция народных училищ Ярославской губернии», ф. 73 «Канцелярия Ярославского губернатора» и др.). Документы дают возможность сравнить текст «Воспоминаний крепостного» с биографией великосельского крестьянина Саввы Пурлевского и оценить степень достоверности приведенных там фактов.

В «Воспоминаниях крепостного» указаны даты многих событий в жизни Саввы Пурлевского — днем рождения названо 5 января 1800 г., приведены даты смерти отца и бабушки и день свадьбы Саввы. Попытка подтвердить эти даты выписками из метрических книг церкви Рождества Богородицы села Великого обречена на неудачу: в записях о родившихся за 1800 г. Савва Пурлевский не упоминается. Мальчик Савва четырех лет появляется в семье крестьянина Дмитрия Петрова в исповедных росписях за 1803 г.¹⁷ Возраст указан на момент составления документа (на Пасху). Вероятные года рождения Саввы: 1798–1799. К сожалению, метрические книги за этот период не сохранились. 6 сентября 1810 г. в метрической книге зафиксирована смерть Дмитрия Петрова Пурлевского от горячки¹⁸. Если сравнить даты с текстом «Воспоминаний крепостного», события в жизни происходили на 1–2 года раньше.

В «Воспоминаниях крепостного» описана история помолвки и свадьбы Саввы Пурлевского в 1818 г. В метрических книгах запись о венчании «крестьянского Дмитрия Петрова Пурлевского сына отрока Саввы» «с крестьянской Петра Иванова Архиповского дочерью девкой Александрой» сделана 9 января 1816 г.¹⁹ Исповедные росписи за 1816 г. указывают возраст Саввы Дмитриева — 18 лет, его жены Александры Петровой — 17 лет²⁰. Эти записи позволяют считать 1798 г. — наиболее вероятным годом рождения Саввы Пурлевского.

Глава II «Воспоминаний крепостного» посвящена барину Сергею Саввовичу Яковлеву, который вступил во владение селом Великим и четырьмя уральскими железными заводами в 1787 г. По версии автора, Яковлев проводит жизнь в пирах и забавах, непрерывно проигрывая в карты огромные деньги. А количество дворовых превышает все разумные пределы: «В один год сорок человек взято было в музыканты, в лакеи, в гайдуки за каретой стоять, да после потребовалось двадцать девушек»²¹.

В сохранившихся «книгах прихода и расхода денежных сумм» записаны все расходы Сергея Яковлева, и он выглядит совершенно другим человеком: «Поехал на бега, взял 15 копеек», «дочери Софии Сергеевне на конфеты 5 копеек»²². Следует понимать, что холостые пирушки Яковлева, даже если они имели место, закончились до рождения Саввы Пурлевского и текст мог быть основан только на сплетнях дворовых людей, среди которых действительно было много великосельских крестьян. Главы XII и XIII «Воспоминаний крепостного» посвящены описанию нравов помещиков-крепостников. Рассказы про бесчинства «соседнего барина Иван Иваныча» или «Льва Петровича» по содержанию больше напоминают публикации «Колокола» Герцена, а по стилю — брюссельский *Le Nord*, в котором вместо фамилий обычно стояли звездочки или криптонимы. Мы полагаем, что Н. В. Щербань от лица С. Д. Пурлевского публикует тексты, которые до этого в русских изданиях опубликовать было нельзя.

Изученные документы показывают, что С. Д. Пурлевский не мог быть свидетелем таких историй. В начале XIX в. село Великое принадлежит наследникам Сергея Саввовича Яковлева. Переписка Главного правления имением в Петербурге и Вотчинного правления в селе Великом носит деловой характер, в документах отсутствуют упоминания о телесных наказаниях. В Великосельском вотчинном правлении все должности занимают крепостные крестьяне, выбранные своими односельчанами. В 1829–1831 гг. исполнительную власть в селе возглавлял бурмистр — Савва Пурлевский. Аналогичная практика применялась в имениях Паниных в Нижегородской и Ярославской губерниях, у Шереметьевых во Владимирской губернии и, вероятно, во многих других крупных вотчинах первой половины XIX в.

Глава VI повествует о детстве Саввы Пурлевского в родительском доме, где работница готовит: «...в скоромный день холодное заливное (студень), вареный окорок, потом русские щи или лапша, жаркое баранина или курица, часто готовился гусь» и куда считают не зазорным заходить в гости окрестные помещики,

«и сам старик Степан Степанович (Карнович) часто посещали наш дом, угощаясь чаем и мягкими пирогами, которые матушка мастерица была печь». Стройный текст заканчивается неожиданным выводом: «...нет. В народе было тогда больше нужды. Простонародье северных губерний кормилось почти одним черным ржаным хлебом и серыми щами, калач почитался редким лакомством, пряник — богатым подарком...» Это явная редакторская вставка, Н. В. Щербань хочет повернуть сюжет в другом направлении.

После яркого описания С. Д. Пурлевским своего обучения грамоте у сельского дьячка (гл. V), Н. В. Щербаню приходится объяснять читателю, как человек, с трудом выучившийся чтению по Часослову, смог написать вполне законченное литературное произведение. И в гл. XIV появляется версия о любви героя к чтению: «После свадьбы я начал знакомиться с настоящей литературой <...> целые ночи, бывало, просиживал за книгами. <...> Разумные выводы талантливых писателей всегда побеждали односторонний мой крестьянский взгляд». Далее следует подробное описание влияния «настоящей литературы» на мировоззрение мемуариста. Н. В. Щербань не приводит имен авторов и названий книг. Свадьба Пурлевского состоялась в начале января 1816 г., для нас остается неясным, с какой «серьезной литературой» мог познакомиться ярославский крестьянин в это время? Чернышевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин еще не родились, Грибоедов и Пушкин делали первые пробы пера. Текст в большей степени отвечает взглядам редактора, относящимся к концу XIX в.

В главе XV «Воспоминаний крепостного» описан конфликт, свидетелем которого мог быть Савва Пурлевский — это крестьянский бунт, возникший в соседней вотчине, где «по указанию немца-управляющего составлялись пары и под надзором конторских служителей прямо отправлялись в церковь, где и венчались по нескольку вдруг». Речь идет о Плезцевском бунте. События происходили в селе Плезцево, которое находилось в двух верстах от Великого. Причиной конфликта был непосильный оброк и тяжелые условия работы на бумажной фабрике князя Николая Сергеевича Гагарина. В 1826 г. крестьяне отказались выходить на работу и отправили в Петербург ходяков с жалобой на управляющего Ивана Каппеля²³. С. Д. Пурлевский, несомненно, знал все подробности и не имел причин скрывать место событий и имя владельца фабрики.

В главе XV можно проследить работу двух авторов над текстом: С. Д. Пурлевский описывает события, которые ему хорошо известны, дату ставит по памяти — 1828 г. (в другом месте — 1826 г.), а Н. В. Щербань, редактируя, удаляет из текста названия и имена. С. Д. Пурлевский беспристрастен: отказ крестьян от работы по меркам 1826 г. является бунтом, действия губернатора по наведению порядка вполне ожидаемы. Вот как описал эти события односельчанин Пурлевского: «1826 году усмирен бунт Гагаринских крестьян, старанием Ярославского гражданского губернатора Александра Михайловича Безобразова.

К усмирению которого нарочно прибыл в вотчину князей Гагариных в деревню Плотину и там открывал полное следствие»²⁴. Такая редакция не устраивает Н. В. Щербаня, в тексте появляется история про «насильственные бракосочетания», которая совершенно не укладывается в дальнейшее повествование.

До середины 1820-х гг. крепостной крестьянин Савва Пурлевский только один раз упоминается в Протоколах Главного правления именем, когда в 1824 г. обращается с прошением в связи с покупкой им дворовых людей²⁵.

В главе XVII «Воспоминаний крепостного» описан конфликт Саввы Пурлевского со своим предшественником на должности бурмистра: «Жалобы односельцев на злоупотребления бурмистра частенько до меня доходили. Как я был ему сродни и жил с ним в ладу, то приятельски много раз говаривал ему, исправился бы он в своих обязанностях. Читал я мораль эту так, по дружбе; а он на дыбы, обиделся и давай придирается...»²⁶ В сохранившихся документах представленные события выглядят иначе: бурмистр Гаврила Моругин, отработав шесть лет, потерял интерес к своей службе. В Великосельском вотчинном правлении участились конфликты, взаимные жалобы стали доходить до владельцев. Весной 1828 г. конфликт выплеснулся наружу, четверо старшин бойкотировали свои обязанности и отправили жалобу на бурмистра в Петербург. Организатором этой «оппозиционной партии» оказался Савва Пурлевский. Попытки владельцев утихомирить спорщиков и вернуть их к выполнению своих обязанностей не имели успеха²⁷. К концу 1828 г. Гаврила Николаевич Моругин уходит с должности бурмистра под предлогом болезни, общество крестьян избирает на эту должность Савву Пурлевского²⁸. Владельцы выплачивали бурмистру жалование — 500 р. в год.

Глава XVIII полностью посвящена «затеям по бурмистерству» Саввы Дмитриевича. Он с энтузиазмом взялся за эту работу в 1829 г., и с еще большим энтузиазмом вспоминал ее спустя тридцать лет. В «Воспоминаниях крепостного» рассказывается, как он предлагает один за другим проекты улучшения жизни и «промышленности» односельчан. С. Д. Пурлевский приписывает себе создание школы и приглашение в село на постоянную работу врача, который позднее «устроил в небольшом виде домашнюю аптеку и выучил нескольких мальчиков фармацевтике и фельдшерскому искусству»²⁹. Однако документы показывают иную версию событий: училище в селе Великом было официально открыто за год до вступления Пурлевского в должность бурмистра — 26 февраля 1828 г., при его предшественнике, бурмистре Гавриле Моругине³⁰. Существуют указания на то, что школа перед этим долгое время работала, не имея официального статуса как «домашнее училище»³¹. В вопросах здравоохранения инициатива полностью принадлежала владельцам села, они незадолго до этого открыли больницу для рабочих своего завода в Алапаевске. До появления врача Иванова в село Великое часто приезжает уездный лекарь Дибик. А в училище специально обучают латыни двух мальчиков для дальнейшего обучения аптекарскому искусству в одной из ярославских аптек³².

Савва Дмитриевич совмещал обязанности бурмистра с собственными торговыми делами. В 1830 г. он выиграл торги по подряду на поставку кирпича для строительства Мытного двора в Ростове. Подряд предусматривал производство в селе Великом и поставку в Ростов 1 500 000 шт. кирпича в течение двух лет. Главное правление дает ему доверенность «производить этот подряд своим лицом с нашим ручательством» при условии, что к работе на вновь построенном кирпичном заводе будут привлечены великосельские крестьяне³³.

Кульминацией «Воспоминаний крепостного» является рассказ о том, как крепостной крестьянин Савва Пурлевский начиная с 1828 г. три года подряд занимался «продажей господских заводов железа на Нижегородской ярмарке». Сохранившиеся инструкции и доверенности, выданные комиссионеру Савве Пурлевскому, в основном подтверждают картину, описанную в «Воспоминаниях крепостного», за исключением одной детали: в 1827–1829 гг. владельцы не продавали продукцию своих уральских заводов на Нижегородской ярмарке, а доставляли железо в Петербург для отгрузки за границу. Нижегородская ярмарка 1830 г. была для комиссионера С. Д. Пурлевского первой и последней. Сами владельцы на ярмарку не ездили, успех торговли полностью зависел от деловых качеств представителя. В общей сложности на ярмарке планировалось продать железа на 619 тыс. р. В Нижний Новгород с уральских заводов было заранее привезено более 169 тыс. пудов железа³⁴.

Нижегородская ярмарка 1830 г. подробно описана в документах. Во время ее работы С. Д. Пурлевский дважды отправляет в Петербург рапорты о ходе торговли и ценах³⁵. В ответном письме владельцы замечают, что, по их сведениям, представители других заводов продают продукцию несколько дороже. Но в целом торговля шла успешно. В августе, по окончании ярмарки, Пурлевский отправил большую часть вырученных денег на уральские заводы. После этого он просит у владельцев распоряжений по поводу остатков непроданного железа, и планирует с отчетом и оставшимися деньгами приехать в Петербург лично³⁶. 15 октября Главное правление в своем письме выражает недовольство тем, что отчет о торговле на ярмарке не предоставлен в течение двух месяцев, и бурмистр Пурлевский не сообщил о судьбе оставшегося железа³⁷. В конце октября и в ноябре Пурлевский дважды посылает в Петербург рапорты с объяснением причин, мешающих его приезду.

В декабре 1830 г. Главное правление получило два документа. Первый — просьба директора Департамента горных и соляных дел о поощрении крестьянина Саввы Пурлевского за подготовку для департамента отчета по ценам на Нижегородской ярмарке, и второй — отчеты о якобы недостатке железа по итогам торговли на ярмарке³⁸. Становится очевидным, что Савва Дмитриевич потратил время на посторонние дела и невнимательно отнесся к выполнению своего основного задания. Для разбирательства по делу о недостатке железа в село Великое был отправлен караванный служитель Алексей Лебедев.

Итоги разбирательства о недостатке железа остаются неясны, рапорта Лебедева по этому вопросу в документах нет. В конце января 1831 г. выясняется, что часть железа, оставшегося от торговли на Нижегородской ярмарке, Савва Пурлевский уже продал в Ярославле по заниженным ценам, и не сообщил об этом Главному правлению.

В «Воспоминаниях крепостного» С. Д. Пурлевский так описывает события: «К несчастью моему, открывшаяся в это время эпидемия холеры погубила дорогой двух караванных приказчиков, которые, приняв товар на сибирских заводах, были обязаны сдать его по моим продажным запискам покупателям, как то всегда водилось. При сдаче и оказался недочет в тысячу двести пудов, стоивших по тогдашней цене четыре тысячи пятьсот шестьдесят рублей ассигнациями. Дело приемки на заводах и сдачи покупателям нисколько меня не касалось. Однако правление общей конторы от меня потребовало объяснения»³⁹. Как мы могли заметить, эта версия не находит подтверждения в документах. На Нижегородской ярмарке продавался наличный товар за наличные деньги и никаких упоминаний о гибели караванных приказчиков в этот период не отмечается. Скорее, Пурлевский стал жертвой собственной самоуверенности, в главе XVII он замечал: «Не стеснясь мелочными ограничениями владельцев, я действовал свободно, сообразуясь с общим ходом дела на ярмарке»⁴⁰. Сумма недостачи в 4560 р. была большой, но не катастрофической для Пурлевского, в 1831 г., кроме большого дома в селе Великом, ему принадлежали свечной и кирпичный заводы. Оценка имущества крепостного крестьянина Саввы Пурлевского составляла 7094 р. 68 к., оборотный капитал исчислялся десятками тысяч рублей⁴¹.

До конца 1831 г. Савва Дмитриевич оставался бурмистром в селе и регулярно получал жалование, но работа шла плохо, оброк собирался несвоевременно, рапорты в Петербург отправлялись с большими задержками. На Нижегородскую ярмарку 1831 г. комиссионером был назначен Иван Лоханин.

Воспоминания прерываются на XIX главе, Н. В. Щербань в послесловии пишет: «К сожалению, именно на этих строках подлинная рукопись обрывается: смерть, постигшая автобиографа в 1868 году, не позволила ему дописать повесть о своей жизни. Дальнейшая судьба нашего героя известна по устным рассказам его, переданным мне близко знавшими его людьми: излагаю ее вкратце, сожалея об отсутствии подробностей, которые, вероятно, были бы в высшей степени интересны. Попавший по чужой вине и по вражьи проискам в немилость крепостной бурмистр Савва Дмитриевич Пурлевский, вошел в кабинет своего барина ни жив ни мертв. Сцена произошла грозная, заключилась строгим приказом: “Сейчас отправляться назад в деревню, там ждать распоряжения”. Страшное слово “ждать распоряжения” ошеломило Пурлевского. Ему почудилась та расправа, которой он не раз был свидетелем, телесное наказание, может быть красная шапка, может быть Сибирь. Он, обыкновенно рассудительный, на этот раз потерял голову и тут же решился

бежать»⁴². Далее Н. В. Щербань описывает путешествие беглеца на юг с тридцатью рублями в кармане.

Документы не позволяют нам точно описать события, которые происходили непосредственно перед побегом Саввы Пурлевского и в самый его день. Протоколы Главного правления за последние 4 месяца 1831 г. не сохранились в архивном фонде. Поэтому интрига в биографии Саввы Дмитриевича остается. Из документов за январь 1832 г. можно сделать вывод, что отчет о торговле на Нижегородской ярмарке был представлен с большим опозданием, при проверке в конторских книгах были обнаружены подчистки и исправления. Главное правление решило, что «крестьянин Савва Пурлевский за употребление во зло нашей доверенности по продаже в 1830 г. заводских изделий, допущение при отпуске железа безпорядка и испорчение умышленно служительских отвесных тетрадей к сокрытию отпуска безденежно или тайной продажи железа, за разныя по должности бурмистра упущения, и за употребление принадлежащих наследницам и вотчине сумм на собственные обороты» должен быть назначен к отдаче в рекруты. Главное правление планировало объявить это решение при приезде С. Д. Пурлевского в Петербург. Савва Дмитриевич приехал в Петербург, но о решении Главного правления ему стало известно заранее и 27 декабря 1831 г. он самовольно покинул хозяйский дом⁴³.

В побеге был обвинен помощник бурмистра — Сергей Герасимов, он знал о возможном наказании и, вероятно, сообщил об этом Савве Дмитриевичу. Документы показывают, что побег Саввы Пурлевского был хорошо подготовлен. Накануне к нему в Петербург приезжала теща Матрена Ивановна Архиповская, которой Савва Дмитриевич поручил текущие дела. Поиски беглеца и заявления в полицию не дали результатов. При этом сам беглец чувствовал себя уверенно: он регулярно отправлял письма в Великое, рассказывая о своих перемещениях, но не сообщая о дальнейших планах. В декабре 1831 г. он писал из Боровичей, в марте 1832 г. — из Москвы. Перед побегом Савва Дмитриевич составил подробный отчет о текущих делах по должности бурмистра.

В июне 1832 г. в очередном письме Савва Пурлевский сообщил о своем скором отъезде из Киева. К этому времени стало известно, что беглец путешествует с паспортом на имя Александра Дмитриева Курочкина, а накануне побега получил 10 тыс. руб. по контракту от архангельского купца Брандта⁴⁴.

В послесловии к «Воспоминаниям» Н. В. Щербань так описывает дальнейшую судьбу Саввы Дмитриевича: беглец на последние деньги добирается до Киева, а в Кишинев странствует уже пешком. Через Прут «предприимчивый горемыка» переправляется вплавь. Добравшись к раскольникам, живущим в Молдавии, в Яссах, Савва Пурлевский некоторое время скрывается у них, потом перебирается на Дунай к некрасовцам и живет там два года. В 1834 г. он узнаёт, «что по представлению графа Воронцова всемиловейше разрешено беглым, не учинившим уголовных преступлений, свободно явиться и приписаться в Новороссийском краю, где пожелают. Пурлевский, собрав все нако-

пленные гроши, тотчас в Одессу, в мещане. Определился половым в трактир, понравился хозяину и сделался приказчиком. В трактир ходил один магистратский секретарь. Он очень полюбил Савву Дмитриевича, и это знакомство немного спустя очень пригодилось...»

Версия Н. В. Щербаня изобилует нестыковками: как было отмечено выше, Савва Дмитриевич располагал значительным капиталом и документами на чужое имя, пересекать границу вплавь не было необходимости.

Сведения о дальнейшей судьбе Саввы Дмитриевича можно получить из дела «О выдаче зачетной рекрутской квитанции наследникам Яковлева на выходца из-за границы Савву Пурлевского»⁴⁵. Жизнь под чужим именем не могла продолжаться долго, и летом 1835 г. Савва Пурлевский явился в «Измаильский карантин», где назвал себя «выходцем из Турецкого владения» и получил паспорт. Не желая возвращаться в село Великое, С. Д. Пурлевский в начале 1836 г. подал прошение в Одесский городской магистрат о причислении в мещанское сословие. В качестве основания для причисления в мещанство был назван Высочайший манифест, разрешающий беглым, вышедшим из-за границы и не совершившим «законопротивных поступков», избирать род жизни. Херсонское губернское правление обратилось за справкой по этому вопросу к Ярославскому губернскому правлению и в Главное правление именем наследниц Яковлева. Последнее выразило сильное недоумение: «...не видно, когда и по какому всемилостивейшему манифесту вышел Пурлевский из заграницы и имел ли при явке в Измаил какой вид, дабы <...> иметь право просить о записке в число граждан города Одессы, почему и почитаем мы его не выходцем, а бродягою, следующим <...> к пересылке на прежнее жительство»⁴⁶.

Вероятно, здесь пригодились знакомства Саввы Дмитриевича — он избежал высылки в село Великое. Урегулирование вопросов с владельцами заняло еще 10 лет. К одесскому мещанству Савве Пурлевскому удалось приписаться только в 1845 г. В июле 1846 г. Великосельское вотчинное правление получило на имя Пурлевского зачетную рекрутскую квитанцию⁴⁷.

Следует отметить, что в начале 1836 г. на допросе в Одесской городской думе Савва Пурлевский называет свой истинный возраст — 37 лет. Но при выдаче зачетной рекрутской квитанции появляется справка, в которой указано, что «беглец Пурлевский писан по сказке 7-й ревизии, поданной 14 марта 1816 г., 16-ти лет, следовательно, по сему показанию при выходе из заграницы в июле месяце 1835 года имел от роду 35 лет и 4 месяца». Эта справка, вероятно, послужила причиной появления разночтений в датах биографии С. Д. Пурлевского⁴⁸.

В 1859 г. мы находим С. Д. Пурлевского в Москве, в списке подписчиков на журнал «Вестник промышленности»⁴⁹. В конце того же года Платон Симиренко упоминает Савву Пурлевского в своем письме к Тарасу Шевченко. Симиренко сообщает о том, что 1100 р., необходимые для издания «Кобзаря», Тарас Григорьевич получит от Саввы Дмитриевича Пурлевского⁵⁰.

В 1866 г. в «Торговом сборнике» были опубликованы «Заметки на некоторые передовые статьи “Биржевых ведомостей”» за подписью С. Пурлевского⁵¹. Этот текст в настоящее время доступен на сайте Национальной электронной библиотеки. Автор «Заметок» проводит глубокий анализ влияния таможенных тарифов на развитие сахарной, льнопрядильной и металлургической промышленности России, анализируя статистику за предыдущие сто лет. Трудно поверить, что тексты «Воспоминаний крепостного» и «Заметок на некоторые передовые статьи “Биржевых ведомостей”» написаны одним человеком. В «Воспоминаниях крепостного» Савва Пурлевский представлен читателям как «человек умный, бывалый, читавший на своем веку, но едва грамотный», в «Заметках» мы видим серьезного аналитика, глубоко вникающего в проблемы отечественной промышленности.

Сравнив текст «Воспоминаний крепостного» с документами о жизни крестьянина Саввы Дмитриевича Пурлевского, мы видим, что значительная часть текста основана на реальных событиях, которые действительно происходили с Саввой Пурлевским. Однако факты и хронология событий приведены в существенно искаженном виде. Обнаруженные несоответствия можно разбить на три группы:

1. Значительная часть ошибок произошла по причине отсутствия у автора достоверных источников информации. С. Д. Пурлевский в целом верно описал историю села Великого и перечислил его владельцев в XVIII в., но источником этой информации могли быть только изустные предания, которые зачастую носили характер сплетен. Датируя события в своей семье, автор использует выписку из ревизской сказки 1816 г., в которой неверно указан его возраст, это приводит к ошибочной датировке всех метрических событий.

2. Как и любой мемуарист, С. Д. Пурлевский весьма субъективен. Желая показать себя с лучшей стороны, он часто выходит за рамки приукрашивания. В истории с открытием школы в селе Великом автор приписывает себе то, что было сделано его предшественником. Описание «комиссионерства» на Нижегородской ярмарке и последующего побега Пурлевского в значительной степени противоречит документам. Возможно, Савва Дмитриевич так и не понял, что неудачная торговля на Нижегородской ярмарке, резко изменившая его жизнь, была следствием его самоуверенности и неопытности в такой работе.

Перечисленные выше несоответствия часто встречаются в мемуарной литературе. В случае с «Воспоминаниями крепостного» следует обратить внимание на работу над текстом второго автора — Николая Васильевича Щербаня.

3. Познакомившись с биографией Саввы Пурлевского, мы видим, что в руки Н. В. Щербаня попали воспоминания состоятельного купца, который обладал ясным умом и имел большой опыт изложения своих мыслей на бумаге. И. С. Тургенев назвал такую категорию людей «буржуазией в дубленом тулупе». Эти люди преобразовывали жизнь своим трудом и совершенно не соответствовали народническим идеалам русской интеллигенции конца XIX в.

Щербань подвергает текст существенной редакторской правке, и появляется герой, о котором мечтал Герцен, — «едва грамотный», «мыкающий горе бедный парень», который много читает «настоящей литературы» и часто задумывается «о своей горькой крепостной доле». Щербань привносит в текст классовый конфликт между помещиком и крепостными крестьянами, он не знает, что после 1818 г. в селе Великом не существовало помещика — имением владели семь дочерей Сергея Яковлева, а их мужья именовались «уполномоченными». Интересно отметить, что слова «помещик» и «крепостной» упоминаются в тексте «Воспоминаний крепостного» 23 и 29 раз соответственно, и практически не встречаются в переписке Главного правления имением. Жители села Великого в документах назывались «крестьянами».

- ¹ Щербань Н. В. Воспоминания крепостного // Русский вестник. 1877. № 7. С. 320–347; № 9. С. 34–67.
- ² *Le Nord* — полуофициальный дипломатический орган русского правительства, основан в 1855 г. Н. П. Поггенполем, в 1859 г. в нем был создан особый отдел по вопросам освобождения крестьян в России. С 1863 г. издание перенесено в Париж. См.: Ронин В. К. Русская публицистика в Бельгии в середине XIX века // Славяноведение. 1993. № 4. С. 4–13.
- ³ Щербань Н. В. Воспоминания крепостного. С. 320, 321.
- ⁴ Русский биографический словарь / Изд. А.А. Половцова. Т. 24. СПб., 1912. С. 87–88.
- ⁵ Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина 1830–1840 гг. / Вступ. ст., коммент. Т. Г. Снытко. Ярославль, 1961. С. 19; Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974. С. 108.
- ⁶ Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. / Вступ. ст. и сост. В. А. Кошелева. М., 2006.
- ⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 221.
- ⁸ Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 2. С. 139.
- ⁹ Генкин Л. Б. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года. Ярославль, 1947. С. 20.
- ¹⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней. / Ред. Б. Н. Пономарев и др. М., 1967. Т. IV. С. 588, 598.
- ¹¹ История СССР с древнейших времен до 1861 года / Ред. Н. И. Павленко. М., 1989. С. 563; 2-е изд.: М., 2009. С. 713.
- ¹² Сараева Е. Л. Крестьянское движение в губерниях Верхневолжья в конце XVIII — первой четверти XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1984. С. 41, 107.
- ¹³ Тимофеев Д. В. Европейские идеи в общественном сознании и коммуникативной практике образованного российского подданного первой четверти XIX в.: опыт изучения основных социально-политических понятий: Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2012. С. 86, 430.
- ¹⁴ Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центрально-Нечерноземные губернии, 1765–1861 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 513, 519, 535; Смурова О. В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861–1914 гг.: На материалах Санкт-Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний: Дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2005. С. 87; Беляев Е. В. Учреждение и деятельность крестьянского самоуправления в 1861–1889 гг.:

- по материалам Рязанской и Тамбовской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2009. С. 52; *Кобзарева Н. И.* Эволюция мира старости в крестьянской среде в 50-х гг. XIX в. — 1917 г.: по материалам губерний Центрального Черноземья: Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2014. С. 51, 55, 56; *Смахтина М. В.* Русское поместное дворянство в XIX в.: эволюция этических норм, представлений и практики в социальной и экономической сферах: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 212, 219, 239; *Платонова А. А.* Московское мещанство в первой половине XIX в.: брачный круг и брачный выбор: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 87; *Петрова Т. В.* Особенности языка и стиля мемуарной литературы XIX в. представителей недворянских сословий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 9.
- 15 *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012. С. 358, 444, 446; *Тарасов Б. Ю.* Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011. С. 34, 132; *Беловинский Л. В.* Жизнь русского обывателя. Изба и хоромы. М., 2012. С. 289; *Селюков Ф. Т.* Происхождение действующего права. М., 1997. С. 159.
- 16 Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в.
- 17 ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 1328. Л. 41.
- 18 Там же. Д. 4219. Л. 182.
- 19 Там же. Д. 6220. Л. 15.
- 20 Там же. Д. 6064. Л. 72.
- 21 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 329.
- 22 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1117 (книга прихода и расхода денежных сумм по дому С. С. Яковлева за 1798–1799 гг.).
- 23 *Трефолов Л. Н.* Плещеевский бунт (Эпизод из крестьянских волнений) // Древняя и Новая Россия. 1877. Т. III. № 10.
- 24 ЯМЗ. 14924-2 (исторические древности Великого села).
- 25 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 50. Л. 324.
- 26 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 59.
- 27 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 63. Л. 26.
- 28 Там же. Д. 64. Л. 282.
- 29 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 62.
- 30 ГАЯО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 341.
- 31 ЯМЗ. 14924-2.
- 32 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 30.
- 33 Там же. Д. 69. Л. 453.
- 34 Там же. Л. 130, 138.
- 35 Там же. Л. 356.
- 36 Там же. Д. 70. Л. 27.
- 37 Там же. Л. 155.
- 38 Там же. Л. 377, 408.
- 39 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 63.
- 40 Там же. С. 60.
- 41 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 82. Л. 180.
- 42 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 65.
- 43 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 74. Л. 1, 7.
- 44 Там же. Л. 15, 253; Д. 75. Л. 107.
- 45 ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 890.
- 46 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 83. Л. 234.
- 47 ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 890. Л. 2.
- 48 Там же. Л. 2 об.
- 49 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 332. Карт. 86. Ед. хр. 1 (книга подписчиков на «Вестник промышленности» в 1858–1861 гг.).
- 50 *Венгловский С. А.* Тарас Шевченко: парадоксы судьбы. СПб., 2014. С. 420.
- 51 *Пурлевский С.* Заметки на некоторые передовые статьи «Биржевых ведомостей» // Торговый сборник. 1866. № 44, 49, 50.

References

- ASTAF'EV A. V., ASTAF'EVA N. A. Pisateli Yaroslavskogo kraja (do 1917 g.) [Writers of the Yaroslavl region (before 1917). In Russ.]. Yaroslavl', 1974.
- BELOVINSKIĬ L. V. *Zhizn' russkogo obyvatel'ya. Izba i horomy* [The life of the Russian inhabitant. Hut and mansion. In Russ.]. Moscow, 2012.
- DOSTOEVSKIĬ F. M. Poln. sobr. soch. [Complete Works. In Russ.]. Leningrad, 1976. T. 14.
- GENKIN L. B. *Pomeshchich'i krest'yane Yaroslavskoj i Kostromskoj gubernij pred reformoj i vo vremena reformy 1861 goda* [Landlord peasants of the Yaroslavl and Kostroma provinces before the reform and during the reform of 1861. In Russ.]. Yaroslavl', 1947.
- Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of the USSR from ancient times to the present day. In Russ.] / Red. B. N. Ponomarev i dr. Moscow, 1967. T. IV.
- Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do 1861 goda* [History of the USSR from ancient times to 1861. In Russ.] / Red. N. I. Pavlenko. Moscow, 1989.
- Kurs istochnikovedeniya istorii SSSR* [The course of source study of the history of the USSR. In Russ.]. Moscow, 1940. T. 2.
- MIRONOV B. N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII — nachalo XX v.* [The welfare of the population and the revolution in imperial Russia: 18th — the beginning of the 20th century. In Russ.]. Moscow, 2012.
- PURLEVSKIĬ S. Zametki na nekotorye peredovye stat'i Birzhevyyh vedomostej [Notes on some editorials Stock Exchange News. In Russ.] // *Torgovyy sbornik*. 1866. N 44, 49, 50.
- Russkij biograficheskij slovar'* [Russian biographical dictionary. In Russ.] / Izd. A. A. Polovcova. T. 24. St Petersburg, 1912.
- SELYUKOV F. T. *Proiskhozhdenie dejstvuyushchego prava* [Origin of current law. In Russ.]. Moscow, 1997.
- SHCHERBAN' N. V. Vospominaniya krepostnogo [Memories of a serf. In Russ.] // *Russkij vestnik*. 1877. N 7, 9.
- TARASOV B. Yu. *Rossiya krepostnaya. Istoriya narodnogo rabstva* [Serf Russia. The history of national slavery. In Russ.]. Moscow, 2011.
- TREFOLEV L. N. Pleshcheevskij bunt (*Ehpizod iz krest'yanskih volnenij*) [Plescheevsky riot (Episode of peasant unrest). In Russ.] // *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 1877. T. III. N 10.
- VENGLOVSKIĬ S. A. *Taras Shevchenko: paradoksy sud'by* [Taras Shevchenko: Paradoxes of Fate. In Russ.]. St Petersburg, 2014.
- Vesti o Rossii. Povest' v stihah krepostnogo krest'yanina 1830–1840 gg.* [News of Russia. The story in verses serf peasant 1830–1840. In Russ.] / Vstup. stat'ya, komment. T. G. Snytko. Yaroslavl', 1961.
- Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII — pervoj poloviny XIX v.* [Memoirs of Russian peasants of the 18th — first half of the 19th century. In Russ.] / Vstup. st. i sost. V. A. Kosheleva. Moscow, 2006.

Список литературы

- Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974.
- Беловинский Л. В. Жизнь русского обывателя. Изба и хоромы. М., 2012.
- Венгловский С. А. Тарас Шевченко: парадоксы судьбы. СПб., 2014.
- Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина 1830–1840 гг. / Вступ. ст., коммент. Т. Г. Снытко. Ярославль, 1961.
- Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. / Вступ. ст. и сост. В. А. Кошелева. М., 2006.
- Генкин Л. Б. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года. Ярославль, 1947.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. Л. 1976.
- История СССР с древнейших времен до наших дней / Ред. Б. Н. Пономарев и др. М., 1967. Т. IV.
- История СССР с древнейших времен до 1861 года / Ред. Н. И. Павленко. М., 1989; 2-е изд. — М., 2009.
- Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 2.
- Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012.
- Пурлевский С. Заметки на некоторые передовые статьи Биржевых ведомостей // Торговый сборник. 1866. № 44, 49, 50.

- Русский биографический словарь / Изд. А. А. Половцова. Т. 24. СПб., 1912.
Селоков Ф. Т. Происхождение действующего права. М., 1997.
Тарасов Б. Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011.
Трефолов Л. Н. Плещеевский бунт (Эпизод из крестьянских волнений) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. III. № 10.
Щербань Н. В. Воспоминания крепостного // Русский вестник. 1877. № 7, 9.

А. Г. Гуменюк. «Воспоминания крепостного» и их герой крестьянин Савва Пурлевский

В статье проводится анализ достоверности фактов, относящихся к жизни ярославского крестьянина Саввы Пурлевского, который был прототипом героя произведения Н. В. Щербаня «Воспоминания крепостного». Раскрыта необоснованность того, что в XX в. единственным автором текста «Воспоминаний крепостного» был назван их герой — крестьянин Савва Пурлевский. На основании анализа документов фонда наследников С. С. Яковлева (РГИА. Ф. 51 «Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева»; ГАЯО. Ф. 230 «Ярославская духовная консистория»; Ф. 73 «Канцелярия Ярославского губернатора»; Ф. 549 «Дирекция народных училищ Ярославской губернии» и др.) автор показывает, что в «Воспоминаниях крепостного» биография С. Д. Пурлевского подверглась значительным искажениям. Текст «Воспоминаний крепостного» содержит не только ошибки и преувеличения, внесенные Саввой Пурлевским в первоначальный вариант своих записок, но и существенные дополнения, сделанные Н. В. Щербанем, который хотел приблизить героя «Воспоминаний крепостного» к идеалам народничества. Явные признаки работы двух разных авторов над текстом делают неправомерным отнесение «Воспоминаний крепостного» к мемуарной литературе и ставят под сомнение оправданность использования этого литературного произведения в качестве исторического источника, что неоднократно имело место в XX в.

Ключевые слова: Пурлевский Савва Дмитриевич, крепостные крестьяне, «Воспоминания крепостного», Щербань Николай Васильевич, село Великое, мемуары, достоверность исторических источников.

A. G. Gumenyuk. "Serf's memoirs" and their hero peasant Savva Purlevskiy

In this article the analyzing of facts authenticity related to the life of Yaroslavl peasant Savva Purlevskiy, which was a prototype of hero in composition "Serf's memoirs" written by N. V. Shcherban is made. Unfounded inferences that the sole author in 20th century of version "Serf's memoirs" was there hero — peasant Savva Purlevskiy is discovered. Based on document analysis of the S. S. Yakovlev's heirs' fond (RGHA. F. 51 "Association of Alapaevsk mining plants of the heirs of S. S. Yakovlev"; GAYaR. F. 230 "Yaroslavl theological consistory"; F. 73 "Secretariat of Yaroslavl governor"; F. 549 "Department of public schools of Yaroslavl province", and others) the author shows, that biography of S. D. Purlevskiy was misrepresented significantly in "Serf's memoirs". The text of "Serf's memoirs" contains mistakes and overstatement, inserted by Savva Purlevskiy into the first variant of his notes, but it also has essential additional made by N. V. Shcherban, who wanted to make the hero of "Serf's memoirs" closer to ideals of Russian populists of the 19th century. The obvious signs of the work of two different authors on the text make it unjustifiable that the "Serf's memoirs" be attributed to memoirs, and cast doubt on the justification for using this literary work as a historical source, which has repeatedly occurred in the 20th century.

Key words: Purlevskiy Savva Dmitrievich, peasants serfs, "Serf's memoirs", Shcherban Nicolay Vasilievich, country Velikoe, memoirs, authenticity of historical sources.

Гуменюк, Алексей Геннадьевич — исследователь, Ярославское историко-родословное общество.

Gumenyuk, Alexey Gennadievich — Researcher, Yaroslavl Historical and Genealogical Society.

E-mail: al.gumenyuk@mail.ru

Т. В. Андреева

Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии: технология законотворчества. 1826–1832 гг.*

В начале царствования Николая I проблема приведения в порядок российского законодательства являлась одной из главных. Неординарные обстоятельства восшествия на престол и незавершенность систематизации отечественного права обусловили выбор стратегического приоритета и тактических установок императора. Стратегической целью определялось укрепление российской государственности путем формирования нового типа абсолютизма, сочетающего сильную авторитарную власть монарха с развитой системой законодательства и усовершенствованной юрисдикцией. Одним из важнейших тактических средств ее достижения становилась систематизация законов Российской империи.

31 января 1826 г. рескриптом на имя П. В. Лопухина было создано Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии. Оно стало преемником упраздненной тем же рескриптом Комиссии составления законов, которая провела подготовительную работу по систематизации отечественных законов. Деятельность Второго отделения была направлена на осуществление законодательной реформы: предполагалось проведение носящих системный характер кодификационных мероприятий и институциональных преобразований. В указанном рескрипте Николай I необходимость систематизации права связывал с ус-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00459.

вершенствованием государственного управления империей, подчеркивая, что «при первом обозрении разных частей государственного управления особенное внимание обращено на Уложение отечественных наших законов»¹.

Исторические предпосылки систематизации российского права

Почти весь XVIII и начало XIX в. прошли в России под знаком работ в сфере законодательства, с целью проведения которых создавались многочисленные комиссии, деятельность которых не увенчалась успехом. Процесс создания системы отечественного права был запущен самой абсолютистской властью и в большой степени носил субъективный характер. Деятельность комиссий «для составления законов» обуславливалась стремлением российских монархов к юридическому закреплению своих абсолютистских прав и преимуществ, обоснованию правомерности политической и сословной систем, а также регламентации органов государственного управления и суда. Формирование законодательных основ жизни государства и общества происходило путем приспособления европейских образцов к национальным условиям. Екатерина II поставила вопрос о законодательной реформе, т.е. создании нового фундаментального законодательства — нового Уложения, или «Свода коренных законов»: С этим связано написание самой императрицей в 1765–1766 гг. «Наказа» Уложенной комиссии, отражавшего концепцию «просвещенного абсолютизма»². Его изданием в 1767 г. в России впервые был определен «правовой статус самодержавия»³. «Наказ» формулировал принципы будущего нового Уложения, важнейшим из которых определялся принцип систематизации действующих законов. Именно на него императрица обращала особое внимание и в «Наставлении» от 8 декабря 1765 г. кн. А. А. Вяземскому, вступавшему в должность генерал-прокурора Сената: «Законы наши требуют поправления: 1-е) Чтоб всё ввести в одну систему, которой и держаться надлежит. 2-е) Чтоб отрешить те, которые оной прекословят. 3-е) Чтобы разделить временные и на персон данные от вечных и неперменных»⁴. В 1767 г. была созвана восьмая по счету Комиссия «о сочинении проекта нового Уложения». Как и прежние комиссии, она исчезла, «не оставив никаких полезных следов своего существования», а от ее законодательных работ сохранилось «только несколько планов, т.е. простых оглавлений, и несколько сочиненных по этим планам отрывков»⁵. 30 декабря 1796 г. на базе этой Комиссии была создана уже девятая Комиссия «для составления законов»⁶, подчинявшаяся генерал-прокурору Сената, но и ее работа ограничилась только первоначальными мерами⁷. Важнейшими причинами неудач законодательных работ XVIII в. справедливо считается отсутствие правил и знаний кодификационной техники, когда члены комиссий пытались создать новое Уложение или Свод, не собрав, обобщив и проанализировав весь законодательный материал⁸.

В XIX в. Россия вступила феодальной страной с неограниченным фундаментальными, неизменяемыми («коренными», «конституционными») законами самодержавием, которое легко могло перейти в «безотчетное самовластие». Понятие «Конституция», заимствованное из европейского политического лексикона, в это время сохраняло значение, характерное для предшествующей эпохи. В официальных материалах и источниках личного происхождения оно имело несколько вариантов употребления в политико-правовом смысле: «учреждение или устав», «постановление государя», «Свод коренных законов» или «основополагающий законодательный акт»⁹. Именно в последнем аспекте воспринималась Конституция Александром I и его ближайшим окружением. Под ней понималось законное признание гражданских прав «нации» и форм, в которых она может ими пользоваться. Оно состояло из трех частей: установления прав, способа пользования ими и гарантий. Если две первые, как считалось, уже фиксировались в Жалованных грамотах дворянству и городам, то важнейшей гарантией, их обеспечивающей, должна была стать «Книга законов», или «Свод коренных законов». Во время приема 22 июля 1804 г. главного секретаря Комиссии составления законов Г. А. Розенкампа Александр I подчеркивал: «Я желал бы вообще даровать участие всей нации, всем моим народам в пользовании правами граждан, насколько это возможно. Это должно быть определено общим Кодексом (*Книгою законов*), который мои предшественники, начиная с Петра I, обещали нации»¹⁰. «Государственный закон принято вместо слова Конституции и всегда означает закон, определяющий первоначальные права и отношения всех классов государственных между собою»¹¹, — писал М. М. Сперанский в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России».

Незавершенность систематизации законов делала необходимой подготовку юридического основания для будущей «Книги законов». Работу по выявлению и систематизации законов продолжила десятая по счету Комиссия, созданная 5 июня 1801 г.¹² Согласно рескрипту от того же числа на имя ее председателя гр. П. В. Завадовского, она определялась «в прямое ведение» Александра I. В рескрипте император подчеркивал: «Я всегда знал, что с самого издания Уложения до дней наших <...> законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями, <...> не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их намерениях, ни постоянства в их действиях. Отсюда всеобщее смешение прав <...> бессилие законов в их исполнении, и удобность переменять их по первому движению прихоти, или *самовластия*»¹³. Чтобы завершить «великое дело законоположения», необходимо: определить «настоящее его состояние», чтобы двинуться дальше; рассмотреть все прежние «планы законоположений», чтобы выбрать один; подумать о составе Комиссии, взяв за правило, что «не количество, а качество людей успех удостоверяет»¹⁴.

После назначения Завадовского министром народного просвещения Комиссией несколько лет руководил Г. Р. Державин. Указом 21 октября 1803 г. все

«дела составления законов» передавались в ведение Министерства юстиции¹⁵. Министру юстиции П. В. Лопухину было поручено проанализировать итоги работы предыдущих комиссий, определить основные направления работы настоящей. Им был подготовлен всеподданнейший доклад, в котором подчеркивалось, что ее деятельность нельзя ограничивать собиранием, систематизацией действующих законов и созданием «одного Свода существующих в Империи Российской узаконений». Важнейшей задачей Комиссии министр видел выявление основных черт «общего законоположения»: «1) когда законы утверждены на непоколебимых основаниях права (*principia juris*); 2) когда они точно определяют все части государственного управления, образование и пределы властей, также все права и обязанности подданных сообразно духу правления, характеру народному, политическому и естественному положению государства; 3) когда они расположены с наблюдением строгого порядка и предложены во всей ясности; 4) когда содержат в себе твердые и непреложные правила для отправления правосудия»¹⁶. Комиссии остается собрать законы и представить их в виде «непреложных государственных законов». Стратегической целью деятельности Комиссии или «главным предметом» определялось создание «Общей Книги законов», состоящей из следующих частей: «1. Основания прав. 2. Законы общие. 3. Законы частные. 4. Судебные обряды»¹⁷. Александр I 28 февраля 1804 г. утвердил доклад Лопухина. Указом Сенату от того же числа Комиссия преобразовывалась на изложенных в докладе министра юстиции правилах, т.е. была разделена на три экспедиции: две по части составления законов общих и частных и одна по ревизии. Каждая из экспедиций состояла из одного рефендария, двух его помощников и одного редактора¹⁸.

Главным секретарем Комиссии был назначен Розенкамф, окончивший юридический факультет Лейпцигского университета. Во время приема у императора 22 июля 1804 г. на слова императора о необходимости создания общего Кодекса, или «Книги законов» Розенкамф заметил, что «необходимо, прежде всего, начать с изучения состояния действующего законодательства во всех его отраслях государственного и частного права <...> Новый Кодекс не может быть составлен иначе, как на основании начал существующего уже права»¹⁹. Неудивительно, что именно ему Александр I поручил составление общего плана деятельности Комиссии. Уже осенью 1804 г. им был представлен всеподданнейший доклад с подробным планом, утвержденным императором. Весь проект разделялся на два этапа и две категории работ. На *первом этапе* должны были производиться «работы приуготовительные», предполагавшие собирание и изложение причин и истории создания действующих законов. На *втором этапе* работа состояла «в изложении проектов новых законов», т.е. в подготовке проектов уложений по отдельным отраслям права — гражданского, уголовного, коммерческого. Как подчеркивал П. М. Майков, Розенкамф, «главный и единственный двигатель Комиссии, поняв невозможность дать государству совершенно новое законодательство, намеревался извлечь действующие законы из массы

изданных разновременно законов и утвердить их на непоколебимом основании права. Цель кодификации никогда не была указана так ясно»²⁰. Именно преобразованная Комиссия 1804 г. первая встала на верную точку зрения, отказавшись от двойной цели предыдущих комиссий «собрать и исправить» существующее законодательство²¹.

Работы первой категории были проведены с ноября 1804 по ноябрь 1807 г. 1 января 1808 г. Комиссия представила всеподданнейший отчет, в котором формулировались принципы составления «Книги законов», или «нового российского Уложения»: «I. Оно должно обнять все части законодательства»; «II. Уложение должно иметь одинаковое действие во всем государстве»; «III. *Русское уложение должно быть истинно русским*. В оное не должны входить никакие постановления иностранных держав»; «IV. Оно должно быть утверждено на практических основаниях права, то есть, самых простых и ясных положениях»; «V. Книга законов должна быть книгою для народа <...> Она должна содержать именно *законы*, то есть всеобщие простые постановления, которые бы каждый понимал <...> Законы тогда только хороши, когда они просты, точны и определительны»²². В ноябре 1808 г. Розенкампф докладывал императору, что «по разным частям законов собраны уже достаточные материалы, выведены из российских узаконений своды, учтены надлежащие узаконения других государств, и по некоторым предметам изложены первоначальные законов проекты, что таким образом подготовительная часть работ закончена, и можно уже приступить к окончательному составлению проектов»²³.

Так же считал и Сперанский, 8 августа 1808 г. назначенный членом Комиссии составления законов, а 16 декабря определенный ее председателем и товарищем министра юстиции²⁴. Александр I, стремясь ускорить реализацию плана работы Комиссии, рескриптом от 20 декабря на имя Лопухина повелевал «особенно и исключительно» в деле кодификации отечественного права «употреблять действительного статского советника Сперанского»²⁵. Сам же реформатор, придя в Комиссию, предложил проекты основных уложений по различным отраслям права подготавливать не все сразу, а последовательно, один за другим.

Одним из важнейших был проект Гражданского уложения Российской империи, руководителем создания которого назначался Сперанский. В связи с его предложением, рескриптом от 7 марта 1809 г. на имя Лопухина Комиссия была вновь реорганизована. Вместо трех экспедиций образовались шесть отделений: Гражданского уложения, Уголовного уложения, Коммерческого уложения, публичного права, свода законов остзейских губерний, свода законов малороссийских губерний. В каждое отделение назначалось несколько юрисконсультов. Были также созданы: Совет Комиссии, включавший председателя, двух членов и сенаторов по выбору императора, а также — ее Правление, состоявшее из председателя и двух членов²⁶.

Сперанский как член Правления торопился с реализацией проекта Гражданского уложения. Ведь данный проект являлся частью подготавливаемого им по повелению Александра I «Плана Всеобщего государственного образования», законченного в октябре 1809 г.²⁷ Согласно «Плану», 1 января 1810 г. должен был открыться реформированный законосовещательный Государственный совет, первым предметом обсуждения которого являлся проект Гражданского уложения. В научной литературе дискуссионным является вопрос о заимствовании Сперанским при создании Гражданского уложения принципов и разделов Гражданского кодекса Наполеона 1804 г.²⁸ Вряд ли можно говорить о «переориентации деятельности Комиссии с российского на иностранное законодательство»²⁹, так как еще в 1801 г. Сперанский участвовал в создании важнейшего коронационного проекта «Всемилошвейшей Грамоты, российскому народу жалуемой». На наш взгляд, «Грамота» представляла собой российский аналог французской «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 г. с учетом сословно-крепостнических реалий в России и развития революционного процесса во Франции. Она должна была быть обнародована в день коронации Александра I и стать составной частью блока конституционных актов (Декларации и Конституции). Состоявшая из 26 статей, «Декларация» возобновляла, законодательно закрепляла и расширяла предоставленные указом Петра III и Жалованной грамотой дворянству Екатерины II частные и публичные права и привилегии дворянства (ст. 2–5). Возобновлялись и подтверждались «все права и преимущества», данные «городам, купечеству, мещанству» (ст. 10, 11). Гарантировались минимальные имущественные права государственных крестьян, предоставлялись законодательные гарантии движимой собственности помещичьих поселян, как от произвола помещиков, так и казенных взысканий государства (ст. 12). Всем лицам «свободного состояния» гарантировались гражданские права (личная безопасность, движимая и недвижимая собственность, свобода передвижения, презумпция невиновности) (ст. 13), а также — буржуазные свободы «мысли, веры или исповедания, богослужения, слова или речи, письма и деяния» (ст. 8)³⁰. Однако Александр I не дал ей хода, имея на то основания: «Грамота», являясь попыткой ослабить исключительность правового положения дворянского сословия, поставила бы еще не окрепшую власть императора в конфронтацию с большинством консервативного дворянства.

Что касается Гражданского уложения, то свою задачу сам Сперанский видел в создании его проекта с использованием прежде всего структуры римского права, «которая отражает разум всякого права». В своем пермском письме Александру I 1813 г. он подчеркивал, что «в источнике своем, т.е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны <...> Целое почти столетие протекло в одних несвязных планах и обещаниях; в мое время не только составлены твердые планы на важнейшие части, но составлены и в Совете рассмотрены две труднейшие части Гражданского уложения»³¹.

Составленные осенью 1809 г. проекты первой (личное и семейное право) и второй (имущественное право) частей Гражданского уложения обсуждались на заседаниях Государственного совета. В 1810 г. первая часть была опубликована³². В том же году Комиссия составления законов, согласно манифесту о создании Государственного совета от 1 января 1810 г., передавалась в его ведение, в ней вводилась должность директора, которым с 30 августа стал Сперанский. Совет должен был обратить особое внимание на проекты Гражданского и Уголовного уложений, а также усовершенствование судостроительства и судопроизводства³³. Поэтому обе части Гражданского уложения рассматривались на 43 заседаниях Совета с 17 января по 14 декабря 1810 г., а затем в начале 1812 г.³⁴ К концу 1812 г. была закончена ее третья часть, т. е. обязательственные отношения. Проект Гражданского уложения, одобренный Государственным советом, в 1814 г. был опубликован³⁵. За 1809–1815 гг. Комиссия подготовила проекты Гражданского и Уголовного уложений, две части Уложения торгового, первую часть Устава гражданского судопроизводства. После отъезда Сперанского в Нижний Новгород должность директора Комиссии составления законов была упразднена, а сама она вновь поступила в ведение министра юстиции. Согласно высочайшему повелению от 9 апреля 1812 г., Лопухин снова назначался ее председателем.

В 1817 г. по поручению Государственного совета Комиссия занялась составлением и изданием систематических сводов существующих законов, необходимость создания которых диктовала судебная практика присутственных мест. При Комиссии функционировала типография³⁶, в которой в 1818 г. Розенкампом были опубликованы первые три тома «Систематического свода законов», а в 1820–1821 гг. — еще 12 томов. Издание пользовалось огромной популярностью, особенно у сенаторов, советников, губернских прокуроров, а главное — чиновников различных присутственных и судебных мест. Майков, проведя сравнительный анализ томов «Систематического свода законов» со «Сводом законов Российской империи», пришел к выводу, что Комиссия намеревалась «составить то, что совершено впоследствии Сперанским и названо им Сводом законов Российской империи»³⁷.

Сперанский после возвращения в Петербург 22 марта 1821 г. стал постоянно замещать уезжавшего надолго за границу на лечение Лопухина на посту председателя Комиссии. Александр I сразу поручил ему проанализировать ее работу за 1804–1821 гг. Уже 31 сентября 1821 г. им был представлен императору доклад, в котором давалась негативная характеристика ее деятельности. Сперанский отмечал, что проекты Комиссии имеют пропуски и неточности, не обладают ясностью и точностью языка, что приведет к различным толкованиям законов в Сенате и судебных местах. Что же касается сводов, то в отношении их реформатор был более категоричен: «Своды, коими Комиссия предпочтительно занималась всё время, представляют безобразную смесь, в коей для двух или трех существенных слов, составляющих силу закона, выписаны и напечатаны

in extenso целые кипы частных обстоятельств, никакого отношения к закону не имеющие»³⁸. Для исправления положения дел предлагалось, во-первых, предпринять реорганизацию Комиссии, убрав Розенкампа, с которым у Сперанского не сложились отношения, во-вторых, передать работу над ее проектами вновь в Государственный совет. Как член Совета реформатор намеревался сам готовить справки по делам Комиссии. Александр I согласился с данными предложениями. Рескриптом от 3 ноября 1821 г. на имя Лопухина высочайше повелевалось передать все оконченные проекты Комиссии в Государственный совет, чтобы «член Совета тайный советник Сперанский особенно занимался в Совете сим делом»³⁹. 13 апреля 1822 г. Розенкампф был уволен из ее состава.

В 1821 г. Государственный совет вернулся к рассмотрению проекта Гражданского уложения. С 24 ноября 1821 по 28 мая 1823 г. на 49 заседаниях Совета рассматривались все его три части и было признано, что Уложение требует доработки⁴⁰. Совет вернул проект Гражданского уложения в Комиссию. Его новая редакция была составлена в течение 1823–1824 гг., но не была одобрена Государственным советом. Так остался нереализованным проект кодификации гражданского законодательства в России. Не был утвержден Советом и проект Уголовного уложения. Современные правоведы и историки причины неудачи законодательной деятельности первой четверти XIX в. усматривают в неверной тактической установке кодификаторов, которые стремились «кодифицировать целые отрасли права», не учитывая фактор «бессистемности» российского законодательства и «минуя необходимую для этого нормативную базу»⁴¹.

Причины актуализации систематизации российского законодательства в начале царствования Николая I

В начале царствования Николая I реформа законодательства приобрела общественно-политическое и государственное значение, что обуславливалось несколькими причинами: необходимостью заложить юридическое основание российской самодержавной государственности, ослабленной династическим и политическим кризисами конца 1825 — начала 1826 г., важностью утверждения правовой основы в административно-управленческой сфере⁴², стремлением верховной власти к стабилизации социально-политической обстановки в стране. Не только представители образованных кругов столичного и провинциального дворянства, но даже некоторые государственные деятели осознавали взаимосвязь «мятежа» 14 декабря 1825 г. и незаконных действий царствующей династии, приведших к кризису государственной власти. В событиях на Сенатской площади они видели отражение конфликта между «самовластием» и стремившейся к «законности» даже в рамках абсолютизма просвещенной частью дворянства⁴³. Единственной силой, способной ее утвердить (тем самым предотвратить как революцию, так и деспотизм), стать гарантией социально-политической стабиль-

ности и регулятором гражданских взаимоотношений, виделась власть абсолютного монарха, основанная на «непременных», «коренных» законах. В записках и письмах на имя Николая I видных декабристов из Петропавловской крепости, во всеподданнейших записках сановников, в проектах-записках на Высочайшее имя простых обывателей рефреном звучала мысль о необходимости систематизации и упорядочения российского законодательства⁴⁴.

Всё это продемонстрировало Николаю I крайнюю важность установления прочных законодательных основ государственного и общественного строя империи. В результате формула «законности», официально признанная в конце XVIII в. и получившая развитие при Александре I, была актуализирована при Николае I. С той лишь разницей, что для реализации реформаторской программы Екатерина II взяла на вооружение концепцию «просвещенного абсолютизма», Александр I использовал правительственный конституционализм, а Николай I проводил политику юридического самоутверждения самодержавия как российской формы абсолютизма.

Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии: технология законотворчества

В современной исторической и юридической литературе, посвященной истории Второго отделения СЕИВК, наиболее дискуссионными являются два вопроса — о его правовом статусе в системе государственных учреждений России и о существовании его законодательных работ по созданию «Полного собрания законов Российской империи» (1830) и «Свода законов Российской империи» (1832). Так, А. А. Смирнова и Н. И. Уткин считают Второе отделение «временным» и «чрезвычайным» органом в административном строе государства, поскольку не только отсутствовал законодательный акт, определявший сферу его полномочий и регулировавший компетенции персонального состава, но само существование не находилось «в рамках законной министерской системы управления»⁴⁵. Тогда как И. В. Ружицкая справедливо подчеркивает преемственный, но отдельный характер учреждения Второго отделения, которое «было создано *вновь*, это не было *преобразованием* Комиссии составления законов». Причем оно стало главным «законодательным учреждением, в котором сосредоточился процесс законотворчества» на долгие годы, вплоть до 1882 г. только Второму отделению были присущи «функции *создания* новых законов». Сенат их потерял еще в 1803 г., а Министерство юстиции с 1826 по 1839 г. хотя и обладало ими, но под его контролем, а с конца 1830-х вовсе их утратило. Таким образом, ссылаясь на дневник А. А. Половцова, исследовательница присоединяется к его точке зрения, что о Втором отделении можно говорить как «об отдельном министерстве кодификации», которого не было ни в одном современном ему государстве⁴⁶.

Что касается сущности законодательных работ Второго отделения, нашедших отражение в ПСЗ и Своде законов, то современные правоведы и историки в своем большинстве считают, что они не были актом кодификации. Ведь она предполагает создание нового, нормативно-правового акта или кодекса, которое осуществляется путем глубокой и всесторонней переработки действующего законодательства. В процессе кодификации отбрасывается устаревший нормативно-правовой материал, внутренне увязываются и рубрицируются нормативно-правовые акты, формируется структура кодифицированного акта со своим специфическим содержанием. Наличие же прямой связи между ПСЗ и Сводом, которая имела силу официальной установки, дает основание считать, что они представляли собой единый процесс не кодификации, а систематизации российского законодательства, имевший различные этапы. ПСЗ как акт систематизации в виде хронологической инкорпорации явилось подготовительным этапом для работ над Сводом. По справедливому мнению С. В. Кодана, к которому присоединяется С. В. Ружицкая, инкорпорация Свода, выходящая за пределы предметной, являлась «общей тематической инкорпорацией действующих узаконений с внутренней отраслевой консолидацией законов на отраслевом уровне»⁴⁷.

Это находит отражение в программе систематизации отечественного законодательства, которая была предложена Сперанским. В начале января 1826 г., т. е. еще до создания Второго отделения, он представил Николаю I четыре записки, в которых проследил историю комиссий составления законов с 1700 по 1826 г. и выявил причины неудач законодательных работ в XVIII — первой четверти XIX в. При этом весьма негативная характеристика давалась деятельности последней Комиссии составления законов⁴⁸. В своей работе 1833 г. Сперанский вернулся к данным сюжетам и при анализе «трудов всех комиссий» подчеркивал, что они имели «три главных предмета: 1) собрание законов, 2) своды, 3) составление нового Уложения». Но каждая комиссия начинала дело снова, а не продолжала его. При этом отсутствие теоретических знаний права порождало смешение «в планах, непрерывное колебание в их исполнении». Реформатор отмечал также неверную технологию работы комиссий. Он писал: «от неправильного распорядка работ» всем комиссиям было присуще «стремление творить, составлять новые проекты законов, нежели углубляться в изыскания законов прежних». Поэтому «самый приступ к своду, первая степень всего дела — собрание законов — делалась труднее»⁴⁹.

Поскольку деятельность предыдущих комиссий постоянно колебалась между двумя альтернативами — проводить составление законов «сводное» без исправлений и изменений или «исправленное» — то они возникли и в 1826 г. Под сводом Сперанский понимал «соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке<...> систематическом, когда расположены по предметам, по плану, принятому для Уложения»⁵⁰. В своих черновых набросках он подчеркивал: «Трудно передать русское слово “свод” каким-то другим словом, кроме разве что словом “дигесты”. Это слово в рус-

ском языке означает как раз то, что Бэкон называет “новый расклад старинных законов”. Это — кодификация, хотя англичане называют ее “консолидацией” существующих законов»⁵¹. Уложение же, по мнению Сперанского, является «систематическим изложением законов» также по предметам, но устроенным так, чтобы «законы общие предшествовали частным», «законы предыдущие подготавливали точный смысл и разум законов последующих»⁵².

Сам Сперанский считал необходимым составление именно Уложения или Кодекса, хотя и понимал, что работы над ним должны быть начаты не прежде, чем составлен свод действующих законов на основании отраслевых сводов: «Уложение без Свода есть умозрение без практики; уложения не изобретаются, но слагаются из прежних законов с дополнением и исправлением»⁵³. Так свод определялся юридическим материалом, «*основанием к составу Уложения*»⁵⁴. Однако Николай I отверг мысль об Уложении, которое, по словам А. Ф. Бычкова, казалось ему «чем-то отвлеченным, слишком теоретическим»⁵⁵ и решил ограничиться Сводом законов. Что же касается типа его составления, то император избрал «сводный», под которым понимался свод существующих, действующих законов с исключением всего недействующего, «но без всяких изменений»⁵⁶.

Для осуществления замыслов Николая I и программы систематизации российских законов Сперанского нужна была новая организация дела в учрежденческом и бюрократическом аспектах. Осознавая бесперспективность успешной его реализации в рамках как Министерства юстиции, так и Государственного совета, а также необходимость непосредственного подчинения императору, Сперанский ставит вопрос о создании «законотворческого органа» в составе СЕИВК⁵⁷. Новое учреждение требовало формирования четкого, поэтапного плана, определения конкретных задач, которые необходимо было решить для его реализации, а также обновления и расширения персонального состава. Согласно плану Сперанского, в течение четырех лет до 1830 г. нужно было составить: «1) Свод законов гражданских, уголовных, полицейских и хозяйственных; 2) учебную книгу законов судебных», а главное — «3) издать Полное Собрание Законов в хронологическом порядке»⁵⁸. Затем приступить к подготовке уложений по отдельным отраслям права. Однако Николай I скорректировал план, повелев отложить составление Гражданского и Уголовного уложений. Главная задача деятельности Второго отделения нашла отражение во всеподданнейшем отчете Сперанского от 16 января 1828 г.: «Все указы и постановления, на сем пространстве времени рассеянные, привесть в один состав, дать им систематическую связь так, чтоб они представляли одно целое, одну книгу, как бы одним приемом и в одно время сочиненную, без повторений и противоречий — в сем состояло дело Свода, и существо задачи, 2-му Отделению в начале 1826 года данной»⁵⁹.

Дело в том, что, хотя формальным начальником Второго отделения Николай I назначил своего учителя, бывшего ректора Петербургского университета и члена последней Комиссии составления законов М. А. Балугьянского, фактическим руководителем стал Сперанский. На первом заседании Отделения

24 апреля 1826 г. Сперанский объявил высочайшую волю — чтобы чиновники немедленно приступили к «составлению Свода законов, начиная с Уложения», и вручил Балугьянскому свое «Наставление» о порядке трудов его ведомства. Немного ранее, 4 апреля того же года, ко Второму отделению «были причислены» чиновники, до этого работавшие в последней Комиссии составления законов и хорошо известные Сперанскому: К. И. Арсеньев, В. К. Генинг, Д. Н. Замятнин, П. Д. Илличевский, И. Х. Капгер, М. Е. Келлер, В. Е. Клоков, П. З. Котлов, М. А. Корф, А. Ф. Круг, А. И. Мартынов, Н. Ф. Мерц, Н. М. Старцов, П. Г. Терентьев, И. А. Теубель, М. К. Цеймерц, Ф. И. Цейер, К. И. Циммерман, П. В. Хавский, Д. А. Эристов. В 1827 г. к ним присоединились А. П. Куницын, Н. И. Кутузов и К. Р. Репинский. Огромный объем работ и нехватка писарей обусловили определение в Отделение и кантонистов⁶⁰.

Организация работы также претерпела изменения по сравнению с деятельностью комиссий. Всё дело было разделено на три этапа: «1) собрание законов; 2) своды или приведение законов в порядок; 3) составление уложений». При этом подготовка «Собрания законов», так же как подробное их изучение «посредством создания исторических обозрений» и «отдельных сводов исторических», определялась «работой приуготовительной». «Труды окончательные» заключались в составлении статей Свода законов. По мере того, как разные его части посредством исторических изысканий и составления достигали полноты и точности, они принимали форму «законных правил» и распределялись по своим местам в виде статей⁶¹.

Реальные занятия Отделения были взаимосвязаны и имели четыре эпохи: 1) с 24 апреля 1826 по 1 июля 1827 г.; 2) с 1 июля 1827 по 1 января 1828 г.; 3) с января 1828 по 15 марта 1829 г.; 4) с 15 марта 1829 по январь 1830 г. В течение *первой эпохи* были составлены реестры и проводился сбор узаконений для ПСЗ, а также составление исторических обозрений законодательства по каждому «главному предмету, с означением всех перемен в нем последовавших». Эта историческая часть состояла из книг: «I-я книга — о праве состояний; II-я о праве личном и вещественном вообще; III-я о праве личном и вещественном в особенности; IV-я о порядке составления и совершения актов; V-я о тяжёбном судопроизводстве». К концу 1826 г. составление указанных книг было закончено. Во *вторую эпоху* занимались составлением сводов по гражданскому, экономическо-хозяйственному законодательству и гражданскому судопроизводству. Были подготовлены для Свода законов: уложения — гражданское, коммерческое, казенных, удельных крестьян и свободных хлебопашцев, уставы о порядке совершения гражданских актов и гражданского судопроизводства, учреждение гражданских судебных мест. Помимо этого, были выявлены, ревизованы и приготовлены к печати указы с 1649 по 1742 г. В *третью эпоху* составлялись своды административных и уголовных законов, правительственных и судебных мест, учреждений и управлений. Были подготовлены своды учреждений правительственных мест высшего, центрального и местного уровней, уставов для разных

административных частей, прежде всего полицейской. По ПСЗ были собраны, списаны и ревизованы указы по 20 ноября 1825 г. Производилось печатание 11 томов, включавших указы с 1649 по 1744 г. В *четвертую эпоху* завершено оформление сводов, посвященных «общему управлению», а также полицейской части и «управлению финансов». Были составлены: свод основных государственных законов, «который представляет в одном виде существо верховной самодержавной власти», а также «основания всех властей, проистекающих от одной самодержавной власти», а также уставы о гражданской службе, по полицейскому управлению, экономические и медицинские⁶².

Гигантское предприятие составления и публикации «Полного собрания законов Российской империи», будучи «первой стадией» дела систематизации российского законодательства, велось на следующих основаниях. Согласно «Правилам об издании законов», разработанным Сперанским, работа разделялась на три части: «1) собрание реестров; 2) собрание по реестрам указов; 3) издание». Реестры должны были собираться из описей, которые отложились в последней Комиссии составления законов, Правительствующем сенате в Санкт-Петербурге и Москве, архивах Святейшего синода и Главного штаба, архивов бывших коллегий — Военной, Адмиралтейской и Иностранных дел, «да и вообще во всех местах, где бы законы ни находились». Составленные реестры должны были посылаться в Московский сенатский архив. При отсутствии законов в архивохранилищах они были востребованы в частных собраниях. При этом, видя неполноту содержания узаконений, неточности и ошибки в текстах и датах, Сперанский и его сотрудники провели сверку печатных текстов с подлинными рукописями. По приведении в известность всех реестров следовало приступить к собранию самих законов: либо в подлинниках, либо из печатных книг, либо по спискам. Для напечатания законов был предписан хронологическо-алфавитный тип издания. Труд по подготовке ПСЗРИ был возложен на старших чиновников Отделения Генинга, Илличевского, Круга, Хавского и их младших помощников Мерца, Старцова, Терентьева. Однако вскоре Старцов был определен к Сперанскому как личный секретарь. Ими было собрано именных высочайших указов — 820, сенатских указов — 1881. Всего же из всех источников число указов, найденных по реестрам, составило: в архиве Второго отделения — 23 433, в Санкт-Петербургском архиве Сената — 20 472, в Московском архиве Сената — 445, в Военной коллегии — 8336, в Адмиралтейской коллегии по 1726 — 33, в Святейшем Синоде по 1779 г. — 264, в Коллегии иностранных дел — 20. Указов до 1 июля 1827 г. — 236. Всего — 53 239⁶³.

Важной составной частью законодательной деятельности Второго отделения были ревизии законов. Целью данной работы определялось выявить: имеют ли указы и другие законодательные акты надлежащую полноту и ясность, «объемлют ли они все случаи, в делах того рода встречающиеся». Поскольку исправление одной части законодательства влекло за собой исправления в другой, то Вторым отделением были разработаны правила проведения

ревизий. Прежде всего, они касались законов, относящихся к государственным учреждениям высшего и центрального уровня, а также органов губернского, уездного и волостного управления. При ревизии особое внимание уделялось законам о земских повинностях, об управлении казенными крестьянами, а также законодательным актам о состояниях⁶⁴.

В основе ревизий лежало «общее правило», что все проекты законов и своды, составляемые во Втором отделении, должны были «для соображения» быть отправлены в те министерства, «к коим предметы их принадлежат». В свою очередь проекты законов, создаваемые в министерствах, должны были передаваться в Отделение для просмотра. Уже в 1828 г. для ревизии свода гражданских законов был создан Комитет под председательством управляющего министерством юстиции А. А. Долгорукова. Цель ревизии была обозначена высочайшим рескриптом от 23 апреля 1828 г., в котором повелевалось «произвести общее сих сводов обозрение, дабы тем положительно удостовериться в полноте их и точности»⁶⁵. То же предписывалось в высочайшем повелении от 12 июля 1829 г. министру финансов Е. Ф. Канкрину, которое было продублировано другим министром: «Обозреть своды в двух главных отношениях: в полноте их и точности, т. е. 1) все ли действующие ныне в каждой части законы представлены в Своде в истинной их силе, 2) не приведено ли законов излишних, кои отменены последующими»⁶⁶. По мере окончания разных частей свода законов было учреждено еще семь ревизионных комитетов в министерствах и различных управлениях. Их примечания и исправления должны были представляться на рассмотрение и утверждение Николая I.

Следует признать, что николаевское фундаментальное законодательство полностью находилось в рамках авторитарной системы. Свод законов был составлен по отраслевому принципу и систематизирован на основе римского права, т. е. путем деления на публичное и частное. В силу этого Свод прежде всего законодательно закреплял «права самодержавной верховной власти»⁶⁷. Первая статья его первого раздела под названием «Священные права и преимущества верховной самодержавной власти» гласила: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих <...> Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный»⁶⁸. В своей теоретической работе «Руководство к познанию законов», написанной на основе «юридических бесед» с наследником Александром Николаевичем в 1834–1838 и изданной в 1845 г., Сперанский, проанализировав юридические проблемы формирования самодержавного государственного строя, писал: «Титул самодержца означает не только власть верховную, но и власть от всякой другой власти, как то: от сейма или внутреннего какого-либо установления, независимую». По его мнению, самодержавная политическая система делится внутри себя на власть законодательную и административную: «В законах власть верховная действует в порядке законодательном, а в повелениях она действует в порядке верховного правления»⁶⁹.

И всё же Свод законов олицетворял движение от «феодалного абсолютизма»⁷⁰ к абсолютной «законной монархии» Нового времени, основанной на системе российского законодательства. Свод законов утверждал «правопорядок», при котором сословная структура империи, правовой статус сословий, а также деятельность органов управления регламентировались и обеспечивались исходящими от самодержавного монарха систематизированными государственными законами⁷¹. Об этом свидетельствует включение в состав Свода гражданских законов (т. IX–X), которые стали источником права и впервые предоставили государственным органам систему действующих норм. Газета «Северная пчела», 12 октября 1834 г. извещая своих читателей о «Продолжении Свода законов Российской империи», подчеркивала, что его «достоинство, цену чувствуют все сословия, все классы народа.<...> Это обширное творение вмещает в себе <...> мудрость и опыты нескольких веков, умственную и гражданскую деятельность нескольких поколений»⁷². Здесь нельзя не присоединиться к тезису современных правоведов и историков, которые вслед за А. Ф. Кони считают, что начало судебной реформы нужно отнести к 1832 г. — времени издания Свода законов⁷³, а в целом систематизацию законодательства по ее значению и влиянию на судопроизводство рассматривают «как *правовую реформу*»⁷⁴.

И еще — хотя в царствование Николая I нормы гражданского права оставались в значительной степени некодифицированными, введение в жизнь ПСЗ и Свода законов свидетельствовало о том, что российское законодательство при доминировании феодальных законодательных норм постепенно приобретало некоторые черты нового, буржуазного права. Речь идет об общих для континентальной правовой системы принципах — единства закона и унификации⁷⁵ — т. е. установления единого для всей страны законодательства, а также регламентации гражданских отношений. Об этом свидетельствует и появление в ПСЗ законодательных норм, относящихся к совершенно новым для России видам права — трудовому и социальному законодательству⁷⁶.

Позже необходимость отдельного уложения гражданских законов и неудовлетворительность проекта Гражданского уложения Александра I подтолкнули Николая I к созданию его нового проекта. Уже в 1833 г. Второму отделению была поручена систематизация гражданского законодательства, а в 1844 г. учрежден Комитет «для подготовки проекта Гражданского уложения в империи»⁷⁷.

Выводы

1. Николаевская модель преобразовательной политики в законодательной сфере, являя собой логическое продолжение официального реформаторства второй половины XVIII — первой четверти XIX в., имела с ним как схожие, так и отличительные черты.

2. В основе правительственных поисков упорядочения и систематизации российского законодательства в начале царствования Николая I лежала реформаторская программа, носящая целостный и системный характер.

3. Как в царствования Екатерины II и Александра I, законодательная реформа была тесно связана с реформированием государственного управления и, как в предыдущие эпохи, являлась составной частью процесса российской модернизации.

4. Николаевский тип абсолютизма отличался от предшествующих эпох стремлением Николая I согласовать традиционалистские и западнические начала русской жизни и стабилизировать государственную систему абсолютной монархии путем развития российского законодательства, создания системы отечественного права.

¹ Именной рескрипт П. В. Лопухину «Об упразднении Комиссии составления законов и об учреждении при СЕИВК особого Отделения для совершения Уложения отечественных законов» // ПСЗ-П. Т. 1. № 114.

² В трактовке концепции «просвещенного абсолютизма» Екатерины II в современной историографии нет единства мнений. Одни авторы определяют ее как «социально и политически консервативную доктрину» (*Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 379) или как «максимальное приспособление традиционных структур» путем реформ сверху и «активного вмешательства государства в жизнь общества, средством чего и служит регламентация социальных отношений, усиление их регулирования с помощью права» (*Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 293). Для других исследователей характерно ее рассмотрение в «в общем контексте модернизации Российского государства» (*Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 41–42, 329, 466).

³ *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. 1-е изд. СПб., 1996. С. 188.

⁴ «Наставление» Екатерины II 8 декабря 1765 года князю Александру Вяземскому. Список начала XIX в. // Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 400. Л. 195 об. — 196.

⁵ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 145.

⁶ Дело об учреждении Комиссии для составления законов. 1796–1804 гг. // РГИА. Ф. 1259 (Комиссия для составления законов). Оп. 1. Д. 1; ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17697.

⁷ *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII в. СПб., 1887. Т. 1. С. 187; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 17–18; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. 2-е изд. М.; СПб., 2015. С. 246.

⁸ *Ахун М.* К истории кодификации русского права // Архивное дело. 1941. № 2 (58). С. 8; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. С. 246.

⁹ *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 128–138.

- ¹⁰ Цит. по: *Розенкамф Г. А.* Отрывки из автобиографии // Русская старина. 1904. Т. 120. № 10. С. 151.
- ¹¹ *Сперанский М. М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. 1803 г. // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. И. Д. Осипов. СПб., 2002. С. 273.
- ¹² ПСЗ-И. Т. XXVI. № 19904.
- ¹³ Цит. по: *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. СПб., 1906. С. 17–18.
- ¹⁴ Там же. С. 20–21.
- ¹⁵ ПСЗ-И. Т. XXVII. № 20995.
- ¹⁶ Цит. по: *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 27.
- ¹⁷ Там же. С. 30.
- ¹⁸ Дело об образовании Комиссии составления законов. 1804 г. // РГИА. Ф. 1260 (Комиссия составления законов при Государственном совете. 1804–1826 гг.). Оп. 1. Д. 1; ПСЗ-И. Т. XXVIII. № 21187.
- ¹⁹ Цит. по: *Медведев И. П.* Г. А. Розенкамф и его законодательная деятельность в свете неопубликованных мемуаров современника // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 334–335.
- ²⁰ *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 49.
- ²¹ *Дмитриев Ф. А.* Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1869. Стб 1547–1552.
- ²² *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 46–47; см. также: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 154.
- ²³ Цит. по: *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. С. 247.
- ²⁴ *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 601.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- ²⁶ ПСЗ-И. Т. XXX. № 23525; *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 52–54.
- ²⁷ *Сперанский М. М.* Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 132–221; *Андреева Т. В.* Александр I и М. М. Сперанский: Еще раз о «Плане всеобщего государственного образования». 1809 г. // Английская набережная, 4. СПб., 2001. С. 41–74.
- ²⁸ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 149–154; *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. 2-е изд. СПб., 1885. С. 142; *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 58–60; *Филиппов А. А.* Сперанский как кодификатор русского права // Русская мысль. 1909. Кн. 10. С. 206–208; *Нольде А. Э. М. М.* Сперанский. Биография. М., 2004. С. 91–93; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 156–157; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. С. 249–251.
- ²⁹ *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 156.
- ³⁰ Проект Всемиловейшей Грамоты, российскому народу жалуемой. Писарская копия // ОР РНБ. Ф. 637 (К. Г. Репинский). Оп. 1. Д. 922. Л. 1–18.
- ³¹ Цит. по: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. С. 576.
- ³² Проект Гражданского уложения Российской империи. Ч. 1: О праве личном. СПб., 1810.
- ³³ ПСЗ-И. Т. XXXI. № 24064.
- ³⁴ *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 59; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. 2-е изд. С. 248.
- ³⁵ Проект Гражданского уложения. Ч. 1–3. СПб., 1814.

- ³⁶ Дело об учреждении при Комиссии составления законов типографии. 20 марта — 3 октября 1817 г. // РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–41.
- ³⁷ *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 77–82; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 366–368.
- ³⁸ Цит. по: *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 100–101.
- ³⁹ Цит. по: Там же. С. 102.
- ⁴⁰ Журналы Государственного совета по рассмотрению проекта Гражданского уложения. 24 ноября 1821 г. — 28 мая 1823 г. Списки // РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–216.
- ⁴¹ *Кодан С. В., Тараборин Р. С.* Несостоявшаяся кодификация гражданского законодательства России. 1800–1825 гг. Проект Гражданского уложения Российской империи. 1809–1812. Екатеринбург, 2002. С. 54, 58; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. С. 255.
- ⁴² *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. III.
- ⁴³ *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 533–597.
- ⁴⁴ Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906; Записка надворного советника Иванова «О внутреннем управлении Российской империи». 13 апреля 1826 г. // РГИА. Ф. 1251 (Бумаги М. М. Сперанского). Оп. 1. Д. 75. Л. 1 — 10 об.; Записка неизвестного лица «О преимуществах законной самодержавной власти» // Там же. Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 года). Оп. 1. Д. 53. Л. 1–5; Размышления неизвестного о государственном управлении вообще. 1826 г. // Там же. Д. 52. Л. 1–30; Рассуждения неизвестного об основаниях системы правления в России. 1826 г. Л. 2–20; Записка 1827 г. неизвестного о современном состоянии России // Там же. Д. 133. Л. 2 об. — 20; Записка неизвестного о внутреннем управлении России. 1827 г. // Там же. Д. 134. Л. 1 — 3 об.
- ⁴⁵ *Смирнова А. А.* Второе Отделение Собственной ЕИВ Канцелярии: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 1–24; *Уткин Н. И., Смирнова А. А.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии на службе государству: к вопросу о роли чрезвычайных органов государства в деле кодификации законов Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. СПб., 2013. С. 91–94.
- ⁴⁶ *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018. С. 60–62.
- ⁴⁷ *Кодан С. В.* Систематизация законодательства в юридической политике Российского государства в 30–40-х годах XIX в. // История отечественного государства и права: методология изучения и методика преподавания. Екатеринбург, 2001. С. 161; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. С. 258.
- ⁴⁸ *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. С. 138; *Филиппов А. А.* Сперанский как кодификатор русского права // Русская мысль. 1909. Кн. 10. С. 214; *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. С. 59–60.
- ⁴⁹ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 136, 140–141.
- ⁵⁰ Цит. по: *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 138–139.
- ⁵¹ Автограф карандашом черновой записки М. М. Сперанского на французском языке // РГИА. Ф. 1646 (Бумаги П. М. Майкова). Оп. 1. Д. 87. Л. 130. Перевод с фр. И. П. Медведева.
- ⁵² Цит. по: *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 139.

- ⁵³ *Сперанский М. М.* Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 2. С. 2.
- ⁵⁴ *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. С. 138–139.
- ⁵⁵ *Бычков А. Ф.* К 50-летию II Отделения СЕИВ Канцелярии // Русская старина. 1876. Т. 2. С. 431.
- ⁵⁶ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. 142.
- ⁵⁷ *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. С. 59–60.
- ⁵⁸ *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. С. 140.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 87. Л. 11.
- ⁶⁰ *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 142; Об определении в число писарей Второго Отделения СЕИВК 5-х кантонистов Павлова, Кузнецова, Митюгова, Тимофеева и Пермякова. 27 августа 1827 г. // РГИА. Ф. 1261 (Второе отделение СЕИВК). Оп. 1. Д. 90. Л. 1–64.
- ⁶¹ *Сперанский М. М.* 1) Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских. С. 2; 2) Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. 158–168.
- ⁶² Отчеты о трудах Второго Отделения СЕИВК с 24 апреля 1826 г. по 1 января 1831 // Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 276 (Издательский фонд). Д. 118. Л. 1 – 39 об.
- ⁶³ Там же. Л. 2 – 4 об.
- ⁶⁴ О совокупном пересмотре и исправлении разных частей законодательства // РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 87. Л. 131 – 135 об.
- ⁶⁵ ПСЗ-II. Т. III. № 1983.
- ⁶⁶ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. 169.
- ⁶⁷ Там же. С. 190–193.
- ⁶⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. С. 47, 80.
- ⁶⁹ *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. С. 61, 69, 82.
- ⁷⁰ *Сперанский М. М.* Рассуждения о духе и зрелости политической реформы в России. (Беседа М. М. Сперанского с Александром I) / Пер. с фр. // ОР РНБ. Ф. 637. Д. 745. Л. 1.
- ⁷¹ *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. III–X.
- ⁷² Северная пчела. 12 октября 1834 г. № 231.
- ⁷³ *Сидорчук М. В.* О систематизации законодательства в России (1826–1832) // Правоведение. 1990. № 6. С. 26–32; *Уткин Н. И., Смирнова А. А.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии на службе государству. С. 91.
- ⁷⁴ *Кодан С. В.* Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 195; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование Николая I. С. 259.
- ⁷⁵ История государства и права зарубежных стран. Т. 2. С. 122–156.
- ⁷⁶ Указ от 24 мая 1835 г. «Об отношении между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими в оные по найму» // ПСЗ-II. Т. X. Отд. 1. № 8157. С. 447–448; Указ от 7 августа 1845 г. «О запрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» // Там же. Т. XX. Ч. 1. № 19262. С. 591.
- ⁷⁷ *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. С. 257–263, 309–320.

References

- FILIPPOV A. A. Speranskiy kak kodifikator russkogo prava [Speransky as a codifier of Russian law] // *Russkaya mysl'*. 1909. Kn. 10. S. 206–208.
- KODAN S. V. Sistematzatsiya zakonodatel'stva v uridicheskoi politike Rossiyskogo gosudarstva 30–40-kh godov XIX v. [Systematization of Legislation in the Legal Policy of the Russian State in the 30s–40s of the 19th Century] // *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: metodologiya izucheniya i metodika prepodavaniya*. Yekaterinburg, 2001. S. 157–170.
- KODAN S. V. *Yuridicheskaya politika Rossiyskogo gosudarstva v 1800–1850-ye gg.: deyateli, idei, instituty* [Legal Policy of the Russian State in the 1800–1850s: Figures, Ideas, Institutions]. Yekaterinburg, 2005.
- KODAN S. V., TARABORIN R. S. *Nesostoyavshayasya kodifikatsiya natsional'nogo zakonodatel'stva Rossii. 1800–1825 gg. Proyekt Grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. 1809–1812*. [The failed codification of the civil legislation of Russia. 1800–1825. Draft Civil Code of the Russian Empire. 1809–1812]. Yekaterinburg, 2002.
- KORF M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo* [Korf M. A. Life of Count Speransky]. T. 2. St Petersburg, 1861.
- MAYKOV P. M. *Vtoroye otdeleniye Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1826–1882 gg.* [The Second Section of His Own Imperial Majesty's Office. 1826–1882]. St Petersburg, 1906.
- NOI'DE A. E. M. *Speranskiy. Biografiya* [M. M. Speransky. Biography]. Moscow, 2004.
- PISAR'KOVA L. F. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossii v pervoy chetverti XIX v.: zamysly, proyekty, voploshcheniye* [State Administration of Russia in the First Quarter of the 19th Century: Concepts, Projects, Incarnation]. Moscow, 2012.
- RUZHITSKAYA I. V. *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanii Nikolaya I* [Legislative activity in the reign of Nicholas I]. 2-ye izd. Moscow; St Petersburg, 2015.
- RUZHITSKAYA I. V. *Gosudarstvennyy sovet pri Nikolaye I: osobenosti funktsionirovaniya* [State Council under Nicholas I: features of functioning]. Moscow; St Petersburg, 2018.
- SIDORCHUK M. V. O sistematzatsii zakonodatel'stva v Rossii (1826–1832) [On Systematization of Legislation in Russia (1826–1832)] // *Pravovedeniye*. 1990. N6. S. 26–32.
- SMIRNOVA A. A. *Vtoroye Otdeleniye Sobstvennoy YEIV Kantselyarii* [The Second Section of His Own Imperial Majesty's Office]: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, 2009.
- SPERANSKIY M. M. *Obozreniye istoricheskikh svedeniy o Svode zakonov* [Review of historical information about the Code.]. St Petersburg, 1833.
- SPERANSKIY M. M. Ob'yasnitel'naya zapiska sodержaniya i polozheniya Svoda zakonov grazhdanskikh [Explanatory note on the content and location of the Code of Civil Laws] // *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy, odnosyashchikhsya k Rossii*. St Petersburg, 1859. Kn. 2. S. 1–26.
- SPERANSKIY M. M. *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [Guide to the knowledge of laws]. Pod red. I. D. Osipova. St Petersburg, 2002.
- SPERANSKIY M. M. *Proyekty i zapiski* [Projects and Notes]. Pod red. S. N. Valka. Leningrad; Moscow, 1961.
- UTKIN N. I., SMIRNOVA. A. *Vtoroye otdeleniye Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii na sluzhbe gosudarstvu: k voprosy o roli chrezvychainykh organov gosudarstva v dele kodifikatsii zakonov rossiyskoi imperii* [The Second Section of His Own Imperial Majesty's Office in the Service of the State: On the Role of State Emergency Bodies in Codifying the Laws of the Russian Empire]. St Petersburg, 2013. S. 91–94.

Список литературы

- Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861.
- Кодан С. В. Систематизация законодательства в юридической политике Российского государства 30–40-х годах XIX в. // История отечественного государства и права: методология изучения и методика преподавания. Екатеринбург, 2001. С. 157–170.
- Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005.
- Кодан С. В., Тараборин Р. С. Несостоявшаяся кодификация гражданского законодательства России. 1800–1825 гг. Проект Гражданского уложения Российской империи. 1809–1812. Екатеринбург, 2002.
- Майков П. М. Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. СПб., 1906.
- Нольде А. Э. М. М. Сперанский. Биография. М., 2004.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.

Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование Николая I. 2-е изд. М., 2015.

Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018.

Сидорчук М. В. О систематизации законодательства в России (1826–1832) // Правоведение. 1990. № 6. С. 26–32.

Смирнова А. А. Второе Отделение Собственной ЕИВ Канцелярии: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833.

Сперанский М. М. Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 2. С. 1–26.

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. И. Д. Осипов. СПб., 2002.

Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961.

Уткин Н. И., Смирнова А. А. Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии на службе государству: к вопросу о роли чрезвычайных органов государства в деле кодификации законов Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. СПб., 2013. С. 91–94.

Филиппов А. А. Сперанский как кодификатор русского права // Русская мысль. 1909. Кн. 10. С. 206–208.

Т. В. Андреева. Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии: технология законотворчества. 1826–1832 гг.

В статье впервые в историографии законодательная деятельность Второго отделения СЕИВК рассматривается как составная часть процесса реализации общей реформаторской программы, носящей целостный и системный характер и направленной на модернизацию российской государственности. Особое внимание уделено изучению исторических предпосылок и определению причин актуализации реформы законодательства в начале царствования Николая I. Проблема упорядочения и консолидации отечественного права, создания единых для всей Российской империи Полного собрания и Свода законов впервые изучается в контексте институциональных преобразований, в тесной связи с вопросами усовершенствования администрации, создания единой системы государственного управления, а также постепенного реформирования социальной структуры страны. Последовательное падение действенности и ослабление абсолютистской управленческой модели в условиях отсутствия законодательных основ ее деятельности заставляли верховную власть и формирующуюся «просвещенную бюрократию» искать пути ее адаптации к новым историческим условиям. В работе акцент сделан на выявлении преемственных и отличительных черт реформаторской политики в законодательной сфере начала николаевского правления и предыдущих царствований. Важнейшие механизмы функционирования и основные принципы деятельности Второго отделения СЕИВК исследуются во взаимосвязи с его правовым и учрежденческим статусом. Впервые изучена технология реализации программы систематизации российских законов М. М. Сперанского, исследована организация деятельности Второго отделения в учрежденческом и бюрократическом смыслах, выявлены ее основные этапы. Обосновывается вывод о том, что стратегической целью преобразований в области законодательства являлось укрепление Российского государства путем формирования нового типа абсолютизма, сочетающего авторитарную власть монарха с усовершенствованной, развитой системой законодательства. Это было обусловлено как объективной необходимостью утверждения твердых законодательных основ политического строя, так и субъективным осмыслением Николаем I паралича власти в период междуцарствия и уроков 14 декабря 1825 г.

Ключевые слова: российское законодательство, комиссии составления законов, Николай I, М. М. Сперанский, Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии, модернизация.

T. V. Andreeva. The Second Section of His Imperial Majesty Own Chancellery: lawmaking technology. 1826–1832

In the article, for the first time in historiography, the legislative activity of the Second Section of His Imperial Majesty Own Chancellery is considered as an integral part of the process of implementing of the reform program, which, according to the author, was both comprehensive and systematic in nature and had the purpose of Russian statehood modernization. Particular attention is paid to the historical background and the reasons for the actualization of law reform at the beginning of the reign of Nicholas I. The problem of streamlining and consolidation of domestic law, the creation of the Complete Collection of Laws and of the Code of Law common to all parts of the Russian Empire is studied for the first time in the context of institutional transformations, in close connection with the issues of improvement of administration, creation of the unified government system, and also gradual reform of the social structure of the country. The decline of efficiency and the subsequent weakening of the absolutist management model in the absence of a legislative basis for its activities made the supreme power and the emerging “enlightened bureaucracy” to look for ways to adjust it to new historical conditions. The study focuses on identifying the common and distinctive features of the reform policy in the legislative sphere of the beginning of Emperor Nicholas I rule as compared to previous reigns. The most important mechanisms of functioning and the basic principles of the activities of the Second Section of His Imperial Majesty Own Chancellery are investigated in conjunction with its legal and institutional status. For the first time, the technology of implementing the program of systematization of Russian laws by M. M. Speransky is studied, the organization of the work of the Second Section is studied in institutional and bureaucratic terms, and its main stages are identified. The author argues the conclusion that the strategic goal of the reforms in the field of legislation was to strengthen the Russian state through forming a new type of absolutism combining the authoritarian power of the monarch with an improved, developed system of legislation. This goal was set due, both, to the objective necessity of establishing firm legislative foundations of the political system, and to the subjective comprehension by Nicholas I of the paralysis of power during the interregnum, and also the lessons of December 14, 1825.

Key words: Russian legislation, commissions for drafting laws, Nikolai I, M. M. Speransky, Second Section of His Imperial Majesty Own Chancellery, modernization.

Андреева, Татьяна Васильевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Andreeva, Tatiana Vasilievna — Dr. of Sciences (History), Russian Academy of Sciences, St Petersburg Institute of History, major scientist.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Л. В. Выскочков

До междоусарствия. «Ангел» Александр и великий князь Николай Павлович (3 июля 1819 — 1 сентября 1825)¹

3 июля 1819 г. в Императорской фамилии произошло событие, в корне изменившее отношения между братьями, которое привело к запуску механизма междоусарствия после кончины Александра I. Это был конфиденциальный разговор Александра I с великим князем Николаем Павловичем о судьбах престолонаследия. Разговор состоялся во время летних лагерей Гвардейского корпуса в Красном Селе после смотра 2-й бригады I Гвардейской пехотной дивизии, которой командовал Николай Павлович.

Николай Павлович и Александра Федоровна оставили воспоминания об этом памятном дне, не называя конкретной даты. Тогда Александр I, отметив «семейное блаженство» Николая, которого не знал ни он сам, ни их брат Константин, по воспоминаниям Николая I, заявил, что Константин «решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более, что они оба видят в вас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство!»² Эмоциональное свидетельство оставила в своих записках Александра Федоровна: «Мы сидели словно окаменелые, широко раскрыв глаза, и не были в состоянии произнести ни слова»³. Николай Павлович тогда не вел дневник, но точную дату этого разговора можно установить, анализируя камер-фурьерский журнал за 1819 г. В июле в нем зафиксированы три инспекции войск Александра I в присутствии Николая

Павловича: 3, 8 и 11 июля, но только 3 июля три брата (Александр, Николай и Михаил) в 6 часов утра «вместе соизволили иметь выезд на Красносельское поле на учение маневр, — по учению оногo Его Величество изволил быть у Его Высочества Великого князя Николая Павловича, а оттуда возвратился в квартиру своего пребывания»⁴.

В то время Константин Павлович еще продолжал добиваться права на развод с Анной Федоровной, но к моменту памятного разговора у него явно была договоренность с Александром I. 20 марта 1820 г. последовал манифест. В нем говорилось, что супруга цесаревича еще в 1801 г., т. е. 19 лет назад, удалилась «в чужие края по крайне расстроенному состоянию Ея здоровья, как донныне к нему не возвращалась, так и впредь, по личному Ея объявлению, возвратиться в Россию не может»⁵. Фактически она бежала от грубого мужа. Как тогда говорили, супруги «разъехались». По просьбе Константина и по представлению Александра I, Святейший синод разрешил расторгнуть брак. Согласившись с этим решением, Александр I внес в манифест «дополнительное постановление об Императорской Фамилии»: «Если какое лицо из Императорской Фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответствующего достоинства, то есть, не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, в таком случае лицо Императорской Фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам Императорской Фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование Престола»⁶. 12 мая 1820 г. состоялось венчание Константина Павловича.

Не касаясь сейчас контактов Николая Павловича с цесаревичем, проследим его взаимоотношения с императором. Как командир бригады Николай Павлович участвовал в 1821 г. в походе Гвардейского корпуса в «Литовские губернии» и, после маневров при местечке Бешенковичи Витебской губернии (в 60 км от Витебска), остался там с войсками на зимних квартирах. В сентябре того же года Александр I наблюдал за маневрами и произвел смотр гвардии. Великие князья Николай и Михаил командовали своими бригадами. Царь остался доволен, но и только. Николай Павлович не получил продвижения по службе. Единственно, 5 ноября 1821 г. он был назначен шефом польского 1-го егерского полка, который входил в 3-ю бригаду I пехотной дивизии армии Царства Польского. То есть по этой должности он был сопричастен цесаревичу Константину Павловичу.

С 1822 по 1825 г. контакты Николая Павловича с Александром I можно проследить по дневникам Николая Павловича⁷. В начале 1822 г. происходит знаковое событие, когда интрига с престолонаследием получила свое продолжение. С 3 по 15 января Константин Павлович находился в Петербурге. В эти дни все четыре брата почти каждый день были по утрам на разводе караула. По дороге к дворцовому экзерциргаузу Николай Павлович предварительно заезжал в Мраморный дворец к брату, а затем вместе с Михаилом присутствовал на разводе, который принимал Александр I. Были и отдельные встречи с Кон-

стантином. 14 января Николай Павлович отметил, что вместе с женой посетил Константина в Мраморном дворце. Именно этим днем Константин Павлович датировал чистовой вариант официального письма Александру I, черновой вариант которого был предварительно рассмотрен и исправлен императором: «Всемиловнейший государь! <...> Не чувствуя в Себе ни дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению Моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после Меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение Нашего Государства. Сим могу Я прибавить еще новый залог и новую силу тому обязательству, которое дал я непринужденно и торжественно при случае развода Моего с первой моей женой»⁸. В заключение Константин Павлович обещал, «поступая в партикулярную жизнь», быть примером для верноподданных.

Дневник Николая Павловича фиксирует частые встречи братьев, но не раскрывает содержания разговоров, хотя именно в тот приезд цесаревича в Санкт-Петербург всё решилось. Когда младший брат Михаил Павлович прощался с цесаревичем, то Константин, уже садясь в сани, произнес известный монолог. В русском переводе он передается с небольшими разночтениями: «Помнишь мои слова в Варшаве! Сегодня вечером всё устроилось... Государь обещал составить обо всем этом особый акт и положить его к прочим, хранящимся на престоле в московском Успенском соборе; но акт этот будет содержим в глубокой тайне и огласится только тогда, когда настанет для этого нужная пора»⁹. Цесаревич намеренно завел этот разговор с Михаилом Павловичем в надежде, что тот передаст его содержание Николаю и тем самым Константин «заранее хотел продемонстрировать ему свою лояльность и преданность»¹⁰. 2 февраля 1822 г. Александр I писал: «Любезнейший брат! <...> Нам обоим остается, уважив причины, Вами изъясненные, дать полную свободу вам следовать непоколебимому решению вашему, прося всемогущего Бога, дабы он благословил последствия столь чистейших намерений»¹¹. Пока всё это были личные письма, а не официальные документы.

В 1947 г. С. Б. Окунь высказал мнение, что отказ Константина не был добровольным, а был вызван давлением на него вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Александра I, которых беспокоили чистота и сохранение династии. Аналогичной точки зрения придерживается М. М. Сафонов и ряд других исследователей. В то же время Я. А. Гордин и С. В. Мироненко не сомневаются в добровольном отказе цесаревича. Т. В. Андреева объясняет этот акт как политическую сделку между Александром I, Марией Федоровной и цесаревичем Константином Павловичем, наметившуюся еще в 1801 г., которая должна была гарантировать династию от «вырождения»¹².

После письма Константина Павловича от 14 декабря 1822 г. был подготовлен манифест, в составлении которого в июле 1823 г. принял участие архиепископ московский Филарет. Однако перед отъездом в Москву Филарету

пришлось заехать в Царское Село, где на квартире А. Н. Голицына он вновь увидел свой текст, но уже после просмотра Александром I. Как отмечал Н. К. Шильдер, А. Н. Голицын был соавтором манифеста, и ему принадлежала последняя (четвертая) его редакция. Некоторые слова были подчеркнуты императором карандашом. Стараясь угадать смысл замечаний, архиепископ внес исправления. Этот документ и был подписан Александром I в Царском Селе 16 августа 1823 г. как манифест о добровольном отречении Константина Павловича от престола: «<...> с согласия августейшей родительницы нашей <...> мы определили: во-первых: свободному отречению первого брата нашего, цесаревича и великого князя Константина от права на всероссийский престол быть твердым и неизменным <...> Во-вторых, вследствие того, на точном основании акта о престолонаследии престола, наследником нашим быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу»¹³. Формулировки были более жесткими по сравнению с письмом Александра Константину от 2 февраля 1822 г.

Подготовленный манифест Александр I решил скрыть от общества. 25 августа император прибыл в Москву, а 27 августа А. А. Аракчеев вручил запечатанный экземпляр манифеста Филарету, которому 29 августа под наблюдением временщика удалось, не привлекая лишнего внимания, положить запечатанный пакет с манифестом и письмами за алтарем Успенского собора в специальный опечатанный ковчег. Догадаться, что в Успенском соборе может храниться манифест, непосвященным было невозможно: это была тайна для претендентов на престол, тайна для общества и тайна для возможных заговорщиков.

По предложению Филарета, император согласился на изготовление трех копий для Петербурга. Три запечатанных пакета с документами, скопированными рукой А. Н. Голицына, были доставлены для хранения в Государственный совет, Сенат и Синод 15 октября. В Москве тайну удалось сохранить, а в Петербурге осенью и зимой прошли невнятные слухи о каких-то запечатанных пакетах. О содержании документов, кроме архиепископа Филарета, знали Мария Федоровна, упомянутый князь А. Н. Голицын, граф А. А. Аракчеев, председатель Государственного совета князь П. В. Лопухин, историограф Н. М. Карамзин, который тщательно хранил тайну. Запечатанные печатью императора секретные пакеты с манифестом имели собственноручную надпись Александра I: «Хранить в Государственном совете (аналогично — в Успенском соборе, Сенате, Синоде. — Л. В.) до моего востребования, а в случае моей кончины, раскрыть, прежде всякого другого действия, в чрезвычайном собрании»¹⁴. Впрочем, неопубликованный манифест не имел силу закона, пока это был только проект манифеста. Александр I в любой момент мог потребовать их назад. Константин Павлович и Николай Павлович могли сколь угодно долго мучиться вопросом о судьбе престолонаследия. В монографии о декабристе М. С. Луние, одном из доверенных лиц цесаревича, С. Б. Окунь пишет: «В то же время бесспорным представляется тот факт, что Александр, добившись отречения Константина,

получив его согласие, счел необходимым скрыть от цесаревича манифест о передаче престола Николаю»¹⁵. На самом деле, Константин, судя по всему, знал о существовании секретного манифеста от 16 августа 1823 г., но никогда не заводил об этом разговора с Николаем Павловичем.

15 февраля 1823 г. Константин прибыл в Санкт-Петербург и пробыл в столице до 2 марта. Николай Павлович встречался с ним ежедневно и, как правило, несколько раз в день. Это были утренние разводы караула, которые почти всегда принимал лично Александр I. После этого в Зимнем дворце следовали разборки. Николай Павлович приходил на все разводы и особенно трепетно отмечал реакцию императора на разводы батальонов его бригады. 17 марта был развод 2-го батальона л.-гв. Измайловского полка, а 18 февраля — 2-го батальона л.-гв. Егерского полка. «Ангел» (как называли в домашнем кругу Александра I и как назвал его в дневниках Николай Павлович) был доволен. В эти дни обедали в семейном кругу, когда присутствовали все четыре брата.

В 1824 г. Константин Павлович вновь приехал в С.-Петербург, также в феврале, пробыв в столице с 7 по 20 февраля. Центральным событием этого приезда была свадьба великого князя Михаила Павловича и Елены Павловны, состоявшаяся 8 февраля.

24 июля Николай Павлович, сопровождая отправляющуюся на лечение супругу Александру Федоровну, поднялся в Ораниенбауме на борт корабля «Эмгейтен». Оставив жену в Германии, он затем инспектировал крепости в Бобруйске и Динабурге. В Петербург он вернулся 12 ноября, увидев последствия ноябрьского наводнения. В дневнике Николая Павловича осталась запись: «<...> в городской коляске к Ангелу, ждал, принимает меня в рубашке, говорил, очень огорчен разгромом, ужасные подробности, 400 человек погибло, вода на площадях и на улицах в два с половиной аршина, на 11 футов выше нормального уровня»¹⁶.

На протяжении последующих 18 дней встречи Николая Павловича с «Ангелом» были ежедневными. 29 ноября Николай Павлович попрощался с императором и отбыл вновь в Берлин. В столице Пруссии он 7 (19) декабря встретился с Александрой Федоровной. 9 (21) декабря Николай отписал «Ангелу», вероятно, сообщая о благополучном прибытии. 25 февраля (9 марта) 1825 г. Николай Павлович, сопровождая Александру Федоровну, подъехал к Петербургу. У Красного Кабачка (в пяти верстах от С.-Петербурга) пришла эстафета от Марии Федоровны. Она извещала, что «Ангел» встречает их в санях. Николай зафиксировал эту встречу: «<...> вышел из экипажа, приезжает, обнялись, он садится с женой, я в своих санях, обогнал их в городе и встретил Ангела и жену в дверях, на лестнице»¹⁷. Произошло это в шестом часу вечера на лестнице Аничкова дворца¹⁸. Такая вот семейная идиллия! Возможно, это было связано с семимесячным отсутствием Николая, но, может быть, были и другие причины. Николай опередил цесаревича всего на один день — Константин Павлович прибыл в столицу 26 февраля, где пробыл до 4 марта.

Вновь Николай Павлович не пропускает разводов караулов своих батальонов — саперов, егерей, измайловцев, которые проходили в экерциргаузах Зимнего дворца и Михайловского замка, фиксирует в дневниках реакцию «Ангела» на эти разводы. «Ангел» иногда выражает особую благодарность брату и некоторым офицерам, а Николай Павлович, как правило, солдатам, записывая в дневнике «рубель, фунт и чарка», т.е. дополнительно на каждого рубль денег (один раз было два рубля), фунт мяса и чарка водки (иначе — порцион, равный 0,123 л). Свообразным экзаменом воинской подготовки войск гвардии был традиционный парад на Марсовом поле. Обычно он проходил в мае, но в 1825 г., в связи с тем что императора не было, состоялся 20 июня. Николай Павлович после парада записал: «Ангел очень доволен, благодарил много раз»¹⁹.

С именем великого князя Николая Павловича связано не только учреждение известного Инженерного училища в Михайловском замке, но и создание в 1823 г. школы подпрапорщиков для обучения молодых дворян после университетов и пансионов для выпуска их в полки гвардейской кавалерии. Этот сюжет был одной из тем бесед с Александром I. Характерна запись в дневнике от 5 августа 1825 г.: «<...> поехал с Ангелом в городской коляске в Чернышов дом²⁰, обошел, читал бумаги, касающиеся школы, отдает приказы Воину²¹ и мне насчет кавалерийской школы, потом поехал с ним, высадился у Зимнего дворца»²². Даже Александру Федоровну Николай Павлович свозил в школу на экскурсию²³.

Рутинная армейская служба всё больше тяготила великого князя. Только 1 марта в дневнике Николая Павловича появляется запись, что Александр I наконец-то повысил его по службе. Он записал: «<...> поехал в одноконных саях к Ангелу, ждал, вошел, говорил о делах и о назначении в дивизию, показал мне самородное золото из наших копей, великолепно»²⁴. Назначение состоялось незадолго до этого, 27 февраля 1825 г. Николай Павлович был назначен начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии. Зная привязанность своего брата к подшефным частям, Александр I изменил распределение гвардейских полков по бригадам. Таким образом, в состав 2-й дивизии вошли 3-я бригада (измайловцы, павловцы, гвардейский саперный батальон) и 4-я бригада (егерцы и финляндцы). Но горький осадок за все эти годы остался в душе Николая Павловича, который всё менее смирялся со своей участью. Когда граф А. И. Рибобьер, находившийся в 1824–1826 гг. с миссией в Турции, представлялся после прибытия Николаю I, тот не скрыл своих чувств: «Что скажешь? <...> Ты оставил меня бригадным генералом, а видишь теперь императором»²⁵.

Насколько Николай Павлович был осведомлен о намерениях Александра I по вопросу престолонаследия? Мнение Н. Д. Чечулина и других исследователей о том, что Николаю Павловичу «не было ничего сообщено о существовании актов»²⁶, вызывает возражение, хотя сам Николай Павлович на публике старательно поддерживал эту версию. В общих чертах о существовании манифеста Николай Павлович знал — от Марии Федоровны, Михаила Павловича, сестры

Марии Павловны, принца Вильгельма Прусского, но не знал «официально». Для «законника» Николая это было важно. Возможно, он и поэтому отнекивался незнанием. Он одновременно знал (приватно) и не знал (формально). Кроме того, это не было окончательным решением императора.

Были осведомленные лица и за границей. Александр I сообщил о перемене в престолонаследии приезжавшему в Россию в октябре 1823 г. брату Александры Федоровны принцу Фридриху Вильгельму, который надолго остался в России, сопровождая императора в поездках. Не случайно в берлинском придворном календаре на 1824 г. Николай Павлович был назван наследником российского престола. Об этом узнал и принц Оранский (будущий голландский король Вильгельм II), побывавший в Петербурге весной 1825 г. Историк М. М. Сафонов делает акцент на сложных взаимоотношениях Александра I со своими братьями: «Пикантность ситуации состояла в том, что секретный пакет, в тайну которого были посвящены все заинтересованные лица, в любой момент мог быть востребован царем назад. Стоило Николаю сделать хоть малейший шаг, чтобы приблизить к себе престол, как трон был бы отодвинут от него»²⁷. О чрезвычайной подозрительности Александра I свидетельствуют воспоминания Александры Федоровны²⁸. Но более логично предположение Т. В. Андреевой, что после кончины болезненной Елизаветы Алексеевны император не исключал новый брак. Тогда в случае рождения сына мог появиться прямой законный наследник²⁹. Можно представить, какой пыткой для Николая Павловича была эта неопределенность в грядущей судьбе.

Встречи Николая Павловича с «Ангелом» становились всё более частыми. В начале 1825 г. Николай Павлович был в отъезде, но 25 февраля он возвратился в столицу. В конце этого месяца братья встречались 4 дня подряд — с 25 по 28 февраля. Месяцем активных контактов был март — на протяжении 22 дней: с 1 по 4 марта ежедневно, 8 марта, с 10 по 13 марта, с 15 по 17 и с 22 по 31 марта ежедневно. 1 апреля Николай Павлович проводил Александра I в Варшаву на Сейм. Великий князь остался в Петербурге, часто навещая жену в Царском Селе, где 12 (24) июня родилась великая княжна Александра Николаевна. На следующий день вернулся из Польши Александр I, и в дневнике Николая Павловича в записи от 13 июня отмечена встреча в Царском Селе: «<...> говорили по-семейному с братьями и сестрами»³⁰.

Во второй половине июня контакты братьев происходили на протяжении 11 дней. 14 (26) июня Николай Павлович и Александр I встречались не менее четырех раз, в том числе на благодарственном молебне «Те деум за жену и малышку»³¹. В последующие два дня в Царском Селе братья встречались два раза в день. 17 (29) июня великий князь присутствовал на Марсовом поле. Это была репетиция парада, но Александра, судя по всему, не было. 18 (30) и 19 июня (1 июля) зафиксировано по одной встрече в день. 20 июня (2 июля) Александр I принимал парад гвардии на Марсовом поле. Николай записал в дневнике: «Ангел очень доволен, благодарил много раз за успехи Павловского

и Финляндского»³². И еще раз поблагодарил вечером в Царском Селе. На следующий день Николай Павлович из Царского Села отправился с войсками в летние лагеря в Красное Село, возвращаясь на ночь к жене в Царское. На второй день после прибытия Николая Павловича в Красное Село, 22 июня (4 июля), появилась запись в его дневнике: «<...> Ангел присылает за мной, вернулся, поднимается (подчеркнуто Николаем. — Л. В.) и садится в мое место у кровати, говорил»³³. 23 июня (5 июля) «Ангел» прислал за великим князем. На следующий день вечером, Николай, вернулся в Царское Село, вероятно, в свои комнаты в Александровском дворце, где у него была своя «половина» (это подтверждает упоминание на следующий день об играх с мальчиками в «колоннаде»). Его ожидали подарки, которые тогда было принято преподносить накануне дня рождения. «Ангел присылает за мной, говорил, иду с ним к матушке в большой кабинет», — записал великий князь, имея в виду Екатерининский дворец³⁴. Возможно, это был «Кабинет карельской березы» в личных комнатах Марии Федоровны.

Утром 25 июня (7 июля) Николай Павлович в парадном измайловском мундире пришел на утренний прием к императору в Царскосельский дворец в сопровождении сына Александра, который был в гусарском мундире. Вместе с царственным братом он присутствовал затем в церкви на обедне. Семейные разговоры продолжились во время семейного обеда: «Михаил с женой, Ангел и Императрица], идем обедать через спальню во 2-ю большую гостиную (вероятно, Голубая гостиная. — Л. В.), обедали, отообедали, вернулись в Большой кабинет, говорили»³⁵.

В июле встречи в Красном Селе и Царском Селе происходили на протяжении 12 дней: с 8 по 17 июля и с 21 по 25 июля. Император осматривал лагерь саперов и присутствовал на учениях, которые проводил великий князь, в частности на артиллерийских маневрах и испытаниях «минных флаконов»³⁶. 9 (21) июля Николай принимал императора в своем доме и снова он «говорил»³⁷. «Ангел» был доволен всеми действиями подопечных Николая Павловича. Несколько раз Александр I беседовал и с Александрой Федоровной. А 12 (24) июля в Павловске состоялось крещение Адини (Александры Николаевны), в связи с чем Мария Федоровна устроила прием и обед в Большой галерее (Галерея Гонзаго). Николай Павлович (а заодно и В. А. Жуковский) получили награды. Наиболее частыми контакты были в августе. Николай Павлович общался с «Ангелом» 18 дней: с 1 по 10 августа, с 14 по 16 августа, затем — 20, 25, 27, 29 и 30 августа.

Николай Павлович встречался с императором в 1825 г. на протяжении 69 дней, но так как обычно встречи происходили по несколько раз в день, то контактов и разговоров было намного больше. Следует иметь в виду, что в разъездах были и Александр I и Николай Павлович. Когда их не было, происходил обмен письмами. Николай Павлович писал «Ангелу» 23 января, 23 февраля, 20 апреля, 13 июня — в день приезда императора. В ответ получил письма

2 января и 13 мая, а 28 мая прибыл «курьер от Ангела с письмом для жены»³⁸. Новости от императора Николай Павлович узнавал также от «Матушки».

Несомненно, тяжелым днем, особенно для Ангела, был памятный день царубийства 11 марта. В 1822 г. Николай Павлович находился в дороге, но в последующие годы, 1823, 1824, 1825 гг. он фиксирует, как проводили этот траурный день, напоминающий об убийстве его отца Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. В этот день, 11 марта, в Зимнем дворце проходил большой выход, панихида и заупокойная служба по «Батюшке», а потом следовала поездка в Петропавловскую крепость к его могиле, где служба повторялась. В 1824 г., кроме того, перед службой в Малой церкви, Ангел позвал Николая в свой кабинет к военно-походному алтарю. Этот алтарь сопровождал императора его в путешествиях. В 1825 г. Николай Павлович перечислил членов Императорской фамилии, участвующих в церемонии, и записал в дневнике: «<...> и я с Михаилом в крепость по реке, у ворот Ангел, а в церкви Имп[ератрица] (Елизавета Алексеевна. — Л. В.), обыкновенная панихида, вернулись таким же образом»³⁹. Камерфурьерский журнал уточняет, что панихида «в угловой Готлисовой комнате»⁴⁰ началась в 25 минут 1-го часа, а вся служба с литургией продолжалась полтора часа. Выезд в Петропавловский собор состоялся в 25 минут 5-го часа, а Николай Павлович и Михаил Павлович находились во второй карете. В Петропавловском соборе, у гробницы, была также совершена панихида «по покойном и вечной славы достойным Государе императоре Павле Петровиче»⁴¹.

Другой сферой контактов между Николаем Павловичем и Александром I были предложения великого князя по реформированию армии и более конкретные предложения по части военной униформы. Первые предложения «Ангел», как правило, отвергал, вторые — поддерживал. 12 марта 1823 г. Николай Павлович представил Александру I «Записку об уменьшении армии». На следующий день во время совместного обеда ее обсуждали⁴². Именно эту собственноручную записку Николай читал вслух 22 марта на заседании Военного комитета в присутствии А. А. Аракчеева⁴³. Она сохранилась в фонде Николая I в ГА РФ и не совсем точно датирована в описи 1824–1825 гг. Дневник Николая Павловича позволяет уточнить датировку ее появления — это март 1823 г. Она была написана по-русски, хотя и несколько корявым слогом и содержала предложения по реформированию армии с целью уменьшить расходы на ее содержание. Записка свидетельствует о знании основ комплектования армии и военной статистики⁴⁴. Проект принят не был, в том числе и потому, что он противоречил генеральной линии на создание военных поселений. В марте 1825 г. Николай представил Александру I «образцовых солдат» в штанах для гренадер, выполненных по его «модели» (реакция «Ангела» неизвестна)⁴⁵ и проект, о котором он записал: «<...> носить скатанную шинель в чехле поверх ранца, очень хорошо»⁴⁶. Последнее предложение было одобрено.

В конце марта — апреле 1825 г. в записной книжке Николая Павловича появились свидетельства прогрессирующей болезни Александра I. Еще летом

1823 г., во время военного смотра под Брест-Литовском, император получил травму ноги от случайного удара копытом лошади одного польского офицера. В январе 1824 г. болезнь осложнилась воспалением ноги. Судя по всему, развилось рожистое воспаление, которое, казалось, вылечили. Но 30 марта 1825 г. Николай записал, что во время развода «Ангел не приходит из-за своей ноги»⁴⁷. 31 апреля он отмечает «Ангел страдает от боли в ступне»⁴⁸. Возможно, старое заболевание крови ослабило организм и способствовало сепсису во время последнего Крымского турне «Ангела»⁴⁹.

Красносельские лагеря в июне и июле 1825 г. были последними для Александра I. 19 июля Николай Павлович «разобрал свой лагерь» и с войсками отправился в Петербург⁵⁰. Нужно было готовиться к Петергофскому празднику, который при жизни вдовствующей императрицы Марии Федоровны проходил 22 июля. В тот июльский день Николай Павлович четыре раза встречался с императором, который посетил также и Александру Федоровну. Празднества были продолжены на Каменном острове. Было известно, что осенью Александр I собирается в путешествие по России, на этот раз связанное и с поездкой Елизаветы Алексеевны для поправки ее здоровья. Именно поэтому во второй половине июля — начале августа 1825 г. в Императорской семье (в широком смысле слова) происходили постоянные взаимные встречи и переговоры. Эти встречи проходили в Царском Селе, но также и в Павловске, в Каменноостровском дворце Александра I, Елагиноостровском — Николая Павловича. Наиболее важными, судя по всему, были переговоры 31 июля, 4, 6, 7, 14, 16, 20, 25, 27 и 29 августа.

31 июля Александр I в комнате Александры Федоровны и в присутствии Николая Павловича беседовал с обоими супругами⁵¹. Затем, 4 августа, состоялись переговоры Николая и Михаила с Александром I в Каменноостровском дворце⁵². 6 августа, до обеда, в Царском Селе состоялась беседа между Николаем Павловичем, Марией Федоровной и Александром I. Николай пометил в дневнике: «Матушка очень грустна, наши жены вместе, все идут в Колоннаду обедать, отобедали, говорили». И добавляет сообщение о прибытии вечером из Павловска Марии Федоровны: «Матушка прибыла, недовольна, говорили»⁵³. На следующий день стало известно о дате отъезда Александра I. Николай Павлович записал: «Ангел сказал нам, что Императрица проведет зиму в Таганроге, едет тоже 1/13 сент[ября]»⁵⁴. Время стремительно сокращалось, Николай проявлял всё больше инициативы. 14 августа он поехал для встречи с «Ангелом» на Каменный остров и снова «говорил». Он встречался с императором в этот день четырежды! Возможность не торопясь переговорить представилась вечером. В записной книжке Николая Павловича записано: «Отобедали, говорили сидя, пошел с Ангелом и женой к ней, говорили»⁵⁵. Другими словами, для разговора уединились в комнатах Александры Федоровны. Через два дня, 16 августа, ситуация повторилась: «<...> у жены, Ангел, говорили»⁵⁶. Естественно, разговор шел не о модели штанов для саперов. Обсуждались актуальные проблемы,

которые требовали быстрого решения. 20 августа Николай поехал в Царское Село, ждал, «говорил с Ангелом, потом поехал к Матушке в Павловск»⁵⁷. 25 августа Николай Павлович вновь едет в Царское Село. Он беседовал с «Ангелом» и с Елизаветой Алексеевной, «потом вместе к Матушке <...> оттуда к Ангелу»⁵⁸, после чего состоялся совместный ужин.

Перед отъездом Александра I в Таганрог Николай Павлович вновь решился на откровенный разговор, чтобы объяснить со старшим братом по поводу престолонаследия. Ему нужна была ясность. Александр, по своему обыкновению, ушел от ответа. Весьма характерны дневниковые записи Николая Павловича от 27 августа 1825 г., через несколько дней после того, как почти все члены Императорской фамилии собрались в Царском селе, наносили друг другу визиты и вели беседы. В тот день Александра Федоровна посетила Марию Федоровну, а Николай Павлович — «Ангела». В записной книжке Николая Павловича осталась запись: «я к Ангелу, **он не может сделать того, что надо сделать**» (выделено мной. — Л. В.). В камер-фурьерском журнале зафиксировано: «В 45 минут 3-го часа к Их Величествам прибыли из Нового дворца (Александровского дворца. — Л. В.) Его Высочество Великий князь Николай Павлович с супругой. В 15 минут 4-го часа Их Величества с Их Высочествами из внутренних своих апартаментов изволили пойти к Императрице Марии Федоровне во внутренние апартаменты, где находился и Великий Князь Михаил Павлович»⁵⁹.

После прогулки и любования Царским Селом со смотровой площадки Белой башни в Александровском саду в записной книжке Николая Павловича снова интригующие подробности: «<...> идем обедать к Ангелу, отобедали (в 4 часа. — Л. В.), вернулись к Матушке, говорили, Ангел и Императрица] (имеется в виду Елизавета Алексеевна. — Л. В.) уходят. **Матушка сделала нам сцену, слезы**» (выделено мной. — Л. В.)⁶⁰. В 10 минут 11-го часа вечера Александр I в коляске «имел отъезд на Каменный остров».

О чем не удалось договориться, чем вызваны слезы Марии Федоровны? Скорее всего, речь шла о престолонаследии и необходимости оглашения секретного манифеста. Николай Павлович в своем мнении был не одинок. Известно, что накануне отъезда Александр I попросил А. Н. Голицына (одного из авторов манифеста 1823 г.) привести свои бумаги в порядок. Тогда-то Голицын обратил внимание на «неудобство», которое может возникнуть, «когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются на столь долгое время не обнародованными»⁶¹. Император, после минутного молчания, показал на небо и тихо сказал: «Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет всё устроить, нежели мы, слабые смертные»⁶². Действительно, старший брат просчитал всё, кроме неожиданной смерти в Таганроге.

В воспоминаниях Ольги Николаевны есть дополнительное свидетельство, которое до последнего времени трактовалась исследователями как ошибка в дате. Рассказывая (по семейным преданиям) о последних днях Александра I в Царском Селе, великая княжна сообщает: «Там же происходили

последние разговоры с Императором, в которых им впервые было упомянуто слово «отречение»⁶³. Ольга Николаевна не ошиблась и не перепутала год 1825 с 1819 г. Да, 3 июля 1819 г., как отмечалось, был разговор Александра I с Николаем Павловичем в присутствии Александры Федоровны. Но именно в конце августа 1825 г., наиболее драматично 27 августа, состоялись решающие семейные переговоры в присутствии всех основных заинтересованных лиц, в которых Николай Павлович выступил как активный участник переговоров о престолонаследии. Вероятно, он хотел всё равно какой, но определенности. До отъезда Александра I в его последний вояж в Таганрог оставалось 3 дня. 28 августа Александр I отбыл в столицу. На следующий день, 29 августа, Николай Павлович с Александрой Федоровной также отправились в Петербург на свой Елагин остров, соседний с Каменным.

В дневниковой записи от 29 августа Николай Павлович рассказывает, как прибыл к Александру I в Каменноостровский дворец с сообщением о своем приезде: «Ждал в генерал-адъютантской комнате, Ангел позвал меня, говорил» (выделено мной. — *Л. В.*)⁶⁴. Возможно, это было продолжение разговора, начатого два дня назад. Эта встреча состоялась до часа пополудни, так как в час дня, как сообщает камер-фурьерский журнал, прибыл «Высокопреосвященный митрополит Серафим просить Государя Императора посетить завтрашний день, то есть, 30 августа, Александро-Невскую лавру и был принят Его Величеством в верхнем кабинете»⁶⁵. Затем Александр I с Елизаветой Алексеевной отправился к «Матушке». За обеденным столом в Елагиноостровском дворце присутствовали великий князь Николай Павлович с Александрой Федоровной, а также принцесса Мария Вюртембергская⁶⁶. После обеда Александр I пригласил Александру Федоровну на прогулку. Николай Павлович запишет: «...жена возвращается, объявляет мне, что Ангел покупает нам Знаменское или дарит нам Меньшиков дом» (бывший участок Меншикова в Петергофе, т. е. будущую дачу «Александрию». — *Л. В.*). Что это? Утешительный приз? После отъезда Александра I князю А. Н. Голицыну 4 ноября было дано поручение от «Ангела» «уладить всё, чтобы дать нам участок Меньшикова» (подчеркнуто Николаем. — *Л. В.*)⁶⁷.

Но это будет позже, а пока наступило 30 августа, день св. Александра Невского, праздник тезоименитства Александра I и великого князя Александра Николаевича. С утра Николай Павлович отправился в Зимний дворец на смену караула гвардейских саперов, потом поехал в Таврический дворец со своим адъютантом В. А. Перовским. Там встретился с женой. «Ангел, — пишет Николай, — берет меня с собой в Невскую (лавру. — *Л. В.*)»⁶⁸. После большой службы и завтрака последовало возвращение в Таврический дворец. Отсюда Мария Федоровна, Николай Павлович с Александрой Федоровной и братом Михаилом в четырехместной карете направились в только что отстроенный Михайловский дворец. «Ангел в дверях, — отметил Николай Павлович, — с хлебом, солью и иконой»⁶⁹. Состоялось освящение дворца и «обед в голубом салоне

посредине» (вероятно, Танцевальный, ныне Академический зал с голубыми коринфскими колоннами и фризом из голубого искусственного мрамора)⁷⁰. Затем император покинул дворец. За ним последовали две императрицы — Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Николай Павлович с женой уезжает в Аничков дворец, где переодевается в дорожный костюм и вдвоем с Михаилом Павловичем следует в Царское Село. В дорожной карете их сопровождает Александра Федоровна с «Варенькой» (В. П. Ушаковой). В Царском Селе простились, и в 9 часов вечера Николай Павлович с «Фламом» (В. Ф. Адлербергом) выехал в Динабург (Даугавпилс).

На следующий день, 1 сентября, Александр Павлович из Каменноостровского дворца рано утром также через Царское Село отправился в Таганрог. В камер-фурьерском журнале (в левой стороне листа по «главной половине») зафиксировано: «В 6 часов утра Государь Император с Каменного острова один в коляске изволил прибыть в Царское село. А оттуда в 15 минут 8-го часа Его Величество с Генерал-адъютантом бароном Дибичем в коляске соблаговолил отсутствовать в предпринимающий путь в вояж по России в Таганрог»⁷¹. 3 сентября вслед за ним отправилась в путь и императрица Елизавета Алексеевна. Это отмечено и в камер-фурьерском журнале: «После фрыштика (завтрака, который обычно бывал в час дня. — Л. В.) Ея Величество Государыня Императрица Елизавета Алексеевна распротяться с Ея Величеством Государыней Императрицей Марией Федоровной и принцессой Виртембергской Марией соизволила потом в 40 минут 2 часа пополудни в последовании прибывших с Высочайшею особою из Царского Села вышеозначенных обоего пола персон, отсутствовать из города Гатчино в дальний путь»⁷².

В связи с их отъездом прекратились записи в камер-фурьерском журнале. Во всех российских церквях продолжали провозглашать здравие императору Александру I и наследнику цесаревичу Константину Павловичу. Александр I сохранял свое право на рокировку братьев, или — надежду на желанного и законного сына? Междоусобица приближалась...

¹ Статья написана по материалам доклада «До междоусобицы: Великий князь Николай Павлович и Александр I в 1825 г.» на международной конференции «Историческая память России и декабристы» 14.12.2015 г. (С.-Петербург). Проблема взаимоотношений между Александром I и великим князем Николаем Павловичем анализируется более подробно по сравнению с монографией автора: *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018.

² Записки Николая I (Тетрадь 2-я, 3-я, 4-я) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 317.

³ *Александра Федоровна.* Воспоминания 1817–1820. Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 160.

- ⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 116. Журнал камер-фурьерской должности по Высочайшей половине Александра Павловича. 1819. Л. 253.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). 1-е собр. Т. XXXVII. № 28208. 1820, Марта 20. Манифест о расторжении брака великого князя Константина Павловича с великою княгинею Анною Федоровною, и о дополнительном постановлении об Императорской Фамилии. С. 128–129.
- ⁶ Там же. С. 129.
- ⁷ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой; пер. с франц.: Е. Э. Лямина, О. В. Эдельман; подг. текста, коммент., им. ук.: М. В. Сидорова, М. В. Силаева; геогр. ук.: А. А. Литвин, М. Н. Силаева. М., 2013.
- ⁸ Грамота Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого князя Константина Павловича к покойному Государю Императору Александру I-му об отречении Его Высочества от наследия Престола // ПСЗРИ. 2-е собр. Т. I. № 1. 1825, 12 декабря. Манифест. О вступлении на престол Государя Императора Николая Павловича. Приложение к манифесту. С. 3–4.
- ⁹ Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 220. См. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 131.
- ¹⁰ *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 539.
- ¹¹ Цит. по: *Чечулин Н. [Д.]*. Константин Павлович // Русский биографический словарь. [Т. 9]: Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. Стб 221.
- ¹² *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 541.
- ¹³ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Кн. 1. С. 595, 596.
- ¹⁴ Цит. по: Там же. С. 136.
- ¹⁵ *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Луний. 2-е изд. Л., 1985. С. 80.
- ¹⁶ Там же. С. 495. Плачевное состояние кораблей у Кронштадта после наводнения и выброшенный на песчаную банку «Эмнейтен» зафиксированы в дневнике от 29 июня (11 июля) 1825 г. (Там же. С. 599).
- ¹⁷ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 533.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 156 об.; Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 533.
- ¹⁹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 594.
- ²⁰ Первоначально в казармах л.-гв. Измайловского полка (наб. Фонтанки, 120). С 1825 г. — в бывшем дворце графов Чернышевых (в районе дороги на Петергоф). В 1859 г. школа переименована в Николаевское училище гвардейских юнкеров, а в 1864 г. — в Николаевское кавалерийское училище, находившееся на Ново-Петергофском пр., д. 54 (ныне Лермонтовский).
- ²¹ Воинов, Александр Львович (ок. 1770 — 1832), генерал от кавалерии (1823), командир Гвардейского корпуса (1824–1826).
- ²² Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 620.
- ²³ Там же. С. 637.
- ²⁴ Там же. С. 536.
- ²⁵ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // РА. 1877. Кн. 21. № 5. С. 15.
- ²⁶ *Чечулин Н. [Д.]*. Константин Павлович. Стб 200.
- ²⁷ *Сафонов М. М.* Междоусурствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166.
- ²⁸ *Александра Федоровна.* Воспоминания 1817–1820. С. 163.
- ²⁹ *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 546.
- ³⁰ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 591.
- ³¹ Там же. С. 591. “Te Deum laudamus” («Тебя, Бога, хвалим»).
- ³² Там же. С. 594.
- ³³ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 595.

- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 597.
- ³⁶ В стеклянных флаконах внутри мины помещается взрывчатое вещество.
- ³⁷ Там же. С. 604.
- ³⁸ Там же. С. 583.
- ³⁹ Там же. С. 543.
- ⁴⁰ То есть «Шпалерной». «Готлисовы» кабинеты эпохи ампир были во многих дворцах, «готлисовый гарнитур» сохранился и в Зимнем дворце. Скорее всего, речь идет о бывшем кабинете Павла I в южной части Зимнего дворца (зал № 276) который представлял собой угловое помещение. См.: *Пашкова Т. Л.* Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: В 2 ч. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. Ч. 1: 1796–1837. С. 172, 139.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 Л. 189 об., 191 об.
- ⁴² Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 204.
- ⁴³ Там же. С. 208.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1184. Собственноручная записка великого князя Николая Павловича об уменьшении издержек на содержание войск. 1823, март.
- ⁴⁵ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 203.
- ⁴⁶ Там же. С. 546.
- ⁴⁷ Там же. С. 555.
- ⁴⁸ Там же. С. 566.
- ⁴⁹ *Андреева Т. В., Высокочков Л. В.* Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 255–267.
- ⁵⁰ Там же. С. 611.
- ⁵¹ Там же. С. 617.
- ⁵² Там же. С. 619.
- ⁵³ Там же. С. 620.
- ⁵⁴ Там же. С. 621.
- ⁵⁵ Там же. С. 625.
- ⁵⁶ Там же. С. 626.
- ⁵⁷ Там же. С. 672.
- ⁵⁸ Там же. С. 630.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 649 — 649 об.
- ⁶⁰ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 631.
- ⁶¹ Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 226.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император / Гл. ред. Д. Тевекелян. М., 2000. С. 177. В комментариях Н. И. Азаровой и Л. В. Гладковой этот разговор отнесен к 1819 г. (С. 573).
- ⁶⁴ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 632.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825. Л. 563.
- ⁶⁶ Там же. Л. 563 об. — 564.
- ⁶⁷ Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 661.
- ⁶⁸ Там же. С. 632.
- ⁶⁹ Там же. С. 633.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 663.
- ⁷² Там же. Л. 668.

References

ALEXANDRA FEDOROVNA. *Vospominaniya 1817–1820. Iz albomov imperatricy Alexandry Fedorovny* [Memories 1817–1820. From the albums of Empress Alexandra Feodorovna. In Russ.] // Nikolaj I. Muzh. Otets. Imperator. Moscow, 2000. P. 138–164.

ANDREEVA T. V., VYSKOCHOV L. V. *Utomlenie zhiznyu ili uhod: Aleksander I. 1825 god. Novye materialy* // [Tiredness of life or departure: Alexander I. (1825). New materials. In Russ.] // Peterburgskij istoricheskiy zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshchey istorii. 2016. N 4. P. 255–267.

ANDREEVA T. V. *Tajnye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie*. [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: government policy and public opinion. In Russ.]. St Petersburg, 2009.

KORF M. A. *Voshestvie na prestol imperatora Nicolaya I* [The accession to the throne of Emperor Nicholas I. In Russ.]. // 14 dekabrya 1825 goda i ego istolkovateli (Gerzen i Ogarev protiv barona Korfa). Moscow, 1994. P. 207–314.

SAFONOV M. M. *Mezhdutsarstvie* [Interregnum. In Russ.] // Dom Romanovh v istorii Rossii. St Petersburg, 1995. P. 166–181.

Son yunosti. Vospominaniya velikoi knyazhny Olgi Nikolaevny. 1825–1846 [The dream of youth. Memories of Grand Duchess Olga Nikolaevna. 1825–1846. In Russ.] // Nikolaj I. Muzh. Otets. Imperator. Moscow, 2000. P. 174–329.

SHILDER N. K. *Imperator Nikolai Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie*. [Emperor Nicholas I. His life and reign. In Russ.]. V 2 kn. Kn. 1. Moscow, 1997.

VYSKOCHOV L. V. *Nikolai I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroi chetverti XIX veka*. [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2018.

Zapiski Nikolaya I (Tetrad' 2-ya, 3-ya, 4-ya) [Notes of Nicholas I (Notebook 2nd, 3rd, 4th) In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda i ego istolkovateli (Gerzen i Ogarev protiv barona Korfa). Moscow, 1994. P. 317–341.

Zapisnye knizhki velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha. 1822–1825. [Notebooks of Grand Duke Nikolai Pavlovich. 1822–1825 In Russ.] / Pod red. M. V. Sidorovoi, M. N. Silaevoi. Moscow, 2013.

Список литературы

Александра Федоровна. Воспоминания 1817–1820. Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 138–164.

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Андреева Т. В., Выскочков Л. В. Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 255–267.

Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. Журнал камер-фурьерской должности по Высочайшей половине Александра Павловича. 1819 года // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 116.

Камер-фурьерский журнал 1825 года // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 207–314.

Записки Николая I (Тетрадь 2-я, 3-я, 4-я) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 317–341.

Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. М., 2013.

Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. XXXVII. № 28208. 1820, Марта 20; 2-е собр. Т. I. № 1. 1825, 12 декабря.

Сафонов М. М. Междоусобие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–181.

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 174–329.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997.

Л. В. Высокочков. До междуцарствия. «Ангел» Александр и великий князь Николай Павлович (3 июля 1819 — 1 сентября 1825)

Статья написана по материалам доклада «До междуцарствия: Великий князь Николай Павлович и Александр I в 1825 г.» на международной конференции «Историческая память России и декабристы» 14.12.2015 г. (С.-Петербург). В статье анализируются взаимоотношения великого князя Николая Павловича и Александра I в последние годы жизни императора, в период 1819–1825 гг. В основе источниковой базы — «Записные книжки» Николая Павловича 1822–1825 гг., камер-фурьерские журналы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и воспоминания современников. Делается вывод о достаточно частых контактах братьев в этот период, которые, по крайней мере, внешне соблюдали семейный этикет. Приводится точная дата первого разговора Александра I с Николаем Павловичем о престолонаследии, состоявшемся в Красносельских лагерях 3 июля 1819 г. Косвенные намеки в дневниках Николая Павловича позволяют подтвердить мнение исследователей, что суть тайного Манифеста от 16 августа 1823 г. была известна в ближайшем кругу Александра I. Об этом знали все его братья, императрица Мария Федоровна и великая княгиня Александра Федоровна. Судя по наиболее частым встречам и «разговорам» между членами Императорской фамилии накануне отъезда Александра I в Таганрог в период с 31 июля по 29 августа 1825 г., Николай Павлович тогда впервые был вынужден поставить вопрос о публикации Манифеста от 16 августа 1823 г. для придания ему силы закона. Но, как отметил великий князь в своем дневнике от 27 августа 1825 г., «Ангел» «не может сделать того, что надо сделать». Текст Манифеста остался лишь «заявлением о намерениях», ничего не было решено, что и послужило основной причиной междуцарствия.

Ключевые слова: династия Романовых, Александр I, Великий князь Николай Павлович (Николай I), междуцарствие, тайный Манифест, престолонаследие.

L. V. Vyskochkov. Before the Interregnum: “Angel” Alexander and Grand Prince Nikolai Pavlovich (July 3, 1819 — September 1, 1825)

The article is written on the materials of the report “Before the interregnum: Grand Prince Nikolai Pavlovich and Alexander I in 1825”, at the International conference “Historical memory of Russia and the Decembrists” (14.12.2015, St. Petersburg). The article analyzes the relationship between Alexander I and Grand Prince Nicholas Pavlovich (Nicholas I) in the last years of the Emperor in 1819–1825. The source base of the article is “Notebooks” of Nicholas (1822–1825), memoirs of contemporaries and another unpublished archival sources — chamber-fourrier journals from the funds of Russian state historical archive (RGIA). The author makes conclusion about contacts of the brothers. He considers that their contacts were frequent in this period. They observed family etiquette at least outwardly. Besides the author established the exact date of the first conversation of Alexander I with Nikolai Pavlovich about the succession to the throne, which took place in the Krasnoselsky camps in the 3 of July in 1819. The article confirms the researcher’s opinion about indirect hints in the diaries of Nicholas which allow to prove the essence of the secret Manifesto of August 16, 1823 and that it was known in the close circle of Alexander I. The Manifesto was known to all his brothers, the Empress Maria Feodorovna and Grand princess Alexandra Feodorovna as the most frequent meetings and “conversations” between members of the Imperial family on the eve of the departure of Alexander I in Taganrog show. At the first time in the period from 31 July to 29 August 1825 Nicholas forced to put the question of the publication of the Manifesto of August 16, 1823 to give it the force of law. But, as he noted in his diary of 27 August 1825, “Angel” “can’t do what we need to do”. The text of the Manifesto was only “statement of intent”, nothing has been resolved and that became the main reason for the Interregnum.

Key words: Romanov dynasty, Alexander I, Grand Prince Nicholas Pavlovich (Nicholas I), Interregnum, the secret Manifesto, succession to the throne.

Высокочков, Леонид Владимирович — д. и. н., профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории СПбГУ.

Vyskochkov, Leonid Vladimirovich — Full Doctor of History, Professor of the Department of Russian History from ancient times to the 20th century, Institute of History of the St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: l.vyskochkov@spbu.ru

С. В. Куликов

Оттон Эйхельман и его проект Основных государственных законов 1906 г.: по новым документам

Один из малоизученных сюжетов истории Основных государственных законов 1906 г. — обстоятельства создания и содержание их проекта, автором которого был О. О. Эйхельман. Долгое время этот сюжет ускользал от внимания историков, только Р. Ш. Ганелин в 1984 г. отметил, что «в трактате профессора-правоведа Киевского университета О. О. Эйхельмана, который был рекомендован Витте царю и предложил свой проект Основных законов, основанный на необходимости их пересмотра как бы независимо от объявленных реформ», «мысль о том, что Манифест 17 октября не уничтожил власти царя-самодержца», доказывалась «с помощью юридической аргументации». По мнению Ганелина, в апреле 1906 г. в Особом совещании, проходившем под председательством Николая II и обсуждавшем проекты Основных законов, Эйхельман представлял «крайне консервативное крыло»¹. Насколько справедливы указанные выводы — будет видно из дальнейшего, пока же необходимо указать, что позднее сам Ганелин, как и другие исследователи, только воспроизводили эти выводы, не выходя за их границы. Кто же такой О. О. Эйхельман и почему именно он попал в историю Основных государственных законов 1906 г.?

Оттон Оттонович Эйхельман (называвший себя Отто Оттовичем) — выдающийся российский и украинский правовед, специалист по международному и государственному праву, общественный и политический деятель². Он родил-

ся 27 апреля 1854 г. в имении Георгиевское под Петербургом, однако происходил из мещан и, как русский немец, был евангелическо-лютеранского исповедания. Происхождение Эйхельмана отразилось на его внешнем облике, поскольку, вспоминал его коллега по Киевскому университету В. А. Арцимович уже в 1909 г., маститый профессор походил «на доброго немецкого сапожника, а не профессора»³. В 1872 г. Эйхельман окончил Ревельскую губернскую гимназию и в 1873 г. поступил на юридический факультет Дерптского университета, где его учителем был А. М. Бульмеринк. Эйхельман выказал недюжинные способности, так как уже в 1875 г. окончил факультет со степенью кандидата прав, защитив кандидатскую диссертацию на тему «О международно-правовых сношениях при Петре Великом». В том же университете и на той же кафедре в 1876 г. Эйхельман выдержал экзамен на магистра и столь же быстро, в 1878 г., защитил магистерскую диссертацию «О плене». После этого он получил назначение в Демидовский юридический лицей в Ярославле на должность штатного доцента кафедры государственного и административного права, которым он заинтересовался тогда и разрабатывал позднее⁴. В 1880 г. в Киевском университете 26-летний ученый защитил докторскую диссертацию «Военное занятие неприятельской страны» и был утвержден экстраординарным профессором Демидовского лицея.

Научная карьера Эйхельмана развивалась не менее блистательно и в дальнейшем. С 1882 г. он — экстраординарный профессор кафедры истории важнейших иностранных законодательств древних и новых юридического факультета Киевского университета, где в 1883 г. стал ординарным профессором, а в следующем году — заведующим кафедрой международного права. Вышестоящее начальство деятельность Эйхельмана оценило по достоинству — 1 января 1899 г. он награждается чином действительного статского советника, пополнив сонм «статских генералов» в 44 года! С 1907 г. Эйхельман являлся заслуженным ординарным профессором по кафедре международного права юридического факультета Киевского университета. Параллельно он профессорствовал на Киевских высших женских курсах и в Киевском коммерческом институте. Кроме того, Эйхельман активно занимался общественной деятельностью, будучи гласным Киевской городской думы и даже иногда исполняя обязанности городского головы. Таким образом, в 1882 г. Эйхельман связал свою жизнь с Киевом, в котором он прожил почти сорок лет, вплоть до эмиграции.

Как профессора коллеги Эйхельмана оценивали его неоднозначно: В. В. Зеньковский снисходительно вспоминал, что «Эйхельман был хорошим профессором международного права»⁵, а В. А. Арцимовича поразило, что «под неказистой и грубоватой оболочкой скрывается совсем незаурядная личность действительно культурного человека, прекрасного профессора и весьма популярного и отзывчивого деятеля»⁶. Современники оценивали неоднозначно и отношения Эйхельмана со студентами. Хозяйка петербургского политического салона генеральша А. В. Богданович 18 декабря 1899 г., отметив, что

Эйхельман читает финансовое право, а в этом году начал читать и философию права, записала (правда — из вторых, а то и третьих рук), что «студенты саркастически относились к этим лекциям Эйхельмана»⁷.

В. Э. Грабарь подчеркивал, что лекции Эйхельмана по международному праву «не привлекали студентов. Насыщенный положительно-правовым материалом, сформулированный в сжатых положениях курс его лекций требовал больших усилий для усвоения. Студенты охотнее посещали конкурирующие с курсом Эйхельмана лекции по международному праву профессора государственного права А. Б. Романовича-Славатинского, которые читались более живым языком и были для них доступны. Между обоими профессорами существовал антагонизм, и Эйхельман, со своей стороны, объявил конкурирующий с лекциями Романовича параллельный курс государственного права»⁸. Необходимо заметить, что, во-первых, то обстоятельство, что читавшийся Эйхельманом курс лекций «требовал больших усилий для его усвоения», свидетельствует скорее в пользу Эйхельмана, характеризуя этого профессора как весьма основательного преподавателя, который не опускался до уровня своих слушателей-неофитов, а наоборот — пытался поднять их до своего уровня юриста-международника высочайшего класса. А во-вторых, конкуренция с А. Б. Романовичем-Славатинским, выдающимся специалистом по русскому государственному праву, способствовала повышению квалификации Эйхельмана и в этой области юридической науки. Более репрезентативными представляются наблюдения В. А. Арцимовича, который, характеризуя отношения Эйхельмана со студентами, писал в 1909 г.: «Особенным уважением и любовью пользуется он <...> среди студентов; все студенты, без различия факультетов, которых постигнет какая-нибудь беда, идут к нему и у него находят как моральную и денежную помощь, так и совет и заступничество за них и здесь и, когда нужно, в С.-Петербурге. Он не ищет популярности, но она сама к нему идет, так как он живо интересуется молодежью, любит ее и, не заискивая к ней, действительно помогает ей, как может. Прежде такие профессора были не редкость, но теперь это, кажется, вымирающий тип, о котором можно только пожалеть»⁹. Популярность Эйхельмана среди студентов, да и профессоров, однажды подвигла их на сопротивление местным властям и даже... на бескровные жертвы.

В декабре 1899 г. в Киеве произошла история, героями которой, кроме Эйхельмана, стали начальник Киевского губернского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий и киевский, подольский и волынский генерал-губернатор генерал М. И. Драгомиров. Объясняя 18 декабря 1899 г., почему Киевский университет оказался закрыт, А. В. Богданович записала, подразумевая Эйхельмана: «Местный жандармский генерал, Новицкий, узрел, что он не то читает, что следует... Новицкий так подвинул Драгомирова, что надо в 24 часа выгнать Эйхельмана из университета, что Драгомиров, недолго думая, вызвал университетское начальство и потребовал изгнания профессора. Дело это было не так легко сделать, так как профессора избираются Советом [уни-

верситета]. Когда стало известно в университете это распоряжение, студенты и профессора возмутились. Была грандиозная сходка, на которую явилось начальство — Новицкий и Трепов. Студенты бушевали... Арестовано 400 студентов. Они будут определены в полки вольноопределяющимися для отбытия воинской повинности»¹⁰. Впрочем, по своим политическим взглядам Эйхельман не являлся «левым», имея «правые убеждения», но — «не крайние»¹¹. Умеренно-правые взгляды не помешали ему покуситься на корректировку текста «святая святых» — Основных государственных законов Российской империи, правда — первоначально по частному вопросу.

В 1887 г. Эйхельман обратил внимание на неясность постановлений Основных законов о порядке престолонаследия и, не считая возможным разрешить возникающие недоумения доктринальным толкованием, предложил проект изменения и дополнения соответствующей статьи. Эйхельман имел в виду статью 8-ю Основных законов, которая гласила: «Когда пресечется последнее мужеское поколение сыновей императора, наследство остается в сем же роде, но в женском поколении последнецарствовавшего, как в ближайшем к престолу». Эйхельман находил необходимым к слову «император» присоединить слово «родоначальник» и, кроме того, между статьями 7 и 8 включить новую статью, которая бы восполнила оставляемый ими пробел в определении порядка престолонаследия боковыми мужскими линиями. «Вопрос, возбужденный Эйхельманом, — констатировал Н. М. Коркунов, — однако, остался почти вовсе без дальнейшего рассмотрения»¹².

К пересмотру старых Основных законов киевский профессор, как отмечал член Государственного совета Н. С. Таганцев, «вероятно, был приглашен графом С. Ю. Витте»¹³, т. е. первым председателем реформированного Совета министров. Витте познакомился с Эйхельманом, когда занимал должности начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог и управляющего этими дорогами. Во всяком случае, в личной библиотеке Витте имелся второй выпуск «Очерков из лекций по международному праву» Эйхельмана (Киев, 1900) с дарственной надписью автора¹⁴. Судя по всему, Витте привлек Эйхельмана к подготовке проекта новых Основных законов во второй декаде марта 1906 г., во время обсуждения проекта в Совете министров. «20 марта, — писал граф, — я представил государю проект Основных законов так, как они были изменены Советом»¹⁵. С другой стороны, Витте мог вспомнить об Эйхельмане не сам, а с подачи министра внутренних дел П. Н. Дурново, которому в марте 1906 г. профессор представил для передачи Николаю II «Соображения для проекта переустройства Государственного совета»¹⁶, очевидно — в связи с изданием Манифеста 20 февраля 1906 г. о превращении Государственного совета в верхнюю палату российского парламента. Рукописное послание Эйхельмана к Николаю II, датированное 24 марта 1906 г. и написанное в Киеве, предваряло также рукописную докладную записку под названием «Соображения о новом изложении Основных государственных законов Российской империи»¹⁷.

«Я, — обращался профессор к монарху, — осмелился ограничиться всеподданнейшим представлением Вашей Царской Державности, сначала, лишь одной первой (большей по объему) части моего труда, ввиду некоторой поспешности, с которою производятся, как я слышал, работы по пересоставлению Основных государственных законов, всепокорнейше прося позволения Вашего Императорского Величества всеподданнейше представить через самое короткое время (неделю или десять дней) окончание моего труда»¹⁸. Откуда Эйхельман мог узнать про «работы по пересоставлению Основных государственных законов»? Ведь утечки информации о создании новых Основных законов появились в оппозиционных газетах только во второй декаде апреля 1906 г. Представляется, что информатором профессора стал премьер-министр — это подтверждается прежде всего содержанием послания Эйхельмана Николаю II, в котором его автор приходил к заключению, что действующую редакцию Основных законов «нужно подвергнуть пересмотру ввиду последовавших по Вашего Величества милостивому и великодушному повелению реформ в порядке первоначальных предначертаний законодательных работ в делах о вере и гражданской свободе». Здесь подразумевались Указ 17 апреля и Манифест 17 октября 1905 г. Следовательно, необходимость издания новых Основных законов Эйхельман объяснял именно изданием упомянутых реформаторских актов. Хотя, вместе с тем, «независимо [от] этого, не лишне было бы, — полагал профессор, — перекодифицировать Основные государственные законы, придать им более усовершенствованную редакционную форму, не изменяя их содержания, проверенного по первоисточникам»¹⁹, т.е. по Полному собранию законов Российской империи. Имея в виду «строго практическую цель предпринятой “Соображениями” научной юридической работы: составить научно обоснованный проект для кодификации (или пересмотра кодекса) положительного права, я, — признавался Эйхельман Николаю II, — оставался на почве права (как говорится) status quo самым точным и щепетильным (догматическим) образом». Юридическое велеречие слегка вуалировало программу-максимум амбициозного профессора — полный пересмотр Основных законов, кодифицированных самим М. М. Сперанским! Являя смирение паче гордости, Эйхельман скромно указывал, что в качестве единственной новации ему, успокаивал он августейшего адресата, «пришлось предложить проект норм для Основных государственных законов, строго согласованных с основаниями, предначертанными в Вашего Величества Манифесте от 17 октября 1905 г. (п[ункт] 1), но еще не получившими формальной санкции в своих непреложных деталях, впрочем, за несколькими исключениями»²⁰. Имелись в виду последовавшие во исполнение Указа 17 апреля законы о веротерпимости и Манифеста 17 октября временные правила о печати, собраниях и союзах.

Сами рукописные «Соображения» представляли собой полный постатейный и подробно мотивированный проект новых Основных законов и делились на пять частей: первая — в виде введения, вторая — охватывала тематику

статей от 1 до 46 старых Основных законов, третья — о законах (с 47 по 79 статью), четвертая — о власти верховного управления (80 и 81 статья) и пятая — она определяла статьи Учреждения о Императорской фамилии, подлежавшие, по мнению Эйхельмана, внесению в новые Основные законы. Подразумевая большую часть остальных статей Учреждения, профессор писал совершенно однозначно: «Прочие статьи, как не составляющие по своему свойству и значению таких правоположений, которые нужно было бы поставить в разряд Основных государственных законов, должны оставаться на единоличном усмотрении Главы Императорского дома»²¹. Две тетради «Соображений», отправленные Николаю II с посланием от 24 марта 1906 г., содержали проекты статей новых Основных законов по предметам, освещавшимся в прежних Основных законах с 1 по 48 статью²². Впрочем, вопреки указанию в первой тетради «Соображений» на то, что эта докладная записка закончится третьей тетрадью, Эйхельман, явно не соразмеряя собственные силы с временным фактором, планировал написать еще и четвертую тетрадь. Она заключала бы в себе подробную мотивировку тех статей из действующих законов, которые, полагал профессор, «должны быть отнесены к разряду “Основных государственных законов”». Упомянутыми действующими законами являлись: Учреждение о Императорской фамилии, Манифест и Указ 20 февраля 1906 г. о пересмотре учреждений Государственного совета и Государственной думы, Правила 8 марта 1906 г. о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов и Положение 11 декабря 1905 г. о выборах в Государственную думу. Таким образом, мотивировки статей из Учреждения о Императорской фамилии (№ 1) составили бы пятую часть «Соображений», из учреждений Государственного совета и Государственной думы и из Правил 8 марта (№ 2, 3 и 4) — шестую, из Положения о выборах и изменений к нему (№ 5 и 6) — седьмую, причем нумерация статей проекта Основных законов сохраняла бы сквозной характер. В итоге Эйхельман дошел в «Соображениях» только до мотивировки статьи 105 собственного проекта (о земском и городском самоуправлении)²³, просто не успев выполнить намеченный план, поскольку уже 29 марта 1906 г.²⁴ Николай II решил собрать под своим председательством Особое совещание для обсуждения проектов Основных законов, подготовленных Государственной канцелярией и Советом министров.

Вместе с тем и в тех «Соображениях», которые профессор отправил императору, Эйхельман затронул-таки два самых принципиальных вопроса: о перекодифицировании всё еще действовавших на тот момент Основных законов, подготовленных М. М. Сперанским, и о соотношении понятий «самодержавный» и «неограниченный». Относительно первого вопроса профессор, отметив, что «распорядок расположения предметов свода законов на тома и части томов, а в большинстве случаев и на разделы в частях и на книги в разделах и подробнее пришлось установить самим кодификаторам», далее писал: «Это, следовательно, не систематика самого законодателя. Последнее обстоятельство имеет

существенное значение для вопроса о допустимости и недопустимости, при таких условиях, пользоваться систематическим толкованием, как в широких, так и в детальных юридических вопросах, — для заключающихся в Своде законов правоположений, в виде формулированных для него “статей” законов». Другим существенным недостатком кодификации, сделанной М. М. Сперанским, Эйхельман считал то, что в 1-м разделе 1-й части 1-го тома Свода законов Российской империи, т.е. там, где были помещены старые Основные законы, кодификатор собрал под заголовком «О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти» такие статьи, которые «под понятие непоколебимых “священных прав” верховной власти и не подходят». Подобного рода статьи профессор находил, например, в главе 8-й «О законах», содержавшей много статей, представлявших собой «просто-напросто аксиомы в юриспруденции». «Полная ясность, точно выдержанная последовательность систематики в изложении раздела 1-го, таким образом, не избежали очевидных погрешностей, — выносил Эйхельман обвинительный приговор прежним Основным законам. — И всемогущий кодификаторский авторитет Сперанского не мог этого предупредить». Более того, следовавший за разделом 1-м («О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти») раздел 2-й («Учреждение о Императорской фамилии») в систематическом отношении, с точки зрения кодификационной обработки, был, по мнению Эйхельмана, «помещен не вполне правильно», поскольку «по характеру содержания заключающихся в них правоположений оба раздела: первый и второй “Основных государственных законов” юридически не равноценны. В первом разделе идет речь о неизменных правах верховной власти и порядке престолонаследия, а во втором разделе — о правах подчиненных этой власти, как домовладыке, членов Императорской фамилии». Между тем, при коронации царь присягал на законе о наследии престола, но не присягал на Учреждении о Императорской фамилии. Резонно подчеркнув, что «эти юридические положения действующего права совершенно ясны», Эйхельман приходил к выводу: «Таким образом, значение и объем (пределы) Основных государственных законов в России приходится несколько сузить, сравнительно с тем положением, которое им отвел в 1833 г. кодификатор, в их изложении в составе Свода законов. Положение это не было изменено по сей день»²⁵. Если вопрос о перекодифицировании творения М. М. Сперанского, в силу грандиозности этой задачи, имел скорее теоретический характер, то второй вопрос, поставленный Эйхельманом, о соотношении понятий «самодержавный» и «неограниченный», имел самое что ни на есть практическое значение, особенно — с точки зрения как Николая II, так и С. Ю. Витте, след которого в данном случае очевиден.

Анализируя формулу ст. 1 старых Основных законов «император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный», профессор писал: «В этой формуле слова “и неограниченный” не отвечают источникам, указанным под статьей. В источниках имеется не такой оборот речи: “и неограни-

ченный”, а сказано в одном случае: “неограниченный самодержец”». Однако эта терминология была употреблена не в общем, а «в совершенно специальном смысле, в Фундаментальном законе 1797 г., в “Учреждении о Императорской фамилии”, чтобы усиленно подчеркнуть эту таутологию власть Государя, как Домовладыки неограниченного *pater familias* (наподобие отеческой власти в римском праве), в отношении членов царской фамилии, которых он может за слушание лишать выгод (содержания и др.), сопряженных с принадлежностью к Царственному Дому». Переходя от юридической науки к классической филологии, Эйхельман отмечал, что слово «монарх» происходит от греческих слов «монос» и «архейн» и «означает, несомненно, единодержавие», а это «то же самое, что и “самодержавие” или аутократия (от слов “аутос” и “кратейн”)». Поскольку термины «аутос» («сам») и «монос» («один», «единый») «в указанном соединении однозначущи» и «в “архейн” — “править” заключается “кратейн” — “господствовать” и наоборот», то «точного филологического различия между словами “архейн” и “кратейн” нет» и «в древнем классическом государствоведении таковое различие не замечалось». А потому «“монарх” — единодержец и “аутократ” — самодержец тождественны, и название “монарх самодержавный” составляет таутологию». Но главное — в сохранении выражения «монарх самодержавный и неограниченный» «при полном охранении принципа монархии и сохранении титула “самодержец” нет, собственно, какой-либо непреложной надобности». Это выражение, утверждал Эйхельман, «может быть, безо всякого нарушения для престижа полного монархического начала в России, исправлено, согласно историческому началу и основанию и современному положению дела»²⁶. Что касается титула «самодержец», то он, как и титул «суверен» («самовластец» в Воинском артикуле 1716 г.) в западноевропейских монархиях, не составлял, по мнению профессора, «какого-либо непримиримого противоречия в русском государственном строе и после последовавшей реформы в нем, по Царскому Манифесту 17 октября 1905 г.», поскольку и после упомянутого манифеста «Русский Царь сохраняет всецело свое превержовное главенство в Русском государстве» и «без Его согласия не может составиться никакого изменения в законодательстве»²⁷. Исходя из приведенной аргументации, Эйхельман полагал, что слова ст. 1 прежних Основных законов «император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный» «приходится *изменить* и, вместо этого текста, поставить слова: “Верховный Глава Русского государства именуется: Император и Самодержец Всероссийский”». «Из действующего текста ст. 1-й, *составленной сводно* и не безапелляционно, — комментировал он собственный проект соответствующей статьи, — как выражение, не оправдываемое источниками права, *исключаются* вовсе слова: “и неограниченный”»²⁸. Данный тезис полностью соответствовал представлениям С. Ю. Витте о реформированном самодержавии и в известной степени обусловил отказ Николая II от сохранения слов «и неограниченный» в новых

Основных законах. Однако это произошло в конце деятельности Особого совещания под августейшим председательством.

Пока же на послании профессора Николай II начертил синим карандашом: «Пригласить Эйхельмана в Совещание», причем под царской резолюцией Витте приписал: «31 марта 1906 г. Царское Село»²⁹. Эта приписка, даже не контрасигнатура, является еще одним доказательством того, что обращение профессора к императору было инспирировано премьером. Характерно и другое — помощник начальника канцелярии Комитета министров и фактический начальник канцелярии Совета министров Н. И. Вуич сообщал 1 апреля товарищу государственного секретаря П. А. Харитонову, который руководил делопроизводством Особого совещания: «В Совещание по Основным законам будет приглашен по Высочайшему повелению киевский профессор Эйхельман (им подана Государю записка). Профессору этому послана от Председателя [Совета министров] телеграмма, и он ко вторнику будет в Петербурге»³⁰. Вторник — это 4 апреля 1906 г. В ответной телеграмме Эйхельмана Витте, отправленной из Киева и принятой в Петербурге 31 марта, профессор информировал премьера: «Сейчас получил предложение Вашего сиятельства. Выезжаю завтра курьерским [поездом]. Ваш покорный слуга профессор Эйхельман»³¹. Следовательно, по поручению своего принципала телеграмму Эйхельману Вуич послал в тот же день, когда последовала царская резолюция! Крайнюю заинтересованность в профессоре как едва ли не главном эксперте по вопросу об Основных законах граф демонстрировал еще до приезда Эйхельмана, написав Харитонову 3 апреля: «Многоуважаемый Петр Алексеевич! Рекомендую профессора Эйхельмана. Мне кажется, необходимо передать ему все материалы и просить его изучить дело. Как Вам известно, Его Величество повелел его пригласить в заседание [Особого совещания]. Искренно Вам преданный Витте»³². Приехав в Петербург 4 апреля, Эйхельман продолжал работать над своими «Соображениями» и, в связи с этим, явно по инициативе Витте, получил невиданную доселе привилегию. «Продолжение труда профессора Эйхельмана, — зафиксировал Харитонов в памятной записке, — сдавалось им лично в Государственную типографию и печаталось под его наблюдением»³³. Однако профессор, а значит — и премьер, явно опоздали.

«Многоуважаемый Петр Алексеевич, — обращался Витте к Харитонову 6 апреля. — Государь император назначил совещание по Основным законам [на] пятницу 7-го в 9 часов вечера. Благоволите сделать распоряжения. Вчера был у меня пр[офессор] Эйхельман, чтобы справиться (вернее — принять во внимание) [про] его работу, не задерживая Совещание. Единственное средство — напечатать и скорее разослать его постатейный проект (буде возможно — параллельно, скажем). Он обещал Вам передать сегодня таковой. Иначе, я думаю, что Совещание потеряет массу времени. Искренне Вам преданный Витте»³⁴. Результат обращения Витте к Харитонову последний запечатлел в другой памятной записке: «Объяснил на словах гр[афу] С. Ю. Витте, что

это невозможно по краткости времени и потому, что работу свою профессор Эйхельман еще не окончил»³⁵. Впрочем, 7 апреля, очевидно — еще до начала первого заседания Особого совещания, Харитонов, согласно его всеподданнейшему докладу, представил Николаю II печатный экземпляр проекта Основных законов, извлеченного из докладной записки Эйхельмана «Соображения о новом изложении Основных государственных законов Российской империи»³⁶. Порядок нумерации статей в печатном экземпляре проекта Эйхельмана был тем же, что и в докладной записке, причем немногочисленные изменения, сделанные Харитоновым в проекте, кратко оговаривались под подлежащими статьями. Кроме того, под большинством статей Харитонов поставил в скобках набранные петитом цифры, означавшие те статьи проекта Совета министров, которые соответствовали статьям проекта Эйхельмана. Что же представляет собой этот, пусть и не законченный, проект?

Проект состоит из 142 статей и 13 глав: 1) О существе верховной самодержавной власти императора (ст. 1–10), 2) Порядок наследия императорского всероссийского престола (ст. 11–12), 3) О совершеннолетию императора и правительстве и опеке (ст. 13–25), 4) О вступлении на престол и о присяге подданства (ст. 26–29), 5) О священном короновании и миропомазании (ст. 30–33), 6) О государственном гербе и государственной печати (ст. 34), 7) О вере (ст. 35–48), 8) Основы гражданской свободы (ст. 49–58), 9) О законах (ст. 59–84), 10) О верховной исполнительной власти государя императора (ст. 85–90), 11) О управлении (ст. 91–105), 12) О Императорской фамилии (ст. 106–139), 13) О обязанностях членов Императорского дома к императору (ст. 140–142). Таким образом, по крайней мере с точки зрения структуры, из 13 глав проекта Эйхельмана 11 так или иначе соответствовали главам прежних Основных законов и входившему в них Учреждению о Императорской фамилии, причем полностью новыми главами были только две — 8 и 11 («Основы гражданской свободы» и «О управлении»). Вместе с тем, содержание глав проекта Эйхельмана подчас кардинально отличалось от содержания глав старых Основных законов.

В главе 1 количество статей возросло с двух до десяти, т. е. в пять раз, прежде всего потому, что в ст. 1 «император и самодержец Всероссийский» трактовался только как «верховный глава единого и нераздельного Русского государства», потеряв характеристику «неограниченный». Эйхельман сохранил моральную санкцию власти самодержца: «Повиноваться единодержавной власти его за совесть верноподанным сам Бог повелевает», но опустил слова «за страх», хотя всякие посягательства на права и особу монарха должны были караться, подобно другим монархиям, «как самые тяжкие преступления против самого государства» (ст. 1). В главу 1 профессор перенес из соответствующей главы прежних Основных законов статью о титуле императора, но исключил из краткого титула упоминание о том, что монарх — «царь Польский и великий князь Финляндский». Новому варианту краткого титула, несомненно —

в целях юридического упрочения «единства и нераздельности Русского государства», Эйхельман придал следующий вид: «Божиею милостию, Мы, NN, император и самодержец Всероссийский» (ст. 2). Определяя права императора в законодательстве, ст. 3 постановляла, что Российская империя «управляется на твердом основании положительных законов, постановленных верховною государевою властью». Однако до императорского утверждения законопроекты должны были рассматриваться в Государственной думе и Государственном совете (ст. 4) и без их одобрения никакой закон не мог «воспринять силу», более того — законопроекты, не принятые палатами, признавались отклоненными (ст. 5). Государственной думе и Государственному совету предоставлялось право законодательной инициативы, за исключением Основных законов (ст. 6), почин пересмотра которых сохранялся исключительно за императором (ст. 7). Очевидно, что в главе 1 ограничение самодержавия в законодательстве и закрепление за парламентом законодательного характера проводились Эйхельманом однозначно и безусловно.

Глава о престолонаследии также подверглась существенному изменению: в старых Основных законах она насчитывала 15 статей, а у профессора — только 2. Новацией этой главы стало постановление, предоставлявшее императору право издания подробного Положения о престолонаследии помимо Государственной думы и Государственного совета. Впрочем, полное или частичное изменение Положения, после включения его в новые Основные законы, могло последовать не иначе как с участием обеих палат (ст. 12). Заметные изменения претерпела и глава о совершеннолетиим императора, регентстве и опеке: если в прежних Основных законах она содержала 13 статей, то у Эйхельмана количество статей хотя и осталось прежним, но некоторые из них были существенно отредактированы или исключены. Согласно проекту, в период малолетства императора запрещалось изменять Основные законы, Учреждения о Императорской фамилии, о Государственной думе и Государственном совете, а также Положение о выборах в народное представительство (ст. 21). При вступлении во второй брак правительницы, являвшейся матерью малолетнего императора, она могла остаться регентшей в случае согласия на этот брак со стороны Государственной думы и Государственного совета (ст. 24). Если опекунами были не правитель или мать-императрица, а другие лица, то, по заявлению последней и Совета министров, Государственный совет имел право признать этих лиц «не исполняющими своих обязанностей с требуемою добросовестностью и тщательностью» и лишить их опекунского звания, предоставив его правителю (ст. 25). Глава о вступлении на престол и присяге подданства у Эйхельмана осталась почти без изменений, за одним важным исключением: император или императрица, вступающие на престол, обязывались дать присягу «свято наблюдать Основные государственные законы» (ст. 27). Главы о священном короновании и миропомазании и о государственных гербе и печати профессор в общем оставил без изменений, переместив, однако, измененные постановления об императорском

титуте в главу 1. Что касается предыдущих глав, то в них, как и в главе 1, тенденция, связанная с утверждением авторитета парламента, в том числе даже в области династической политики, просматривается достаточно ясно.

Главу о вере Эйхельман основательно дополнил: вместо семи статей она стала включать 14, еще явственнее, чем прежде, проводя принцип веротерпимости. Логическое продолжение главы о вере — глава, содержащая «незыблемые основы гражданской свободы» (ст. 49) и, как и предыдущая, отличающаяся крайне либеральным характером. Согласно проекту, русские подданные получали: свободу личности от незаконного ареста, т. е. неприкосновенность личности (ст. 50), неприкосновенность жилища (ст. 51), свободу вероисповедания и богослужения (ст. 52), неприкосновенность частной переписки (ст. 53), свободу слова и печати с отменой предварительной цензуры (ст. 54), свободу союзов, в том числе профессиональных (ст. 55), и свободу собраний, организуемых явочным порядком (ст. 56). Пользование всеми этими правами и свободами должно было регулироваться, как и в других конституционных монархиях, особыми законами, до издания которых сохраняли свою силу действующие законы (ст. 57). Торжеству принципа законности способствовала бы и глава о законах, несколько отличающаяся от аналогичной главы старых Основных законов. Если в них эта глава содержала 33 статьи, не считая многочисленных примечаний к ним, то ту же главу проекта составляли 26 статей, причем 22 из них полностью либо частично воспроизводили статьи прежней главы. Впрочем, и здесь Эйхельман вносил подчас принципиальные изменения, одно из которых — постановление, гласящее, что «законы, по которым управляется Русское государство, издаются, изменяются и отменяются не иначе как порядком, указанным в главе первой Основных государственных законов» (ст. 59), т. е. при обязательном участии Государственной думы и Государственного совета.

Ключевое значение в проекте имела глава «О верховной исполнительной власти государя императора», в которой подробно перечисляются prerogatives самодержца в области верховного управления. Пожалуй, самой интригующей частью этой главы, да, пожалуй, и всего проекта в целом, стало приложение к ст. 85–90, само состоявшее из пяти статей и определявшее компетенцию, состав и делопроизводство Государева совета, весьма напоминающего собой аналогичные органы при английском короле (Тайный совет) и японском императоре (Генро). Действительно, в компетенцию Государева совета должно было входить обеспечение совещательного заключения по всем государственным делам, требующим высочайшего утверждения или повеления, кроме дел, касающихся назначений, приказов императора по армии и флоту и «не допускающих, по своей неотложности, никакого промедления, обусловленного рассмотрением их в Государевом совете» (ст. 1 приложения). Государев совет, будь он учрежден, состоял бы из 12 государевых советников, назначаемых и увольняемых непосредственно монархом, причем половина этих советников могла замещаться из числа лиц, ранее занимавших должности министров, генерал-губернаторов,

командующих военными округами, послов и посланников, членов Высшего суда и являвшихся не менее трех лет членами Государственной думы или Государственного совета (ст. 2). Доклады Государева совета монарху по делам, входящим в компетенцию этого совещательного органа, подлежали бы обязательному письменному оформлению (ст. 3). Председатель Государева совета назначался бы сувереном на год и заведовал его делопроизводством, так что оно было бы «совершенно независимо от других учреждений» (ст. 4). В заседаниях Государева совета могли присутствовать, помимо его председателя и членов, только начальник канцелярии совета или его заместитель (ст. 5). Представляется, что, запланировав учреждение Государева совета, Эйхельман учел пожелание Витте, который хотел сохранить доступ к особе монарха, а значит — и влияние на государственные дела, и после отставки с поста Совета министров, тем более что Комитет министров, председателем которого граф оставался по-прежнему, доживал последние дни и был упразднен 23 апреля 1906 г.

Тематически к главе «О верховной исполнительной власти государя императора» примыкает находящаяся непосредственно за ней другая новая, сравнительно со старыми Основными законами, глава — «О управлении». В ней самодержец наделяется правом назначения и увольнения министров и главноуправляющих, а также обер-прокурора Святейшего синода, государственного контролера, государственного казначея и главноуправляющего Государственным банком (ст. 91), причем все перечисленные должностные лица «для общих совещаний» образуют Совет министров под руководством председателя Совета министров или его заместителя, назначаемых непосредственно монархом (ст. 92). Из общего состава ведомств особо выделяются как отдельные главные управления, имеющие статус министерств, но не подчиняющиеся Совету министров, Государственное казначейство, Государственный контроль и Государственный банк (ст. 97). Тем самым органы финансового управления получили бы, наподобие органов судебной системы, институциональную автономию от исполнительной власти. В главе «О управлении» постулируется также подзаконность всех частей управления по всем ведомствам: за противозаконные действия чиновники должны подвергаться судебной ответственности или дисциплинарным взысканиям. Порядок привлечения виновных в преступлениях по службе определялся законами, с тем чтобы «способы достижения правосудия» были бы облегчены «для потерпевших от таких действий» (ст. 98). В рассматриваемую главу помещена и статья о местном самоуправлении, которая содержит обещание, что земским и городским учреждениям будет предоставлено «возможно широкое участие в заведовании различными сторонами местного благоустройства» с привлечением к деятельности в упомянутых учреждениях «на однородных основаниях» представителей «всех частей заинтересованного в местных общественных делах населения». Наконец, та же статья разрешала образование по ходатайству крестьянских общин и уездного земства «мелкой земской единицы» (ст. 105), т. е. волостного земства.

Завершающие проект Эйхельмана главы об Императорской фамилии и об обязанностях членов Императорского дома по отношению к императору по сравнению с прежними Основными законами подверглись изменению с точки зрения резкого сокращения количества их статей — первая из упомянутых глав, ранее содержавшая 93 статьи, имеет 34, уменьшившись почти в три раза. Глава об обязанностях членов Императорского дома, прежде содержавшая пять статей, состоит из трех, впрочем — две из них составлены из старых трех, новая же статья, 142, имеет в высшей степени принципиальное значение, поскольку постановляет, что предметы, определяемые в Учреждении о Императорской фамилии, но не вошедшие в две последние главы проекта, «остаются и впредь в единоличном распоряжении Государя Императора, от которого зависит сделать изменения в действующих на сии предметы постановлениях»³⁷. Тем самым Эйхельман, заменяя публично-правовой характер большей части Учреждения о Императорской фамилии на частноправовой, придал ей значение фамильного статута (*Hausgesetze*), значение, свойственное аналогичным законам всех конституционных монархий начала XX в., но прежде всего — немецких. Необходимо напомнить, что в это время в Германскую империю входили 22 монархии и только три республики.

В начале первого заседания Особого совещания, посвященного обсуждению проектов новых Основных законов, 7 апреля 1906 г., Витте заявил Николаю II: «Вашему императорскому величеству представлены три проекта, из коих один профессора Эйхельмана. В той постановке, которую дает делу этот последний проект, вопрос нигде не обсуждался, а потому этот проект представляет сырой материал». Однако скромный профессор осмелился заявить о себе только на четвертом, последнем заседании, 12 апреля, использовав как предлог редактирование статьи о перемене вероисповедания. «Правильнее сказать, — неожиданно заговорил Эйхельман, — что переход из одного вероисповедания в другое не возбраняется, условия для такого перехода определяются законом. Разрешите мне, все милостивейший государь, сказать несколько слов по поводу Основных законов». «Говорите», — ответил Николай II. Получив слово, профессор начал разворачивать критику М. М. Сперанского как кодификатора, но был оспорен членом Государственного совета Э. В. Фришем: «Однако до сих пор граф Сперанский признавался и признаётся лучшим кодификатором». Тем не менее Эйхельман продолжил воспроизводить аргументацию в пользу идеи о том, что «значение и объем — пределы Основных законов в России — приходится несколько сузить». «Нам ведь, — заметил император, — еще много осталось рассмотреть». «Я, — не унимался Эйхельман, — хотел бы только коснуться порядка изложения Основных законов и редакции их». «Но нам надо, — поставил точку Николай II, — окончить это дело сегодня. Пойдем дальше»³⁸. Так закончилось непосредственное участие Эйхельмана в Особом совещании. Подразумевая проект новых Основных законов, граф И. И. Толстой вспоминал: «Не могу в точности и с достоверностью сказать, кто был первоначальным

составителем проекта (говорят, какой-то киевский профессор)»³⁹, т. е. Эйхельман. Великосветская молва сильно преувеличила реальный вклад киевского профессора в создание Основных законов 1906 г. Однако если не его неудачное выступление на Особом совещании, то его «Соображения» и проект оказали несомненное влияние на Витте, да и на Николая II, накануне и в ходе Особого совещания. Подготовленные Эйхельманом документы стали дополнительным козырем в руках Витте во время его борьбы в апреле 1906 г. за ту редакцию Основных законов, которая в итоге стала окончательной.

Киевский профессор оказался вовлеченным в сферы высокой политики еще раз — уже после Февральской революции 1917 г., когда пала монархия, базировавшаяся на Основных законах 1906 г. В 1918 г. Эйхельман служил в министерствах торговли и промышленности и иностранных дел Украинской народной республики, затем — в МИД Украинской державы, которую возглавлял гетман П. П. Скоропадский. Эйхельман участвовал в подготовке экономического соглашения Украины с Германией и Австро-Венгрией и входил в состав украинской делегации на переговорах с РСФСР. Министр иностранных дел Украинской державы Д. И. Дорошенко, вспоминал В. В. Зеньковский, «взял себе в консультанты моего бывшего коллегу проф[ессора] О. О. Эйхельмана, бесменно вообще консультировавшего при разных украинских правительствах». Эйхельман «никогда дипломатом фактически не был, — и если чем мог помочь Дорошенко, то разве всякого рода справками насчет тех или иных “прецедентов”, — иронично оценивал государственную деятельность Эйхельмана Зеньковский. — Будучи услужливым по природе, а здесь вдобавок еще особенно услужливым вследствие запуганности, Эйхельман естественно стремился всячески преувеличивать значение “державности” Украины. Судьба сделала Эйхельмана человеком “чего изволите” — и на все претенциозные мечты украинцев он естественно отвечал так, что был *plus royaliste que le roi*»⁴⁰. Зеньковский забыл добавить, что поведение «бывшего коллеги» объяснялось, помимо прочего, тем, что от более чем 40-летних трудов праведных он, типичный интеллигент-бессеребряник, не нажил палат каменных, имея главным источником существования только профессорскую пенсию. При Директории Украинской народной республики Эйхельман все-таки стал дипломатом, занимая пост заместителя министра и даже, в 1922 г., уже в эмиграции, исполняя обязанности министра иностранных дел УНР. Эйхельману пригодился и его опыт создания учредительных актов: он явился автором проектов Устава МИД и, в 1921 г., Конституции УНР. С 1922 г. Эйхельман был профессором, в 1923–1924 гг. — деканом юридического факультета Украинского свободного университета в Праге и Украинской хозяйственной академии в Подебрадах в Чехословакии. В 1924 г. русско-украинского немца избрали действительным членом Научного общества им. Т. Г. Шевченко. Скончался Оттон Оттонович в Праге, 12 февраля 1943 г., на 88-м году жизни.

- ¹ Ганелин Р. Ш. Реформа Государственного совета и принятие Основных законов // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 288, 289.
- ² Подробнее о нем см.: *Иконников В. С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Университета Св. Владимира, 1834–1884. Киев, 1884. С. 780–782; *Грaбарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005. С. 435–437.
- ³ *Вычугжанин А. Л. С. И.* Тимашев: жизнь и деятельность // С. И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения. Тюмень, 2006. С. 117.
- ⁴ *Эйхельман О. О.* 1) Государственное и административное право. Лекции. Ярославль, 1879; 2) Лекции по государственному праву. Ярославль, 1880; 3) Обзор центральных и местных учреждений управления в России и Устава о службе по определению от правительства. Киев, 1890; 4) Исторический очерк учений о праве и государстве. Киев, 1893.
- ⁵ *Зеньковский В. В.* Пять месяцев у власти (15 мая — 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995. С. 137.
- ⁶ *Вычугжанин А. Л. С. И.* Тимашев: жизнь и деятельность. С. 117.
- ⁷ *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 260.
- ⁸ *Грaбарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России. С. 436.
- ⁹ *Вычугжанин А. Л. С. И.* Тимашев: жизнь и деятельность. С. 117.
- ¹⁰ *Богданович А. В.* Три последних самодержца. С. 260.
- ¹¹ *Вычугжанин А. Л. С. И.* Тимашев: жизнь и деятельность. С. 117.
- ¹² *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. СПб., 1908. С. 236.
- ¹³ *Таганцев Н. С.* Пережитое: В 2 вып. Пг., 1919. Вып. 1. С. 185.
- ¹⁴ *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Каталог книжного собрания С. Ю. Витте. Реконструкция. М., 2007. С. 154.
- ¹⁵ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 466.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 407.
- ¹⁷ Там же. Л. 24 — 26 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 292.
- ¹⁹ Там же. Л. 292 об.
- ²⁰ Там же. Л. 293.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 413–415.
- ²³ Там же. Л. 414 об. — 415.
- ²⁴ Там же. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Л. 350–351.
- ²⁶ Там же. Л. 353 об.
- ²⁷ Там же. Л. 358 об.
- ²⁸ Там же. Л. 359 об. — 360.
- ²⁹ Там же. Л. 24.
- ³⁰ Там же. Л. 77.
- ³¹ Там же. Л. 78.
- ³² Там же. Л. 100.
- ³³ Там же. Л. 101.
- ³⁴ Там же. Л. 420–421.
- ³⁵ Там же. Л. 420 — 420 об.
- ³⁶ Там же. Л. 433.
- ³⁷ Там же. Л. 435–453.
- ³⁸ Протоколы царскоельских совещаний (1905–1906) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов. М., 2001. С. 103, 153–154.
- ³⁹ *Толстой И. И.* Мемуары. М., 2002. С. 229.
- ⁴⁰ *Зеньковский В. В.* Указ. соч. С. 137.

References

- BOGDANOVICH A. V. *Tri poslednikh samoderzhca* [The last three autocrats. In Russ.], Moscow, 1990.
- EJXEL'MAN O. O. *Gosudarstvennoe i administrativnoe pravo. Lekcii* [State and administrative law. Lectures. In Russ.]. Yaroslavl', 1879.
- EJXEL'MAN O. O. *Lekcii po gosudarstvennomu pravu* [Lectures on state law. In Russ.]. Yaroslavl', 1880.
- EJXEL'MAN O. O. *Obzor central'ny'kh i mestny'kh uchrezhdenij upravleniya v Rossii i Ustava o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva* [Review of Central and Local government agencies in Russia and the Charter on service by definition from the government. In Russ.]. Kiev, 1890.
- EJXEL'MAN O. O. *Istoricheskij ocherk uchenij o prave i gosudarstve* [Historical sketch of the doctrine of law and the state. In Russ.]. Kiev, 1893.
- GANELIN R. SH. *Reforma Gosudarstvennogo soveta i prinyatie Osnovny'kh zakonov* [Reform of the Council of State and adoption of Basic laws. In Russ.] // *Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917* [Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917. In Russ.]. Leningrad, 1984.
- GRABAR' V. E. *Materialy k istorii literatury mezhduнародного права v Rossii (1647–1917)* [Materials to the history of literature of international law in Russia (1647–1917). In Russ.]. Moscow, 2005.
- Iz arkhiva S. Yu. Vitte. Vospominaniya. Rasskazy v stenograficheskoj zapisi. Rukopisny'e zametki: V 2 t.* [From the archive of Sergei Witte. Memory. Stories in the verbatim record. Handwritten notes: In 2 vols. In Russ.]. St. Petersburg, 2003. T. 2.
- IKONNIKOV V. S. *Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira, 1834–1884* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial University of St. Vladimir, 1834–1884. In Russ.]. Kiev, 1884.
- KORKUNOV N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law. In Russ.]. T. 1: Vvedenie i obshaya chast' [Russian state law. Vol. 1: Introduction and General part. In Russ.]. St. Petersburg, 1908.
- Protokoly' carskosel'skikh soveshanij (1905–1906)* [Protocols of the meetings of the Tsarskoye Selo (1905–1906). In Russ.] // *Russkij konstitucionalizm: ot samoderzhaviya k konstitucionno-parlamentskoj monarhii. Sbornik dokumentov.* Moscow, 2001.
- TAGANCEV N. S. *Perezhitoe: V 2 vy'p.* [Experienced: In 2 vols. In Russ.]. Petrograd, 1919. Vol. 1.
- TOLSTOJ I. I. *Memuary* [Memoir. In Russ.]. Moscow, 2002.
- VITTE S. Yu. *Sobranie sochinenij i dokumental'ny'kh materialov. Katalog knizhnogo sobraniya S. Yu. Vitte. Rekonstrukciya* [A collection of essays and documentary materials. Catalog of the book collection S. Yu. Witte. Reconstruction. In Russ.]. Moscow, 2007.
- VY'CHUGZHANIN A. L. *S. I. Timashev: zhizn' i deyatel'nost'* [S. I. Timashev: the life and work. In Russ.] // *S. I. Timashev: zhizn' i deyatel'nost'. Izbranny'e sochineniya.* Tyumen', 2006.
- ZEN'KOVSKIJ V. V. *Pyat' mesyacev u vlasti (15 maya – 19 oktyabrya 1918 g.). Vospominaniya* [Five months in power (may 15 – October 19, 1918). Memory. In Russ.]. Moscow, 1995.

Список литературы

- Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.
- Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Каталог книжного собрания С. Ю. Витте. Реконструкция. М., 2007.
- Вычужжанин А. Л.* С. И. Тимашев: жизнь и деятельность // С. И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения. Тюмень, 2006.
- Ганелин Р. Ш.* Реформа Государственного совета и принятие Основных законов // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.
- Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005.
- Зеньковский В. В.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995.
- Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: В 2 т. СПб., 2003. Т. 2.
- Иконников В. С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Университета Св. Владимира, 1834–1884. Киев, 1884.
- Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. СПб., 1908.
- Протоколы царскосельских совещаний (1905–1906) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сборник документов. М., 2001.
- Таганцев Н. С.* Пережитое: В 2 вып. Пг., 1919. Вып. 1.

Толстой И. И. Мемуары. М., 2002.

Эйхельман О. О. Государственное и административное право. Лекции. Ярославль, 1879.

Эйхельман О. О. Лекции по государственному праву. Ярославль, 1880.

Эйхельман О. О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России и Устава о службе по определению от правительства. Киев, 1890.

Эйхельман О. О. Исторический очерк учений о праве и государстве. Киев, 1893.

С. В. Куликов. Оттон Эйхельман и его проект Основных государственных законов 1906 г.: по новым документам

В статье впервые в историографии, с привлечением неизвестных ранее архивных источников, рассматриваются обстоятельства создания и содержание проекта Основных государственных законов 1906 г., автором которого являлся профессор Киевского университета Оттон Эйхельман. Делается вывод, что его участие в подготовке новых Основных законов было инспирировано председателем Совета министров графом Сергеем Витте.

Ключевые слова: Основные государственные законы, кодификация, император, самодержец, профессор, Совет министров, премьер-министр.

S. V. Kulikov. Otton Eichelman and his draft Basic state laws of 1906: according to new documents

The article for the first time in historiography, involving previously unknown archival sources, examines the circumstances of the creation and content of the draft Basic state laws of 1906, authored by Professor Otton Eichelman of Kyiv University. It is concluded that his participation in the preparation of new Basic laws was inspired by the Chairman of the Council of Ministers count Sergei Witte.

Key words: Basic state laws, codification, Emperor, autocrat, Professor, Council of Ministers, Prime Minister.

Куликов, Сергей Викторович — к. и. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук.

Kulikov, Sergey Viktorovich — candidate of Historical Sciences, senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

В. В. Носков

Своевременные мысли: революция 1917 г. и судьбы русской государственности в восприятии Н. А. Бердяева

Совсем не там нужно искать основного конфликта
этой революции, где его обычно ищут.
Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции

Н. А. Бердяев входил в немногочисленную плеяду тех русских мыслителей, которые составляли духовную элиту России в переломный момент ее истории. По его собственному определению, к этому узкому кругу принадлежали «люди самого высокого уровня умственной культуры, какой только знала Россия»¹. Бердяев занимал особое место в этой интеллектуальной элите и как автор оригинальной философско-исторической концепции, и как активный публицист. К проблеме революции в России он впервые обратился в период революционных потрясений 1905–1907 г. и не оставлял эту тему до конца жизни. Одновременно русский мыслитель занимался разработкой собственной философии истории, призванной объяснить ход всемирно-исторического процесса и место в нем России. С 1914 г. центральное место в его публицистике заняла военная проблематика. Серия статей Бердяева, написанных в годы мировой войны, стала его вкладом в осмысление предпосылок революции 1917 г. Философия истории Бердяева носила ярко выраженный религиозный характер, что накладывало особый отпечаток на восприятие им таких конкретно-исторических явлений, как Первая мировая война и Русская революция.

Подводя итоги своим размышлениям о первой русской революции, Бердяев заключал: так «безысходна драма русской революции потому, что она продолжает дело человеческого самоутверждения, человеческого властолюбия и устроения земли во имя свое; она разрушает старый империализм и хочет поставить на его место новый, революционный, демократический империализм, хотя значение государства не понимает». Государство в его представлении являлось «коррективом, внешним ослаблением хаоса, предотвращением окончательного распада», хотя русский мыслитель и сознавал, что оно «внутренне оставляет нетронутой хаотическую стихию»². Как бы там ни было, очевидно, что государство как таковое являлось для Бердяева безусловной ценностью, несмотря на его критическое отношение ко всем конкретным формам русской государственности.

Статьи Бердяева, написанные по горячим следам революционных событий 1917 г., представляют собой не столько политическую публицистику, сколько философскую хронику Русской революции. Первые статьи, опубликованные непосредственно после Февраля, были наполнены, по его собственному признанию, «наивным оптимизмом». Между тем уже в них появились суждения, развитые впоследствии в его более зрелых произведениях на революционные темы. В своих сочинениях Бердяев вскрыл глубинные корни Русской революции, уходящие далеко в историю страны. «Русская революция — величайший переворот в жизни всего русского народа, во всей его исторической судьбе, — писал он. — Такие перевороты совершаются раз в ряде столетий и действуют в них все силы народные, не только нашего поколения, но и поколений прошедших»³. В своем анализе Бердяев опирался на профетические прозрения таких русских писателей, как Н. В. Гоголь и особенно Ф. М. Достоевский. В июле 1918 г. он писал: «...более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционной образ старой России, духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми». «Россия, раскрывавшаяся ее великими писателями, Россия Гоголя и Достоевского, может быть обнаружена и в русской революции», — отмечал он⁴. «В революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд», — указывал Бердяев. «Сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России», а в основе «лежит старая русская ложь и обман, давно увиденные Гоголем». «Многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе», добавлял он⁵.

«В центре для меня стоят прозрения Достоевского, который пророчески раскрыл все духовные основы и движущие пружины русской революции», подчеркивал Бердяев⁶. «Русская революция пропитана теми началами, которые прозревал Достоевский и которым дал гениально острое определение», — замечал он⁷. Достоевский, в частности, понимал, что «революция совсем не то у нас означает, что на Западе, и потому она будет страшнее и предельнее западных

революций»⁸. «Достоевский предвидел, что революция в России будет безрадостной, жуткой и мрачной, что не будет в ней возрождения народного»⁹. Достоевский, писал Бердяев позднее, «с гениальной прозорливостью почувал идейные основы и характер грядущей революции русской, а может быть, и всемирной. Он — пророк русской революции в самом бесспорном смысле этого слова. Революция совершилась по Достоевскому. Он раскрыл ее идейные основы, ее внутреннюю диалектику и дал ее образ. Он из глубины духа, из внутренних процессов постиг характер русской революции, а не из внешних событий окружающей его эмпирической действительности». Достоевский по Бердяеву — «величайший изобличитель лжи и неправды того духа, который действует в революции»¹⁰.

Бердяев постоянно подчеркивал ключевое значение Первой мировой войны в вызревании непосредственных предпосылок революции и неразрывную связь между войной и революцией. Уже в первых его статьях на революционные темы появились суждения об обусловленности революции войной и решающей роли, которую сыграли в ней вышедшие из повиновения войска. С самого начала революции Бердяев не устал повторять, что «вопрос о войне сейчас самый тревожный и важный вопрос для свободной России». Особую тревогу вызывало у него непонимание обществом внешнеполитических целей войны. Он доказывал, в частности, что обладание проливами нужно «прежде всего русскому крестьянству» и «всему русскому государству»¹¹. «В нынешний исторический час Россия может пасть жертвой глубокого неведения в отношении к этим мировым вопросам», писал Бердяев после апрельского кризиса 1917 г. «Судьба России отдается во власть фикций и призраков, ее хотят защитить силой, которая не существует и не обнаруживает никаких признаков реальности ни в чем, кроме грез русских социал-демократов. Реальные же силы подлинной истории продолжают действовать и действуют против России, уготовляя ей унижение и позор», предупреждал русский мыслитель¹².

В июле 1917 г. Бердяев писал, что «сначала война мобилизовала интересы в России, потом революция по-новому мобилизовала интересы»¹³. Он напоминал, что «русская революция протекает в атмосфере страшной войны», поэтому «все партийные группировки с их громкими лозунгами создаются под давлением войны». «В нынешний трагический момент русской истории, — продолжал Бердяев, — все партии определяются прежде всего своим отношением к войне и к международной политике. Реально в России сейчас существует только две партии — партия патриотов, желающих спасти родину, не потерявших здорового национального и государственного чувства, сознающих ответственность за всё будущее России, и не-патриотов, отрицающих самостоятельную ценность национальности, равнодушных к родине, к ее чести и достоинству, предающих ее или из фанатической приверженности отвлеченным утопиям и ложным интернационалистическим идеям, или из низкой корысти и продажности»¹⁴. Продолжавшаяся «мировая борьба народов есть событие еще большее по своему

значению, чем революция, — полагал он. — Революция вызвана войной, и она может быть осмыслена лишь в связи с войной»¹⁵.

«Русская революция есть событие производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны», утверждал Бердяев после заключения Брестского мира¹⁶. «Характер русской революции определился тем, что она была порождением войны», — повторял он на исходе жизни¹⁷. «К 1917 г., в атмосфере неудачной войны, всё созрело для революции, — писал Бердяев в одной из своих последних работ. — Старый режим сгнил и не имел приличных защитников. Пала священная русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция»¹⁸. А подводя итоги Октябрьского переворота, он заключал, что «русский народ не выдержал великого испытания войны»¹⁹.

Бердяев раскрыл также еще один важный аспект революционного переворота в России. «В русской революции победил новый антропологический тип», — отмечал он. «Война сделала возможным появление этого типа»²⁰. «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры», — замечал Бердяев в своей духовной автобиографии²¹. «Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе», — писал Бердяев в другой своей книге²². «Неудачная война создала наиболее благоприятные условия для победы большевиков», — продолжал он. «Именно война с ее навыками и методами породила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека»²³.

Уже в ранних статьях Бердяева на революционные темы поднимается тема национальной государственности. «С внешней точки зрения, — писал он в апреле 1917 г., — произошел политический переворот, каких много бывало в истории. С более же глубокой точки зрения произошло событие исключительной важности и значительности: пало тысячелетнее священное русское царство, с которым связаны были великие упования и иллюзии, последнее священное царство в мире. И это падение священного русского царства по значению своему может быть сопоставлено с падением Рима и Византии». «Конец этого царства был позорный», — констатировал русский мыслитель. «Такого падения монархической идеи не знал ни один народ»²⁴. Вместе с тем, Бердяев поднимал важнейшую для него тему о судьбе русской культуры. «Ослабление и падение русского государства будет также ослаблением и падением русской духовной культуры», — предупреждал он²⁵. «Русская революция есть кризис русской культуры», — подчеркивал Бердяев²⁶. В его представлении, катастрофа произошла «в самых первоосновах русского общества и русской культуры, она произошла в глубине духа народного»²⁷.

«В массовом стихийном движении», которое развернулось после Февраля, писал Бердяев, «явно преобладают интересы личные и групповые

в ущерб целому, в нем нет самоограничения, в нем слишком много корыстного и захватного»²⁸. «Немало было также маниловщины в первом периоде революции и в революционном временном правительстве», — отмечал он²⁹. Оценивая деятельность Временного правительства, Бердяев подчеркивал: власть «имеет объективную природу, она не может быть совершенно субъективной и произвольной, партийной и классовой». «Власть есть обязанность, бремя и служение». Но революционная власть не соответствовала этому идеалу. «Принцип демократии понят у нас прежде всего как недоверие и подозрительность ко всякому проявлению личного начала», — замечал Бердяев в связи с этим³⁰. Поэтому он категорически не принимал «идейного убожества тех кругов, которые со слишком большой гордостью именуют себя демократическими»³¹.

«Каждый день стихийного нарастания анархии и разложения влечет Россию в бездну и готовит ей рабство, рабство чужеземное и рабство у собственных темных сил, которые одинаково есть и с крайне правой, и с крайне левой стороны», — говорилось в его статье, опубликованной после июньской демонстрации в Петрограде³². А после июльских событий 1917 г. тон Бердяева становится еще более тревожным. «Распадается всё более и более нравственное единство народа и подвергается опасности само существование единого и великого государства, которое невозможно без минимума такого нравственного единства», — констатировал он. Между тем, подчеркивал русский мыслитель, не закончился еще «суровый труд истории, масса человечества не вышла еще из необходимости жить под законом, и миссия государства не выполнена еще и не доведена до конца»³³. Констатируя «полное отсутствие чувства ответственности и долга» у власть предержащих, он заключал: «Государство и общество распадается на дробные части, отменяя тысячелетний процесс»³⁴.

«Старая русская монархия утонула в мути, во лжи, в предательстве и в провокации», — писал Бердяев в июле 1917 г. — Она не столько была свергнута, сколько сама разложилась и пала. Русская революция не столько была результатом накопления творческих сил, творческих порывов к новой жизни, сколько результатом накопления отрицательных состояний, процессов гниения старой жизни»³⁵. Но по мере развертывания революционного процесса «Россия подменяется революцией, которой она также приносится в жертву», продолжал он³⁶. «Революция подверглась нравственному растлению». «Во имя “революции” теперь допускается такая же ложь, какая раньше допускалась во имя “монархии”». И эта «ложь с самого начала отравила русскую свободу»³⁷. Между тем, в «нынешний грозный час дело идет о спасении родины, спасении России, а не революции», полагал Бердяев³⁸. «Лишь меньшинство сознаёт сейчас единство России, лишь меньшинство обращено к ценностям великого целого», — с тревогой писал он в эти драматические дни лета 1917 г.³⁹

«Последний удар был нанесен старой власти, когда был изблечен ее непатриотический, ненациональный, предательский по отношению к России характер», — констатировал русский мыслитель. — Старая власть пала прежде всего

потому, что она не хотела и не способна была защищать Россию от внешней опасности, что она оставила беззащитным, безоружным русский народ перед лицом грозного врага. Старая власть пала потому, что она стала во враждебное отношение ко всему русскому народу, ко всем слоям, всем классам. Она стала нестерпимой для всех». Но после революции началось «раздувание классовой борьбы, вызванное не безотлагательными потребностями жизни, а отвлеченными учениями или непросветленными инстинктами»⁴⁰.

Собственная позиция Бердяева в развернувшемся противостоянии проявилась в его суждениях о корниловском выступлении. «Трагические события, связанные с именем генерала Корнилова, говорят о том, что мы продолжаем жить в атмосфере двусмысленности и мути», — писал он в сентябре 1917 г. «Ныне господствующие в русском государстве силы так же не терпят правды и света, как не терпели их силы, господствовавшие в старом строе». «Слишком ясно для честных людей, что в обвинениях против генерала Корнилова накопилась чудовищная ложь, обман и путаница», — указывал Бердяев. А «отрицать героический патриотизм ген. Корнилова и его беззаветную преданность родине может лишь злая воля или корыстный расчет»⁴¹. «Надругательство над свободой и достоинством слова достигло своего крайнего выражения, когда разыгралась корниловская трагедия», — добавлял он позднее, осуждая правительственную «ложь о “мятеже” генерала Корнилова»⁴².

«Происходит лишь быстрая смена министров, которые судорожно пытаются образовать сильное национальное правительство, — писал Бердяев после создания последнего коалиционного кабинета, — но эта перестановка атомов производит впечатление болезненного бессилия, и ничто существенное от нее не меняется». В «это исключительное время хотят спасти Россию политическими комбинациями, ничего существенного не меняя, ни от чего не отказываясь, ничем не жертвуя и не рискуя», — продолжал он. «Наша революционная политика заражена ложью, она быстро гниет и вырождается. Ложь была допущена в самой первооснове власти революционной демократии»⁴³. «Нет у нас и никакого здорового, творческого демократического движения, — заключал русский мыслитель. — Демократия понимается у нас столь извращенно, что напоминает какой-то пасквиль и карикатуру»⁴⁴. «Русская революция есть изобличение лжи демократии как верховного принципа жизни», — отмечал Бердяев незадолго до Октября. «В основе русской революции лежит не столько ложная политика, сколько ложная мораль», — полагал он⁴⁵. По его мнению, в результате Февральской революции «нация пришла к самоубийству»⁴⁶. «Демократия, которая признаёт себя верховным и единственным принципом жизни, уже ничему не подчиненным, есть, конечно, ложь и соблазн, — утверждал Бердяев. — И эта соблазнительная ложь демократии более всего выявляется в русской революции»⁴⁷.

«В отвлеченном демократизме и конституционализме есть какая-то неправда», — писал он вскоре после захвата власти большевиками⁴⁸. Показательно

отношение Бердяева к мифу об Учредительном собрании как панацее от всех бед России, который до сих пор культивируется в общественном сознании. «Выборы в Учредительное Собрание будут проходить в физически и душевно ненормальных условиях, фальсифицирующих волю народа», — полагал он⁴⁹. Поэтому «прежде всего следовало бы перестать придавать абсолютное значение такой условной и относительной вещи, как Учредительное Собрание». «Учредительное Собрание само по себе есть лишь пустая форма, которую можно наполнить любым содержанием, как добрым, так и злым», — продолжал Бердяев. «Наше поколение в настроении данного часа не может решать судьбы России», — заключал он⁵⁰. В эти осенние дни русский мыслитель приходил к неутешительному выводу: «То, что у нас называется “революцией”, есть сплошная дезорганизация и разложение, смерть государства, нации, культуры»⁵¹. Этими словами Бердяев подвел трагический итог Февральской революции, которую он встретил с преждевременным энтузиазмом.

В своих последующих работах Бердяев подводил общие итоги революции, радикально изменившей характер русской государственности. «Ядро России — подверглось в процессе революции наибольшему разложению, оно стало очагом большевизма», — писал он. Русская революция «разложила Россию, единую и неделимую, и тяжело ранила русское национальное чувство». «В русской революции обнаружилась темная реакционная стихия, враждебная историческому прогрессу, враждебная всякой культуре большого стиля. Такого отречения от собственной истории, такой измены великим историческим заветам не было еще никогда и нигде», — заключал Бердяев⁵². В итоге — «Русское государство и русская культура были отданы на растерзание темным массам»⁵³.

Бердяев охарактеризовал основные политические силы и партии, действовавшие в период революции, и показал их роль в происходивших событиях. Еще в 1906 г. он пришел к неутешительному выводу о месте кадетов в революционном движении. Несмотря на личные симпатии к кадетам, русский мыслитель задолго до 1917 г. осознал, что их программа не имела шансов на успех. «Русская революция упорно не желает идти по предначертанному ими пути, она перешагнула уже роковую черту, за которой план, вдохновляющий конституционалистов-демократов, не имеет силы», — заключал он⁵⁴. Отдавая должное кадетам, он тем не менее полагал, что «эту партию можно было бы обвинять в некотором академизме, в переоценке внешних конституционных форм, в неумении привлечь к себе более широкие массы, затронув в них страстные струны, в недостатке силы и воли»⁵⁵.

Основное внимание Бердяев уделял идеологиям, положенным в основу партийных программ. С этим связаны его размышления о либерализме, вдохновлявшем деятелей Февральской революции. Еще в апреле 1917 г. он предупреждал: «Политическая революция в России совсем не означает торжества старого буржуазного либерализма, который давно уже идейно разложился и не может

никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу»⁵⁶. По его убеждению, «русские либеральные круги исповедовали довольно поверхностное просветительство и поверхностный позитивизм», которые «разлагают духовную жизнь и подрывают веру в духовные реальности»⁵⁷. Поэтому, заключал Бердяев, не время теперь «для бесхарактерного, лишённого глубокой духовной основы либерализма»⁵⁸. Позднее он писал, что «либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии, заражающей массы»⁵⁹. «В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям», — заключал Бердяев на склоне лет. Либеральное движение «не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей»⁶⁰.

Но и социализм для него тоже не лучший выбор для России. В представлении Бердяева, социализм «есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир, целиком им определяющаяся и от него получающая все ценности»⁶¹. «Идейное убожество социалистического движения поразительно», — замечал он в одной из своих статей⁶². «Не до социализма теперь русскому народу и русскому государству», — писал Бердяев в августе 1917 г. «Русский революционный социализм у нас нравственно провалился и опозорился, потому что он оказался не патриотическим, не национальным и не государственным в момент величайшей опасности для родины, и на него легла зловещая тень германского влияния»⁶³. По его убеждению, то, «что у нас в течение полугода называют “социалистическим” движением, представляет нестерпимую ложь и обман и является ширмой для самых низменных массовых инстинктов и для бесстыдного демагогического им потворства»⁶⁴.

Еще в июле 1917 г. Бердяев предупреждал, что в сложившейся на тот момент ситуации единственной «истинно революционной стихией остаются большевики, которые и хотят устроить новую революцию против большей части России». «Сфера чистой революционности всё суживается и в конце концов отождествляется с небольшой кучкой, рассчитывающей на демагогическое разжигание страстей в темных массах», — указывал он, полагая, что на этом «процесс “развития” революции не остановится», поскольку «сужение сферы революции пойдет и дальше»⁶⁵. Для него уже тогда выявилась главная «опасность, грозящая от большевиков и анархистов, от темных инстинктов масс, к которым обращена большевистская и анархистская демагогия»⁶⁶. В августе 1917 г. Бердяев посвятил феномену большевизма специальную статью, в которой он приходил к заключению: «Большевизм есть русское, национальное явление, это — наша национальная болезнь, которая и в прошлой русской истории всегда существовала, но в иных формах»⁶⁷.

После Октября Бердяев констатировал: «В сущности только большевики и являются носителями революционной стихии в чистой и крайней форме»⁶⁸. Возвращаясь к теме в конце года, после подписания перемирия с Германией, он в азарте писал: «“Социалистический” мир большевиков стал по ту сторону добра и зла, он впал не в безнравственность, а в нравственный идиотизм. Старый “буржуазный” мир создал Великую Россию, великое русское государство, он признавал предрассудок патриотизма, национальной чести, долга перед отечеством. Новый “социалистический” мир отменил государство, расчленил Россию, превратил нашу родину в кучу мусора и надругался над патриотическим чувством, над национальной честью и достоинством в формах, еще невиданных в истории»⁶⁹.

Вместе с тем Бердяев сознавал, что в «русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалистами»⁷⁰. Объективно именно «советская власть оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев», — признавал он. «Только большевики сумели организовать власть в соответствии с изменившимися верованиями народа, в соответствии с кровавой стихией войны», — заключал Бердяев⁷¹. Большевизм «оказался единственной силой, которая с одной стороны могла докончить разложение старого и с другой стороны организовать новое», — писал русский мыслитель, подводя первые итоги большевистского эксперимента⁷².

Основную ответственность за крушение исторической России Бердяев возлагал на революционную интеллигенцию. Еще в феврале 1908 г. он отмечал: «Бюрократия калечила народную жизнь, а интеллигенция калечила народную мысль»⁷³. Ответственность, заявил Бердяев в июне 1917 г., падет «на те слои интеллигенции, которые, не ведая глубоко смысла слов, бросают их безответственно, оставаясь на поверхности»⁷⁴. «Ответственность прежде всего падает на революционную, идолопоклонствующую перед народом интеллигенцию, которая не может быть источником света», — писал он⁷⁵. «Причин всех бедствий и всех грехов русской революции нужно искать глубже, чем их обычно ищут», — указывал Бердяев. «Причины эти прежде всего в ложном направлении духа, в ложных идеях, которыми в течение многих десятилетий жила русская революционная интеллигенция и которыми она отравила народные массы». «Большевики — последние русские нигилисты, в них нигилизм интеллигентский соединился с нигилизмом народным, — продолжал он. — Источники всех наших несчастий нужно искать в соединении нигилистических идей интеллигенции с народной тьмой». В ходе событий «русская национальная революция присвоена была себе революционными интеллигентскими кружками и массами, которые пошли за их демагогическими лозунгами», заключал Бердяев⁷⁶. В итоге «революция оказалась антипатриотической и антинациональной»⁷⁷.

По его убеждению, необходим был кардинальный переворот в мирозерцании интеллигенции, а до «этого желанного духовного переворота власть в руках русской интеллигенции никогда не будет патриотической и национальной»⁷⁸. Русская революционная интеллигенция, констатировал он в канун Октября, «побывала у власти, и на земле водворился ад»⁷⁹. В эти тревожные дни русский мыслитель отмечал, что во тьму «погружены не только народные массы, но и широкие круги русской интеллигенции. Русская революционная интеллигенция, которая претендует нести свет народу, никогда не была истинно просвещенной, образованной, культурной, она была полупросвещенной, ее сознание было задето лишь поверхностным просветительством»⁸⁰. Интеллигенция, полагал Бердяев, «отравила народ полупросвещением, разрушившим народные святыни и льстившим самым темным народным инстинктам». «На историческом перевале, в самый ответственный час русской истории она разбудила в народе корыстные и злобные инстинкты»⁸¹.

«В первый период революции, до октябрьского переворота, было много сентиментальностей, пышных слов, гуманных лозунгов, — писал Бердяев. — В этой чувствительной и словесной атмосфере не могла быть создана власть. Россия разлагалась и разваливалась всё более и более под управлением фраз»⁸². Подводя итоги пребывания у власти Временного правительства, он писал: «Вот уже несколько месяцев, как Россия поставлена перед неразрешимой задачей — создать сильную государственную власть из человеческого материала, совершенно непригодного для властвования и определения судеб государства, по всему своему прошлому, по душевному своему укладу не призванного к власти и господству в государстве. По мере “развития” революции власть постепенно перешла к русской революционной интеллигенции, к русским социалистам-революционерам и социал-демократам, т. е. к людям, которым и во сне никогда не снилось, что они могут быть у власти, всё мирозерцание и вся психология которых отрицает самый принцип власти». Эта «революционная интеллигенция всегда отрицала власть, и борьба с самодержавной властью перешла у нее в отрицание государства, нации, истории», продолжал Бердяев. «Никакие положительные навыки общественного и государственного строительства не предшествовали у русской интеллигенции ее внезапному и катастрофическому появлению у власти. Интеллигенция привыкла чувствовать себя оторванной от родины, от ее истории, от заветов предков, от государственного и народного целого»⁸³. «Вся революционная история русской интеллигенции приучила ее к безответственности», — заключал он⁸⁴. Интеллигенты-революционеры «не способны достойно нести бремя власти, ибо прежде всего понимают власть как право, а не как обязанность», замечал Бердяев⁸⁵. «Русская социалистическая интеллигенция у власти есть явление трагикомического бессилия», — констатировал русский мыслитель. И «пребывание у власти русской революционной интеллигенции <...> есть демонстрация лжи ее основных идей и принципов»⁸⁶.

«Русская идейная интеллигенция, принадлежащая к разным лагерям, жила иллюзиями, вдохновлялась ложной верой и призрачными идеями», — писал Бердяев после крушения Временного правительства⁸⁷. Она всегда заимствовала «свои формулы из плохо переваренных и невпопад примененных западных учений»⁸⁸. Подводя итоги своим размышлениям на эту тему, он констатировал: «Русская революция есть тяжелая расплата за грехи и болезни прошлого, за накопившуюся ложь, за неисполнение своего долга русской властью и господствующими классами, за столетний путь русской интеллигенции, вдохновлявшейся отрицательными идеалами и обманчивыми лживыми призраками». «Большевики лишь сделали последний вывод из вашего долгого пути, показали наглядно, к чему ведут все ваши идеи»⁸⁹. «Царство большевизма было пределом движения на ваших путях, в вашем духе», — заключал он⁹⁰.

Бердяев первым заговорил о «восстании масс», которое позднее столь ярко описал Ортега-и-Гассет. Еще в феврале 1918 г. он указал на то, что произошло «восстание количественной массы, не подчиненной никакими качествами, сбросившей всякую норму и закон»⁹¹. «Существенно и характерно в русской революции, — писал Бердяев в связи с этим, — восстание необразованных против образованных, некультурных против культурных, невежественных против знающих, количественного, материального труда против труда же, но качественного, духовного. И характерно, что психология восставших не трудовая, а потребительская психология»⁹².

Бердяев предсказал даже ход развития историографии истории революции и показал, что Русская революция не может получить адекватного объяснения с позиций рациональной «исторической науки», поскольку это проблема философии истории. «Я был очень сосредоточен на проблемах философии истории и думал, что время очень благоприятствовало историософической мысли», — вспоминал Бердяев о своих умонастроениях в период революции⁹³. Еще в разгар революционных потрясений он высказал немало важных замечаний на эту тему. «Революцию нельзя рассматривать статически, ее можно рассматривать лишь динамически», — отмечал Бердяев⁹⁴. «Поистине “революция” и “реакция” не то означают, что выкрикивают о них на площадях, на митингах и в революционных листках, чем представляются они на поверхности жизни», — полагал он⁹⁵. По его убеждению, «понять революцию может лишь тот, кто умеет установить связь времен, кто настоящее не отрывает от прошлого и будущего»⁹⁶.

В сборнике статей, опубликованном в 1924 г., Бердяев пророчески писал: «Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чине великой, создадут легенду, окружают ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду». «Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить или что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодеи больше-

вики не помешали, — продолжал он. — Так делается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание ее трагического опыта»⁹⁷. «Объективные историки могут многое выяснить в критике источников, в раскрытии второстепенных исторических причин, но они даже не ставят себе цели понять смысл революции, — писал Бердяев позднее. — Они обыкновенно на известном расстоянии говорят, что революция была необходима, детерминирована прошлым, но раскрытие смысла не дело исторической науки, это есть уже дело историософии»⁹⁸. По его мнению, «феномен революции не может быть оценен ни путем погружения в нее, ни путем реакции против нее. Революцию не понимают ни революционеры, ни контрреволюционеры. Она осмысливается лишь в достижении большей духовной целостности»⁹⁹.

Предвидения и предупреждения, с которыми Бердяев обращался к своим читателям, до сих пор не утратили своей актуальности. Достаточно привести один пример: «Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией»¹⁰⁰. По большей части эти предупреждения не были услышаны ни современниками русского мыслителя, ни его потомками. Более того, нелюбимая правда обо всех исторических формах российской власти и о русской интеллигенции, высказанная Бердяевым, предопределила ту настороженность и избирательность, которые и в наше время характеризуют отношение к его идейному наследию. Главный вывод из его размышлений неутешителен. «Социальная революция сама по себе не может создать новой, лучшей жизни и новых, более человеческих отношений между людьми», — утверждал Бердяев. По его убеждению, необходимо «соединение революции социальной с революцией духовной, которая всегда глубже социальной»¹⁰¹. Но эта духовная революция, полагал русский мыслитель, должна вывести человечество за пределы его земного существования, в котором невозможно появление ни какой-либо разумной власти, ни действенной оппозиции ей. Таким образом, Бердяев предлагал явно нереальный выход из ситуации, что возвращает ее в исходную точку, оставляя открытыми все главные вопросы русской жизни.

¹ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 159.

² Бердяев Н. А. К психологии революции // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 47–48, 50.

³ Бердяев Н. А. Народ и классы в русской революции. М., 1917. С. 3.

⁴ Бердяев Н. А. Духи русской революции // «Из глубины». Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 56–57.

⁵ Там же. С. 61–63.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 64.

- ⁸ Там же. С. 66.
- ⁹ Там же. С. 74.
- ¹⁰ Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 172.
- ¹¹ Бердяев Н. А. Интернационализм, национализм и империализм. М., 1917. С. 28.
- ¹² Бердяев Н. А. Положение России в мире // Русская свобода. 1917. № 5. С. 8–11.
- ¹³ Бердяев Н. А. Мобилизация интересов (Русская свобода. 17 июля 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 124.
- ¹⁴ Бердяев Н. А. Германские влияния и славянство (Народоправство. 9 августа 1917) // Там же. С. 212–213.
- ¹⁵ Там же. С. 223.
- ¹⁶ Бердяев Н. А. Философия неравенства // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. Paris, 1990. С. 268.
- ¹⁷ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 227.
- ¹⁸ Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2010. С. 278.
- ¹⁹ Бердяев Н. А. Была ли в России революция? (Народоправство. 19 ноября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 110.
- ²⁰ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции // Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1991. С. 55–56.
- ²¹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 230.
- ²² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101.
- ²³ Там же. С. 113.
- ²⁴ Бердяев Н. А. Падение священного русского царства // Русская свобода. 1917. № 2. С. 16–23.
- ²⁵ Бердяев Н. А. Интернационал и единство человечества (Русская свобода. 22 апреля 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 129.
- ²⁶ Бердяев Н. А. О характере русской революции // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 377.
- ²⁷ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции. С. 44.
- ²⁸ Бердяев Н. А. О политической и социальной революции (Русская свобода. 29 апреля 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 20–21.
- ²⁹ Бердяев Н. А. Души русской революции. С. 63.
- ³⁰ Бердяев Н. А. Власть и ответственность // Русская свобода. 1917. № 6. С. 3–6.
- ³¹ Бердяев Н. А. О политической и социальной революции. С. 27.
- ³² Бердяев Н. А. Свободный народ (Народоправство. 30 июня 1917) // Родина. 1990. № 1. С. 9.
- ³³ Бердяев Н. А. Мобилизация интересов. С. 120–121.
- ³⁴ Там же. С. 125.
- ³⁵ Бердяев Н. А. Правда и ложь в общественной жизни (Народоправство. 24 июля 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 130.
- ³⁶ Там же. С. 133.
- ³⁷ Там же. С. 135–136.
- ³⁸ Там же. С. 139.
- ³⁹ Бердяев Н. А. Народническое и национальное сознание (Русская мысль. Июль–август 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 143.
- ⁴⁰ Бердяев Н. А. Народ и классы в русской революции. С. 13.
- ⁴¹ Бердяев Н. А. Патриотизм и политика (Народоправство. 25 сентября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 159–161.
- ⁴² Бердяев Н. А. О свободе и достоинстве слова (Народоправство. 7 октября 1917) // Там же. С. 220.
- ⁴³ Бердяев Н. А. Патриотизм и политика. С. 154–155.
- ⁴⁴ Там же. С. 159.
- ⁴⁵ Бердяев Н. А. Демократия и иерархия (Русская свобода. 15 октября 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 244–245.
- ⁴⁶ Там же. С. 249.

- ⁴⁷ Там же. С. 252.
- ⁴⁸ Бердяев Н. А. Об истинной и ложной народной воле (Народоправство. 30 октября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 191.
- ⁴⁹ Там же. С. 194.
- ⁵⁰ Там же. С. 196–197.
- ⁵¹ Бердяев Н. А. Была ли в России революция? С. 105.
- ⁵² Бердяев Н. А. Россия и Великороссия (Накануне. Апрель 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 163–164.
- ⁵³ Бердяев Н. А. Философия неравенства. С. 277.
- ⁵⁴ Бердяев Н. А. Русская Жиронда // Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. М., 2002. С. 437.
- ⁵⁵ Бердяев Н. А. Правда и ложь в общественной жизни. С. 137.
- ⁵⁶ Бердяев Н. А. О политической и социальной революции. С. 22.
- ⁵⁷ Бердяев Н. А. Кто виноват? (Русская свобода. 30 августа 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 101.
- ⁵⁸ Бердяев Н. А. Философия неравенства. С. 283.
- ⁵⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 114.
- ⁶⁰ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 278.
- ⁶¹ Бердяев Н. А. О буржуазности и социализме // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 33.
- ⁶² Там же. С. 36.
- ⁶³ Бердяев Н. А. Германские влияния и славянство. С. 213–214.
- ⁶⁴ Бердяев Н. А. Патриотизм и политика. С. 157–158.
- ⁶⁵ Бердяев Н. А. Контрреволюция (Русская свобода. Июль 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 111–112.
- ⁶⁶ Там же. С. 115.
- ⁶⁷ Бердяев Н. А. Религиозные основы большевизма (Русская свобода. 8 августа 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 37.
- ⁶⁸ Бердяев Н. А. Об истинной и ложной народной воле. С. 190.
- ⁶⁹ Бердяев Н. А. Мир «буржуазный» и мир «социалистический» (Народоправство. 25 декабря 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 73.
- ⁷⁰ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции. С. 37.
- ⁷¹ Там же. С. 42–43.
- ⁷² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 114.
- ⁷³ Бердяев Н. А. Больная Россия // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. С. 91.
- ⁷⁴ Бердяев Н. А. О буржуазности и социализме. С. 40.
- ⁷⁵ Бердяев Н. А. Торжество и крушение народничества (Русская свобода. 31 июля 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 187.
- ⁷⁶ Бердяев Н. А. Кто виноват? С. 93–94.
- ⁷⁷ Там же. С. 99.
- ⁷⁸ Бердяев Н. А. Патриотизм и политика. С. 161.
- ⁷⁹ Бердяев Н. А. Демократия и иерархия (Русская свобода. 15 октября 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 243.
- ⁸⁰ Бердяев Н. А. Объективные основы общественности (Народоправство. 23 октября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 38–39.
- ⁸¹ Бердяев Н. А. Духовные основы русского народа (Народоправство. 1 февраля 1918) // Там же. С. 228–229.
- ⁸² Бердяев Н. А. Социальный смысл русской революции // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 100.
- ⁸³ Бердяев Н. А. Власть и психология интеллигенции (Русская мысль. Январь–февраль 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 198–199.
- ⁸⁴ Там же. С. 201.
- ⁸⁵ Там же. С. 203.
- ⁸⁶ Там же. С. 205.

- ⁸⁷ Бердяев Н. А. Гибель русских иллюзий (Русская мысль. Январь–февраль 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 113.
- ⁸⁸ Там же. С. 117.
- ⁸⁹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. С. 279.
- ⁹⁰ Там же. С. 281.
- ⁹¹ Бердяев Н. А. Духовные основы русского народа. С. 231.
- ⁹² Бердяев Н. А. Духовный и материальный труд в русской революции (Народоправство. 21 января 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 68.
- ⁹³ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 231.
- ⁹⁴ Бердяев Н. А. Революция и реакция // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 177.
- ⁹⁵ Там же. С. 186.
- ⁹⁶ Бердяев Н. А. Народ и классы в русской революции. С. 6.
- ⁹⁷ Бердяев Н. А. Размышления о русской революции. С. 35–36.
- ⁹⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 107.
- ⁹⁹ Бердяев Н. А. Русская религиозная мысль и революция // Версты. 1928. № 3. С. 41.
- ¹⁰⁰ Бердяев Н. А. Духи русской революции. С. 61.
- ¹⁰¹ Бердяев Н. А. Христианство и революция // Новый Град. 1937. № 12. С. 59.

References

- BERDĀEV N. A. *Duhovnij krizis intelligencii* [Spiritual Crisis of Intelligentsia. In Russ.]. St Petersburg, 1910.
- BERDĀEV N. A. *Padenie svĕshennogo russkogo carstva* [The Fall of Holy Russian Tsardom. In Russ.] // Russkaâ Svoboda. 1917. N2.
- BERDĀEV N. A. *Položenie Rossii v mire* [The Situation of Russia in the World. In Russ.] // Russkaâ Svoboda. 1917. N5.
- BERDĀEV N. A. *Vlast' i otvetstvennost'* [Power and Responsibility. In Russ.] // Russkaâ Svoboda. 1917. N6.
- BERDĀEV N. A. *Internacionalizm, nacionalizm i imperialism* [In Russ.]. Moscow, 1917.
- BERDĀEV N. A. *Narod i klassy v russkoj revolūcii* [People and Classes in the Russian Revolution. In Russ.]. Moscow, 1917.
- BERDĀEV N. A. *Russkaâ religioznaâ mysl' i revolūciâ* [Russian Religious Thought and Revolution. In Russ.] // Versty. 1928. N3.
- BERDĀEV N. A. *Hristianstvo i revolūciâ* [Christianity and Revolution. In Russ.] // Novyj Grad. 1937. N12.
- BERDĀEV N. A. *Sobranie sočinenij* [Collection of Works. In Russ.]. T. 4. Paris, 1990.
- BERDĀEV N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Roots and Meaning of Russian Communism. In Russ.]. Moscow, 1990.
- BERDĀEV N. A. *Novoe srednevekov'e* [New Middle Ages. In Russ.]. Moscow, 1991.
- BERDĀEV N. A. *Samopoznanie* [Self-cognition. In Russ.]. Moscow, 1991.
- BERDĀEV N. A. *O russkikh klassikah* [About Russian Classics. In Russ.]. Moscow, 1993.
- BERDĀEV N. A. *Duhovnye osnovy russkoj revolūcii* [Spiritual Foundations of Russian Revolution. In Russ.]. St Peresburg, 1998.
- BERDĀEV N. A. *Sub specie aeternitatis* [In Russ.]. Moscow, 2002.
- BERDĀEV N. A. *Russkaâ ideâ* [Russian Idea. In Russ.]. Moscow, 2010.
- "*Iz glubiny*". *Shornik statej o russkoj revolūcii* [From the Depth. A Collection of Papers about Russian Revolution. In Russ.]. Moscow, 1990.

Список литературы

- Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
 Бердяев Н. А. Падение священного русского царства // Русская свобода. 1917. № 2.
 Бердяев Н. А. Положение России в мире // Русская свобода. 1917. № 5.
 Бердяев Н. А. Власть и ответственность // Русская свобода. 1917. № 6.
 Бердяев Н. А. Интернационализм, национализм и империализм. М., 1917.
 Бердяев Н. А. Народ и классы в русской революции. М., 1917.
 Бердяев Н. А. Русская религиозная мысль и революция // Версты. 1928. № 3.
 Бердяев Н. А. Христианство и революция // Новый град. 1937. № 12.
 Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 4. Paris, 1990.
 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
 Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1991.
 Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991.
 Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993.
 Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998.
 Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. М., 2002.
 Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2010.
 «Из глубины». Сборник статей о русской революции. М., 1990.

**В. В. Носков. Своевременные мысли: революция 1917 г.
и судьбы русской государственности в восприятии Н. А. Бердяева**

Н. А. Бердяев входил в немногочисленную плеяду тех русских мыслителей, которые составляли духовную элиту России в переломный момент ее истории. Он занимал особое место в русской интеллектуальной элите, будучи одновременно и создателем оригинальной философско-исторической концепции, и активным публицистом. Бердяев впервые обратился к проблеме революции в России в период революционных потрясений 1905–1907 гг. и продолжал осмысление этого феномена до конца своей жизни. Главной темой его размышлений была судьба русской государственности и ее трансформация в ходе революции 1917 г. и становления власти большевиков. Бердяев вскрыл глубинные корни Русской революции, уходящие далеко в историю страны. В своем анализе он опирался на пророческие прозрения великих русских писателей — Н. В. Гоголя и особенно Ф. М. Достоевского. Наряду с этим Бердяев подчеркивал решающее значение Первой мировой войны в вызревании непосредственных предпосылок революции и неразрывную связь между войной и революцией. Он охарактеризовал основные политические силы и партии, действовавшие в период революции, и показал их роль в происшедших событиях. Основную ответственность за крушение исторической России Бердяев возлагал на революционную интеллигенцию. Нелицеприятная правда обо всех формах российской власти и о революционной интеллигенции, высказанная им, предопределили ту настороженность и избирательность, с которыми до сих пор относятся к его идейному наследию. Бердяев предсказал даже ход развития историографии истории революции и показал, что Русская революция не может получить адекватного объяснения с позиций рациональной «исторической науки», поскольку это проблема философии истории.

Ключевые слова: Бердяев, Россия, Русская революция, философия истории, интеллигенция, либерализм, социализм, большевизм.

**V. V. Noskov. Timely thoughts: the 1917 Revolution
and fate of Russian statehood as apprehended by Nikolay A. Berdyayev**

Nikolay A. Berdyayev belonged to the small Pleiad of Russian thinkers who formed Russian spiritual elite at a turning-point of national history. He occupied a special place in Russian intellectual elite as a creator of original doctrine of philosophy of history and as an active publicist at the same time. For the first time Berdyayev turned his attention to the problem of Russian revolution at the period of revolutionary disturbances of 1905–1907 and continued to grasp this phenomenon throughout all his lifetime. The main subject of his reflections was a fate of Russian statehood and its transformation in the course of the 1917 Revolution and formation of the Bolsheviks' power. Berdyayev revealed deep roots of the Russian revolution which went far back into national history. He based his analysis on the prophetic previsions of great Russian writers — Nikolay V. Gogol'

and especially Fedor M. Dostoevskiy. At the same time Berdyaev emphasized crucial importance of the First World War for ripening out of immediate preconditions of the Revolution and stressed indissoluble ties between the War and Revolution. He characterized the main political forces and parties acting in the revolutionary period and disclosed their role in the course of events. The principal responsibility for the downfall of historic Russia was laid by Berdyaev on the revolutionary intelligentsia. Unflattering truth revealed by him of all forms of Russian government and Russian intelligentsia as well predetermined the alertness and selectness which up to our times characterizes the common attitude to his ideological legacy. Berdyaev predicted even the course of development of historiography of Revolution history and demonstrated that Russian revolution can't be explained adequately from the point of view of rational "historical science" because it's a problem of philosophy of history.

Key words: Berdyaev, Russia, Russian Revolution, philosophy of history, intelligentsia, liberalism, socialism, bolshevism.

Носков, Владимир Витальевич, д. и. н., ведущий научный сотрудник С.-Петербургского института истории РАН.

Noskov, Vladimir V. — Professor, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vvnoskov@yahoo.com

Л. А. Кузнецова

«Известную помощь имею крепкую»: патронаж в системе советского администрирования¹

Цитата, приведенная в заголовке, — из письма уполномоченного ЦИК СССР в Сочинском районе по курортным вопросам (в 1934–1937 гг.) Александра Денисовича Метелева И. Боеву, служащему советского представительства в Нью-Йорке. Это очень осторожное упоминание заставило нас обратить пристальное внимание на ситуацию, в которой оно было написано. Кейс, который будет рассмотрен в данном тексте, интересен в силу специфики территории: реконструкция Сочинского курорта, объявленная в 1933 г. всесоюзной стройкой, является уникальным случаем, что дает возможность исследователю сравнить этот пример управленческих практик с другими, уже рассмотренными в обширной историографии. 17 января 1933 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О реконструкции Сочинского курорта», в котором ставилась цель сделать его Всесоюзной здравницей¹. Для контроля и лучшей организации реконструкции в Сочи делегировали должностное лицо, находящееся в непосредственном подчинении центру. Первым уполномоченным стал А. Метелев, который и написал своему знакомому про «известную помощь» в 1935 г. Его переписка с различными адресатами по вопросам курортного строительства представляет собой источник, который позволяет понять,

¹ Статья выполнена в рамках Программы развития партнерских центров при поддержке Европейского университета в Санкт-Петербурге.

как распределялось влияние в регионе, с какими акторами ему приходилось взаимодействовать и как он выстраивал стратегию своего поведения, не будучи включенным в уже существующие горизонтальные сети. Чтобы понять, в каком контексте приходилось действовать А. Метелеву, стоит сказать о специфической ситуации 1930-х гг. Отметим два больших вызова, которые стояли перед центральной властью в это время.

Первый вызов подробно описывает Дж. Истер в книге «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России»: это противостояние между центральной и региональными элитами в первой половине 1930-х гг., которое отражало внутригосударственную борьбу за власть. «Центр предпочитал “бюрократический абсолютистский” тип режима, в то время как руководители провинциальных партийных комитетов выступали за “протокорпоративный” тип режима»². Неформальные ресурсы власти обеспечили руководителям провинциальных партийных комитетов некоторую независимость от государственных деятелей из центра, что в результате привело к конфликту между центром и региональным руководством. Руководители провинциальных партийных комитетов, которые хотели, чтобы центр считался с их мнением по вопросам, затрагивающим их регионы, и признал их элитарный статус как руководителей территорий и экономических руководителей, по существу представляли собой протокорпоративную альтернативу бюрократическому абсолютизму Сталина. Конечно, это вызвало резкий ответ центра. Сам ход борьбы за ограничение власти региональной политической элиты может быть важен для анализа нашего кейса. Как утверждает Истер, в 1930–1934 гг. центр разработал ряд мер, чтобы навязывать регионам политические решения: 1) манипулирование кадрами, 2) проведение в жизнь принятых в центре решений в обход региональных руководителей, 3) реорганизация аппарата контроля, 4) проведение нормативных кампаний³.

Второй вызов — крайне несовершенная система управления в разных сферах советского хозяйства, о недостатках которой было хорошо известно центральной власти. К 1930-м гг. сложилась неформальная практика, когда на фоне сложной экономической ситуации и отсутствия эффективных институтов планирования и распределения ресурсов отдельным хозяйственникам разрешалось идти на крайние меры. Ш. Фицпатрик так описывает идеального руководителя 1930-х гг.: «Он не боялся месить грязь на стройке, был суров к себе и другим, если надо — безжалостен, неутомим и практичен. Перед директором стояла задача выжать из людей больше, чем они считали себя в состоянии дать, используя уговоры, запугивания, угрозы, арест — всё что угодно»⁴. Это не было секретом. Например, известный советский драматург Н. Погодин в 1932 г. написал пьесу «Мой друг», действие которой происходит на фоне строительства нового завода. Главный герой пьесы — товарищ Гай — вынужден преодолевать разные

трудности, чтобы запустить завод в срок. Для историка особенный интерес представляет изображение процесса руководства крупным предприятием и портрет директора завода — одного из «больших людей советской промышленности, командиров пятилетки — “миллионщиков”»⁵. По ходу пьесы становится ясно, что положение директора завода двусмысленное: ему дозволено практически всё, но эта вседозволенность разрешена Москвой только в том случае, если директор выполняет план. Представитель высшего хозяйственного руководства говорит Гаю: «Мы тебе будем оказывать решительное содействие. Если тебе будет мешать профсоюзный работник, — пусть это будет уважаемый товарищ, хороший товарищ, — отнимем партийный билет, выгоним из партии. Если тебе будет мешать партийный работник, — пусть это будет старый товарищ, уважаемый товарищ, — выгоним из партии. Если товарищ Гай, очень уважаемый товарищ, хороший товарищ, нам не пустит завод по плану, — отнимем партийный билет, выгоним из партии. А теперь говори, что тебе надо?» Скорее всего, драматург описал ситуацию, стандартную для 1930-х гг. Привлечение на главные стройки страны решительных, способных нестандартно мыслить и не бояться идти на конфликт людей было одной из удач советской политики управления: только так можно было добиться успеха в короткие сроки. Решительные действия отдельных хозяйственников на местах были негласно разрешенной схемой поведения в рамках специфической советской культуры управления.

В Сочи А. Метелев оказался в непростой ситуации. Формальные институты функционировали недостаточно эффективно, активно использовались негласно разрешенные схемы управления, стояла задача ограничения власти региональной политической элиты и, кроме всего прочего, необходимо было в кратчайшие сроки построить грандиозную Всесоюзную здравницу. Один из способов, к которым прибег А. Метелев для выполнения поставленных задач, — использование патронажных сетей⁶. В этом тексте мы сосредоточимся на отношениях между уполномоченным ЦИК СССР в Сочинском районе по курортным вопросам А. Метелевым (1934–1937 гг.) и представителями центральной власти. Обширная историография советского периода обращается, как правило, либо к проблеме патрон-клиентских отношений внутри политической элиты⁷, либо к общим вопросам управления и администрирования⁸. Этот текст будет посвящен области пересечения этих двух сфер. Мы попытаемся проанализировать, в чем заключалась специфика обращения к патронажным сетям в контексте сложившихся к середине 1930-х гг. практик управления.

Неэффективность институтов

Противоречия между региональными властями и интересами Наркомата здравоохранения в части организации курортного отдыха существовали с начала 1920-х гг. Самым первым декретом «О лечебных местностях

общегосударственного значения» от 4 апреля 1919 г. были определены правовые аспекты существования курортов: все пространства лечебных местностей с постройками и инвентарем изымались из ведения Наркомзема и передавались в непосредственное ведение Наркомздрава⁹. Следующим декретом от 23 июня 1921 г. санатории и курорты обеспечивались фермами, виноградниками и огородами. Однако на данном этапе все хозяйства «принадлежали» Народному комиссариату земледелия, а Наркомздрав лишь мог пользоваться ими по согласию. В это время Отдел лечебных местностей находился в зависимости от местных органов власти, поскольку с ними курортные управления должны были согласовывать свою деятельность¹⁰. Данное положение ограничивало самостоятельность куруправлений, заставляя их считаться с интересами местных чиновников.

С переходом к НЭПу 13 марта 1923 г. вышел декрет СНК «Об организации курортного дела», которым при Наркомздраве было образовано Главное курортное управление¹¹. Все хозяйства, ранее контролировавшиеся Наркомземом, передавались данному отделению Наркомздрава, причем пользование ими ни в какой мере от местных властей не зависело. ГКУ также приобрело право застройки находящихся в его распоряжении участков¹². Местные власти теперь не могли напрямую влиять на политику Курортного управления. Также Наркомздраву было предоставлено право эксплуатации естественных богатств в пределах округов охраны курортов и вне их¹³.

В 1926 г., «учитывая укрепление местных органов власти и значительно большие экономические возможности мест», руководство курортами стало менее централизованным, часть их была передана в управление местным органам при сохранении единства планирования курортного дела в стране¹⁴. В 1932 г. в составе Наркомздрава было учреждено Всероссийское объединение курортов и курортных предприятий РСФСР (ВОК)¹⁵. Постановлением СНК все санатории и другие лечебные учреждения на курортах Закавказья, Крыма, Северного Кавказа, Одессы, Восточной Сибири и кумысные курорты объединялись в тресты общесоюзного значения. Всего трестов было 11, все остальные курорты предлагалось считать курортами местного значения и оставить в ведении Наркомздравов союзных республик¹⁶.

В результате успешного лоббирования Наркомздрав и отдел управления курортами в его составе постепенно получили контроль над огромными ресурсами — прежде всего территориальными. Это стало причиной конфликтов на местах: Наркомздрав требовал перевода под свой контроль земель, признанных лечебными местностями, несмотря на то что эти земли были заняты поселками, совхозами и предприятиями. Региональные власти не торопились выполнять подобные требования, и в этом иногда шли против распоряжений центра¹⁷.

Подобные конфликты были нередки еще и потому, что орган управления курортным делом — Всероссийское объединение курортов и курортных пред-

приятий (далее — ВОК) Наркомздрава РСФСР (с 1936 г. — СССР) на протяжении десятилетий не мог обеспечить эффективное и последовательное управление, не мог выработать долгосрочную стратегию развития и взаимодействия с региональными властями¹⁸. Эта ситуация периодически обсуждалась в самом Наркомздраве, предпринимались попытки ее исправить, ВОК претерпевал многочисленные реорганизации, однако в предвоенный период этого не удалось сделать. Учитывая неопределенность в разделении функций и полномочий как внутри ВОК, так и во взаимодействии с другими структурами (местные власти, профсоюзы), можно говорить о том, что центральный орган управления курортами не мог контролировать в полной мере курортное строительство, оставляя значительные возможности для самоуправления местных властей и ведомств. Таким образом, к началу 1930-х гг. сложилась ситуация, когда формально у ВОК были значительные полномочия, однако институциональная слабость ВОК не позволяла ему эффективно их реализовывать¹⁹.

Особый статус Сочи

Строительство сочинского курорта имело большое значение для центральной власти. Курорт Сочи должен был стать важной частью стратегии репрезентации советской власти, ее могущества, богатства и заботы о своих гражданах. 17 января 1933 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О реконструкции Сочинского курорта», в котором ставилась цель сделать его Всесоюзной здравницей²⁰. Существующих формальных институтов было недостаточно для выполнения грандиозной задачи. Поскольку задача ставилась очень большая и средства выделялись соответствующие (400 млн р. во второй пятилетке), правительство решило взять это строительство под контроль и делегировать туда должностное лицо, которое будет подчиняться непосредственно центру. Решение о создании должности уполномоченного ЦИК СССР по строительству Сочи-Мацестинского курорта и наделении его исключительными полномочиями было принято 9 октября 1933 г.²¹ На уполномоченного возлагалось регулирование курортного строительства; отведение участков под строительство здравниц; наблюдение за должным состоянием водопровода, освещения и т. д.; наблюдение за коммунальным строительством в районе; наблюдение за правильной эксплуатацией зеленого хозяйства района; наблюдение за развитием сельского хозяйства района; контроль над продовольственным снабжением и торговлей на курорте²². Уполномоченному подчинялись органы местной советской власти, Курортного управления и Центрального управления социального страхования. Исследователи считают, что таким образом уполномоченный получил всеобъемлющую власть в районе и называют ее «региональной монархической»²³. Выше мы упоминали, что решительные действия хозяйственников на местах были негласно разрешенной схемой поведения в рамках

специфической советской культуры управления. В этой ситуации официальное закрепление полномочий уполномоченного и прямое подчинение его ЦИК и СНК было формализацией уже сложившейся практики.

Первым уполномоченным стал А. Метелев. Его партийная биография весьма разнообразна. Он вступил в РСДРП(б) в 1912 г., в 1912–1914 гг. был одним из организаторов профсоюзного рабочего журнала «Металлист» и работал сотрудником большевистского журнала «Вопросы страхования». Активно участвовал в Февральской и Октябрьской революциях в Петрограде, в конце 1917 — начале 1918 г. участвовал в боях на Дону и на Кубани. С 1918 г. был на партийной работе в Архангельске, потом работал в Пензенском губисполкоме. Весной 1920 г. был назначен секретарем Майкопского ревкома, с января 1921 г. стал членом Кубано-Черноморского облисполкома. В середине 1921 г. он был отозван в Москву, где сначала занимал пост управляющего Кремлем и домами Советов ВЦИК, а затем заведовал административно-хозяйственным отделом ВЦИК. В 1925 г. он работал заместителем редактора газеты «Известия» по хозяйственной части, в 1927–1933 гг. — на ответственном посту в Наркомате финансов, в Зернотресте. С октября 1933 — уполномоченный ЦИК СССР по строительству Сочи-Мацестинского курорта.

Деятельность А. Метелева на посту уполномоченного ЦИК

Результат деятельности А. Метелева всё еще производит впечатление — для жителей Большого Сочи он до сих пор остается легендарной личностью. Во многом благодаря его усилиям в городе были построены водопровод, канализация, многие здравницы, дороги, осушены болота, укреплены берега и т. д. Однако исключительные полномочия стали причиной острого конфликта между А. Метелевым и краевыми властями, областным комитетом партии и горкомом.

А. Метелев, став уполномоченным ЦИК в Сочинском районе по курортным вопросам, в полной мере стал пользоваться своими исключительными полномочиями. Так, вскоре после своего назначения он сообщал в Москву: «29 сентября [1934 г.] Сочинский горсовет вопреки постановлению отвел Азово-Черноморскому крайисполкому участок земли <...> под санаторное строительство указанного края. <...> Я предложил Сочинскому горсовету немедленно отменить свое решение. Вместо отмены своего решения — председатель Сочинского горсовета — Мотузко прислал мне грубое письмо с отказом выполнить мое указание, заявляя, что приказы Уполномоченного ЦИК Союза не являются директивными указаниями для Сочинского горсовета. За нарушение установленного порядка <...> председатель Сочинского горсовета Мотузко мною подвергнут аресту на 20 суток»²⁴. Похожая ситуация повторилась в 1936 г., когда в связи

с постройкой Сочинского моста и прокладкой новой дороги рядом с Ривьерой потребовалось снести барак, который принадлежал строительству санатория Наркомвода. А. Метелев отдал соответствующее распоряжение в январе 1936 г., однако во время пребывания уполномоченного в Москве помощник прокурора г. Сочи т. Озол приостановил это переселение и снос барака. В письме к М. Калинин у от 16 мая 1936 г. А. Метелев описывает свои дальнейшие действия: «Узнав об этом, по возвращении из Москвы, я действительно позвонил т. Озолу и заявил ему, что мое распоряжение может быть отменено только ЦИК Союза ССР, и предложил т. Озолу впредь не вмешиваться в мои распоряжения, в противном случае я вынужден буду по отношению к нему применить постановление ЦИК СССР от 17 октября 1933 г. вплоть до ареста»²⁵. В октябре 1935 г. под арест на трое суток был помещен директор Сочинского куруупра Рогачевский за «самовольное снижение концентрации сероводорода в мацестинской воде, небрежное отношение к служебным обязанностям в части встречи больных и ухода за больными в санаториях»²⁶.

А. Метелев действовал весьма решительно и в других вопросах, касающихся строительства нового советского курорта. Например, раздумывая о том, какой облик должен быть у Всесоюзной здравницы, он считал, что стоит ориентироваться на европейские и американские образцы устройства курортов²⁷. Техническое решение и художественное оформление Курортного проспекта — главной улицы Сочи — также было сделано с учетом американского опыта. Даже в репрезентационных материалах уполномоченный вдохновлялся отнюдь не советским искусством²⁸. Это обращение к западным образцам происходило на фоне утверждения метода социалистического реализма в культурной политике, который был признан в первой половине 1930-х гг.²⁹ единственно верным для советского искусства. Очевидно, у А. Метелева было четкое представление, каким должен стать курорт Сочи-Мацеста, и для достижения этой цели он пользовался всеми возможными средствами.

Известная помощь

В каком-то смысле подобная свобода действий была предусмотрена постановлениями от 17 января и 17 октября 1933 г. Однако личное письмо И. Боеву, служащему советского представительства в Нью-Йорке, в котором уполномоченный обмолвился о некоем покровителе или покровителях: «Дела мои идут пока неплохо, план выполняем, известную помощь имею крепкую, остальное зависит от меня»³⁰, — заставляет обратить внимание на тех людей, к которым обращался А. Метелев, выполняя работу в Сочи. Исследователь В. Костиников, хорошо знакомый с деятельностью А. Метелева на посту уполномоченного, говорит о том, что А. Метелев получал поддержку от А. Енукидзе³¹. Для того чтобы понять, в какой степени А. Енукидзе мог быть патроном А. Метелева,

стоит обратиться к его переписке с представителями центральной политической элиты, обратить внимание, насколько доступным для уполномоченного был доступ к тем, кто принимал большие решения. А. Метелев постоянно переписывался с М. Калинин³², А. Енукидзе³³, Н. Пахомовым, К. Ворошиловым³⁴, И. Уншлихтом³⁵, И. Акуловым³⁶. Гораздо реже А. Метелев писал напрямую И. Сталину. Особый интерес вызывает переписка с А. Енукидзе как с предполагаемым патроном и Н. Пахомовым, поскольку именно в письмах к нему А. Метелев не просто отчитывается о проделанной работе, но и просит поддержки и совета.

В действительности А. Метелев не так часто писал напрямую А. Енукидзе. Тем интереснее представляется письмо, написанное 15 августа 1934 г. по итогам встречи с И. Сталиным на даче № 9 в Сочи. В нем А. Метелев непривычно подробно, в деталях описывает ход встречи, приводит слова И. Сталина и С. Кирова, который также присутствовал при встрече, рассказывает о вопросах, которые обсуждались (проекты застройки долины Мацесты, отдельные вопросы оформления, варианты постройки гидроэлектростанции, электрификация ж/д участка Сочи–Адлер, приоритетные направления благоустройства, строительство морских сооружений, архитектурный проект сочинского театра, привлечение Жолтовского на год в Сочи, и многих других). Это действительно очень подробное письмо — фактически набросок плана на 1935 г., о чем упоминает А. Метелев. В конце письма он добавляет: «Об этом разговоре я счел необходимым сообщить Вам для сведения»³⁷. Это письмо по форме напоминает отчет подчиненного. Письма Н. Пахомову имели совершенно другой тон и иное содержание.

Н. Пахомов был начальником хозяйственного управления ЦИК СССР, информации о нем мало, однако достаточно, чтобы понять, что в руках Пахомова находились значительные ресурсы. Особый административно-хозяйственный аппарат, который заведовал зданиями Кремля и домами ВЦИК, был создан постановлением Президиума ВЦИК РСФСР 7 мая 1919 г. и назывался «Управление Кремлем и домами ВЦИК». В дальнейшем был проведен ряд реорганизаций и в результате последней в сентябре 1932 г. было создано Хозяйственное управление ЦИК СССР. Было принято Положение о Хозяйственном управлении, его структуре и штатах. Функции Хозуправления ЦИК со временем значительно расширились. С 1932 г. на него возлагалось плано-оперативное и хозяйственно-техническое руководство всей деятельностью домов отдыха, совхозов, находившихся в ведении ЦИК СССР, домов Советов; составление перспективных ежегодных производственно-финансовых планов, балансов, проектов нового строительства и ремонта, сельскохозяйственных кампаний, распоряжение всеми кредитами, открытие и закрытие счетов, финансирование домов отдыха и домов Советов, а также организация снабжения, в том числе продуктовыми пайками, распределение мест в домах отдыха и квартир в домах ЦИК СССР, организация мероприятий по улучшению бытового и культурного

обслуживания сотрудников ЦИК СССР и учреждений его системы. В таком виде хозяйство просуществовало до 1938 г. 16 апреля 1938 г. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации аппарата Президиума Верховного Совета СССР» Хозяйственное управление ЦИК было ликвидировано. Дома Советов, некоторые дома отдыха, часть дачных и подсобных хозяйств, состоящих на балансе ХОЗУ ЦИК, передавались в распоряжение ХОЗУ Управления делами СНК СССР.

Необходимо отметить, что грандиозный вклад в реорганизацию и строгий контроль над всеми многочисленными отделами и секторами ХОЗУ ЦИК СССР внес его первый заведующий (чаще в документах упоминается «начальник ХОЗУ ЦИК») Николай Иванович Пахомов. Известно о нем, к сожалению, немного. Н. И. Пахомов родился в 1893 г. в Орловской губернии, деревне Лошково. На свою должность был назначен по протекции ответственного секретаря Секретариата ЦИК СССР А. С. Енукидзе. 29 июля 1938 г. на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР Н. И. Пахомов был расстрелян и захоронен на спецполигоне НКВД «Коммунарка» (Ленинский район Московской области)³⁸. Историк-краевед А. Артамонов, который сообщает, что А. Енукидзе покровительствовал Н. Пахомову, к сожалению, не приводит весомых доказательств. Поэтому, рассуждая о неформальных сетях, в которые они могли быть включены, мы должны помнить, что это во многом предположение. Например, из письма К. Ворошилова А. Енукидзе от 7 сентября 1933 г. становится ясно, что Н. Пахомов, К. Ворошилов и И. Сталин обсуждали плохую подготовку дач, санаториев и домов отдыха за месяц до создания должности уполномоченного. Особенное возмущение вызвал уровень медицинского обслуживания: «Нужно их перешерстить и дело поставить по-другому, вот и всё». К. Ворошилов писал: «Я не буду тебя утруждать перечислением вопросов, которые мы здесь предварительно обсудили — т. Пахом[ов] подробно тебе доложит лично»³⁹. Точно определить место Н. Пахомова в иерархии партийной системы сложно, однако очевидно, что он был активным актором, когда дело касалось реализации курортной политики в Сочи.

Начальнику хозяйства А. Метелев писал часто и по срочным, повседневным делам: «Курц направляет большие партии интуристов, помещения абсолютно нет, договоритесь Курцем»⁴⁰; просил «нажать» на Попова, чтобы тот в срочном порядке отгрузил хотя бы 10 легковых автомобилей⁴¹. Ему же А. Метелев открыто сообщал, что брошюры о Сочи были изданы по американскому образцу⁴². Н. Пахомову уполномоченный писал в ситуации, когда ему нужно заручиться поддержкой руководства⁴³.

Интересно, как по-разному А. Метелев формулировал просьбу о поддержке, обращаясь к разным людям в ЦИК СССР по поводу одной проблемы — плохой подготовки «Кавказской Ривьеры» к летнему сезону 1936 г. Прося Н. Пахомова приехать в Сочи, он писал: «...иначе наши хозяйственники тебя и меня крепко подведут и дело кончится большой неприятностью, особенно

по “Кавказской Ривьере”, где никто ничего не делает. <...> Ни одно указание Михаила Ивановича [Калинина] по благоустройству “Кавказской Ривьеры” — не выполняется»⁴⁴. В этот же день А. Метелев обратился к И. Уншлихту с просьбой прислать Н. Пахомова в Сочи с целью разобраться с руководителями сочинских домов отдыха ЦИК СССР, которые саботируют подготовку в летнему сезону: «Крайне необходим выезд в Сочи тов. Пахомова, хотя бы на 2–3 дня. Дома отдыха, особенно Ривьера, не готовятся к курортному сезону, <...> причем все ссылаются на тов. Пахомова, отсутствие средств и т. д. <...> Неприятнее всего то, что “Кавказская Ривьера” не выполняет ни одного указания Михаила Ивановича [Калинина]»⁴⁵. Об этой же ситуации двумя неделями позже он сообщил М. Калинину: «Опасаясь, что т. Степанов сорвет установленный Вами срок окончания стройки. Я нажимаю, а т. Радин из Москвы телеграфирует, что мое требование незаконно и демобилизует т. Степанова в части подготовки “Ривьеры” к сезону. Жду приезда т. Пахомова, чтобы утрясти все вопросы по домам отдыха ЦИКС»⁴⁶. Таким образом, А. Метелев считал нужным отчитываться перед представителями разных уровней власти в ЦИК, однако реальной помощи ожидал от Н. Пахомова — с ним он общался дружески, часто обращался на «ты».

Известно и о переписке между Н. Пахомовым и А. Енукидзе: начальник хозяйственного управления ЦИК описывал состояние дел на курорте, рассказывал о проблемах и достижениях. Отдельно высоко оценивал работу А. Метелева и сообщал, что они вместе с уполномоченным «наместили, какие работы необходимо проделать теперь, и какие в 1935 г.»⁴⁷.

Необходимо отметить, что А. Метелев активно переписывался и с М. Калининым по совершенно разным вопросам. Однако тон писем М. Калинину значительно отличался от тех, что были написаны Н. Пахомову. Письма, которые отправлялись М. Калинину, скорее можно охарактеризовать как развернутые информационные, содержавшие общие данные о состоянии дел на курорте. А. Метелев практически никогда не писал М. Калинину о каких-либо повседневных сложностях и не просил помощи в реализации своих полномочий. В сложных ситуациях А. Метелев обращался к М. Калинину, чтобы объяснить и обосновать свои действия в ситуации конфликта с помощником прокурора г. Сочи т. Озолем и получить защиту от нападок прокурора СССР Вышинского⁴⁸. Однако именно М. Калинину А. Метелев написал 21 апреля 1937 г., за две недели до собственного ареста, сообщая о больших неприятностях. Он рассказывал об аресте органами НКВД своего заместителя Ксенофонтова — факт, который явился для него «совершенно неожиданным, и, разумеется, очень неприятным». А. Метелев высказал предположение, что Ксенофонтов был арестован «скорее всего, по Цудортрансовским делам». Кроме того, он упоминал, что собирается на партконференцию в Кисловодск и ожидает там услышать критику⁴⁹. Хотя А. Метелев прямо не просит о помощи, сам тон письма и, в частности, упоминание о врагах или критиканах свидетельствует, что он пытался

заручиться поддержкой М. Калинина. А. Енукидзе к тому времени уже потерял свое влияние и был арестован 11 февраля 1937 г. в Харькове.

Неизвестно, пытался ли М. Калинин вступить за А. Метелева. В. Костиных предполагает, что судьба Уполномоченного ЦИК была решена тогда же, когда А. Енукидзе лишился своего влияния. Он приводит письмо Сталина Кагановичу, Ежову и Молотову от 7 сентября 1935 г.: «...назначение Енукидзе уполномоченным ЦИКа создало двусмысленное положение для партии, правительства и местных организаций в Кисловодске. Он исключен из партии и вместе с тем он выше местных организаций по положению, так как он является уполномоченным ЦИКа. Так как Енукидзе не сознаёт своего падения, а скромностью он не страдает, то он берется контролировать местные организации, дает им задание, распределяет ответственных товарищей по санаториям, дает им помещение и вообще действует так, как например, Метелев в Сочи... Я думаю, что надо немедленно ликвидировать допущенную ошибку»⁵⁰. Н. Пахомов «продержался» дольше А. Метелева и А. Енукидзе, однако в 1938 г. также был осужден и приговорен к расстрелу.

Субинститут

Можно ли на основании имеющихся источников утверждать, что А. Метелев, Н. Пахомов и А. Енукидзе связывали патрон-клиентские отношения? Мы можем допустить, что в этой схеме Н. Пахомов занимает место «брокера», связывая «клиента» А. Метелева и «патрона» А. Енукидзе; во всяком случае до «падения» А. Енукидзе в 1935 г. Однако в этой схеме есть влияние специфического контекста 1930-х гг. Первое, что обращает на себя внимание — переписка, которую вел А. Метелев, касалась исключительно рабочих вопросов. Ни к Н. Пахомову, ни к А. Енукидзе он, насколько нам известно, никогда не обращался с личными просьбами, которые могли бы принести ему персональную выгоду, он просил поддержки только в профессиональных спорах. Конечной целью победы в профессиональных спорах были не попытки достичь личного благополучия, а стремление лучшим образом выполнить возложенные на него обязательства. Это позволяет нам говорить о специфическом характере патрон-клиентских отношений на примере выбранного кейса. С одной стороны, отношения, которые мы рассматриваем, были иерархичными, повторяющимися, личными и относительно реципрокными. Однако они имели одну особенность: в определенной степени они были искусственно созданы государством. Должность уполномоченного предполагала прямую отчетность ЦИК СССР, в обход существующих институтов и учреждений. Предусматривалось личное общение: власть на месте специальным образом концентрировалась в руках одного человека, не включенного в большую бюрократическую структуру. Неформальные практики — общение напрямую, не через аппарат — даже

приветствовались, поскольку всем было известно, как плохо и неэффективно работали существующие формальные институты, затягивающие принятие решений до бесконечности. Ш. Фицпатрик писала: «Плохое функционирование советской правовой системы — еще одна черта сталинского общества, которая делала патронаж — так же, как и его более скромный аналог, практику ходатайств — жизненной необходимостью»⁵¹.

Если мы вернемся к теории Д. Истера, о которой говорилось вначале, то ответ на вопрос, «кто патрон и почему», может быть несколько иным. Д. Истер утверждает, что в первой половине 1930-х гг. центральная власть предпринимает попытки разрушить неформальные сети региональных политических элит. Если допустить, что патроном в этой ситуации является государство (поскольку полномочия А. Метелеву даны не отдельными акторами, а безличной центральной властью), то интерпретация функции должности уполномоченного может несколько измениться. Появление в регионе сильного актора с исключительными полномочиями и прямой подотчетностью центру, безусловно, должно было нарушить сложившуюся на местах систему взаимодействия партийных органов, советских органов, чиновников различных ведомств, администрации города и края — т. е. существенно повлиять на горизонтальные связи в регионе. В 1936 г. А. Метелев сообщил М. Калинин, что «край полностью сменил руководство в городской, партийной и советской организациях»⁵². Видимо, должность уполномоченного стала своеобразным механизмом дестабилизации сложившихся институтов с целью разрушения неформальных сетей и патрон-клиентских отношений на уровне региона.

Таким образом, можно говорить, что патрон-клиентские отношения выполняли специфические функции в контексте сложившихся к середине 1930-х гг. практик управления и вызовов, стоявших перед центром. Являясь неформальным институтом, патронажные сети, инициированные центром и альтернативные уже существующим в регионах, не препятствовали, а помогали процессу формализации институтов в рамках общей централизации власти. В ситуации неразвитых или неэффективных институтов (как в Советской России 1930-х гг.) патронаж являлся той самой неформальной их частью, которая позволяла им эффективно функционировать.

¹ Цит. по: *Артюхов С.* История Большого Сочи: 1920–1941 гг. Сочи, 2007. С. 39.

² *Истер Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 131.

³ Там же. С. 160.

⁴ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 43.

- ⁵ *Погодин Н.* Мой друг. Представление в 3 действиях с эпилогом. М., 1935.
- ⁶ В самом общем виде клиентелистские / патронажные отношения характеризуются как взаимовыгодные, личные (предполагающие эмоциональную связь), продолжительные (не одномоментные) и иерархичные (между неравными партнерами).
- ⁷ *Истер Дж.* Советское государственное строительство; *Kaplan V.* Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival // *Revolutionary Russia*. 2013. Vol. 26. N 2. P. 97–127; *Хлевтук О.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России. XX век. М., 2011.
- ⁸ *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006; *Блом А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М., 1999; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм.
- ⁹ Декрет о лечебных местностях общегосударственного значения от 4 апреля 1919 г. в сб.: Декреты, постановления и положения по курортному делу — СНК, ВЦИК, РСФСР и III Всероссийского научного съезда [Постановления III Всероссийского Съезда по курортному делу] // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А-483. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁰ Декрет об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения от 23 июня 1921 г. // Там же. Л. 5.
- ¹¹ Декрет Совета Народных Комиссаров об организации курортного дела // ГА РФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 2. Л. 33 об.
- ¹² Положение о Главном Курортном Управлении // ГА РФ. Ф. А-483. Оп. 2. Д. 2. Л. 44.
- ¹³ Декрет СНК об организации курортного дела // Там же. Л. 30.
- ¹⁴ Основы санаторно-курортного дела. М., 1966. С. 10.
- ¹⁵ Устав Всероссийского объединения курортов и курортных предприятий Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР от 25.11.1932 // ГА РФ. Ф. Р-9228. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ¹⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР по реорганизации курортного дела в СССР от 7 июля 1932 г. // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925–1940. М., 1973. С. 180–181.
- ¹⁷ Письмо в Главное курортное управление (не датировано, приблизительная датировка: 1923–1925 гг.) // Архивный отдел администрации г. Сочи (далее — АОАГС). Ф. Р-24. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 61.
- ¹⁸ Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов Союзкурорта НКА СССР от 27 февраля 1938 г. // ГА РФ. Ф. Р-9228. Оп. 1. Д. 23. Л. 26, 34, 67, 81, 104, 111, 113, 140; Протокол вечернего заседания директоров и главврачей курортов Союзкурорта от 28 февраля 1938 г. // ГА РФ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 23. Л. 233, 241; Докладная записка управляющего трестом «Курортстрой» Тесленко Наркомму здравоохранения Болдыреву (1937 г.) // АОАГС. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 21.
- ¹⁹ *Кузнецова Л.* Курортное строительство в 1920-е–1950-е гг.: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории. М., 2014. Вып. 12. С. 244–263.
- ²⁰ Цит. по: *Артюхов С.* История Большого Сочи: 1920–1941 гг. Сочи, 2007. С. 39.
- ²¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об уполномоченном Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР в Сочинском районе по курортным вопросам» от 9 октября 1933 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 932. Л. 18.
- ²² Там же.
- ²³ *Артюхов С.* История Большого Сочи. С. 40–42.
- ²⁴ А. Д. Метелев — Л. М. Кагановичу (копия — М. И. Калинин) 7 октября 1934 г. См.: «Сочи строятся дорого, но хорошо» // Родина. 2008. № 1. С. 95–96.
- ²⁵ *Костиников В.* Всё уже было // Черноморская здравница. 2008. 22 ноября. С. 2.
- ²⁶ Докладная секретарю ЦИК СССР Акулову // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 103.
- ²⁷ Переписка с французским синдикатом «Интурист» о присылке рекламных материалов курортов Франции 1936–1937 гг. // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–6; Переписка с советским представительством в Нью-Йорке о присылке рекламного материала американских курортов 1935 г. // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 52. Л. 4–8.

- ²⁸ Письмо А. Метелева Н. И. Пахомову (август 1936 г.) // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 226.
- ²⁹ Термин впервые был упомянут в «Литературной газете» 23 мая 1932 г.
- ³⁰ Переписка с советским представительством в Нью-Йорке о присылке рекламного материала американских курортов 1935 г. Л. 7.
- ³¹ *Костиников В.* Всё уже было. С. 2.
- ³² Председатель ЦИК СССР.
- ³³ 1922–1935 гг. — секретарь ЦИК СССР. В марте 1935 г. был снят с поста в ходе расследования «Кремлевского дела». В мае 1935 г. был «сослан на Кавказ» — назначен уполномоченным ЦИК по Минералводской группе. В 1936 г. был назначен директором Харьковского облавтотранстреста. 11 февраля 1937 г. арестован в Харькове. 29 октября 1937 г. приговорен за «активное участие в антисоветском правотроцкистском центре» к высшей мере наказания. А. Метелев осужден и приговорен к расстрелу по тому же делу.
- ³⁴ Нарком обороны СССР.
- ³⁵ В 1933–1935 гг. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота при СНК СССР. С февраля 1935 г. секретарь ЦИК СССР. 11 июля 1937 г. арестован. Позже приговорен к расстрелу.
- ³⁶ С 3 марта 1935 г. секретарь ЦИК СССР, до этого возглавлял только что созданную Прокуратуру СССР. 23 июля 1937 г. арестован. Позже приговорен к расстрелу.
- ³⁷ См.: А. Метелев — А. Енукидзе в: «Сочи строятся дорого, но хорошо». С. 92–93.
- ³⁸ Вся информация о ХОЗУ ЦИК СССР и Н. Пахомове цитируется по книге: *Артамонов А.* Спецобъекты Сталина. Экскурсия под грифом «секретно». М., 2013.
- ³⁹ См.: К. Ворошилов — А. Енукидзе от 7 сентября 1933 г. в: «Сочи строятся дорого, но хорошо». С. 89–90.
- ⁴⁰ Телеграмма А. Метелева Н. Пахомову от 3 августа 1936 г. // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 222.
- ⁴¹ Письмо А. Метелева Н. Пахомову // Там же. Л. 225.
- ⁴² Там же. Л. 226.
- ⁴³ Письмо А. Метелева Н. Пахомову от 10.03.1936 г. // Там же. Л. 209.
- ⁴⁴ Там же. Л. 211.
- ⁴⁵ Письмо А. Метелева И. Уншлихту от 13.03.1936 г. // Там же. Л. 41.
- ⁴⁶ См.: «Сочи строятся дорого, но хорошо» // *Родина*. 2008. № 2. С. 96–97.
- ⁴⁷ *Родина*. 2008. № 1. С. 91.
- ⁴⁸ См.: «Сочи строятся дорого, но хорошо» // *Родина*. 2008. № 2. С. 98.
- ⁴⁹ Там же. С. 100.
- ⁵⁰ *Костиников В.* Всё уже было. С. 2.
- ⁵¹ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 232.
- ⁵² «Сочи строятся дорого, но хорошо» // *Родина*. 2008. № 2. С. 97.

References

- ARTAMONOV A. *Spetsob'ekti Stalina. Exkursia pod grifom "sekretno"* [Special objects of Stalin. Tour under the "secret"]. Moscow, 2013.
- ARTUKHOV S. *Istoria Bolshogo Sochi: 1920–1941 gg.* [History of the Big Sochi: 1920–1941]. Sochi, 2007.
- BLUM A., MESPOULET M. *Burokraticheskaya anarkhia. Statistika i vlast' pri Staline* [Bureaucratic anarchy. Statistics and power under Stalin]. Moscow, 1999.
- GREGORY P. *Politicheskaya ekonomia stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, 2006.
- EASTER G. *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitelstvo. Sistema lichnikh svyazei i samoidentifikatsia eliti* [Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia]. Moscow, 2006.

- KOSTINIKOV V. *Vsyo uzhe bilo* [Everything has already been] // Chernomorskaya zdravitsa. 2008. Noyabrya 22. S. 2.
- KUZNETSOVA L. *Kurortnoe stroitelstvo v 1920–1950 gg.: voprosi organizatsii i upravleniya* [The resort construction in the 1920s–1950s: issues of organization and management] // Trudi Instituta rossiiskoi istorii. Moscow, 2014. Vip. 12. S. 244–263.
- FITZPATRICK SH. *Povsednevnyi Stalinizm. Sotsialnaya istoria Sovetskoi Rossii v 30-e gg.: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s]. Moscow, 2001.
- FITZPATRICK SH. *Srivaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii. XX vek* [Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moscow, 2011.
- KHLEVNIUK O. *Politburo. Mekhanizmi politicheskoi vlasti v 1930e gg.* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s]. Moscow, 1996.
- KAPLAN V. *Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival* // Revolutionary Russia. 2013. Vol. 26. N.2. P. 97–127.

Список литературы

- Артамонов А. Спецобъекты Сталина. Экскурсия под грифом «секретно». М., 2013.
- Артохов С. История Большого Сочи: 1920–1941 гг. Сочи, 2007.
- Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М., 1999.
- Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006.
- Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.
- Костиников В. Всё уже было // Черноморская здравница. 2008. 22 ноября. С. 2.
- Кузнецова Л. Курортное строительство в 1920-е-1950-е гг.: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории. М., 2014. Вып. 12. С. 244–263.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.
- Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России. XX век. М., 2011.
- Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996.
- Kaplan V. *Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival* // Revolutionary Russia. 2013. Vol. 26. N.2. P. 97–127.

Л. А. Кузнецова. «Известную помощь имею крепкую»: патронаж в системе советского администрирования

В статье предпринимается попытка анализа специфики обращения к патронажным сетям в контексте сложившихся к середине 1930-х гг. практик управления на примере строительства курорта Сочи-Мацеста. Основным источником является переписка уполномоченного ЦИК СССР по строительству Сочи-Мацестинского курорта А. Метелева с представителями центральной политической элиты. Обращается внимание на специфический характер патрон-клиентских отношений, которые приветствовались и поощрялись государством, так как помогали управлять более эффективно в ситуации, когда существующие формальные институты работали плохо и неэффективно. Формулируется предположение, что должность уполномоченного стала своеобразным механизмом для дестабилизации сложившихся институтов с целью разрушения неформальных сетей и патрон-клиентских отношений на уровне региона. Выдвигается тезис, что патронажные сети, являясь неформальным институтом, инициированные центром и альтернативные уже существующим в регионах, не препятствовали, а помогали процессу формализации институтов в рамках общей централизации власти.

Ключевые слова: А. Метелев, Сочи-Мацеста, курортное строительство, патрон-клиентские отношения, сети, администрирование.

L. A. Kuznetsova. “I Get Good Help”: Patronage and the Soviet Management System

The article analyzes the specifics of patronage in the political context of mid-1930s management practices on the example of the resort Sochi-Matsesta' construction. The main source is the correspondence between

A. Metelev and the central political elite. The article pays attention to the specific variant of the patron-client relations, which were welcomed and encouraged by the state, as they helped to manage more effectively in a situation when the existing formal institutions worked poorly and inefficiently. The article shows that the position of A. Metelev has become a kind of mechanism for destabilizing the existing institutions in order to destroy informal networks and patron-client relations at the regional level. In general, patronage networks, although they were an informal institution, were initiated by the center in order to create an alternative for regional networks. In this form, they did not impede, but helped the process of formalization of institutions within the framework of the general centralization of power.

Key words: A. Metelev, Sochi-Matsesta, resort construction, patron-client relations, networks, management.

Кузнецова, Людмила Анатольевна — старший преподаватель кафедры новейшей истории России, научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.

Kuznetsova, Lyudmila A. — Lecturer, Department of Contemporary Russian History; Research Fellow, Center for Comparative History and Politics, Perm State National Research University (Russia).

E-mail: lyukuznetsova@yahoo.com

И. П. Потехина

Уильям Эдвард Лант и ранняя история административно-финансовой системы средневекового папства

Имя американского медиевиста первой половины XX в. Уильяма Эдварда Ланта (1882–1956) в нашей стране практически никому не известно. В то же время именно работы этого исследователя во многом стоят у истоков современного видения такого специфического и сложного явления, как административно-финансовая система средневекового папства. Вплоть до сегодняшнего дня его основные научные труды сохраняют свою актуальность, и мало найдется таких исследований по теме папских финансов, в которых У. Э. Лант не был бы хотя бы упомянут¹.

Родившись в январе 1882 г. в городе Лисбон (штат Мэн), Лант начал свой путь в науку с обучения в частном гуманитарном университете Боудин-колледж (Bowdoin College, г. Брансуик, штат Мэн), а затем (в 1905 г.) поступил в Гарвард². Годы его студенчества совпали по времени с преподаванием в Гарварде виднейшего американского медиевиста, основателя американской школы ренессансистики, Чарльза Хомера Хаскинса (1870–1937)³ — и именно влияние этого последнего, по-видимому, предопределило круг исследовательских интересов начинающего историка. По окончании университета (и после защиты в 1908 г. диссертации (PhD) на тему «Финансовые взаимоотношения между папством и Англией в период правления Эдуарда I и Эдуарда II»⁴) Лант был назначен ассистентом Гарвардского университета (assistant in history)⁵ и в том же году начал преподавать в университете Висконсина (1908–1910).

Дальнейшие карьерные шаги не заставили себя долго ждать: в 1911–1912 гг. он профессорствует в родном для себя Боудин-колледже (куда ему предстоит вернуться еще и в 1939 г.), в 1912–1917 гг. преподает историю Англии в Корнелльском университете, в 1927 г. вступает в Американскую медиевистическую академию (Medieval Academy of America)⁶; позднее, в 1944–1945 гг. его приглашают в университет Пенсильвании, а в 1945 г. выдвигают на пост главного редактора старейшего в США научного журнала по истории «Американское историческое обозрение» (*The American Historical Review*)⁷. Особое место в жизни Ланта занял Хаверфордский колледж, в котором он проработал с 1917 г. почти до самой смерти (1917–1952)⁸.

За годы своей научной и преподавательской карьеры Лант выпустил в свет свыше десятка крупных статей, посвященных анализу папских финансовых документов XIII–XIV вв., а также целый ряд монографических исследований, всесторонне освещавших проблемы становления «папского фискализма» и финансовые взаимоотношения между средневековыми понтификами и английской короной⁹. Такая публикационная активность, разумеется, была невозможна без поездок в Европу: сначала, в 1910–1911 гг., в рамках стипендиальной программы фонда Фредерика Шелдона¹⁰, а позднее, в 1918–1919 гг., в составе Американской комиссии по мирным переговорам в Париже¹¹. Кроме того, не следует забывать и о том, что само становление Ланта как историка проходило в обстановке активнейших научных изысканий, главным полем для которых являлось документальное собрание Ватикана (Archivio Segreto Vaticano (далее — ASV)). Открытый для доступа исследователей по инициативе папы Льва XIII (1878–1903), Archivio Segreto уже к началу самостоятельной научной деятельности Ланта сумел привлечь к себе внимание десятков (если не сотен) европейских историков¹² — и в первую очередь медиевистов, ведь основным наполнением новооткрытых архивных фондов была многообразная (в том числе финансовая) документация средневековых пап. Не случайно именно к этому времени (конец XIX — первые десятилетия XX в.) относится пик научной карьеры таких признанных мастеров медиевистики и церковной истории, как Л. Дюшен, П. Фабр, Г. Молла, Й. П. Кириш, П. М. Баумгартен и др. Не избежал воздействия ватиканского «архивного бума» и Лант, которому суждено было стать одним из немногих англоязычных специалистов по истории папских финансов¹³. Центральной его работой по данной проблематике, в значительной мере обобщившей достижения большинства его предшественников, стала книга под названием «Доходы пап в средние века», которая объединила в себе не только результаты собственных авторских изысканий и размышлений, но и огромный массив источникового материала (очевидно, для пущей популяризации темы среди англоговорящей аудитории)¹⁴. На этом исследовании, а точнее на его параграфах, затрагивающих административно-финансовую историю папства в раннее средневековье, нам бы и хотелось остановиться подробнее.

Причина нашего интереса именно к «раннесредневековой» части работы Ланта вполне очевидна. Система обеспечения папского престола в VI–XI вв. и в особенности структура и механизмы развития его фискальной администрации в течение долгого времени являлись предметом научной полемики и провоцировали историков на построение самых разнообразных (подчас чрезвычайно зыбких) гипотез — чему способствовало весьма ограниченное число источников, отложившихся в эту эпоху. Лишь в относительно недавнем прошлом исследователям удалось более-менее уверенно ответить на некоторые из наиболее дискуссионных вопросов по данной теме. Лант же со своей первой обобщающей работой по истории папских финансов оказался, образно выражаясь, на перепутье между прежними историографическими спорами (берущими начало в литературе XVI–XVII вв.) и современным их прочтением. Как он подошел к решению наиболее острых вопросов раннесредневековой административной истории папства? Каких ловушек, оставленных предшественниками, он сумел избежать, а каких не заметил? Наконец, какие предположения нашего героя нашли свое развитие в последующей историографии, а какие оказались явно ошибочными? На эти вопросы мы и попытаемся ответить в настоящей статье.

Итак, в центре нашего внимания самые первые разделы книги Ланта: «Первоначальная организация» (Early Organization) и частично «Возникновение и развитие Камеры» (Origin and Development of the Camera), — в которых освещается история финансовой администрации св. Престола с VI по XI в. Сразу отметим, что сюжеты более ранние — связанные с финансированием церкви в период поздней античности и, тем более, во «времена апостольские» — автором никак не затрагиваются. Посему определить какую-либо преемственность между администрацией церкви позднеримской и церкви начала средневековья на основе его труда довольно сложно. При этом из текста становится очевидно, что Лант в принципе отказывает римскому престолу в каком-либо самостоятельном административном развитии, выявляя в рамках раннесредневекового фискального аппарата западной церкви лишь должности, заимствованные из обихода восточно-римского императорского двора: «В наиболее ранний период, о котором у нас имеются письменные свидетельства, организацией папских финансов занимались три должностных лица. Все они носили наименования, позаимствованные из административного обихода Римской империи. Так, императорский аркарий (“arcarius”) был хранителем казны (или сокровищницы — “arca”). Пост его — поначалу столь незначительный, что его занимали рабы, — к VI в. приобретает огромное значение. В это же время, в VI столетии, в документах впервые встречается упоминание о *папском* (курсив наш. — И. П.) аркарии. Должность второго финансового чиновника, саккеллария (“saccellarius”), очевидно, впервые возникла в Восточно-Римской империи и была перенесена на запад, в Италию, лишь во времена завоевательных походов Юстиниана. Данные о существовании подобного должностного

лица в папской администрации появляются не ранее VII в. Наконец, третьим чиновником, участвовавшим в организации папских финансов, был хранитель гардероба, именуемый вестарарием (“vestararius”). Свое название этот администратор, по-видимому, получил от протовестиария (“protovestiarium”), во времена Юстиниана (или чуть раньше) сменившего византийского “великого камергера” на посту хранителя императорского гардероба в Константинополе»¹⁵.

Приведенные рассуждения на первый взгляд кажутся вполне обоснованными — поскольку всецело базируются на немногочисленных доступных источниках, к тому же не раз «препарированных» предшественниками американского историка¹⁶. Вместе с тем, игнорируя более раннюю историю папского финансового аппарата, Лант начисто упускает из виду, что, к примеру, та же “arca” в качестве кружки для пожертвований существовала в большинстве христианских общин империи уже со II–III вв.¹⁷ А с началом оформления церковной иерархии и становлением епископских церквей неизбежно должен был появиться и специальный низший персонал — так называемые “ordines minores”, — включавший в себя аколитов, лекционариев, экзорцистов и, в конечном счете, тех же ризничих (скевофилаксов, кимилиархов, вестарариев)¹⁸.

Функции папских чиновников, ответственных за финансы в период раннего средневековья, описываются Лантом кратко, но достаточно емко. Однако вопрос о соотношении ведомств аркария и саккеллария с гардеробом вестарария — по-видимому, в силу недостаточности источниковой базы — остается весьма смутным. Ориентируясь преимущественно на английского читателя, Лант подходит к его истолкованию через уподобление папских фискальных структур администрации английских королей: «Принципы взаимоотношений между этими тремя чиновниками и функции каждого из них, представляясь порой вполне очевидными, в то же время таят в себе немало вопросов. Первый из них, аркарий, являлся, по сути дела, министром финансов. Он получал папские доходы, нес определенную ответственность за их сбор, осуществлял проверку отчетов, предоставляемых налогосборщиками, а также выдавал расписки на полученные св. Престолом суммы. Саккелларий был главным казначеем — в его обязанности входило санкционирование денежных отчислений и надзор за проверкой отчетов о тратах, произведенных сборщиками папских доходов. Вестарарий был хранителем сокровищ. При этом среди ценностей, оставляемых в гардеробе (“vestiarium”), были не только парадные облачения, священная утварь и украшения, использовавшиеся папами во время церковных служб, но и некоторое количество денег. Исходя из этого, мы можем предположить, что именно гардероб служил настоящей папской казной, в то время как ведомство, руководимое аркарием и саккелларием, представляло собой некое приемно-счетное бюро. Если дело обстояло именно таким образом, то отношения между двумя нашими учреждениями были аналогичны тем, которые существовали между сокровищницей английских королей в Винчестере и казначейством на ранних этапах развития этого последнего. <...> Источники

не исключают и возможности того, что вестарарий мог получать и расходовать определенные денежные суммы независимо от ведомства, возглавляемого аркарием и саккелларием. Апостолический “*vestiarium*”, иными словами, должен был соприкасаться в своей деятельности с финансовой администрацией точно так же, как английский королевский гардероб XIII столетия — с казначейством»¹⁹.

При этом особо следует отметить тот факт, что папские фискальные учреждения Темных веков автор сравнивает с английскими королевскими ведомствами XIII в. — тем самым косвенно утверждая возобладавшее в историографии XX в. представление о папах как истинных первопроходцах в области администрирования и финансов. Впрочем, констатации папского новаторства, прямой или косвенной, для объяснения основных этапов и факторов папской административно-финансовой эволюции явно недостаточно...

В заключение первого параграфа своей книги Лант обращается к терминам, служившим обозначением папской финансовой администрации (или отдельных ее частей) в собственно папских актовых материалах, и бегло оговаривает их эволюцию: «Первоначально центральная финансовая администрация папского престола, по-видимому, обозначалась обобщающим термином “*rationes*” (“расчеты”, “счета”, “денежные дела”); в X в. она стала называться “*palatium*” (“дворец”). Использовались ли эти названия для общего поименования как гардероба, руководимого вестарарием, так и административного ведомства аркария и саккеллария, или подразумевали только это последнее, остается загадкой. Оба термина, как правило, относились к самому месту, где осуществлялась выплата причитавшихся папскому престолу денег. И если все платежи принимал один аркарий, то приведенные названия должны были обозначать только административное ведомство. Впрочем, однозначно заявлять о том, что гардероб не имел отношения к приему папских доходов, по-видимому, также нельзя»²⁰.

Из сказанного видно, что Лант — по-видимому, стремясь выглядеть более объективно на фоне предшественников, — по сути, отказывается от какого-либо решения данной проблемы. В то же время именно вопрос о *palatium*'e на поверку является тем краеугольным камнем, на котором основано всё дальнейшее развитие папской административно-финансовой системы, да и самого св. Престола. Осознанно сужая исторический контекст рассматриваемой проблемы и анализируя становление папского аппарата изолированно от прочих церковно-исторических реалий (по крайней мере в данных начальных параграфах), автор упускает из виду сам факт появления термина “*palatium*” и его значение для репрезентации папской власти в X–XI вв. Придя на смену старому “*patriarchium Lateranense*”, новое выражение “*palatium Lateranense*” символизировало собой превращение папства в полноценный, самостоятельный политический институт²¹ — со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно администрации, финансов и пр.²²

С еще бóльшими сложностями Лант сталкивается при рассмотрении истоков Апостолической камеры — основного (и, пожалуй, самого знаменитого) финансового ведомства, обслуживавшего папский престол в период классического и позднего средневековья (да и в более позднее время). И сложности эти, среди прочего, также оказываются обусловлены нерешенностью проблемы *palatium*'a.

«В 1017 г. папская финансовая администрация впервые получает в документах название “камера”. Что означали эти терминологические перемены, нам неизвестно. Возможно, это было всего лишь новое наименование гардероба (“*vestiarium*”), который всегда располагался в одном из помещений папского дворца; с другой стороны, введение в обиход нового термина могло быть результатом переноса казны гардероба в какую-то другую комнату (“*camera*”) латеранских апартаментов»²³.

Здесь возникает вопрос: почему появление нового фискального ведомства связывается в тексте исключительно с гардеробом? Не попадает ли Лант в ловушку, расставленную его учеными предшественниками, также выделявшими папский гардероб (или ризницу) в качестве основного финансового учреждения римского двора?²⁴ Ведь из контекста папских грамот становится очевидно, что слово «камера» служило обозначением «приходно-расходного отдела» — и таким образом может расцениваться как эквивалент “*rationes ecclesiastici*” или “*palatium*”, но отнюдь не “*vestiarium*”. Следует также оговорить и явную оплошность с датировкой первого упоминания Камеры. При внимательном рассмотрении папских писем и постановлений, опубликованных в составе Патрологии Ж.-П. Миня (и доступных как нам, так и самому Ланту), мы обнаруживаем, что первое указание на нее содержится в грамоте папы Иоанна X (914–928) от 921 г.²⁵ Иными словами, «камера» входит в папский административный обиход *тогда же*, когда и “*palatium*”. Всё это в совокупности дает нам возможность говорить не о двух эпизодах механического переименования (в X и в начале XI в.), как, очевидно, полагал Лант, а об одном продолжительном периоде оформления новой фискальной администрации, являвшейся неотъемлемой частью независимого квазигосударственного аппарата “*palatium Lateranense*”.

Те же проблемы, что и с Камерой, преследуют Ланта при рассмотрении истории папского *камерария* — главы Апостолической камеры, — существование которого прослеживается по источникам с конца XI в. (1099)²⁶. По неизвестной причине камерарий преподносится историком как прямое продолжение вестарария — хотя даже анализируемое в книге описание обязанностей папского придворного персонала 1305 г.²⁷ недвусмысленно показывает, что глава Камеры ухитрился унаследовать (правда, в разное время) функции *целого ряда* чиновников. Рискнем предположить, что аргументация Ланта в данном случае основывается на том, что из всех должностных лиц папского двора, так или иначе соприкасавшихся с финансами или придворным хозяйством, веста-

рарий исчез раньше всех — тем самым, по мысли автора, «освободив дорогу» новым функционерам.

«К моменту появления у папской финансовой администрации нового названия должность вестарария была уже упразднена — последнее упоминание об этом чиновнике относится к 1033 г. К кому перешли его функции, точно неизвестно.

Однако у нас нет никаких сомнений в том, что главным его преемником стал, в конечном счете, папский камерарий»²⁸.

Сложившуюся к началу XX в. точку зрения о том, что инициатором и проводником финансовой реформы, приведшей к появлению камерария, был знаменитый Гильдебранд (папа Григорий VII (1073–1085)), Лант не принимает, но и не критикует слишком настойчиво. По его мнению (в обоснованности которого трудно усомниться), «реорганизация в сфере папских финансов была частью гораздо более масштабного преобразовательного движения. В третьей четверти XI в. папы избавились от контроля со стороны итальянской знати, сковывавшего их на протяжении без малого полутора столетий, и начали распространять свое влияние сразу в нескольких направлениях. На всё это движение в целом деятельность Гильдебранда, без сомнения, оказала значительное влияние. Однако то, что он являлся еще и инициатором специальной фискальной реформы, далеко не так очевидно»²⁹.

Широта этих обобщений, однако, находится в явном диссонансе с действительной широтой исторического контекста, в котором рассматривает проблему наш историк. Дело в том, что, отдавая дань реформе Григорианской, он полностью игнорирует предшествующее ей (и во многом ее подтолкнувшее) Ключийское движение — в то время как именно Ключи подарил св. Престолу не только первого известного нам папского камерария (“*Frater Petrus domini Papae camerarius & vestri coenobii monachus*”³⁰), но и папу, его назначившего (Урбана II (1088–1099))³¹. В конечном счете именно Ключийский монастырь и его стиль взаимоотношений с престолом св. Петра, как мы знаем, во многом обусловили постепенную трансформацию папской внутрицерковной и финансовой политики и «феодализацию» всей папской налоговой системы³². По предположениям исследователей середины XX — начала XXI в., длительные контакты первосвященников с Ключи, в итоге вылившиеся в избрание на св. Престол ставленника именно этой конгрегации и вдобавок наложившиеся на серьезный финансовый кризис, способствовали тому, что папская фискальная администрация уже с X в. начала активно перестраиваться — и именно по ключийскому монастырскому образцу³³. Возможно, на закате своей научной карьеры Лант, в свое время упустивший из виду столь значимый «ключийский фактор», стал свидетелем рождения на свет этой новой концепции раннесредневекового развития папского финансового аппарата. Однако обновления и переиздания его фундаментального исследования о доходах пап не произошло...

Выделив основные спорные моменты и недочеты одного из главных научных сочинений Уильяма Э. Ланта, мы, вместе с тем, никоим образом не стремимся снизить значимость этого труда для всей истории изучения папской административно-финансовой системы. Для своего времени монография Ланта стала в определенном смысле рубежной работой, подведшей черту пятидесятилетним поискам европейских историков в Ватиканских архивах и сделавшей возможным качественный скачок в исследовании и осмыслении папских средневековых финансов.

- ¹ См., напр., новейшие исследования, касающиеся данной проблематики: *Robinson I. S.* The Papacy, 1073–1198: Continuity and Innovation. Cambridge, 1990. P. 271, 275, 280; *Morris C.* The papal monarchy: the Western church from 1050 to 1250. Oxford, 2001. P. 609; *Simonnot P.* Les papes, l'Église et l'argent. Histoire économique du christianisme des origines à nos jours. Paris, 2005. P. 435, 458, 462–463, 470, 572 и др. В России единственной публикацией, освещающей биографию Ланта, можно считать нашу статью: *Потехина И. П.* Уильям Эдвард Лант — историк папских финансов // Метаморфозы истории. 2016. Вып. 8. С. 47–67. См. также: *Потехина И. П.* Богатство и бедность святого Петра. Административно-финансовая система средневекового папства (VI–XIV вв.). СПб., 2018. С. 17–18.
- ² William E. Lunt Papers, 1904, 1918–1926, n. d. (bulk 1918–1919) // Bowdoin College. Library. George J. Mitchell Department of Special Collections & Archives. [Электронный ресурс]. URL: <https://library.bowdoin.edu/arch/mss/welg.shtml> (дата обращения 10.07.2018); General Catalogue of Bowdoin College and the Medical School of Maine: A Biographical Record of Alumni and Officers, 1794–1950. Brunswick, 1950. P. 204.
- ³ Ч. Х. Хаскинс преподавал в Гарварде с 1902 по 1931 г. К наиболее известным его работам можно отнести, напр.: *Haskins C. H.*: 1) The Normans in European History. Boston, 1915; 2) The Rise of Universities. New York, 1923; 3) The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge (Mass.), 1927.
- ⁴ *Lunt W.E.* The financial relations between the Papacy and England during the reigns of Edward I and Edward II. Harvard, 1908.
- ⁵ Harvard University. Appointments Approved by the Board of Overseers... // Boston Evening Transcript. 1908. May, 16. P. 6.
- ⁶ Fellows of the Medieval Academy // The Medieval Academy of America. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medievalacademy.org/?page=CompleteFellows> (дата обращения 10.07.2018). В 1948–1951 гг. Лант также занимал пост президента Академии.
- ⁷ Biographies. Edited by Mary Wood – 1988 // The Lower Merion Historical Society. [Электронный ресурс]. URL: http://lowermerionhistory.org/web/?page_id=266 (дата обращения 10.07.2018).
- ⁸ *Mosse G. L.* Confronting History. A Memoir. Madison, 2000. P. 115–116; *Sabean D. W.* George Mosse and the Holy Pretence // What History Tells. George L. Mosse and the Culture of Modern Europe / Eds. S. G. Payne, D. J. Sorkin, J. S. Tortorice. Madison, 2004. P. 17.
- ⁹ См., напр.: *Lunt W. E.*: 1) The First Levy of Papal Annates // The American Historical Review. 1912. Vol. XVIII. N 1. P. 48–64; 2) The Account of a Papal Collector in England in 1304 // The English Historical Review. 1913. Vol. XXVIII. N 110. P. 313–321; 3) The Valuation of Norwich. Oxford, 1926; 4) Financial Relations of the Papacy with England to 1327. Cambridge (Mass.), 1939; 5) Financial Relations of the Papacy with England, 1327–1534. Cambridge (Mass.), 1939.

- ¹⁰ Sheldon Fellows working abroad. October 4, 1911 // The Harvard Crimson. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thecrimson.com/article/1911/10/4/sheldon-fellows-working-abroad-pthe-following/>. (дата обращения 12.07.2018).
- ¹¹ Princeton Alumni Weekly. 1950. July, 1. Vol. L. P. 6; General Catalogue of Bowdoin College... P. 204.
- ¹² Lunt W. E. The Financial System of the Mediaeval Papacy in the Light of Recent Literature // The Quarterly Journal of Economics. 1909. Vol. XXIII. N 2. P. 253–254; Boyle L. E. A Survey of the Vatican Archives and of its Medieval Holdings. Toronto, 1972. P. 14; Haskins C. H. The Vatican Archives // The American Historical Review. 1896. Vol. 2. N 1. P. 42–43; Королев Г. И. Медиевистическая археография за рубежом: Труды XIX — начала XX в. М., 2003. С. 123; Потехина И. П. Богатство и бедность святого Петра... С. 10–16.
- ¹³ В отличие от французских, немецких, австрийских, бельгийских и пр. ученых, с 1880-х гг. массово организовывавших национальные институты для изучения папских архивов, специалисты из Великобритании и США систематического доступа к ватиканским источникам не имели. О так называемых «римских исторических институтах» см.: Haskins C. H. The Vatican Archives... P. 49–55; Boyle L. E. A Survey of the Vatican Archives... P. 14–17; Baumgarten P. M. Roman Historical Institutes // The Catholic Encyclopedia. New York, 1910. Vol. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08061a.htm> (дата обращения: 20.07.2018).
- ¹⁴ Lunt W. E. Papal Revenues in the Middle Ages. New York, 1934. Vol. I–II.
- ¹⁵ Ibid. Vol. I. P. 3.
- ¹⁶ См., напр.: Fabre P. De patrimoniis Romanae ecclesiae usque ad aetatem Carolinorum. Lille, 1892; Hartmann L. M. Grundherrschaft und Bureaukratie im Kirchenstaate vom 8 bis zum 10 Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1909. Bd. VII. S. 142–158; Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912; Poole R. L. Lectures on the History of the Papal Chancery. Cambridge, 1915.
- ¹⁷ Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire par l'Abbé L. Duchesne. Paris, 1886–1892. T. I. P. 154; Tertullianus Q. S. F. Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera. Pars I: Opera catholica. Adversus Marcionem. Turnholti, 1954. P. 150; Любимов Г. М. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII–XVIII века. СПб., 1852. С. 3; Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 2003. С. 346, 348, 351.
- ¹⁸ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви / Под ред. А. Бриллиантова. М., 1994. Т. III. С. 153–160; Соколов П. П. Церковноимущественное право в Греко-Римской империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896. С. 217–230; Лебедев А. П. Духовенство... С. 48, 97; Wieland F. Die genetische Entwicklung der sogenannten Ordines minores in den drei ersten Jahrhunderten. Rom, 1897. S. 42; Jones A. H. M. The later Roman Empire, 284–602. A social, economic and administrative survey. Oxford, 1964. Vol. II: 910, 911; Pietri C. Roma christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, 1976. T. I. 667–680, 718–724.
- ¹⁹ Lunt W. E. Papal Revenues... Vol. I. P. 4–5.
- ²⁰ Ibid. Vol. I. P. 5–6.
- ²¹ Латеранский дворец, подаренный папе Константином I (306–337), формально стал главной резиденцией римского епископа еще в первой половине IV в. Но лишь к концу VIII в., с ослаблением местной светской власти, ему удалось стать центром не только церковной, но и общественно-политической жизни Рима.
- ²² См., напр.: Partner P. The Lands of St. Peter. The Papal State in the Middle Ages and the Early Renaissance. Berkeley, 1972. P. 15; Boyle L. E. A Survey of the Vatican Archives... P. 7; Blumenthal U.-R. The Papacy, 1024–1122 // The New Cambridge Medieval History. Vol. IV: c.1024–c.1198. Part II / Eds. D. Luscombe, J. Riley-Smith. Cambridge, 2004. P. 17.
- ²³ Lunt W. E. Papal Revenues... Vol. I. P. 6.
- ²⁴ Напр.: Galletti P.-L. Del Vestarario della Santa Romana Chiesa. Roma, 1758; Muratori L. A. Dissertazioni sopra le Antichità Italiane. Milano, 1751. T. I. P. 197; Грегоровиц Ф. История города Рима в средние века: В 8 т. / Пер. с нем. М. П. Литвинова. СПб., 1904. Т. III. С. 377.

- ²⁵ Joannis Papae X epistolae et privilegia // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1865. T. CXXXII. Col. 806.
- ²⁶ Ejusdem Isoardi episcopi Vapincensis ad sanctum Hugonem // *Gallia Christiana, in provincias ecclesiasticas distributa* / Opera & studio Domni D. Sammarthani. Paris, 1715. T. I. P. 86; *Lunt W.E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 7.
- ²⁷ *Haller J. Zwei Aufzeichnungen über die Beamten der Curie im 13 und 14 Jahrhundert* // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. 1898. Bd. I. S. 8–38.
- ²⁸ *Lunt W.E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 6.
- ²⁹ *Ibid.* Vol. I. P. 8.
- ³⁰ Ejusdem Isoardi episcopi... P. 86.
- ³¹ *Robinson I.S.*: 1) *The Papacy, 1073–1198...* P. 250–251; 2) *The Papacy, 1122–1198* // *The New Cambridge Medieval History. Vol. IV: c.1024–c.1198. Part II* / Eds. D. Luscombe, J. Riley-Smith. Cambridge, 2004. P. 419; *Blumenthal U.-R. The Papacy...* P. 20–21; *Kelly J.N.D. The Oxford Dictionary of Popes*. Oxford, 2006. P. 160; *Потехина И.П.* Богатство и бедность святого Петра... С. 67–69.
- ³² В сфере налогообложения это отчетливо видно на примере эволюции группы поборов под общим названием «цenz св. Петра» (*Потехина И.П.* Богатство и бедность святого Петра... С. 165–172, 176–179, 263).
- ³³ *Hunt N. Cluny under Saint Hugh, 1049–1109*. London, 1967. P. 60; *Robinson I.S. The Papacy, 1073–1198...* P. 250; *Stroll M. Calixtus II (1119–1124): A Pope born to rule*. Leiden–Boston: Brill, 2004. P. 160–161; *Simonnot P. Les papes...* P. 429.

References

- BOLOTOV V. V. *Leksii po istorii drevnei tserkvi* [Lectures on the History of the Ancient Church] / Ed. A. Brilliantov. Moscow, 1994. T. I–IV.
- BRESSLAU H. *Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien* [Manual of source study for Germany and Italy. In Germ.]. Leipzig, 1912.
- Ejusdem Isoardi episcopi Vapincensis ad sanctum Hugonem* [The same Isoard, bishop of Gap, to St. Hugh. In Lat.] // *Gallia Christiana, in provincias ecclesiasticas distributa* / Opera & studio Domni D. Sammarthani. Paris, 1715. T. I. P. 86.
- FABRE P. *De patrimoniis Romanae ecclesiae usque ad aetatem Carolinorum* [Patrimonies of the Roman Church up to the Era of Carolingians. In Lat.]. Lille, 1892.
- GALLETTI P.-L. *Del Vestarario della Santa Romana Chiesa* [On the Vestararius of the Holy Roman Church. In Ital.]. Roma, 1758.
- GREGOROVIVUS F. *Istoriya goroda Rima v srednie veka: V 8 t.* [History of the City of Rome in the Middle Ages. In 8 vols. In Russ.] / Transl. from German by M. P. Litvinov. St Petersburg, 1904. T. III.
- HALLER J. *Zwei Aufzeichnungen über die Beamten der Curie im 13 und 14 Jahrhundert* [Two records on the curial officials of the 13th and 14th centuries. In Germ.] // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. 1898. Bd. I. S. 8–38.
- HARTMANN L. M. *Grundherrschaft und Bürokratie im Kirchenstaate vom 8 bis zum 10 Jahrhundert* [Power and bureaucracy in the Papal States from the 8th to the 10th century. In Germ.] // *Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*. 1909. Bd. VII. S. 142–158.
- Joannis Papae X epistolae et privilegia* [Letters and privileges of the pope John X] // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1865. T. CXXXII. Col. 799–814.
- KOROLEV G. I. *Medievistsicheskaya arkhografiya za rubezhom. Trudy XIX – nachala XX v.* [Medieval archeography abroad. Works of the 19th – early 20th. In Russ.]. Moscow, 2003.
- LEBEDEV A. P. *Dukhovenstvo drevnei Vselenskoj Tserkvi ot vremen apostol'skikh do X veka.* [Clergy of the ancient Ecumenical Church from the apostolic times till the 10th Century. In Russ.]. St Petersburg, 2003.

Liber Pontificalis [The Book of the Popes. In Lat.] / Texte, introduction et commentaire par l'Abbé L. Duchesne. Paris, 1886–1892. T. I–II.

LYUBIMOV G. M. *Istoricheskoe obozrenie sposobov sodержaniya khristianskogo dukhovenstva ot vremen apostol'skikh do XVII–XVIII veka*. [Historical review of the methods of supporting the Christian clergy from the time of the Apostles to the 17th–18th centuries. In Russ.]. St Petersburg, 1852.

MURATORI L. A. *Dissertazioni sopra le Antichità Italiane* [Dissertations on Italian Antiquities. In Ital.]. Milano, 1751. T. I.

PIETRI C. *Roma christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)* [Christian Rome. Research on the Church of Rome, its organization, its politics, its ideology from Miltiade to Sixtus III (311–440). In French]. Rome, 1976.

ПОТЕХИНА И. П. *Bogatstvo i bednost' svyatogo Petra. Administrativno-finansovaya sistema srednevekovogo papstva (VI–XIV vv.)*. [The wealth and poverty of St. Peter. Administrative and financial system of the medieval papacy (6th–14th)]. St Petersburg, 2018.

ПОТЕХИНА И. П. *William Edward Lunt — istorik papskikh finansov* [William Edward Lunt — the historian of papal finance. In Russ.] // *Metamorphozy istorii*. 2016. Iss. 8. P. 47–67.

SIMONNOT P. *Les papes, l'Église et l'argent. Histoire économique du christianisme des origines à nos jours* [Popes, Church and money. Economic history of Christianity from its origins to the present day. In Fr.]. Paris, 2005.

TERTULLIANUS Q. S. F. *Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera. Pars I: Opera catholica. Adversus Marcionem* [Works by Quintus Septimus Florens Tertullian. Pt. I: Catholic Works. Against Marcion. In Lat.]. Turnholti, 1954.

WIELAND F. Die genetische Entwicklung der sogenannten Ordines minores in den drei ersten Jahrhunderten [The genetic evolution of the so-called Ordines minores in the first three centuries. In Germ.]. Rom, 1897.

Список литературы

- Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви / Под ред. А. Бриллиантова. М., 1994. Т. I–IV.
- Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века: В 8 т. / Пер. с нем. М. П. Литвинова. СПб., 1904. Т. III.
- Королев Г. И. Медиевистическая археография за рубежом: Труды XIX — начала XX в. М., 2003.
- Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 2003.
- Любимов Г. М. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII–XVIII века. СПб., 1852.
- Потехина И. П. Богатство и бедность святого Петра. Административно-финансовая система средневекового папства (VI–XIV вв.). СПб., 2018.
- Потехина И. П. Уильям Эдвард Лант — историк папских финансов // *Метаморфозы истории*. 2016. Вып. 8. С. 47–67.
- Соколов П. П. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896.
- Vaumgarten P. M. Roman Historical Institutes // *The Catholic Encyclopedia*. New York, 1910. Vol. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08061a.htm> — access 16.6./2018.
- Biographies. Edited by Mary Wood — 1988 // *The Lower Merion Historical Society*. [Электронный ресурс]. URL: http://lowermerionhistory.org/web/?page_id=266.
- Blumenthal U.-R. The Papacy, 1024–1122 // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. IV: c.1024–c.1198. Part II / Eds. D. Luscombe, J. Riley-Smith. Cambridge, 2004. P. 8–37.
- Boyle L. E. A Survey of the Vatican Archives and of its Medieval Holdings. Toronto, 1972.
- Bresslau H. *Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien*. Leipzig, 1912.
- Ejusdem Isoardi episcopi Vapincensis ad sanctum Hugonem // *Gallia Christiana, in provincias ecclesiasticas distributa* / Opera & studio Domni D. Sammarthani. Paris, 1715. T. I. P. 86.
- Fabre P. *De patrimoniis Romanae ecclesiae usque ad aetatem Carolinorum*. Lille, 1892.
- Fellows of the Medieval Academy // *The Medieval Academy of America*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medievalacademy.org/?page=CompleteFellows>. — access — 20.5.2018
- Galletti P.-L. *Del Vestarario della Santa Romana Chiesa*. Roma, 1758.
- General Catalogue of Bowdoin College and the Medical School of Maine: A Biographical Record of Alumni and Officers, 1794–1950. Brunswick, 1950.

- Haller J. Zwei Aufzeichnungen über die Beamten der Curie im 13. und 14. Jahrhundert // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1898. Bd. I. S. 8–38.
- Hartmann L. M. Grundherrschaft und Bureaucratie im Kirchenstaate vom 8. bis zum 10. Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1909. Bd. VII. S. 142–158.
- Harvard University. Appointments Approved by the Board of Overseers... // Boston Evening Transcript. 1908. May, 16. P. 6.
- Haskins C. H. The Normans in European History. Boston, 1915.
- Haskins C. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge (Mass.), 1927.
- Haskins C. H. The Rise of Universities. New York, 1923.
- Haskins C. H. The Vatican Archives // The American Historical Review. 1896. Vol. 2. N 1. P. 40–58.
- Hunt N. Cluny under Saint Hugh, 1049–1109. London, 1967.
- Joannis Papae X epistolae et privilegia // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1865. T. CXXXII. Col. 799–814.
- Jones A. H. M. The later Roman Empire, 284–602. A social, economic and administrative survey. Oxford, 1964. Vol. II.
- Kelly J. N. D. The Oxford Dictionary of Popes. Oxford, 2006.
- Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire par l'Abbé L. Duchesne. Paris, 1886–1892. T. I–II.
- Lunt W. E. The Account of a Papal Collector in England in 1304 // The English Historical Review. 1913. Vol. XXVIII. N 110. P. 313–321.
- Lunt W. E. The financial relations between the Papacy and England during the reigns of Edward I and Edward II. Harvard, 1908.
- Lunt W. E. Financial Relations of the Papacy with England, 1327–1534. Cambridge (Mass.), 1939.
- Lunt W. E. Financial Relations of the Papacy with England to 1327. Cambridge (Mass.), 1939.
- Lunt W. E. The Financial System of the Mediaeval Papacy in the Light of Recent Literature // The Quarterly Journal of Economics. 1909. Vol. XXIII. N 2. P. 251–295.
- Lunt W. E. The First Levy of Papal Annates // The American Historical Review. 1912. Vol. XVIII. N 1. P. 48–64.
- Lunt W. E. Papal Revenues in the Middle Ages. New York, 1934. Vol. I–II.
- Lunt W. E. The Valuation of Norwich. Oxford, 1926.
- Morris C. The papal monarchy: the Western church from 1050 to 1250. Oxford, 2001.
- Mosse G. L. Confronting History. A Memoir. Madison, 2000.
- Muratori L. A. Dissertazioni sopra le Antichita Italiane. Milano, 1751. T. I.
- Partner P. The Lands of St. Peter. The Papal State in the Middle Ages and the Early Renaissance. Berkeley, 1972.
- Pietri C. Roma christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, 1976.
- Poole R. L. Lectures on the History of the Papal Chancery. Cambridge, 1915.
- Princeton Alumni Weekly. 1950. July, 1. Vol. L. P. 6.
- Robinson I. S. The Papacy, 1073–1198: Continuity and Innovation. Cambridge, 1990.
- Robinson I. S. The Papacy, 1122–1198 // The New Cambridge Medieval History. Vol. IV: c.1024–c.1198. Part II / Eds. D. Luscombe, J. Riley-Smith. Cambridge, 2004. P. 318–383.
- Sabean D. W. George Mosse and the Holy Pretence // What History Tells. George L. Mosse and the Culture of Modern Europe / Eds. S. G. Payne, D. J. Sorkin, J. S. Tortorice. Madison, 2004. P. 15–24.
- Sheldon Fellows working abroad. October 4, 1911 // The Harvard Crimson. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thecrimson.com/article/1911/10/4/sheldon-fellows-working-abroad-pthe-following/>.
- Simonnot P. Les papes, l'Église et l'argent. Histoire économique du christianisme des origines à nos jours. Paris, 2005.
- Stroll M. Calixtus II (1119–1124): A Pope born to rule. Leiden–Boston, 2004.
- Tertullianus Q. S. F. Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera. Pars I: Opera catholica. Adversus Marcionem. Turnholti, 1954.
- Wieland F. Die genetische Entwicklung der sogenannten Ordines minores in den drei ersten Jahrhunderten. Rom, 1897.
- William E. Lunt Papers, 1904, 1918–1926, n.d. (bulk 1918–1919) // Bowdoin College. Library. George J. Mitchell Department of Special Collections & Archives. [Электронный ресурс]. URL: <https://library.bowdoin.edu/arch/mss/welg.shtml>.

И. П. Потехина. Уильям Эдвард Лант и ранняя история административно-финансовой системы средневекового папства

В центре внимания предлагаемой статьи биография выдающегося американского исследователя истории средневекового папства У. Э. Ланта (1882–1956), а также одна из важнейших его исследовательских работ — монография «Доходы пап в средние века». Изданная в 1934 г. и практически неизвестная в России, эта книга стала поворотным моментом в истории изучения папской административно-финансовой системы. Особое внимание автор статьи уделяет тем разделам монографии, которые посвящены наиболее ранним этапам становления фискального аппарата средневекового папства (VI–XI вв.). Система обеспечения св. Престола этого периода, в особенности структура и механизмы развития его фискальной администрации в течение долгого времени являлись предметом научной полемики и провоцировали историков на построение разнообразных гипотез, чему способствовало весьма ограниченное число источников, отложившихся в эту эпоху. Лишь в недавнем прошлом исследователям удалось более-менее уверенно ответить на некоторые из наиболее дискуссионных вопросов по данной теме. Лант же со своей первой обобщающей работой по истории папских финансов и их организации оказался на перепутье между прежними историографическими спорами (берущими свое начало еще в литературе XVI–XVII вв.) и современным их прочтением.

Ключевые слова: Уильям Э. Лант, доходы пап в средние века, Клуни, Апостолическая камера, папский престол, история папства, средние века.

I. P. Potekhina. William Edward Lunt and the early history of the administrative and financial system of the medieval papacy

The focus of the article proposed is the biography of the distinguished American specialist in the history of medieval papacy, William E. Lunt (1882–1956), as well as one of his most important research papers — the monograph “Papal Revenues in the Middle Ages”. Published in 1934 and virtually unknown in Russia, this book was a turning point in the history of the study of the papal administrative and financial system. The author of the article pays special attention to those sections of the monograph that are devoted to the earliest stages of the formation of the fiscal apparatus of the medieval papacy (6th–11th centuries). The system of financial support of the Holy See at this time, and particularly the structure and development of its fiscal administration for a long time remained the subject of scientific controversy and provoked historians to build a variety of hypotheses, largely due to a very limited number of sources deposited in this era. Only in a relatively recent past, researchers were able to answer some of the most controversial questions on this topic. As for Lunt, with his first generalizing work on the history of papal finance and their organization, he was at a crossroads between the old historiographic disputes (originating in the literature of the 16th–17th centuries) and their modern reading.

Key words: William E. Lunt, papal revenues in the middle ages, Cluny, Apostolic Chamber, papal see, history of papacy, middle ages.

Потехина, Ирина Павловна — к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет).

Potekhina, Irina Pavlovna — PhD in History, Associate Professor, St Petersburg State Institute of Technology.

E-mail: ansclida@inbox.ru

Круглый стол «Изучение истории декабристов»

УДК 94(47) «1825.12.14»

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00031

П. В. Ильин

Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем

Изучение истории декабризма — оппозиционного самодержавию движения в русском дворянском сословии, возникшего после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов в виде конспиративных кружков и организаций и закончившего свое существование открытыми военными выступлениями 1825–1826 гг., занимает одно из выдающихся мест в отечественной историографии на протяжении более чем 100 лет, начиная с последних десятилетий XIX в. Не углубляясь в обсуждение причин столь пристального внимания исследователей к истории декабристов (что составляет предмет особого историографического труда), остановимся на некоторых наблюдениях, касающихся того, как изменялись оценки актуальных и научно значимых задач изучения на различных этапах декабристоведения.

Развитие историографии до 1917 г. в целом можно оценить как период введения в научный оборот и первоначального осмысления источникового материала. Но уже в начале XX в. процесс сбора и анализа исторических документов совмещался с попытками создания на основе уже собранных источников первого обобщающего исследования фактической стороны и идеологии движения декабристов. Наиболее серьезная такая попытка, предпринятая в 1906–1907 гг., закончилась неудачей: коллективный труд группы исследователей так и не был завершен. Один из его авторов, В. И. Семевский, подготовил свой индивидуальный вариант первой обобщающей монографии, уделив значитель-

ное внимание не столько фактологии, сколько анализу программных проектов, а также комплекса политических идей декабристов¹. Сохранившийся план несостоявшейся коллективной «Истории декабристов», а также содержание известного труда В. И. Семевского показывают, что актуальными направлениями для историков дореволюционной эпохи, помимо установления «фактической стороны» движения декабристов, являлись анализ главных основ идейной программы (в первую очередь проектов преобразований), их генезиса и формирования, и освещение роли декабристских идей в последующем общественном движении². Необходимо отметить, что историки дореволюционного периода не уходили от проблем внутренней неоднородности декабристского движения, соотношения в нем радикализма и либерализма, как и от сложности и разнообразия идейных влияний, подготовивших его появление, что в целом не стало предметом углубленного внимания в литературе последующих десятилетий.

Ранний этап советской историографии (1917 — середина 1930-х гг.), отмеченный бурным развитием исследований и активным введением в оборот множества важнейших первоисточников, включая комплекс следственных дел ведущих деятелей декабризма, подпитывался политической конъюнктурой резкой критики уничтоженного «старого режима». Составители выходивших один за другим в 1920-е гг. сборников документов и исследований вполне определенно очертили круг актуальных направлений научной работы: помимо естественных задач восстановления «фактической истории» и анализа мировоззрения декабристов, это — изучение современного декабристам общественного движения и вообще современной им эпохи, исторических предпосылок возникновения декабристских союзов, включая изучение «среды», выдвинувшей декабристов, установление этапов их идейной эволюции как до, так и после 1825 г., исследование влияния их идей и действий на последующее развитие общественной жизни³. Любопытно отметить, что уже в это время прозвучало предостережение против выстраивания историками модернизированных и упрощенных схем и представлений, оторванных от исторической эпохи. В тот период времени это выражалось во взгляде на декабристов как на «некий единый коллектив, спаянный совершенно однообразными социально-политическими устремлениями», искусственно вырванный из «объективных условий той эпохи, среди которой им приходилось жить и действовать». Между тем, необходимо учитывать «различие социально-политических устремлений декабристов», которых объединяло лишь неприятие крайних форм самодержавия и крепостного права; «в остальном было бы наивно рассматривать их как членов современных политических партий, тесно связанных параграфами обязательного устава»⁴. Как покажет последующее развитие историографии, эти предостережения долгое время не оказывали на нее значительного влияния.

Следующий, наиболее продолжительный этап развития советской историографии (середина 1930-х — середина 1980-х гг.) характеризуется господством жесткой идеологемы «дворянской революционности», в конечном счете

отрывавшей декабристские союзы от современной им общественной среды (включая либеральную тенденцию в русском обществе). Этот период отмечен широчайшим диапазоном исследований по самым разнообразным вопросам истории декабризма, уложенных вместе с тем в «прокрустово ложе» парадигмы внутренне единого «революционного движения», классической для советской историографии. Как было показано нами, на данном этапе в качестве актуальных и приоритетных назывались проблемы истоков декабристского движения (с большим вниманием к внутрисоветским факторам), формирования и эволюции его идеологии, связей декабристов с предшествующими и последующими политическими движениями, отношений с современной им общественной средой⁵. Акцентировка научно значимых областей изучения, при всей их преемственности, отличалась от предыдущих этапов историографии: помимо господствующего исследования «дворянской революционности» (особенностей политического радикализма, наиболее радикальных программных требований и тактических установок тайных обществ, планов военных выступлений), к числу признанных наиболее важными и актуальными следует отнести проблему «декабристы и народ», вопрос о месте декабристов в общемировом антифеодальном и национально-освободительном движении, об их влиянии на последующие поколения радикальных «борцов с самодержавием».

В последние десятилетия советского периода историографии наблюдается рост интереса к истории просветительства и либерализма — как среды, в которой зарождались и созревали декабристские политические программы, к изучению различных идейных течений и форм общественной деятельности, современных декабристам. Это связано с фактическим сосуществованием в рамках советского декабристоведения «официального направления» (М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин) и скрыто или иногда открыто оппонировавшего ему «неофициального» (Ю. Г. Оксман, М. К. Азадовский, Ю. М. Лотман), испытавшего на себе влияние досоветской историографии. Именно в трудах представителей второго направления мы находим определенное смещение акцентов в сторону более широкого и объективного исследования различных идейных течений в русском обществе, разработку проблем истории просветительства и либерализма, их влияния на формирование политической программы декабристов, что приводило к пониманию сложной и неоднородной идейной основы самого декабристского движения⁶. При всех различиях в подходах и оценках, оба указанных направления объединяло признание марксистской парадигмы «дворянской революционности» и других концептуальных основ советской историографии, а также приоритетный интерес к наиболее радикальным идеям декабристов, их априорно позитивная оценка. Сомнения в безусловной ценности революционного радикализма, критика радикальных политических идей стали проявляться всё более заметно лишь в трудах следующего поколения историков «неофициального направления» — в частности в известных работах наиболее выдающегося его представителя, Н. Я. Эйдельмана.

Последний, кратковременный этап советской историографии, наступивший с началом перестройки, принес с собой обострение интереса к истории общественно-политической мысли. Усложнение и расширение тематики, привлечение источников, ранее не используемых в литературе по идеологическим причинам, наметившийся пересмотр прежних положительных оценок политического радикализма, «восстановление в правах» идей либерального реформаторства как важнейшего пути общественного развития, — всё это характерные черты научных изданий, относящихся к этому времени. В ряду этих изданий следует выделить киевский серийный сборник «Декабристские чтения», аккумулировавший в те годы декабристоведческие труды исследователей из различных регионов СССР и получивший таким образом общесоюзный характер⁷. Анализ содержания сборника показывает не только постепенный отход авторов от монополии советской идеологии, но и некоторые направления пересмотра сложившихся представлений, которые рассматривались исследователями как актуальные: изучение условий формирования политического мировоззрения деятелей декабризма, их политической программы, организационных принципов, идейных взаимосвязей тайных обществ и современного им общества. Всё отчетливее становилась сложная природа декабристских идей, совмещение в их политических планах либерально-реформаторских и радикальных черт, т.е. происходил возврат на новом уровне понимания и исследовательской методике к наблюдениям исследователей первых этапов историографии, развивались некоторые положения трудов представителей «неофициального направления» в советской историографии. Особое значение в этих условиях приобрели проблемы историографии конкретных вопросов идейной и «фактической» истории тайных обществ (прежде всего дискуссионные вопросы и оценка сделанного в советское время), восстановление широкого либерального фона общественной среды, которая способствовала формированию декабристских идей⁸.

Постсоветская эпоха первоначально сохраняла инерционный интерес к радикальным идеям в декабризме, однако постепенно всё более возрастало внимание к либеральной основе политического мировоззрения подавляющей части участников декабристского движения, к проблеме соотношения радикального и нерадикального в их тактических планах. Особое звучание приобрело определение места декабристов в общественном движении современной им эпохи. Получили распространение нетрадиционные по сравнению с советской эпохой подходы к оценке и анализу деятельности декабристов, в частности — отрицание значимости декабристского политического опыта, особое внимание к культурной деятельности участников движения, планам и шагам легально-реформаторского характера. Морально-этические оценки взглядов декабристов иногда заслоняли необходимость анализа политической деятельности — как конспиративной активности, так и открытого политического действия (военных выступлений); последнее иногда трактовалось как военная демонстрация⁹.

Переосмысление декабристского опыта преимущественно в русле истории российского либерализма и либерально-конституционной традиции виделось на этом этапе актуальной проблемой¹⁰.

В новых условиях сформировавшейся конкурирующей научной среды всё разнообразнее и противоречивее становились оценки идейного базиса движения, не говоря уже о тактических установках и избранных декабристами способах открытого политического действия в период междуцарствия 1825 г. В 1990-х гг. помимо продолжавшихся серийных сборников по истории декабризма и общественного движения в целом¹¹ появились новые периодические издания по изучению декабристского наследия, которые актуализировали как уже, казалось бы, исследованные проблемы общественного движения и общественной мысли первой половины XIX в., требовавшие переоценки на новом этапе историографии, так и малоизученные аспекты истории тайных обществ, политической деятельности декабристов, персоналистики, способствовали пересмотру традиционных представлений о «едином революционном движении»¹².

В 1995 г. В. М. Бокова, пожалуй, наиболее предметно сформулировала основные положения коренной ревизии декабристоведческих концепций и пересмотра научных представлений, укоренившихся в историографии советского времени, вместе с тем обозначив важнейшие слагаемые нового подхода к разработке истории декабризма. В число актуальных «составляющих» пересмотра старых и формирования новых представлений вошли следующие проблемы: декабристы и влиявший на них контекст отечественной антидеспотической и фрондистской борьбы, который обычно не учитывался в рамках парадигмы «революционного движения» (восстания стрельцов, «дворцовые перевороты» и др.); воздействие на декабристские политические программы традиций аристократического либерализма и дворянской фронды; роль националистического сознания в процессе складывания декабристской идеологии; внутренняя идейная неоднородность движения, наличие в тайных обществах различных взглядов на цели и задачи; отказ от представлений о «внутренне едином» и цельном движении, отказ от распространения «революционности» и политического радикализма на всё движение, на всех его участников в целом; проблема «декабристское мировоззрение и религия», особенно значимая вследствие того, что большинство участников тайных обществ были искренне и глубоко верующими людьми, что обуславливало во многом кодекс их поведения; пересмотр представлений о радикальных политических планах декабристов, прежде всего — замыслах царевубийства, уяснение подлинного места этих планов в общей политической программе и тактических установках, отказ от доминирующего значения этих планов при анализе политического опыта декабристов; декабристы и явления современной им общественной жизни, включая распространенные в это время формы общественной активности (тайные и негласные кружки, собрания, масонские ложи); коррекция представлений о взаимосвязи

между правительственной политикой и активной общественной оппозицией в лице декабристов; проблема внутренних кризисов в тайных обществах и «кризисов идей» их лидеров; наличие двух поколений внутри декабристского движения — «старшего», в целом умеренно-либерального в своих политических взглядах, составившего ядро ранних тайных обществ (до 1821–1822 гг.), и «младшего», склонного к идеям радикального характера и сыгравшего важную роль в заговорах, закончившихся открытыми выступлениями¹³. В настоящее время можно констатировать, что развитие декабристоведческих исследований на постсоветском этапе историографии происходит в русле большинства из обозначенных В. М. Боковой направлений.

Одновременно с этим А. Н. Цамутали отмечал, что проблематика истории декабризма еще не исследована в необходимой степени, как это многим видится: «...интерес к истории декабристов не ослабевает, и он представляется тем более обоснованным и понятным, поскольку многие стороны этой большой и сложной темы по-прежнему требуют дальнейшего исследования». Он также изложил свое видение актуальных направлений научной работы на новом этапе историографии: «Возросший в последние годы интерес к истории эпохи Просвещения позволит более полно представить идейные истоки движения декабристов... Вечно занимающий русских мыслителей вопрос о взаимоотношениях России и Запада, русской и европейской культуры неразрывно связан с осознанием того влияния, которое оказали на русскую общественную мысль Великая Французская революция 1789 г., Испанская революция 1820 г., революция в Пьемонте и восстание в Греции 1821 г. Можно ждать, что скоро появятся работы, во всей полноте представляющие различные течения, представленные в движении декабристов. С одной стороны, либеральное, просветительское, особенно заметное в деятельности Союза благоденствия. С другой стороны, радикальное, революционное, существующее на всех этапах движения декабристов и особенно усилившееся в годы существования Южного и Северного обществ...»¹⁴

Как представляется, приведенный обзор показывает определенную преемственность в обозначении проблем и задач, которые формулировались историками в качестве актуальных и научно значимых на разных этапах историографического процесса. Контекст, в который они ставились, акцентировки их отдельных аспектов и составных элементов, конечно, варьировались. Но, тем не менее, можно вычлениить определенный набор проблем, сохранявших свое научное значение на всем протяжении историографической традиции: генезис и формирование декабристской идеологии, факторы возникновения декабристского политического сознания («внутрироссийские истоки» и западное влияние идей эпохи Просвещения, классического либерализма, событий политической жизни начала XIX в.); национально-патриотический подъем, связанный с антинаполеоновскими войнами, и складывание декабристского типа общественной активности; формирование и эволюция идейной программы

декабристских обществ, развитие их тактики и программы в связи с изменениями правительственной политики и общественной среды, влияние на декабристов современных политических событий; декабристы и современное им российское общество, тайные общества в контексте общественного движения 1-й четверти XIX в.; взаимосвязь декабристской программы с либеральным течением в русском обществе, соотношение либеральных идей и политического радикализма в декабристском движении; эволюция взглядов бывших участников движения после 1825 г.; влияние декабристского опыта на последующее общественное движение в России. Очевидно, этот выявленный набор важнейших проблем и направлений исследований является системообразующим для научного изучения истории декабризма.

В целом постсоветский период свободы идеологических оценок и сосуществования различных интерпретаций декабристского опыта привел как к положительным, так и негативным последствиям в разработке истории декабризма. Положительное состояло в возвращении к конкуренции научных идей, концепций и взглядов, выдвигании в центр исследований свежих, приближающих нас к принципам историзма вопросов, обогащающих строго установленное, точное научное знание, приращении к нему ранее не изучавшихся сюжетов, применении новых подходов и принципов исследований. Появившиеся в эти годы отдельные исследования и сборники статей по актуальным научным проблемам характеризуются, с одной стороны, отказом от старых идеологических клише, с другой — вниманием к малоизученным или совершенно не изученным проблемам истории декабристов¹⁵. Однако потенциал этой, по существу весьма плодотворной для развития науки историографической ситуации ограничивается негативным воздействием новых идеологических доминант (в частности значительно усилившихся идей консервативно-охранительного спектра, по существу отрицающих правомерность участия общественных сил в государственных преобразованиях), а также давлением внаучных конъюнктурных запросов (перекрашивание в противоположный цвет «былых кумиров», негативизм под флагом избавления от «исторических мифов», стремление к сенсационным «открытиям» и т. д.).

С начала 1990-х гг. негативистская тенденция в тематике декабристологии заявила о себе в полный голос, опираясь на еще дореволюционную охранительную традицию, постулирующую практически полное неприятие правомочности для русского общества самостоятельно воздействовать на правительственный строй и государственную политику — традицию, берущую свое начало от официальной идеологии самодержавной власти, современной декабристам. «Не опускаясь», как правило, до изучения исторических источников, наследники этой традиции начали применять новые идеологические шаблоны вместо старых, советских — на этот раз охранительного характера. Зачастую требуется только поменять знаки шкалы оценочных суждений «с плюса на минус», и вот уже готов новый, «разоблачающий» прежние оценки историков взгляд на тех,

кто вознамерился изменить многовековой социально-экономический уклад Российского государства¹⁶. Наиболее негативное последствие этой ситуации состояло в том, что подобный подход к истории декабристов стал переключиваться со страниц исторической публицистики в труды некоторых профессиональных историков.

Негативизм, подкрепленный идеологическим давлением, может оказать определенное влияние на исторические исследования, но сама потребность в изучении и осмыслении отечественной истории диктует продолжение строго научной работы. Отрадно, что, несмотря на усилившийся пресс вновь воздвигнутых негативистских догм и шаблонов, зачастую воспроизводящих незамысловатые тезисы дореволюционных охранителей, вопреки новому мифотворчеству¹⁷, научная среда продолжает продуцировать содержательные научные работы, исходя из логики самого исследования, потребностей поиска ответов на вопросы, возникающие при работе с историческим материалом.

Современный этап постсоветской историографии принес с собой новые образцы исследовательских работ по актуальным направлениям изучения истории декабристов. Появившиеся в последние годы публикации, сборники статей демонстрируют сохраняющийся интерес ученых к магистральным сюжетам декабристской истории, проблемным вопросам изучения политической мысли, общественного движения, правительственной политики, социокультурного облика эпохи, современной декабристам¹⁸. Труды последних лет показывают существующее разнообразие мнений, отсутствие «кризиса идей» в декабристведении, неправомочность нередко встречающихся штампов об «изученности» или «исчерпанности» темы, а также — возможность применения новых подходов, выдвижения новых концепций и гипотез при рассмотрении как общих, так и частных вопросов истории декабризма, в ряде случаев — значительное расширение тематического поля научных разработок, возможность презентации нового взгляда на некоторые фундаментальные вопросы изучения декабристского движения. Это особенно важно в связи с несомненным устареванием шкалы идеологических оценок, определенной части категорийного аппарата и научного языка исследований советского периода даже при условии, что с фактологической стороны эти исследования сохраняют свое значение.

Затрагивая вопросы современной историографии, нельзя обойти вниманием неоднозначные и проблемные стороны научной литературы последних лет. Оставляя в стороне фактические ошибки и недостатки, вызванные неполнотой сведений о существующей источниковой базе, неосведомленностью о достижениях и недостатках предшествующей историографии, нередко встречающиеся в трудах современных авторов, остановимся на более важных моментах. Речь идет о необоснованных выводах, недоброкачественных оценках публицистического характера, произвольных гипотетических «версиях», которые выдаются за объективно и прочно установленные, доказанные научные положения. В основе этого — стремление к сенсационности, неосновательному пересмотру

научных представлений, следование заранее принятым схемам, под которые подгоняются факты, извлеченные из отдельных источников. Если в советскую эпоху исследователи были ограничены парадигмой «дворянской революционности», то в постсоветский период с уходом идеологического диктата некоторыми авторами овладела конъюнктура вненаучного характера, выразившаяся в усиленном стремлении к обязательному «пересмотру» чуть ли не всех существующих научных положений, не опирающемуся на критический анализ исторических свидетельств.

К сожалению, свобода творчества привела некоторых авторов, в том числе, казалось бы, профессионалов-историков, к выдвиганию необоснованных, но зато «сенсационных» «версий» и «открытий». Перечисление конкретных примеров произвольного, волюнтаристского отношения к историческим фактам и источникам заняло бы здесь слишком много места. Можно лишь упомянуть, что начиная с 1990-х гг. в своем стремлении к «пересмотру устоявшихся точек зрения» одни авторы напрямую связывали выступление декабристов на Сенатской площади с экономическими интересами Российско-Американской компании, подсчитывая количество ее акций чуть ли не у каждого из заговорщиков, другие — утверждали, что имеющийся «набор» декабристских тайных обществ случаен, а рядом с ними существовали более влиятельные конспиративные масонские союзы, третьи — объявляли, что наряду с декабристскими тайными обществами имел место намного более могущественный заговор армейского генералитета, который и надо изучать, четвертые — что П. И. Пестель был сотрудником правительственной тайной полиции и т.д. Наконец, в этих условиях не могла не появиться еще одна «сенсация» — заявление о том, что декабристских тайных обществ вообще не существовало, поскольку все данные о них фабриковались на судебно-следственном процессе 1825–1826 гг., как это было в случае известных инсценированных политических процессов 1930-х гг. Столь явная модернизация исторических реалий, игнорирующая свидетельства целых категорий исторических источников, подменяющая критику следственных материалов их произвольной спекулятивной интерпретацией, не имеющей отношения к науке, тем не менее встретила поддержку у некоторой части исторического сообщества (правда, практически все поддержавшие данное «сенсационное открытие» не относились к числу специалистов по истории России начала XIX в.). Все эти «находки», «версии» и прочие яркие откровения, разумеется, не опирались ни на одно документальное указание, точно и надежно подтверждающее выдвинутую «сенсацию», а, как принято в спекулятивной журналистике и публицистике, имели в своей основе лишь «соображения» и «догадки» (можно сказать, «прозрения») самих авторов, озабоченных суетливым желанием обнаружить нечто новое, чтобы «опровергнуть» всё, что писалось по данному вопросу историками раньше, представ в выгодном образе «первооткрывателя» столь важных обстоятельств, доселе никем не замеченных. Приходится констатировать, что современный этап

историографии отмечен появлением необоснованных, ложных, псевдонаучных предположений, «открытий» и «версий».

Подводя итог, следует заключить: современная ситуация, сложившаяся в историографии декабризма, заставляет вдумчивого добросовестного читателя задаться вопросом о необходимости критического отношения ко многим «новаторским» выводам и «гипотезам», которые в условиях освобожденного от идеологического диктата авторского творчества можно встретить в книгах и публикациях даже историков-специалистов, о важности сопоставления данных, представленных в различных исследованиях. Необходимо строго отделять факты и научно доказанные выводы от домыслов и необоснованных предположений, в особенности — от новейших «лингвистических поворотов», «пересмотров всей историографии вопроса», «коренных изменений существующих представлений о декабристах» и других сенсационных «открытий», «новых взглядов» и т. д., выдаваемых за масштабные и не очень научные новации и достижения.

¹ Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906–1907 гг. // Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 381–382; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

² Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906–1907 гг. С. 382.

³ Подробнее об этом: Ильин П. В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения // Декабристы. Актуальные направления исследований. Сб. ст. и мат-лов. СПб., 2014. С. 4–5.

⁴ Сандомирский Г. Предисловие // Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 6–7.

⁵ Подробнее об этом: Ильин П. В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня. С. 6–9.

⁶ Речь идет в основном о трудах В. В. Пугачева и С. С. Ланды, посвященных истории и идейному облику ранних декабристских обществ, в которых новаторски для советской историографии ставилась проблема взаимосвязи декабристов и либерального направления в общественном движении эпохи, а также вопрос о соотношении «дворянской революционности» и либеральной идеологии внутри декабризма.

⁷ Декабристские чтения / Под ред. Г. Д. Казьмирчука. Киев, 1988–1991. Вып. 1–5 (издание продолжается и в настоящее время); см. также: Декабристские чтения. Вып. 1. Гродно, 1990.

⁸ См.: Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в.: Итоги и задачи изучения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

⁹ Заступники свободы. Памятные чтения, посвященные 170-летию восстания декабристов. СПб., 1996. С. 23–31 (доклад Л. Б. Нарусовой «Нравственные уроки декабризма»). Критику этой позиции см.: Цамутали А. Н. Декабристы и освободительное движение в России: некоторые вопросы историографии // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 93–94.

¹⁰ См.: Империя и либералы. Сб. статей. СПб., 2001; 170 лет назад. Декабристские чтения 1995 года: Статьи и материалы. М., 1999. С. 3.

¹¹ Освободительное движение в России. Межвуз. науч. сб. Саратов, 1971–2013. Вып. 1–24; Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978–2009. Вып. 1–6.

- ¹² 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография / Под ред. П. В. Ильина. Вып. 1–7. СПб., 1997–2005. На страницах сборника публиковались работы о неизученных тайных обществах, расширялись и уточнялись представления о персональном составе декабристских союзов, вводились в оборот новые материалы об известных и «безвестных» участниках движения, междуцарствии и событиях 14 декабря 1825 г., судебном-следственном процессе по делу декабристов, ставились вопросы о пересмотре историографических концепций советского периода.
- ¹³ *Бокова В. М.* Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. Вып. 88. М., 1995. С. 5–14.
- ¹⁴ *Цамутали А. Н.* История декабристов: некоторые итоги и перспективы // Мера. 1996. № 1. Декабристский выпуск. СПб., 1996. С. 9.
- ¹⁵ Декабристы и их время. Труды Государственного исторического музея. Вып. 88. М., 1995; 170 лет назад. Декабристские чтения: статьи и материалы. Труды Государственного исторического музея. Вып. 105. М., 1999.
- ¹⁶ См. характерный образец поверхностного «сенсационного пересмотра» с переворачиванием оценок при сохранении общих базовых представлений, заложенных советской идеологией «революционного движения»: *Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В.* Белые пятна красного цвета: Декабристы. М., 2001. Кн. 1–2.
- ¹⁷ См. об этом: *Эрлих С. Е.* Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х — начало 2010-х гг. СПб., 2014.
- ¹⁸ См.: Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008; Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009; Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб., 2014; Историческая память России и декабристы. 1825–2015. СПб.; Иркутск, 2018.

УДК 94(47) «1825.12.14»

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00032

О. В. Эдельман

Разговор о декабристах

Декабристские исследования пережили пышный расцвет в 1970–1980-х гг. и затем, уже в постсоветское время, резко сократились в объеме, числе занятых этой темой ученых, количестве выходящих работ. Это вполне банальное наблюдение, прекрасно всем известно, но мне представляется, что некоторые следствия процветания и последующего «схлопывания» декабристведения заслуживают внимания.

Собственно, аналогичное падение интереса и затухание исследований произошло не только с декабристской, но и шире, со всей историко-революцион-

ной тематикой. Из сферы общественного и научного интереса практически ушли Герцен и Огарев, демократы-шестидесятники во главе с Чернышевским, история рабочего и крестьянского движения, марксисты и особенно их большевистская разновидность и пр. Несколько лучше обстоит дело с народовольцами, о которых писали в связи с актуальностью темы терроризма. На этом фоне судьба декабристovedения выглядит даже неплохо, ведь оно всё же выжило. Падение интереса понятно и объяснимо, историко-революционная тематика была слишком официозной, искусственно поддерживавшейся и насаждавшейся из идеологических соображений, испытывала сильное давление партийной догматики. Усталость от нее понятна, однако в данном случае она сыграла скверную шутку: не произошло очевидно назревшего пересмотра советских концепций. Особенно вопиюще это выглядит применительно к истории большевиков, самой искаженной и фальсифицированной. Вместо ее обновления внимание исследователей оказалось поглощено изучением не существовавшей ранее истории прочих политических партий и движений, действовавших в предреволюционной России. Теперь об эсерах, меньшевиках, октябристах, русских националистах мы знаем значительно лучше, между тем как желающих выяснить, что представляли собой большевики, не обнаружит практически ничего, кроме большевистской же историко-партийной литературы.

На этом фоне, повторяюсь, судьба декабристских исследований выглядит неплохо. Более того, оглядываясь на сложившуюся за советское время солидную историографию, следует отметить, что она не столь сильно нуждается в переоценке. Да, работы таких выдающихся авторов, как М. В. Нечкина, несут отпечаток своей эпохи, с ними можно спорить, но их ни в коем случае невозможно отнести к числу идеологизированных фальсификаций. Как ни удивительно для в целом идеологически значимого раздела науки, во все времена появлялись декабристские исследования, не то чтобы шедшие вразрез с господствующей линией, но существовавшие помимо нее, мудро и аккуратно выражавшие взвешенное, обоснованное мнение автора. Трудно счесть устаревшими работы С. Н. Чернова, Б. Е. Сыроечковского, М. К. Азадовского, Н. Я. Эйдельмана, не говоря уже о Ю. М. Лотмане. (Не случайно, наверное, громко заявленные претензии на создание принципиально новой и «деидеологизированной» истории декабристов оборачивались явным научным провалом.) Более того, декабристovedение наряду с пушкинистикой можно, пожалуй, считать той областью, где создавалась и отрабатывалась методика исторических и филологических исследований, которая по прошествии времени выглядит классической и во многом образцовой — приемы критики источников, археографии, текстологии, широкого архивного поиска и детальной фактографии.

Это фундаментальное научное наследие притом вовсе не перекрывает перспективы дальнейших исследований, нелепо звучат легкомысленные заявления, будто «всё изучено». Всякая новая эпоха ставит свои вопросы, смотрит на вещи иначе, актуализирует другие стороны изучаемого явления. Заметна

трансформация современного исследовательского взгляда на декабристов. Поясню свою мысль следующим примером. Для историков 1920-х гг. важно было доказать «революционный», а не «либеральный» характер декабристского движения, собственно даже определением «движение декабристов» они избегали пользоваться, предпочитая говорить о «восстании декабристов». Акцент на восстании, планах восстания, даже «бунте декабристов» имел понятных внешних по отношению к науке адресатов в лице партийной власти, готовой разрешать и поощрять разработку истории революционеров, но отнюдь не «классово чуждых» дворян-либералов, к тому же царских офицеров. Вместе с тем, перечитывая созданные в те годы работы (которые мы не случайно до сих пор цитируем), я не могу считать такой подход лишь авторским лукавством, игрой с властью в поддавки. Ученые той эпохи своими глазами наблюдали вооруженные восстания, революции, гражданскую войну, — разве должна была им казаться надуманной, преувеличенной готовность декабристов к выступлению? Иное дело мы, обитатели времен значительно более упорядоченных, когда даже самые радикальные бунтари замахиваются не более чем на несанкционированный митинг или мелкую драку с полицейскими, а идея взяться за оружие представляется баснословной и фантастической, уделом немногих отверженных маргиналов? Естественно, что термин «восстание декабристов» давно уже сменился на «движение декабристов», а реальная их готовность к восстанию ставится исследователями под серьезное сомнение, прочитывается как специфическая для их эпохи форма речи. Сможет ли кто-то полностью исключить, отрешиться от свойственной своему времени «позиции наблюдателя» и окончательно, раз и навсегда прийти в этом вопросе к последней, объективной истине? Вряд ли. А вот поиск собственного ответа на подобные вопросы будет вновь и вновь актуален для новых поколений историков и читателей.

Современные декабристские исследования спокойно развиваются в собственной логике. Да, хотелось бы видеть большее количество работающих в этой области ученых, более интенсивно выходящие труды, — и как раз это ощущение недостаточности сделанного тоже показывает, что возможности развития темы далеко не исчерпаны. Появляются всё новые статьи, несмотря на уже введенный в оборот огромный корпус источников, выявляются и публикуются неизвестные ранее документы. Выходят книги, переосмысляющие место декабризма в интеллектуальном ландшафте своего времени (как книга С. В. Мироненко «Александр I и декабристы»¹) или представляющие обновленный взгляд на сами тайные общества как социальное явление (В. М. Бокова «Эпоха тайных обществ»²), появился и новый солидный обобщающий труд (Т. В. Андреева³).

По-моему, можно говорить о том, что в постсоветские годы исследователи уделяли недостаточно внимания идейной стороне движения декабристов, конституционным проектам, политической и общественной мысли. А именно эти вопросы находились под наибольшим давлением в советское время и более

других нуждаются в свежем прочтении. Вместе с тем, подозреваю, что как раз этот аспект может стать новой «точкой входа» для пробуждения современного читательского интереса к декабристам. Чего они хотели, что критиковали в государственном быте России, сколь много в их движении было нравственного пафоса, какое место они занимают в интеллектуальной истории нашей страны — всё это, кажется, вопросы, которые давно пора обсуждать на современном языке с широкой аудиторией, которая к этому разговору готова и даже ждет его. Мы же пока можем предложить публике только давние труды, написанные в рамках советской марксистской парадигмы, совсем не соответствующей современному интеллектуальному запросу.

Применительно к читательской аудитории, чуть более широкой, нежели собственно специалисты по истории декабризма, сейчас сложилась вообще причудливая ситуация. Нормальная логика научной разработки столь уже фундаментально изученной темы предполагает выбор исследователем всё более узких, специальных аспектов, смысл которых для неспециалистов даже из числа гуманитарных ученых уже неочевиден. Стороннему читателю становится сложно понять, зачем писать статью о каком-то эпизоде из биографии малоизвестного ему персонажа, или уточнять подробности события, которое само по себе кажется ему не слишком значительным. Наряду с этим существует вопиющий дефицит более-менее обобщающих, доступных и интересных широкому читателю работ. Вопрос слушателя популярной лекции или редактора образовательного интернет-проекта о том, что можно почитать, какие 5–10 книг рекомендовать заинтересованному читателю, лично меня ставит в тупик. Что можно порекомендовать? Не предлагать же обратиться к двухтомному труду М. В. Нечкиной. Не уверена, что даже столь популярные и увлекательные в свое время книги Н. Я. Эйдельмана способны увлечь современного молодого человека и ответить на занимающие его вопросы. Поразмыслив, я обнаруживаю, что наличная литература или слишком специальна, или архаична, и к тому же по большей части написана тяжелым академическим языком, способным отпугнуть читателя. Представляется, следовательно, что главный на данный момент вызов для нашего научного направления состоит в необходимости исправить эту диспропорцию, подумать об изложении актуальных представлений сути и истории декабризма для более широкой читательской аудитории. Что ни в коем случае, конечно, не отменяет продолжения углубленных академических штудий.

¹ *Мироенко С. В.* Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016.

² Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003.

³ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009.

УДК 930.1

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00033

С. Е. Эрлих

Декабристы. История мифа

1. Почему западные слависты игнорируют героев 14 декабря?

Тема декабристов была популярна еще до большевистской революции и сверхпопулярна в советское время. Список литературы о «дворянских революционерах» составил четыре объемистых библиографических указателя, включивших почти 20 тыс. научных, публицистических и беллетристических публикаций. Это был самый популярный сюжет дореволюционной русской истории. Советские историки писали о декабристах больше, чем о реформах Петра I, Екатерины II и Александра II, больше чем о Северной войне 1700–1721 гг., Отечественной войне 1812 г. и Великой войне 1914–1918 гг.

На этом публикационном фоне зарубежная историография выглядит парадоксально. В годы «Холодной войны» на Западе, прежде всего в США, значительные средства вкладывались в изучение языка, культуры и истории вероятного противника. Была создана обширная историческая литература о России. В ее составе мы с трудом найдем 20 публикаций о декабристах.

Чем вызвана эта тысячекратная диспропорция? Объясняется она тем, что западные исследователи не подвержены кодам русской культуры. Они смотрят на нашу историю рационально и видят то, что не замечаем мы, а именно — что историческое значение деятельности декабристов в сравнении, скажем, с петровской модернизацией и великими реформами середины XIX в., ничтожно.

2. Рядовое событие как великий миф

Подавленные в одночасье восстания на Севере и Юге если и повлияли на современную декабристам общественную ситуацию, то исключительно в виде ужесточения так называемой «николаевской реакции». Да, каторжники «сибирских руд» внесли большой вклад в просвещение Сибири, да, Николай Павлович повелел выписать из их следственных дел предложения о необходимых государственных преобразованиях и неоднократно консультировался с этим сводом «благоразумных советов из крепости». Но этого недостаточно, чтобы считать деятельность декабристов великим событием русской истории. Отечественные исследователи ощущают, что материала для изображения великих деяний не хватает и постоянно сбиваются на *альтернативную историю*, додумывая, что, согласно смутным свидетельствам, собирались сделать романтические юноши и, даже, что им следовало сделать, чтобы «их дело не пропало».

Феномен декабристов объясняется тем, что прошлое дано нам не только в виде не только рациональной истории, но и эмоционального мифа. Существует «бытовое» представление, что миф — это ложь, выдумка. В действительности это не так. Миф, согласно определению выдающегося религиоведа Мирчи Элиаде, — это священный образец деятельности. Если «история — это политика, обращенная в прошлое», то миф — это политика, устремленная в будущее. Незначительные исторические события способны порождать великие мифологические явления. В их числе — казнь скромного учителя в четырнадцатый день «весеннего месяца нисана». Это столь рядовое в тогдашней Палестине событие, что современники даже не занесли его в анналы, послужило основой величайшего мифа об искупительной жертве Сына Человеческого. Миф 14-го нисана стал одним из образцов для мифа 14-го декабря. Декабристы — это коллективный Христос русской интеллигенции.

3. Царский пиар

Каким образом рядовое историческое событие породило великий миф декабристов?

Для ответа следует углубиться в средневековое прошлое. Московские князья с давних пор стремились отождествить себя с Георгием Победоносцем. При собирателе русских земель Иване III (княжил с 1462 по 1505 г.) святой рыцарь, пронзающий змия, был помещен в центр герба Московского государства. О том, что это был не только символ государства, но в первую очередь олицетворение его правителя, свидетельствуют перемены изображения на московских деньгах. На монетах, выпущенных в годы правления (1505–1533) Василия Ивановича, согласно свидетельству современника, изображен «князь велики на коне», который сражается со змием, «имея меч в руке» (отсюда — «сабляница»). При его сыне Иване Васильевиче Грозном (1533–1584) произошло нумизматиче-

ское перевооружение коронованного всадника. Теперь «князь велики», в соответствии с иконописной традицией изображения святого рыцаря Георгия, поражает змия «имея копьё в руке» (отсюда — «копейка»).

Успешный пиар власти привел к тому, что в сознании русских людей верховный правитель отождествлялся со святым рыцарем, который защищает страну от чужеземного дракона. Все, кто выступали против государя внутри страны, считались «иностранными агентами» заморского гада (отсюда хрестоматийное — «англичанка гадит»). Противники власти были вынуждены прибегать к самозванству, т.е. распускать, подобно герою фильма «Иван Васильевич меняет профессию», слухи, что «царь ненастоящий» и объявлять себя либо истинным царем (Лжедмитрии и Пугачев), либо его воеводой (Болотников и Разин).

Даже декабристы, проникнутые «прогрессивными» европейскими идеями, были вынуждены выводить солдат на Сенатскую площадь под предлогом верности присяге, данной «истинному императору» Константину Павловичу. На Юге Сергей Муравьев-Апостол попытался действовать без «царистского прикрытия», апеллируя к библейским максимам о праве народа на восстание против неправого царя. Как только до солдат дошло, что подполковник наш не слуга царю, он тут же перестал быть отцом солдатам. Дисциплина была утрачена и «военная революция», о которой столько говорили декабристы, обернулась погромом помещичьих имений и еврейских местечек, оказавшихся на пути Черниговского полка. Решение боевого офицера Муравьева вести свое пьяное войско по открытому полю прямо на царские пушки, скорее всего, было продиктовано стремлением поскорее покончить с кошмаром восстания «без царя в голове».

4. Творение декабристского мифа

Память о декабристах могла бы затеряться в архивах среди следственных дел других неудачников русской истории, если бы царские пушки не разбудили впечатлительного подростка Герцена, который стал не только лучшим, по мнению Льва Толстого, стилистом русской литературы, но и гениальным, говоря современным языком, политтехнологом. Он избавил новых революционеров от необходимости прибегать к самозванству.

Для этого конструкция царской пропаганды была перевернута. Бунтовщики-декабристы были возведены в сан святых рыцарей, «богатырей, кованных из чистой стали». Их царственный противник император Николай был «пресуществлен» в inferнальное чудовище. Герценовские декабристы — это не только Победоносец. Они, подобно Христу, выходят «на явную гибель», жертвуют собой, чтобы искупить грехи дворянства перед крепостными крестьянами. Поражение людей 14 декабря возвещает грядущую победу Просвещения над силами тьмы.

5. Икона и портрет

Реальные декабристы не слишком похожи на иконописные лики декабристского мифа. Нынешние противники мятежников Сенатской площади любят демонстрировать, что между словом и делом герценовских «богатырей» пролегла «дистанция огромного размера».

Из школьных учебников мы помним, что декабристы хотели освободить крестьян и дать им землю, о чем недвусмысленно утверждается и в Конституции Никиты Муравьева, и в «Русской правде» Павла Пестеля. Гораздо менее известно, что дворянские революционеры имели легальную возможность показать другим помещикам пример бескорыстия и отпустить своих крестьян на свободу с землей в соответствии с положениями «Указа о вольных хлебопашцах» (1803 г.). Благодаря указу, 47 тыс. помещичьих крестьян получили свободу и землю в царствование Александра I, но крепостных «душ», принадлежавших декабристам, в их числе не оказалось. В советское время много писали, что «царизм» не позволил декабристу Якушкину отпустить крестьян на свободу. Но забывали добавить, что он собирался освобождать своих рабов без земли, чтобы те обрабатывали якушкинские нивы в качестве наемных работников. Власти же страшились «язвы пролетариатства» и требовали освобождать с источником пропитания — землей, поэтому разрешения Якушкину на безземельное освобождение не дали.

Другой общей целью декабристов было ограничение верховной власти законами, предусматривающими неприкосновенность личности и собственности. Однако декабрист Пестель понимал ограничение произвола правящего лица очень своеобразно. Вот что предлагается в «Русской правде» для решения «кавказского вопроса»: «Разделить все Сии Кавказские Народы на два разряда: Мирные и Буйные. <...> Вторых Силою переселить во внутренность России раздробив их малыми количествами по всем русским Волостям и завезти в Кавказской Земле Русския селения и сим русским переселенцам роздать все Земли отнятыя у прежних буйных жителей дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей». Мы видим, что борец с русским абсолютизмом предвосхищает этнические депортации, осуществленные другим пламенным революционером — Сталиным. Жестоковейшие сыны Израиля также были причислены Пестелем к неблагонадежным. Предполагалось вначале созвать «ученейших рабинов и умнейших Евреев» и объяснить им, что если будут вести себя хорошо, тогда «Россия не выгоняет Евреев». А если не послушаются, то следует, при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах, оказать содействие «Евреям к Учреждению особеннаго отдельнаго Государства, в какой либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить Сборный пункт для Еврейскаго Народа и дать несколько войска им в подкрепление». И в этом случае предвосхищается политика товарища Сталина, который внутри страны разоблачал злонамеренных «сионистов» и «космополитов» (советские эвфемизмы пейоратива «жид»), а на внешней арене

не только содействовал провозглашению государства Израиль, но и направлял профессионалов для укрепления израильской армии, чтобы «англичанке нагадить». В бумагах Пестеля сохранился еще один примечательный документ — «Образование Государственного приказа благочиния», в котором присутствуют настолько «странные сближения» с устройством сталинской тайной полиции, что в советское время его не публиковали. В этом документе борец с незаконным самодержавием рассуждает о том, что преступники с законами не сообразуются, из-за этого невозможно эффективно бороться с ними, оставаясь в рамках закона. Поэтому «Государственное Благочиние <...> обретается в случаях законами не предвиденных и не определенных».

Можно сказать, что Пестель был предтечей революционных «бесов» вроде таких изуверов, как Нечаев, Ленин и Сталин. И те «альтернативщики», которые утверждают, что в случае победы декабристов Россия извела бы все прелести гражданской войны и террора не в 1917, а в 1825 г., имеют основания для подобных утверждений. Вместе с тем многие исследователи считают, что радикализм Пестеля не имел шансов на успех и восторжествовали бы умеренные приверженцы Конституции Муравьева. Если бы история пошла «муравьевским» путем, то феодальная Россия стала бы развиваться в буржуазном европейском «тренде», инициированном Великой Французской революцией, и имела бы шансы стать «нормальной страной». Но история не знает сослагательного наклонения.

6. Основной миф интеллигенции

Декабристский миф стал основой идентичности нарождавшегося в середине XIX в. слоя «новых людей», вошедших в историю под именем «интеллигенции». Жертвенная борьба с «гидрой царизма» ради счастья простого народа стала главной задачей мыслящего сословия пореформенной России.

Принято считать, что искупительная жертва декабристов стала примером только для революционеров. Это не так. В конце XIX — начале XX в. множество молодых людей вдохновлялись идеей долга перед народом и «шли в народ» работать учителями, врачами, земскими статистиками и т. д. Их самоотверженная деятельность приносила ощутимые результаты.

Можно вспомнить знаменитое издательство «Посредник», которое издавало книги для народа огромными тиражами. Лучшие писатели того времени бесплатно предоставляли свои произведения. Многолетний директор издательства И. И. Горбунов-Посадов прилагал все силы, чтобы издания обходились как можно дешевле и благодаря этому были доступны рабочим и крестьянам. При этом семья Горбунова, как бы сейчас сказали, топ-менеджера успешного коммерческого предприятия, жила на грани пристойной бедности. Его сын вспоминал, как они с матерью ходили в знаменитый гастроном Елисеева и покупали фрукты с подгнившим бочком, поскольку цена на них падала в несколько раз.

Такой была истинная русская интеллигенция. Писатель Боборыкин утверждал, что придумал слово «интеллигенция», т. е. дал имя новому социальному слою. Но истинным отцом интеллигенции, несомненно, является Герцен — конструктор декабристского мифа самопожертвования ради народа.

7. Декабрь в Октябре

Исследователь и поэт Андрей Чернов как-то сказал, что историческая аналогия — это политическая технология. Аналогия с декабристами — это метафора мятежа русской истории, которая сработала как идейный таран дважды — в 1917 и в 1991 гг.

Советские школьники заучивали наизусть пассаж из ленинской статьи «Памяти Герцена» (1912 г.) о декабристах, разбудивших Герцена, о трех поколениях русских революционеров. Но Ленин был не одинок, возводя генеалогию своей партии к людям 14 декабря. Вся тогдашняя оппозиция царю — от анархистов до кадетов — вдохновлялась подвигом декабристов и считала их своими духовными предками. Поклонником декабристов был земляк и знакомец Ленина — Керенский. После февраля 1917 г. он заказал писателю Мережковскому брошюру о декабристах. Брошюра под названием «Первенцы свободы» с посвящением «Продолжателю дела декабристов Александру Федоровичу Керенскому» была отпечатана большим тиражом и распространялась на фронте. Таким способом сообщая солдатам, что офицеры-декабристы были за простой народ, Временное правительство пыталось сохранить дисциплину в армии. Битва за декабристское первородство продолжалась и после Октября. В декабре 1925 г. эмигранты собрались по случаю столетнего юбилея 14 декабря в Праге и в Париже. Выступавшие не просто вспоминали декабристов, но доказывали, что в отличие от узурпаторов-большевиков, именно эмигранты являются истинными наследниками духа свободы, родившегося сто лет назад на Сенатской площади.

8. Декабрь в Августе

Красные фараоны, засевающие в Кремле, пытались «разминировать» декабристскую метафору мятежа. Декабристам придали скромный статус классово ограниченных дворянских революционеров. Этим прекраснородным недотепам не хватило ума для понимания ведущей роли рабочего класса. Когда накануне войны Сталин совершил «патриотический поворот», который усугубился в годы «борьбы с низкопоклонством перед Западом», декабристы предстали в облике не столько революционных мятежников, сколько страстных патриотов, героев Отечественной войны 1812 г. Сегодня забавно читать классический труд академика Нечкиной «Движение декабристов», где доказывается, что декабристы, часть из которых лучше владела разговорным французским, чем

родным языком, а писать по-русски вообще не умела, не испытали никакого влияния западных идей.

Начиная с шестидесятых годов прошлого века официальный советский облик декабристов — верноподданных патриотов, предков большевиков — контрабандой стал наполняться подрывными смыслами. В произведениях Галича, Лебедева, Окуджавы, Эйдельмана и многих других дворянские революционеры выступали alter ego советской интеллигенции, а Николай Палкин и его жандармы — аллюзией брежневского Политбюро и андроповского КГБ. Считается, что «Петербургский романс» Галича с его призывным вопрошанием: «Смеешь выйти на площадь», — был написан по горячим следам демонстрации 25 августа 1968 г., когда «семеро смелых» вышли на Красную площадь в знак протеста против советского вторжения в Чехословакию. На самом деле романс был написан до демонстрации и ряд ее участников вдохновлялись им, разворачивая на площади лозунг «За вашу и нашу свободу», который мятежные поляки впервые провозгласили в 1830 г. на манифестации памяти декабристов. Когда в августе 1991 г. тысячи людей вышли на защиту Белого дома, многие из них про себя повторяли строки: «Оковы тяжкие падут...» — из пушкинского послания декабристам. Метафора мятежа сработала во второй раз.

9. Смерть мифа

После 1991 г. память о декабристах погрузилась в анабиоз. Риторический ход Хасбулатова, призвавшего в октябре 1993 г. офицеров, лояльных режиму Ельцина, вспомнить славную традицию офицеров-декабристов и повернуть оружие против эксплуататоров трудового народа, не имел успеха. Декабристская метафора периодически вспоминалась в ходе путинского закручивания гаек. Тогда в СМИ замелькали «декабристы» гусинского НТВ (2001 г.), «декабрист Ходорковский» (2003 г.), «декабристы-лимоновцы» (2004 г.), «несогласные декабристы» (2006 г.), «белоленточные декабристы» (2011 г.) и т. д. Политтехнологи из Администрации президента всполошились и занялись ретро-дискредитацией мятежников 14 декабря. Нарочницкая, Мединский и Стариков возглавили антидекабристский спецназ Кремля, который во всех видах СМИ марает декабристов экскрементами, смешанными с элементарными фактическими ошибками.

В действительности тревога была мнимой. Настойчивые декабристские «вбросы» журналистов не получили заметного отклика в интеллигентных массах. Причина банальна — интеллигенция, воспитанная на декабристском примере «долга перед народом», умерла. Современные постинтеллигенты считают, что неблагодарный народ не заслуживал жертв, принесенных интеллигенцией. По их мнению, самопожертвование мыслящего сословия ради свержения царизма привело к сталинскому террору против интеллигенции. Активное участие интеллигенции в демонтаже диктатуры КПСС вызвало к жизни монстра

компрадорского капитализма, безразличного к науке, образованию, здравоохранению и культуре — традиционным сферам приложения интеллигентных сил. Следование примеру декабристов оказалось губительным для интеллигенции. Поэтому, считают нынешние профессеры и журналисты, хватит жертвовать собой, пора пожить для себя.

10. Сдача и гибель пост-интеллигенции

Этот современного образованного сословия ничем не отличается от ценностей мелкой буржуазии, прежде презираемого интеллигентами «мещанства». Посмотрите, что доценты, профессеры и академики «постят» в социальных сетях: «Я — в Париже» (в подтверждение «себяшки» на фоне Эйфелевой башни), «Уютный итальянский ресторанчик» (с фотопортретами еды), «NN перемещается из аэропорта Шереметьево в аэропорт Хитроу» (схема перелета прилагается). Эти и другие символы престижного потребления выставляются на фейсбучной ярмарке тщеславия. Уподобляясь дикарю, счастливо потрясающему «импортными» бусами, нынешний профессор в запале самодовольства забывает, что ему прилично репрезентировать себя прежде всего как автора идей, воплощенных в лекциях, докладах, статьях, книгах.

Этот навязчивый престижно-потребительский эксгибиционизм является тревожным симптомом деморализации образованного слоя. Профессура бескомпромиссно критикует в социальных сетях Путина, но ни в коем случае не своего ректора, который, в отличие от Путина, может прислушаться к критическим замечаниям. Более того, ученые мужи не находят сил отказаться от хамских предложений вузовского начальства, напрямую затрагивающих материальные интересы преподавателей. Так, они практически поголовно «согласились» перейти на одногодичные трудовые контракты. Теперь можно избавиться от академических «декабристов», просто не продлевая контракт. Недавно многие ученые помогли президенту РФ выполнить его «майские указы» по повышению зарплаты научных работников, покорно подписав заявления о переводе на половину и даже четверть ставки. Если даже наш образованный слой не в силах объединиться, чтобы отстаивать свои корпоративные интересы, то как мы можем надеяться на упрочение демократических институтов и процедур в российском обществе в целом?

11. История без мифа мертва

История показывает, что успешно развиваются только те общества, где жертвенное меньшинство способно вдохновлять большинство на солидарные действия. Для этого необходимы вдохновляющие примеры вроде декабристского мифа Герцена. Я не уверен, что его можно возродить. Этого и не нужно, поскольку черно-белая конструкция: святые рыцари против inferнального

чудовища — не допускает компромиссов и толкает общество к «великим потрясениям». Сегодня необходимы иные, невоинственные образцы самопожертвования. Не знаю появится ли новый Герцен, способный предложить образованному слою продуктивный миф общественного служения, но без вдохновляющей утопии, или, по-простому, мечты у нашего общества нет шансов на будущее.

УДК 94(470+571) «18»:35.08

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00034

В. А. Шкерин

«...Видно, тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей»: к вопросу о феномене «декабристов без декабря»

История движения декабристов прочитана в обратном порядке: от военных восстаний к зарождению тайных обществ. Во всяком случае, так обстояло дело в советский период, когда вышло в свет подавляющее большинство декабристоведческих публикаций. Для В. И. Ленина, а значит, и советской исторической науки, восстание на Сенатской площади было «основным по значению в движении декабристов»¹.

Десятилетняя деятельность тайных обществ рассматривалась как предыстория одного-двух революционных актов. В основание этой концепции легло «замечательное показание» (по характеристике академика М. В. Нечкиной) лидера Южного общества П. И. Пестеля: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и во всё свое продолжение не переставало никогда быть таковым. <...> И потому не было члена в Союзе, на которого бы Союз не надеялся именно для произведения Революции, содействия ее успехам или участия в ней»².

Осведомленность Пестеля сомнений не вызывает, но у него как у подследственного имелись причины для искажения истины. Пестель, по словам Ю. М. Лотмана, принял «единственным собеседником потомство... не обращая внимания на подслушивающий этот разговор Следственный комитет»³. Он верил, что еще недавно мог изменить ход российской истории, теперь же ему выпало стать страдальцем за святое дело. Его показания — это его «житие»: в соответствии с канонами этого древнего жанра, истина не в том, что было, но в том, что должно быть. Так, по версии О. И. Киянской, именно Пестель выделял из сонма тайных обществ России первой четверти XIX в. ставший потом хрестоматийным ряд: Союз спасения, Союз благоденствия, Северное и Южное общества, Общество соединенных славян: «И если бы Пестель состоял не в Союзе спасения, а, например, в Ордене русских рыцарей, то именно эта организация считалась бы первым декабристским тайным обществом»⁴.

Между тем, еще на рубеже XIX–XX вв. В. О. Ключевский, обосновывая закономерность феномена декабризма, сами восстания счел событием в значительной степени случайным: «Довольно трудно сказать, вышли бы общества, Северное и Южное, на улицу под революционным знаменем, если бы не одна несчастная случайность. Император Александр I был бездетен...»; «Сами участники говорили, что никогда не было бы 14 декабря, если бы генерал-губернатор Петербурга принял предупредительные меры или манифест о престолонаследии был заявлен заранее»⁵. Век спустя эта мысль была актуализирована статьей С. В. Мироненко «Восстания могло не быть» (2002 г.). Подтверждая, что «закономерность движения декабристов сомнения не вызывает», что тайные общества были порождены «объективными противоречиями российской действительности», историк, однако, пишет, что попытку военного переворота спровоцировало «исключительное стечение обстоятельств на исходе 1825 г.» и потому готов отнести ее «к числу исторических случайностей»⁶.

Но, не случись восстаний, осталось бы движение декабристов в российской истории? «Мы бы имели те же самые факты: существовали тайные общества, Пестель написал “Русскую правду”, Никита Муравьев — Конституцию, были споры о формах правления и т. д., — отвечает на этот вопрос В. С. Парсамов. — В общем, всё было бы так, как и было, только не было бы терминов “декабрист” и “движение декабристов”»⁷. Высказав этот тезис во введении, автор соответственно выстраивает весь нижеследующий текст своей книги: там нет мятежного каре на Сенатской площади, зато есть декабристы как «мыслящие люди» первой четверти XIX в.

В подборе и воспитании этих «мыслящих людей», в единении их на основе либеральных ценностей состояло, возможно, важнейшее значение декабристских обществ. Исчезли ли все эти люди после трагического декабря 1825 г.? «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденною 17-го декабря 1825-го года следственной комиссией» содержит 579 имен (включая

более 40 участников восстаний, в обществах не состоявших). Половину из них (289 человек) составили те, чья вина была сочтена в различной степени доказанной. В их числе, помимо казненных, сосланных и разжалованных, 124 человека, переведенных в иные места службы и отданных под полицейский надзор, т. е. наказанных менее строго и сохранивших возможность продолжения карьеры. Лица, зачисленные во вторую половину (290 человек), были признаны чистыми от всяких подозрений. В их числе 34 человека, подвергшихся арестам и освобожденных «с очистительными аттестатами», и 120 человек, сведения о которых были оставлены «без внимания». «Очень многие из привлеченных и прикосновенных закончили свое поприще на высших ступенях служебной лестницы, пользуясь полным, по-видимому, доверием императора Николая Павловича и его преемника», — отмечали Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс, осуществившие первую публикацию «Алфавита» в 1925 г.⁸

Вышесказанное позволяет, на наш взгляд, ставить вопрос о месте и роли в российской истории XIX в. такого типа государственного, политического, общественного и культурного деятеля, как «декабрист без декабря»⁹. Он — представитель не революционного, но либерально-реформаторского крыла движения декабристов (при всей условности такого деления). Его идеалы и программа действий в общих чертах заданы уставом Союза благоденствия: правительство «должно иметь целью (ежели оно справедливо) *благо управляемых*», а тайное общество «в святую обязанность себе вменяет <...> споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена»¹⁰. Его участие в движении, как правило, ограничено ранним периодом — до 1821 г., пока сохранялась возможность для «некоего подобия конструктивной оппозиции»¹¹. По мере угасания надежд на правительственные реформы в тайных обществах усиливались революционные настроения, и эти люди покидали их ряды.

Окончательное разделение на «первых русских революционеров» и «декабристов без декабря» если и произошло, то даже не на Сенатской площади и не в заснеженных украинских степях, а в Комендантском доме Петропавловской крепости (где проводились допросы и где был оглашен приговор) и в кабинетах Николая I. В монографии П. В. Ильина (2004 г.) на многих примерах показано, что приговоры не всегда адекватно отражали вину подсудимых. Удачная стратегия защиты, родственные связи или влиятельные знакомства, наконец, личное расположение императора могли избавить от заслуженной кары и более «прикосновенных». «Что же касается нескольких лиц, которых он простил, как то: молодого Витгенштейна, Суворова, Лопухина, Шипова и Орлова, — комментировал милости монарха декабрист Н. В. Басаргин, — то тут действовала политика...»¹² Похожий список прощенных приводил Д. И. Завалишин, обобщая: «Ни в арестах, ни в присуждении наказаний или освобождении от них не было справедливости...»¹³

Но не обида на несправедливость приговоров определяла отношение репрессированных декабристов к своим делавшим карьеры товарищам. Формируясь в одной среде с высшей бюрократией, декабристы не видели непреодолимой дистанции между собой и представителями власти. Карьерные успехи «декабристов без декабря» воспринимались «первыми русскими революционерами» не только без осуждения, но и с гордостью сопричастности.

«Пора прозреть и отказаться от несправедливых предубеждений — против этих людей будущего, — писал М. С. Лунин в 1840 г. — Как все поля выигранных сражений обогрены их кровью, так и во всех разумных действиях власти мы находим влияние их идей»¹⁴. Князь С. П. Трубецкой иронизировал: «...видно, тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей, когда многие из бывших его членов продолжали занимать <...> высокие должности; даже в числе их есть и такие, которые вытерпели некоторые кары. Назовем только малое число таких лиц, которые занимали немаловажные места. Вольховский был после начальником штаба Грузинского отдельного корпуса; Бурцов — генерал-майором и убит за Кавказом в войну с турками. Граббе и Гурко ген[ерал]-адъютанты и командовали на Кавказе дивизиями, и последний был у гр[афа] Воронцова начальником штаба; Николай Муравьев командовал корпусом; брат его Михайла — сенатор; князь Горчаков — начальник штаба у князя Варшавского в действующей армии; кн[язь] Долгоруков, Илья Бибииков при в[еликом] к[нязе] Михаиле Павловиче; Колошин — начальником департамента какого-то министерства; Кавелин, Годаин оставались адъютантами у государя, и первый теперь петербургским генерал-губернатором; Панютин, Хотяинцев, Набоков командуют дивизиями; князь Лопухин оставался дивизионным командиром; Перовский — министр внутренних дел. Литке — наставник в[еликого] к[нязя] Константина Николаевича»¹⁵. Подобным же образом рассуждал барон А. Е. Розен: «В защиту нравственных достоинств членов тайного общества достаточно будет заметить, что император Николай I <...> признал полезным не отвергать услуг бывших членов тайного общества, ни осужденных, ни помилованных или безусловно прощенных до приговора суда. Из них назначил он трех министрами, четырех — генерал-губернаторами в Петербург, в Ригу, в Вильно, в Киев. Из числа членов тайного общества имел он отличного корпусного командира, трех передовых действователей в турецкоперсидской войне, дежурного генерала, начальника собственной своей канцелярии III Отделения. Воспитание в военно-учебных заведениях большинства юношей русского дворянства вверено надзору бывшего члена тайного общества Я. И. Ростовцева»¹⁶.

На политический аспект участия бывших членов тайных обществ в работе правительства Николая I указывал Д. И. Завалишин: «...не раз слышалось потом неправильное мнение, что будто бы либеральное движение, кончившееся 14-м декабря, не привело ни к каким результатам и даже будто бы дало результат отрицательный, напугав правительство. Как будто это было возможно! Уже

одна необходимость, в которую было поставлено правительство, доказать, что оно хочет и может сделать больше и лучше, заставляла его думать серьезно об улучшениях и о мерах к прекращению злоупотреблений... Всё это подтвердилось и первым манифестом, и последующими действиями — падением Аракчеева и военных поселений, ссылкой Магницкого и преобразованием ученья, участием в судьбе греков и принятием мер против злоупотреблений, учреждением жандармов и пр., т. е. старанием решить хоть на свой лад, но те же самые вопросы, которые были подняты и обществом. А как этим путем они никак не могли быть решены, то и пришлось волею или неволею обратиться к либеральным идеям и необходимости преобразований в либеральном смысле, что еще неизбежнее, чем многие из уцелевших членов общества достигли высших положений и не могли не внести в правительственную сферу своих прежних либеральных понятий»¹⁷.

Упреки декабристам, против которых возражал Завалишин, звучат и поныне: «Именно реакцией на радикализм декабристов стало консервативное царствование Николая I, реакцией на террор народовольцев — консервативное царствование императора Александра III»¹⁸; «Декабристы и революционеры-террористы не принесли пользы, они только испугали, разочаровали и “заморозили” реформы, которые учитывали бы реалии России и ее исторический опыт»¹⁹. Однако поворот к реакции произошел еще в последние годы правления Александра I (чем и была вызвана ответная радикализация тайных обществ), при Николае I произошло закрепление и усиление реакционно-охранительной тенденции. Так понимали причинно-следственные связи в политической истории России первой половины XIX в. многие научные авторитеты — от В. О. Ключевского до нынешних специалистов по указанному периоду²⁰. Декабристы в приведенных цитатах с ленинской прямоотой поставлены в один ряд с революционерами-террористами, а относительно рыхлое в организационном плане движение декабристов уравнивается с жестко централизованной боевой организацией «Народная воля». Но, повторимся, декабрист — не обязательно революционер, и как минимум половина известных участников таковыми не являлась.

Возможно, лучший пример «декабриста без декабря» представлял собой упомянутый Трубецким министр внутренних дел Лев Алексеевич Перовский. По словам того же информатора, Перовский присоединился к движению еще на этапе Союза спасения²¹. После распада Союза благоденствия участия в позднейших тайных обществах не принимал. В декабре 1825 г., уже оставив воинскую службу, находился в Италии (о чем сожалел тот же несостоявшийся диктатор Трубецкой²²). Спешно вернувшись на родину, подал в собственные руки императора записку, в которой сознался в былой принадлежности к обществу, у которого «намерение было подготовить умы к принятию конституции и побудить, насколько это будет возможно, помещиков предоставить свободу своим крепостным» и вообще «заняться распространением либеральных идей»²³.

Участие в тайных обществах Льва Перовского, как и его брата Василия, высочайше повелено было оставить без внимания.

Служа с 1826 г. в удельном ведомстве и занимая посты вице-президента департамента и товарища министра, Л. А. Перовский провел реформу удельной деревни. Ключевыми моментами реформы стали: введение общественной запашки, образование продовольственных запасов и «хлебных капиталов», расходовавшихся на нужды общины, замена подушного оброка поземельным. «Попечительная» реформа Перовского была предложена Николаем I Секретному комитету 1835 г. в качестве образца «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» и оказала заметное влияние на последующую реформу государственной деревни П. Д. Киселёва. Предполагалось, что разработанные правовые нормы позже будут распространены на помещичью деревню. Став в 1841 г. министром внутренних дел, Перовский подал императору ряд проектов по ограничению крепостного права: о статусе дворовых людей (обсужден Секретным комитетом, издан закон 12 июня 1844 г.); «Об уничтожении крепостного состояния в России» (обсужден Секретным комитетом 1846 г., закреплены некоторые имущественные права крепостных)²⁴. В 1846–1848 гг. поддержку законодательным инициативам министра пытался организовать тульский губернатор Н. Н. Муравьев (будущий граф Амурский), опираясь на группу помещиков, в которую входил поднадзорный декабрист граф В. А. Бобринский²⁵.

Результативность антикрепостнических проектов Льва Перовского оказалась невелика, но в общественном мнении имена его и министра госимуществ Киселёва стали означать главных «действителей» против крепостного права. Так, после издания указа об обязанных крестьянах 1842 г. А. И. Тургенев писал В. А. Жуковскому из Парижа: «...сила божия в немощах совершается! т. е. в Льве Перовском, хотя уверяют, что главный подстрекатель — Киселёв. И брат (декабрист-эмигрант Н. И. Тургенев. — *В. III.*) ожил и в восхищении!»²⁶ В апреле же 1848 г. Ф. В. Булгарин сообщал управляющему III отделением Л. В. Дубельту: «В Москве появилась карикатура: идет тень Пугачёва, опираясь одною рукою на плечо Перовского, а другою на плечо Киселёва»²⁷.

Последнее донесение агента-литератора метило в болевую точку: Европу уже охватили революции, на фоне которых решать крепостной вопрос в России представлялось делом рискованным и несвоевременным. Тем паче, если инициативы исходили от бывшего члена тайных обществ. Действуя на опережение, в Особенной канцелярии МВД было сфабриковано дело петрашевцев. «Иван Петрович Липранди — главный автор всей истории», — утверждал штабс-капитан П. А. Кузьмин, арестованный по этому делу, но сумевший оправдаться²⁸. Фактически возглавлявший Особенную канцелярию И. П. Липранди сам в 1826 г. подвергался аресту по делу декабристов и также был отпущен с оправдательным аттестатом. В целом же, в качестве «авторов», следователей и судей к делу петрашевцев оказались причастны члены и предполагаемые члены

декабристских обществ: Л. А. и В. А. Перовские, И. П. Липранди, Л. В. Дубельт и Я. И. Ростовцев²⁹. Обезопасить себя и, возможно, не только себя Лев Перовский сумел, но потрясения 1848–1849 гг. остудили его реформаторский пыл. В 1852 г. он сменил пост министра внутренних дел на более спокойное кресло министра уделов. В оппозиционной среде не обошлось без слухов, что этот переход был вынужденным: «...и Перовский попал в либералы», — писал А. И. Герцену петрашевец В. А. Энгельсон³⁰.

Помимо крестьян в крепостной зависимости находились различные категории заводских работников. Заниматься регламентацией их прав и обязанностей выпало на долю бывшего члена Союза благоденствия Владимира Андреевича Глинки, служившего в 1837–1856 гг. главным начальником горных заводов хребта Уральского. В 1847 г. вступили в силу разработанные по его инициативе новые штаты казенных горных заводов Урала. Для каждого заводского округа и каждой категории работников были определены объемы работ и оплат, впервые был установлен единый срок службы мастеровых и работных людей (35 лет), оговорены их права на получение пенсионера в старости. Еще ранее, в 1841 г., генерал Глинка заявил императору о необходимости «ввести во всех частных горных заводах Уральского хребта те же самые насчет содержания людей положения, которые с такою пользою введены уже в заводах казенных»³¹. Не получив монаршего согласия в целом, он принялся решать проблему по частям: предлагал распространить действие штатов на казенных работников, приданных частным предприятиям; на те горнозаводские округа, хозяева которых плохо содержали рабочих; добивался передачи таких округов в опекуновское управление и казенный присмотр; секвестровал их продукцию, чтобы вернуть рабочим долги по заработной плате и т. д. Этим были вызваны многолетние конфликты Глинки с заводчиками, в частности с генералом И. О. Сухозанетом, пушки которого расстреляли мятежное каре на Сенатской площади³².

За два десятилетия уральской службы Глинки на казенных заводах края не произошло ни одного возмущения рабочих. В тот же период на частных заводах конфликты вспыхивали чуть ли не ежегодно. Главное требование при этом заключалось в распространении на частные заводы действия казенных штатов: «...пусть им дадут плату по 20 копеек за короб, только бы по штатам», «до объявления штатов они не разойдутся» и т. п. Общность требований главного начальника заводов и рабочих не означала поддержку с его стороны возникавших неповиновений. «Для обуздания своевольства заводских людей» генерал Глинка предлагал «судить их за все вины судом военным»³³.

И это была последовательная позиция: «русский бунт» декабристы воспринимали как величайшую опасность, предотвращение которой составляло одну из целей тайных обществ. «Должно было представить помещикам, что рано или поздно крестьяне будут свободны, что гораздо полезнее помещикам самим их освободить, потому что тогда они могут заключить с ними выгодные для себя

условия... — вспоминал С. П. Трубецкой. — С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство делается жертвою раздоров и может быть добычею честолюбцев; наконец может распасться на части и из одного сильного обратиться в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века»³⁴.

Крестьянские волнения 1830-х гг. явились традиционалистским ответом на реформу министра Перовского, «картофельные бунты» 1840-х гг. — на реформу министра Киселёва. К усмирению этих беспорядков приложили руки сановные «декабристы без декабря»: министр Л. А. Перовский, оренбургский военный губернатор В. А. Обручев, начальник заводов В. А. Глинка. Но и ссыльный В. И. Штейнгейль не без гордости вспоминал, как по просьбе сибирского губернатора составил «остерегающую прокламацию народным вразумительным языком и потом еще две кратких, но сильных»³⁵. Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский, столкнувшись в 1835 г. с нежеланием казаков заводить общественную запашку и делать хлебные запасы, письменным приказом объявил им, что «никто не испрашивал <...> согласия, а требовалось одно только исполнение»³⁶. Служа на высоких постах, бывшие члены тайных обществ теперь уже от имени государства заботились о «блага управляемых», привычно считая их неспособными к восприятию этого «блага». «Русский так напуган, так раболепен, что всякое изменение он толкует к худшему... — рассуждал вернувшийся из Сибири декабрист А. В. Поджио. — По весьма ли естественному свойству забитого раба или же по недоверию к каким бы то ни было улучшениям в его быте, дело в том, что причины эти, взятые вместе, всегда посяняли сопротивления, которыми крестьяне встречали всякое нововведение»³⁷.

Так на повестку дня вновь выдвигался вопрос народного просвещения. Перечисляя влиятельные должности, занятые членами тайных обществ, А. Е. Розен назвал по имени только одного из них — начальника штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева. Трехступенчатая система образования рабочих была создана на горнозаводском Урале за годы службы В. А. Глинки: 28 заводских школ, 6 окружных училищ (с 1847 г.) и первое среднетехническое учебное заведение края — Уральское горное училище (с 1853 г.). Во всех казенных горнозаводских округах также были открыты училища для «мастерских дочерей», хотя женский труд на заводах не применялся. Поочередное управление Оренбуржья В. А. Перовским и В. А. Обручевым в 1839–1857 гг., несмотря на их взаимную нелюбовь и противоборство, оставило в наследство краю Неплюевский кадетский корпус, училище земледелия и лесоводства, Николаевский женский институт и пр.

Если бы административная деятельность «декабристов без декабря» ограничилась правлением Николая I, то в лучшем случае поле ее возможностей простерлось от либеральных инициатив (как правило, сочтенных несвоевременными или неудобноисполнимыми) до событий, не предполагавших политической

маркировки. Однако сановники-долгожители из их числа еще в силе встретили эпоху царя-реформатора Александра II. Деятельными членами Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу стали: министр госимущества Михаил Николаевич Муравьев (Союз спасения и Союз благоденствия), министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской (Союз благоденствия) и член Госсовета Яков Иванович Ростовцев (Северное общество). В советской историографии «Муравьев-вешатель» (репутация, заслуженная им на посту генерал-губернатора мятежного Северо-Западного края) заодно характеризовался как «противник освобождения крестьян, противник либеральной бюрократии»³⁸. Ныне эта оценка поставлена под сомнение М. Д. Долбиловым, проанализировавшим разногласия Муравьева с другими членами крестьянского комитета и в первую очередь с Ростовцевым³⁹. Что, разумеется, не умаляет ключевой роли Ростовцева (главы комитета с мая 1858 г. и Редакционных комиссий с момента их создания в 1859 г. до своей кончины в феврале 1860 г.) в подготовке проекта «Положения о крестьянах», а следовательно, и самой отмены крепостного права.

Продолжившие государственную службу декабристы — сторонники либерально-реформаторского пути преобразований, обеспечили преемственность от программных установок Союза благоденствия до инициатив либеральной бюрократии николаевского правления и эпохи Великих реформ. «Политика есть медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером, — писал Макс Вебер. — Мысль, в общем-то, правильная, и весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному»⁴⁰. На невозможное покусились участники революционного действия в декабре 1825 г. Их уцелевшим и сделавшим карьеру товарищам выпало на долю постижение искусства политического компромисса, «медленное бурение твердых пластов» авторитарного режима и крепостничества.

¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 20.

² Там же. С. 192.

³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 355.

⁴ Киянская О. И. Пестель на следствии // Россия XXI. 2007. № 1. С. 196. Уходя от схемы пяти обществ и доводя их число до 13, современный декабристолог П. В. Ильин именно Орден русских рыцарей называет первой декабристской организацией (Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и необнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 596–597, 602). В более ранней работе, написанной совместно с В. А. Пушкиной, этот автор менее категоричен и относит Орден к числу обществ, которые «могут считаться декабристскими, поскольку были

- связаны с основной “линией” декабристской конспирации» (*Пушкина В. А., Ильин П. В.* Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826). Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Вып. II. СПб.; Кишинев, 2000. С. 15).
- ⁵ *Ключевский В. О.* Лекции по русской истории. СПб., 1902. Ч. 3. С. 407, 408.
- ⁶ *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. М., 2017. С. 366–367.
- ⁷ *Парсамов В. С.* Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М., 2016. С. 5.
- ⁸ *Декабристы: Биографический справочник.* М., 1988. С. 403, 406.
- ⁹ «Декабрист без декабря» — название известной статьи С. Н. Дурылина (Н. Кутанова), посвященной князю П. А. Вяземскому, который, как известно, в декабристских обществах не состоял (*Кутанов Н.* Декабрист без декабря // *Декабристы и их время.* Тр. Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1932. Т. II. С. 201–290). Однако в публикациях последнего времени этот термин всё чаще обозначает именно членов тайных обществ, проявивших себя сторонниками не революционного, но реформаторского пути преобразований (См.: *Шмидт С. О.* Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий // *Археографический ежегодник за 2000 год.* М., 2001. С. 20; *Лёвин С. В.* В. С. Норов — «декабрист без декабря» // *Известия Саратовского университета.* Новая сер. 2008. Т. 8. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 48–51; *Калашиков М. В.* Декабристы — либералы или революционеры? // *Карамзинский сборник.* «По чувствам останусь республиканцем...». Реформы и революции как способ мироустройства сквозь призму карамзинской эпохи. Ульяновск, 2018. С. 34 и др.).
- ¹⁰ *Законоположение Союза Благоденствия* // *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т.* М., 1951. Т. 1. С. 241–242.
- ¹¹ *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // *Очерки русской культуры XIX в.* Т. 4: Общественная мысль. М., 2003. С. 104.
- ¹² *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 84.
- ¹³ *Завалишин Д.* Воспоминания. М., 2003. С. 266.
- ¹⁴ *Лукин М. С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 140–141.
- ¹⁵ *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1825 гг. СПб., 2011. С. 81–82.
- ¹⁶ *Розен А. И.* Записки декабриста. СПб., 2007. С. 127.
- ¹⁷ *Завалишин Д.* Воспоминания. С. 187.
- ¹⁸ *Гаман-Голутвина О. В.* Соотношение политики и морали: российская версия // *Вестник Московского университета.* Сер. 12: Политические науки. 2005. № 4. С. 21.
- ¹⁹ Цит. по: *Эрлих С. Е.* Война мифов: Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб., 2016. С. 96.
- ²⁰ *Ключевский В. О.* Лекции по русской истории. С. 413–414; *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990; С. 72; *Высочков Л. В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 277–278 и др.
- ²¹ *Трубецкой С. П.* Записки. С. 52.
- ²² *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I. С. 81–82.
- ²³ *Восстание декабристов: Документы.* Т. XX / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2001. С. 457.
- ²⁴ *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 103–105.
- ²⁵ *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 106–107.
- ²⁶ *Тургенев А. И.* Политическая проза. М., 1989. С. 167.
- ²⁷ *Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение.* М., 1998. С. 563.
- ²⁸ *Кузьмин П. А.* Из записок // *Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге.* Л., 1984. С. 296.
- ²⁹ *Шкерин В. А.* Бывшие члены тайных обществ декабристов и дело петрашевцев // *Декабристы: Актуальные направления исследований: Сб. статей и мат-лов.* СПб., 2014. С. 79–112.

- ³⁰ *Энгельсон В.* Статьи, прокламации, письма. М., 1934. С. 147.
- ³¹ Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. документов и материалов. М., 1955. Т. 1. Ч. 2. С. 278. Здесь речь идет о штатах казенных горных заводов Урала, принятых в 1827–1829 гг. в качестве опыта на три года, но де-факто действовавших и позднее (*Лоранский А. М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России: 1700–1900. СПб., 1900. С. 143).
- ³² *Шкерин В. А.* Генерал Глинка: Личность и эпоха. Изд. 3-е, доп. Екатеринбург, 2008. С. 96–130.
- ³³ Рабочее движение в России в XIX веке. С. 279.
- ³⁴ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 219–220.
- ³⁵ *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. I. С. 139.
- ³⁶ *Вержбицкий В. Г.* Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 г.). М., 1964. С. 132–133.
- ³⁷ *Поджио А. В.* Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 132.
- ³⁸ *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 39.
- ³⁹ *Долбилов М. Д.* 1) Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2000. № 2. С. 15–36; 2) М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства крае // Там же. 2002. № 6. С. 67–90.
- ⁴⁰ *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 706.

УДК 94(47) «1825.12.14»

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00035

Я. А. Гордин

Новое декабристоведение — технология «разрушения мифов»

Декабристоведение — живая отрасль исторической науки. Закрепленный в свое время героически-благостный миф о «людях 14 декабря», участниках мятежа Черниговского полка и вообще обо всех причастных к тайным обществам совершенно закономерно подвергся пересмотру и существенной корректировке.

Вопрос в том, насколько профессиональна и справедлива эта корректировка. В 2005 г. вышло исследование О. И. Киянской «Южное общество декабристов, люди и события», предлагавшее обширный новый материал и наметки но-

вого подхода к событиям на юге России — прежде всего мятежу Черниговского полка.

Но понятное стремление к демифологизации и трезвому взгляду на деятельность и мотивации тех, кого мы называем декабристами, порой заводит исследовательницу слишком далеко. В частности, исследовательница предъявляет лидерам тайных обществ суровое обвинение: «Революция не лучший способ решения социальных и общественных проблем, революция — это боль, кровь и страдания миллионов людей. В этом смысле декабристы виноваты перед русской историей: именно они выпустили джинна из бутылки»¹. Или: «Декабристы стали родоначальниками революционной традиции в России, завершившейся печально знаменитым 1917 г.»². Это повторение известной ленинской идеи не кажется мне убедительным.

О. И. Киянская с уважением и пониманием относится к Трубецкому. В «Записках», объясняя мотивы свои и своих соратников, которые в период Союза благоденствия надеялись убедить помещиков освобождать крестьян, Трубецкой писал: «Если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно на освобождение, то крестьяне могут вырвать у них свободу, и тогда Отечество может стать на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которые никакое воображение представить себе не может, и государство делается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые»³. И далее: «Члены общества <...> всем сердцем и всею душою желали: поставить Россию в такое положение, которое упрочило бы благо государства и оградило его от переворотов, *подобных Французской революции, и которое, к несчастью, продолжает еще угрожать ей в будущности* (курсив мой. — Я. Г.)»⁴.

Мыслящие дворяне хорошо помнили урок пугачевщины. Об этом, собственно, и говорит Трубецкой. Декабристы отнюдь не провоцировали катаклизмы, подобные событиям 1917 г. Они предвидели их неизбежность при сохранении существующей системы и надеялись, реформируя ее, предотвратить катастрофу.

Ощущение близящихся потрясений преследовало Трубецкого. В дополнении к «Запискам», написанным, как и основной текст, в середине 1840-х гг., Трубецкой снова возвращается к тому же сюжету: «Тридцать лет протекло от начала французской революции. Ужасы ее, причины их, последствия, деспотизм Наполеона, порабощение народов были предметом внимания мыслящих людей. Подобные события, при сходных обстоятельствах, смогли повториться во всякой другой стране. Язва крепостного состояния крестьян располагает Россию к большим бедствиям в случае внутренних беспокойств (как был тому пример во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство»⁵.

Это сознавали и мыслящие люди следующих поколений.

Лев Николаевич Толстой в финале «Войны и мира» устами Пьера Безухова, в известном смысле своего *alter ego*, формулирует собственное понимание задач тайного общества, членом которого стал Пьер. В споре с Николаем Ростовым, недоумевающим — чего ради богач и аристократ граф Безухов вступил в какое-то тайное общество, Пьер отвечает: «Мы только для того, чтобы Пугачев не пришел зарезать и моих и твоих детей...»⁶

Переворот, задуманный лидерами Северного общества, не предполагал ни народных волнений, ни террора против своих политических противников, ни возбуждения социальной вражды. Даже радикал Пестель не предполагал участия восставших масс в создании новой политической системы.

Опыт, который русское общественное движение наследовало от декабристов, принципиально отличался от теории и практики и большевиков, и эсеров.

Что же касается традиционных обвинений, предъявляемых людям тайных обществ — нарушение присяги (присяги — кому?), замысел на цареубийство и т. д., то достаточно вспомнить, что Александр I, против которого они замыслили, и его соратники по перевороту 11 марта 1801 г. присягали убитому ими Павлу I. П. В. Голенищев-Кутузов, член Следственной комиссии, руководивший казнью государственных преступников, назначенный после 14 декабря военным генерал-губернатором Петербурга, был участником заговора против императора Павла и, соответственно, его убийства.

Один из вероятных убийц законного императора Петра III — Алексей Орлов сделал головокружительную карьеру...

Лидеры тайных обществ действовали в определенной политической традиции, но цели их принципиально отличались от целей их предшественников.

В книге «Южный бунт: восстание черниговского пехотного полка» О. И. Киянская предлагает и еще одно немаловажное соображение, способствующее дискредитации ее героев: «Если бы главной целью декабристов действительно было крестьянское освобождение, то для этого им было вовсе не обязательно, рискуя жизнью, организовывать политический заговор. Тем из них, кто владел крепостными душами, стоило только воспользоваться указом Александра I от 20 февраля 1803 года — указом о вольных хлебопашцах, и отпустить на волю собственных крестьян»⁷. Когда этим аргументом пользуются самодельные декабристоведаы — что случается часто, — это простительно. Но для серьезного историка подобная наивность удивительна.

Разумеется, декабристы думали об этом варианте. Н. И. Тургенев писал брату С. И. Тургеневу в 1818 г.: «Трубецкой сам хотел сделать опыт со своими крестьянами, но по сию пору ему не удалось»⁸. Тот же Трубецкой после процитированного текста о возможном восстании крепостных писал: «Члены общества были молодые люди, не имевшие еще собственных поместий. Они не могли дать пример своим согражданам освобождением собственных крестьян...»⁹ Но когда по прошествии нескольких лет — в канун событий 1825 г. — эти люди стали старше, это не облегчило решение проблемы.

Например, такие активные деятели Северного общества, как братья Бестужевы, чтобы освободить своих немногочисленных крестьян, должны были получить согласие матери, юридической владелицы имения, и сестер. Поскольку других средств к пропитанию у женщин не было, то маловероятно, чтобы братья предприняли подобную попытку.

Князь Сергей Григорьевич Волконский теоретически мог бы освободить несколько тысяч крепостных, но обширными имениями Волконских он владел не единолично. У него было двое братьев и сестра, не говоря уже о том, что решающее слово в имущественных делах принадлежало скорее всего его матери, обер-гофмейстерине Высочайшего двора княгине Александре Николаевне. Ему пришлось бы проводить сложную и мучительную процедуру выделения своего фрагмента состояния при безусловном сопротивлении семьи.

Таких примеров можно приводить сколько угодно.

Но главное не это. Декабристы видели жизненную задачу не в том, чтобы освободить несколько сотен или тысяч крестьян, а в том, *чтобы ликвидировать саму систему крепостного права.*

Достигнуть этого индивидуальными благородными поступками было невозможно.

Не понимать это — по меньшей мере странно. При том что во введении к «Южному бунту» исследовательница декларирует абсолютно здравую мысль: «Декабристы мыслили себя прежде всего политиками»¹⁰. Именно поэтому они не могли ограничиться частным благотворительством и вступили в смертельно опасную политическую игру. Политические программы, которые упорно разрабатывали лидеры тайных обществ, включали в себя широкий спектр преобразований. В том числе и прежде всего — крестьянскую реформу.

Эта, быть может, подсознательная тенденция к «снижению» провоцирует небезобидные фактические ошибки: «Известно, что Рылеев на площади не был»¹¹. И это не оговорка. Утверждение повторяется и еще раз: «В день восстания на площади не было ни Рылеева, ни Булатова»¹². Как же выглядит в наших глазах едва ли не главный организатор выступления, если он не счел нужным явиться на место главных событий?

Рылеев на площади был.

В широко известном источнике — воспоминаниях Н. А. Бестужева — читаем: «Когда я пришел на площадь с гвардейским экипажем, уже было поздно. Рылеев приветствовал меня первым целованием свободы»¹³.

Рылеев появился на площади вскоре после рот Московского полка и провел там около полутора часов. Осознав явную недостаточность сил восставших, он бросился в расположение Финляндского полка в надежде на выход финляндцев. Драматическую сцену возле казарм Финляндского полка, в которой участвовал Рылеев, видел и засвидетельствовал в официальной записке генерал Е. А. Головин¹⁴. Эта чрезвычайно значимая для понимания общей ситуации записка опубликована в моей книге «Мятеж реформаторов», на которую

исследовательница ссылается в своей работе «Южное общество декабристов, люди и события».

Булатов, кстати, тоже был на площади, о чем подробно рассказал в письме великому князю Михаилу Павловичу. К мятежному каре он не приближался, но оказался в шести шагах от императора Николая. Он, по его утверждению, готов был возглавить восставших при достаточном числе войск.

Во «всепопданейшем докладе» императору следственной комиссии есть выразительный пассаж: «Булатов был на площади, но только зрителем, хотя выходя из дома и заряжая пистолеты, говорил: “может быть увидят, что есть в России Бруты и Ръеги, которых (в чем признаётся откровенно) знал только по именам”»¹⁵.

Можно было бы указать и еще на ряд фактических неточностей, но дело не в них, а в тенденции.

Наименее убедительной представляется глава «Может быть, обойдется без огня...», посвященная дню 14 декабря. Но это предмет особого разговора. Здесь нужно только сказать, что, опираясь на «концепцию Сафонова», О. И. Киянская не учитывает, что этот историк в разные годы приходил к совершенно различным «важным обобщающим выводам», иногда диаметрально противоположным, не говоря уже о некорректном цитировании текстов¹⁶.

При том что целый ряд соображений О. И. Киянской вызывает возражения, ее работы — прежде всего монография «Южный бунт. Восстание Черниговского полка» — вносят ценный вклад в наше понимание обсуждаемой проблематики.

Это прежде всего касается публикуемых и анализируемых ею документов, касающихся мятежа Черниговского полка. Документы эти рисуют трагическую картину разложения полка и выхода нижних чинов из-под контроля офицеров-декабристов, и это ставит перед нами вопрос, прежде, насколько мне известно, не обсуждавшийся — как повели бы себя солдаты в случае победы восстания или — если говорить о 2-й армии, — во время предполагаемого похода на Петербург. Это вопрос чрезвычайной важности: насколько точно оценивали лидеры тайных обществ возможность контроля над мятежной солдатской массой в процессе активных действий.

И если относительно гвардии мы можем с достаточной долей уверенности сказать о готовности солдат подчиниться своим офицерам в ситуации смены власти, то относительно Юга этой уверенности нет.

Существует несомненная константа армейского бытия — выход офицеров среднего звена из-под контроля высших начальников, как правило, ведет за собой распад всей армейской иерархии и потерю контроля этого среднего звена над нижними чинами.

Речь идет о том, насколько трезво оценивали лидеры тайных обществ свои возможности во взаимоотношениях с солдатской массой и степень понимания ими социально-психологических механизмов поведения солдат.

То, что работы О. И. Киянской поставили этот отнюдь не гипотетический вопрос, — ее несомненная научная заслуга.

Однако работы эти демонстрируют и те опасности, которые включает в себе чрезмерное увлечение разрушением мифов.

Идеальная иллюстрация к тому, насколько пагубно может быть это увлечение — монография Н. Д. Потаповой, доцента Европейского университета в Санкт-Петербурге, «Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов». В выходных данных указано — «научное издание».

Прежде чем рассмотреть уровень «научности» этой работы, стоит привести примеры представления автора о реальных обстоятельствах событий, которые составляют основу сюжета.

Вот как Н. Д. Потапова описывает мятеж 14 декабря: «Несколько младших офицеров вывели своих солдат, день они простояли на морозе и что-то кричали, возможно требовали конституцию. Едва ли это событие можно назвать столь уж ярким и значимым, и едва ли это было впервые в русской истории: можно вспомнить и восшествие на престол Екатерины и другие дворцовые перевороты, действие которых разворачивалось в столичном пространстве»¹⁷.

Стоит заметить, что автор «научного» сочинения, профессиональный историк, должен понимать принципиальную разницу между дворцовыми переворотами, главной задачей которых была смена персон на престоле, и выступлением декабристов. Разумеется, все они — за исключением смещения Бирона, — влекли за собой весьма существенные политические последствия. Но ни один из переворотов не предполагал радикального изменения государственной системы.

Было и еще одно обстоятельство. Эти перевороты возглавляли или значительные фигуры — как фельдмаршал Миних при согласии родителей малолетнего императора Иоанна Антоновича, или же во главе гвардейцев шли сами претенденты на престол — Елизавета в 1741 и Екатерина в 1762 г.

И задачи лидеров 14 декабря, и их состав не имели ничего общего с перечисленными переворотами.

Кроме того, Н. Д. Потапова сознательно искажает картину событий 14 декабря. Мятежных солдат в этот день вывели отнюдь не «несколько младших офицеров». Каждый, кто претендует на изучение этих событий, обязан знать классическую работу Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка».

По данным Г. С. Габаева, восставшими руководили 30 офицеров и 5 штатских. Среди них был один штаб-офицер — капитан-лейтенант Н. А. Бестужев¹⁸. Нужно уточнение — офицеров, которые реально поднимали и выводили подразделения, было 13 человек — трое в Московском полку, двое в Лейб-Гренадерском полку, как минимум восемь в Гвардейском морском экипаже, считая Н. А. и П. А. Бестужевых. Остальные или последовали за своими солдатами, или присоединились на площади.

И полуанекдотическая картина, которую рисует Н. Д. Потапова, — бессмысленное стояние на площади, вполне вписывается в задачу, которую поставила перед собой исследовательница. (При том что этот день был днем собирания сил и уличных боев — колонна Панова пробилась к площади не раньше половины третьего часа пополудни.) Задача эта — максимальное снижение значимости происходящего, что необходимо для дальнейшего развития общей концепции. Коль скоро события 14 декабря не были ни яркими, ни значимыми в политическом смысле, но при этом будут «отзываться весь XX век», то необходимо найти этому объяснение. И автор находит это объяснение в факте расстрела толпы и восставших из пушек. А «несколько младших офицеров» устроили некое театральное представление, ориентированное на древнеримские образцы — площадь у Сената как Форум и т. д. Античные реминисценции, конечно же, присутствовали в мировидении декабристов, и этот аспект вполне подлежит обсуждению, но не стремление изобразить сцену из жизни Рима привело восставших к петербургскому Сенату.

Эту идею Н. Д. Потапова в дальнейшем использовала при анализе конкретной ситуации: «Те, кто собрался у Сената, безусловно имели возможность захватить его, об этом потом будут долго вспоминать, не понимая, почему этого не произошло. Что помешало им? Ответа на этот вопрос нет. Но если бы это произошло, смысл ситуации легко перекодировался: внутри здания, скрытые от глаз народа, они переставали быть “народом на форуме”, вооруженным и выкрикивающим свои требования сенаторам»¹⁹.

К сожалению, всё это абсолютный вздор. Ответ на этот вопрос есть у каждого, кто владеет конкретным материалом. Восставшие не собирались захватывать пустое здание Сената, поскольку в этом не было ни малейшего смысла. Соответственно, и «много вспоминать» об этом не приходилось. Московские роты действительно должны были обеспечить восставшим подход к Сенату на тот случай, если удастся получить военный контроль над столицей, собрать при помощи сенатских курьеров сенаторов и предъявить им — с позиции силы, — манифест. Сделать это должны были Рылеев и Пущин. Никому из мятежных офицеров не пришло бы в голову ввести в здание Сената тысячи солдат. А именно это подразумевает Н. Д. Потапова, говоря, что восставшие оказались бы «скрытыми от глаз народа». Интересно, как она представляет это действие технологически.

Таким образом, отнюдь не стремление остаться верными римским образцам, а простой здравый смысл помешал восставшим совершить столь бессмысленную акцию.

Вообще, надо сказать, Н. Д. Потапова обнаруживает не слишком отчетливое знание конкретного материала. Она путает Булатова с Якубовичем в ситуации, в который, кажется, их спутать невозможно при минимальном понимании происходящего²⁰. Рылеев, разумеется, не был 14 декабря на площади²¹. И так далее.

Но это, в конце концов, мелочи, с которыми можно было бы примириться, если бы не главная идея автора, концепция, которая должна перевернуть наше представление не только о событиях 14 декабря и мятеже Черниговского полка, но и вообще о политической истории александровского царствования, пристыдив при этом несколько поколений историков, не сумевших разглядеть истинную природу имеющихся в нашем распоряжении данных.

Ревизия устоявшихся научных доктрин при появлении новых материалов — дело естественное и плодотворное.

О. И. Киянская в основательной и весьма полезной работе «Правитель дел. К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева» пишет: «При первом, даже самом беглом знакомстве с литературой вопроса становится очевидным: биография Рылеева в том виде, в каком мы знаем ее сегодня, — насквозь легендарна»²². Но противопоставляя свое мнение о биографии Рылеева представлениям устоявшимся, исследовательница опирается на внушительный блок ранее не учтенных сведений.

В случае с «переворотом в науке», на который претендует Н. Д. Потапова, дело обстоит совершенно иначе. При этом надо отдать ей должное — Н. Д. Потапова привлекла огромный массив текстов, почерпнутых из европейской печати, откликнувшейся на события в Петербурге и на юге. Она сообщает много разнообразных сведений о существовании тайных обществ в Европе и о конспирологических теориях на этот счет.

В этот плотный словесный массив погружена главная идея книги — никаких тайных обществ в России александровского времени не существовало. Они были выдуманы следователями по делу мятежников 14 декабря и участников черниговского мятежа. Причем следователи заставили узников — пытками и угрозами — подтвердить сочиненную ими версию: «Официальная версия событий связывала происшедшее на Сенатской площади с деятельностью “тайного общества”. Якобы годами втайне готовился переворот, создавались планы, подбирались люди, готовые “жертвовать собой”, им внушали “свободный образ мыслей”, в их среде распространялись сочинения и велись возмутительные разговоры, якобы правдами и неправдами тайное общество стремилось упрочить свое влияние и добиться успеха в достижении цели, произвести “преобразования в правлении государственном”. Общество якобы хотело воспользоваться обстоятельствами — смертью государя <...>. Полгода допросов в казематах Петропавловской крепости, кандалы и железа, угрозы и посулы (речь шла о будущем, карьере, судьбе родных) — всё это позволило укрепить официальную версию в томах следственных показаний»²³.

Попросту говоря, генералы Левашов, Толь, Голенищев-Кутузов, Бенкендорф, великий князь Михаил Павлович сочинили, собственно, десятилетнюю историю декабристских организаций. Можно себе представить, какова была интеллектуальная нагрузка. Ведь пришлось вместе с заключенными придумывать массу деталей, конкретных обстоятельств, пересечений человеческих судеб.

Всё это очень напоминает «новую хронологию» академика-математика А. Т. Фоменко, согласно которой никакой античности не было, а всё, что к ней ошибочно относится, было создано в средние века трудолюбивыми монахами.

А что было? — «Знакомства и встречи, как обычно бывает в свете, обмен новостями и их обсуждение приобретали новые смыслы во время следствия, светское общество нескольких молодых людей переопределялось в тайное»²⁴.

Автор ищет поддержки у других исследователей: «Т. В. Андреева пишет про дружеский, досуговый характер тайных обществ», «неполитических и политических тайных обществ»²⁵. Н. Д. Потапова предусмотрительно не приводит номер страницы. Дело в том, что Т. В. Андреева как серьезный и весьма осведомленный исследователь, ничего подобного не писала и писать не могла. У Т. В. Андреевой сказано: «Вторую группу представляли собой тайные общества, как политические, так и неполитические (досуговые, игровые, пародийные)»²⁶. И далее: «Типологически тайные общества Александровского царствования делились на разрешенные правительством нелегальные объединения, к которым до 1822 года относились масонские ложи, и неразрешенные. Последние в свою очередь состояли из двух видов — политические и неполитические общества. В составе неполитических были так называемые “мнимые” тайные общества, т. е. досуговые, игровые, пародийные»²⁷. То есть нужная Н. Д. Потаповой характеристика относится к обществам неполитическим. К сожалению, подобные приемы для «Трибуна сырых казематов» характерны.

Вот как описан в книге арест Рылеева вечером 14 декабря: «Доставили его из квартиры. Греч вспоминал, что вечером у Рылеева по обыкновению могли сидеть соседи, Штейнгейль, Булгарин, курить сигары, пить чай... и вдруг арест... жена, маленькая дочь. Каким могло быть расставание, мелодраматически представлял в своих воспоминаниях Н. Бестужев»²⁸.

Прежде всего, автор перепутал события — в воспоминаниях Бестужева речь идет не о вечере, а об утре 14 декабря, когда Рылеев уходил на Сенатскую площадь.

Идиллическая сцена, воссозданная Н. Д. Потаповой, вполне корреспондирует с тем представлением о мятеже 14 декабря, которое она старается внушить читателю, — несколько младших офицеров, солдаты, весь день стоящие неизвестно зачем на морозе и что-то невнятное кричащие...

Даже злорадствовавший Греч более объективен, ни о каких соседях он не пишет: «Когда кончилась драка, Рылеев скитался не знаю где, но к вечеру пришел домой. У него собралось несколько героев того дня, между прочим, барон Штейнгейль; они сели за стол и закурили сигары».

Булгарин, действительно не очень понимая, что произошло, неожиданно пришел к Рылееву. И Греч, разумеется, со слов Булгарина, пишет: «Рылеев встал, преспокойно отвел его в переднюю и сказал: “Тебе здесь не место. Ты будешь жив, ступай домой. Я погиб! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка”»²⁹.

У Рылеева происходило не мирное чаепитие с соседями и Булгариным, а собрание проигравших мятежников, которые ждали ареста. Н. Д. Потапова старается внушить нам, что Рылеев, который «не был на Сенатской», в тайном обществе не состоял, поскольку такого не было, мирно пил чай — «и вдруг арест». Не очень умелая очередная попытка исказить картину этого дня.

Очень любопытно наблюдать, как Н. Д. Потапова моделирует персонажей: «Между тем, есть много неясного, как, например, могло случиться, что в бумагах штабного полковника, привыкшего по долгу службы заполнять ведомости о снабжении и укомплектовании полков корпуса, хранится черновик “Манифеста Сената”, начинающийся со слов “об уничтожении бывшего правления”. В первых пунктах этого документа речь шла не о чем-то, казалось бы, важном для человека военного, а о “свободе тиснения, и потому уничтожении цензуры”, “свободном отправлении богослужения всем верам”, отмене собственности на людей, равенстве перед законом. Что до этого штабному офицеру корпуса, подписывающему бесконечные ведомости и инвентари?»³⁰

Честно говоря, плохо верится, что это написано всерьез. Н. Д. Потапова хочет представить нам князя С. П. Трубецкого, человека образованного, много лет обдумывавшего и обсуждавшего политические и экономические проблемы с крупно мыслящими людьми, например Н. И. Тургеневым, какой-то канцелярской крысой, не знающей ничего, кроме своих ведомостей и инвентарей. Ей трудно себе представить, что за пределами служебных обязанностей «штабной полковник» может интересоваться проблематикой, занимавшей лучшие умы в то время.

Зачем это нужно автору? Чтобы на следующей странице объявить, что все эти странные для «штабного полковника» идеи прилежно заимствованы из европейской прессы: «Не нужно никакой конспирации, нужно лишь иметь под рукой французскую *Moniteur* или другую газету, передающую дебаты вокруг закона о печати в национальном собрании, или британскую *Morning post*, обсуждающую прения депутатов парламента о правах католиков»³¹.

Каким же образом возникло то, что автор постоянно называет «мифологемой тайного общества»?

После упоминания о манифесте, найденном при обыске в столе Трубецкого, Н. Д. Потапова сообщает: «Если вспомнить события в Англии в декабре 1816 года, после того как пушки расстреляли толпу митинговавших на Спаффилдс, власти удалось перекодировать события из стихийного протеста против неудовлетворительной политики кабинета в злонамеренный заговор, грозящий государству и обществу. Дома у одного из обвиняемых среди писем радикала Томаса Спенса нашли клочок прокламации с обещаниями солдатам и народу»³².

И всё становится ясно. Всё, что произошло с Трубецким и его «клочком», — калька с английских событий, реконструированная следователями.

К этой интересной мысли Н. Д. Потапова упорно возвращается: «Вопреки прежней гипотезе, метадискурс — не показания других товарищей

и не мемуары, где приводятся слишком разные идеи, а обращение к европейским политическим дебатам и прениям, доступным российским образованным элитам благодаря возможности регулярно читать европейские газеты. <...> Благодаря обращению к европейской прессе становится понятным и осмысленным содержание найденного в бумагах армейского штабного полковника Манифеста, где в первых пунктах заявлено “свободное тиснение и уничтожение цензуры”, “свободное отправление богослужения всем верам”. Его повседневная жизнь далека от подобного рода конфликтов и столкновений с цензурой или церковью. Нет таких разговоров с товарищами или знакомыми, о которых полковник кн. Трубецкой сообщил бы на следствии или в мемуарах и которые раскрывали бы, отчего эти проблемы казались крайне актуальными. В то время дебаты о свободе слова и свободе совести звучали в речах парламентских ораторов и политических лидеров, не сходя с трибун и газетных страниц»³³.

По этой логике армейского (на самом деле гвардейского) полковника не должно было волновать и крепостное право — он ведь не был крепостным. Удивительно, но доценту Европейского университета непонятно, как политически активного человека может волновать проблема, его лично не касающаяся. Разумеется, российские либералы ориентировались на европейские традиции. М. А. Фонвизин в фундаментальном «Обзрении проявлений политической жизни в России», написанном в сибирской ссылке, сказал об этом ясно и убедительно: «В то время многие из офицеров гвардии и генерального штаба с страстью учились и читали преимущественно сочинения и журналы политические, также иностранные газеты, в которых так драматически представляется борьба оппозиции с правительством в конституционных государствах. Изучая смелые политические теории и системы, весьма естественно, что занимающиеся ими желали бы видеть их приложение в своем отечестве, а это и было главным предметом занятий размножившихся в Европе тайных политических обществ, в которых члены посвящали себя политике. Статуты некоторых этих союзов, существовавших во Франции и Германии, завезены были в Россию и навели наших либералов на мысль учредить тайное политическое общество и у нас с целью ограничить самодержавие. В конце 1816 года эта мысль осуществилась: несколько офицеров гвардии и генерального штаба условились составить тайное общество с целью, с какою все подобные учреждаются»³⁴.

То есть ситуация перевернута Н. Д. Потаповой с ног на голову — не на следствии в результате знания европейских политических реалий были выдуманы декабристские тайные общества, а реально созданы под влиянием европейской политической практики.

Если бы Н. Д. Потапова внимательно и непредвзято прочитала «Записки» Трубецкого, она нашла бы там ответ на свои сомнения. Отсутствие личного интереса при готовности рискнуть жизнью и честью ради будущего благоденствия своей страны — это, собственно, и был нравственный фундамент декабристского движения.

У Н. Д. Потаповой получается, что Толь и Левашов, запустившие процесс «перекодирования» показаний подсудимых в стройную версию о зловещих тайных обществах, версию, которая оправдала бы расстрел людей из орудий, были знатоками европейской прессы и по ее лекалам принялись конструировать модель мятежа.

Вот как проходил, по представлению Н. Д. Потаповой, первый допрос Рылеева: «Журналист Рылеев первым напишет показания. В начале его версия мало отличалась от того, что записывал Толь...»³⁵ То есть Рылеев рассказал о замысле воспользоваться переприсягой, о том, что Трубецкой должен был принять начальство над протестующими солдатами, и что его отсутствие стало причиной «всех беспорядков и убийств». И далее: «Роли множились, догадки проецировались на знакомых, связи перекодировались в предложенные следствием формулировки. Дальше последовала пауза, проступившая в показаниях Рылеева изменением ритма письма, и важное признание: “Общество точно существует... Все вышепоименованные суть члены оногo”»³⁶.

Открываем следственное дело Рылеева. В первых полутора десятках строк ничего не «множится», «не проецируется» и уж тем более не «перекодируется» «в предложенные следствием формулировки». Всё это чистый вымысел, рассчитанный на то, что кроме доцента Н. Д. Потаповой никто не заглянет в следственное дело.

То, что произошло далее, должно было, по мнению автора, выглядеть следующим образом — генерал Толь останавливает Рылеева и говорит ему: «Нет, брат, так не пойдет! Нам всё это не интересно. Давай-ка сделаем вот что — ты скажешь, что было тайное общество, которое все эти беспорядки и устроило. Тогда тебе выйдет послабление». И Рылеев послушно начинает: «Общество точно существует...» До этого он, стало быть, ни о каком тайном обществе не слышал.

По логике Н. Д. Потаповой, нечто подобное произошло и с Трубецким, показания которого на первом допросе начинаются со слов: «Тайное общество, которое хотело составить в России Конституционную Монархию, существовало некогда и потом разрушено»³⁷.

Поскольку допрашивал Трубецкого в ночь на 15 декабря тот же Толь, то мы должны считать его автором грандиозной мистификации, которую наконец-то разоблачила Н. Д. Потапова. Соавтором был, очевидно, генерал Левашов, который провел второй допрос князя 17 декабря уже в крепости. И выспрашивал подробности о Южном тайном обществе.

Надо отдать должное Толю — с первых минут допросов он непостижимым образом сориентировался в обстановке.

С первых же слов о тайном обществе заговорили Каховский и Александр Бестужев. Причем последний с большими подробностями. Очень подробно о структуре и деятельности Союза благоденствия и Северного общества говорил Оболенский.

И всё это стараниями двух генералов?

Ну предположим, что в процессе допросов следователям удалось «перекодировать» рассказы о дружеских беседах в «мифологему тайного общества». А как быть с тем, что декабристы рассказывали в воспоминаниях? Единожды поддавшись коварству Толя с Левашовым и др., они затем всю жизнь повторяли этот вымысел?

Несгибаемый Лунин, которого Н. Д. Потапова напрасно старается сделать своим союзником, постоянно писал в Сибири о тайном обществе для того, очевидно, чтобы поддержать вымыслы следователей и соответствовать сюжетам европейской печати.

Его знаменитая фраза: «Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам»³⁸, — совершенно точно откомментирована в издании «Писем из Сибири», вышедших в «Литературных памятниках». Лунин говорит о народных восстаниях, которых декабристы страшились и которые надеялись предотвратить, и заговорах, подобных убийству Павла I³⁹.

Настойчиво и последовательно, рискуя жизнью, Лунин и во «Взгляде на русское тайное общество с 1816 до 1826 года», и в «Разборе донесения тайной следственной комиссии» анализирует смысл существования и миссию русских тайных декабристских обществ: «Т[айное] о[бщество] разрушилось на Северное и Южное, по обширности края, принудившего учредить два средоточия действия»⁴⁰. Он предлагает беглый, но точный взгляд на историю тайных обществ. И объясняет причины их поражения. Он совершенно так же, как лидеры Северного общества, объясняет причины «происшествия 14 декабря», без всяких «якобы».

Понятно, почему Н. Д. Потапова почти не упоминает в своей книге такую значительную фигуру движения, как цитированный выше генерал М. А. Фонвизин. Это не случайно. Ей пришлось бы объяснять — почему в своем «Обзрении проявлений политической жизни в России» этот глубокий и независимый мыслитель разворачивает подробную историю тайных обществ. Он следует традиции Толя и Левашова?

Фонвизин пишет в частности о ситуации междуцарствия: «Этим-то временем, когда Россия не знала, кто будет ее императором, хотели воспользоваться петербургские члены тайного общества под председательством пылкого и восторженного поэта и патриота Рылеева и полковника кн. С. П. Трубецкого...»⁴¹ И далее рассказывает об одном из вариантов плана восстания и о ходе событий 14 декабря. В существовании тайных обществ Фонвизин, в отличие от Н. Д. Потаповой, не сомневался.

Приводить примеры реального существования тайных обществ и абсурдности концепции автора «Трибун сырых казематов» можно без конца.

Откуда появилась ведущая идея «трибун сырых казематов» — понятно. За образец взята практика сталинских следователей, сочинявших вместе с подследственными сюжеты их преступлений. Н. Д. Потаповой, конечно же, хоро-

шо известна история «Академического дела», целиком сочиненного следователями с активной помощью некоторых известных историков, чью волю они подавили.

Но то, что делали сочинители из НКВД-ГПУ, было выгодно, более того, необходимо власти. Таким образом готовился, а затем оправдывался массовый террор. Николаю I и его окружению факт десятилетнего существования тайных обществ, сперва мягко оппозиционных, а затем враждебных системе, был абсолютно невыгоден. Орудийный огонь по мятежникам был оправдан самим фактом вооруженного мятежа. Значительной частью общества эта страшная мера была принята. Отнюдь не кровожадный Карамзин писал в письме к И. И. Дмитриеву, что он «алкал пушечного грома». Добрейший Жуковский вполне одобрял действия молодого императора и ужасался «буйству» инсургентов.

При внимательном и объективном рассмотрении материалов следствия приходится признать, что следователи декабря 1825 — мая 1826 г. хотели выяснить *правду*. Они жестоко и последовательно и, как ни странно, весьма профессионально, используя отнюдь не только кандалы, угрозы и посулы, но и умело оперируя накапливающимся материалом, вынуждали подсудимых к откровенности.

Да, при анализе следственных дел необходимо учитывать психологическое состояние доведенных до отчаяния узников. Тяжкий пример — показания Батенькова в период явного психического расстройства. Были и самооговоры, но не было нужды сочинять историю тайных обществ. Их реальность была известна следователям из доносов Шервуда, Майбороды, Бошняка. Бенкендорф в свое время передавал Александру I подробный донос Грибовского на Союз благоденствия и, разумеется, помнил это.

Можно сомневаться в радикально революционном характере Союза благоденствия, но конспиративный характер этой четко структурированной организации несомненен. Ее устав был опубликован еще в XIX в.

Задача следователей заключалась в конкретизации уже имеющихся сведений.

Очень обидно, что изначально ложная идея, которую Н. Д. Потапова пытается навязать огромному и разнообразному материалу, ею собранному и проработанному, обесценила этот труд.

Н. Д. Потапова любезно ссылается на мою книгу «Мятеж реформаторов», подкрепляя свои совершенно верные соображения о «разности» деятелей тайных обществ. Тут мы с ней единомышленники. История декабризма, история тайных обществ и их периферии — это история сотен индивидуальных судеб, история не только самоотверженности и благородства, но и честолюбивых мечтаний, не только верности, но и предательства, не только мужества, но и человеческих слабостей. Иначе и быть не могло. Но это великая история, требующая тщательного и ответственного изучения. Эта история, чрезвычайно много объясняющая в русской истории вообще. И я согласен с Н. Д. Потаповой — дальнейшее изучение этого насыщенного многообразным смыслом

материала — в том числе и следственных дел, — открывает неожиданные возможности. Но смысловое богатство материала отнюдь не требует фантастических построений.

Наряду с научными и антинаучными подходами к декабристской проблематике в последнее время появилось активное, так сказать, любительское декабристоведение. Особый и наиболее выразительный слой этого явления — «декабристская конспирология». В качестве примера можно назвать труды известного конспиролога Н. В. Старикова. В сочинении «Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов», вышедшей в 2015 г., он поместил специальную главу «Почему декабристы так не любили русскую армию».

Читать Н. В. Старикова одно удовольствие. Мы узнаём, в частности, что 14 декабря тайное общество устроило мятеж отнюдь не по собственной воле: «Приказ о выступлении им дает некий таинственный диктатор! Кто это — не знает до сих пор никто <...> Но приказ о выступлении был отдан ранее. Кто его отдал — неизвестно, но восстание, как известно, произошло»⁴².

Но не это главное, главное — это черновик «Манифеста к русскому народу», прежде всего — пункт, гласящий: «уничтожение постоянной армии»: «Шестой пункт декабристского манифеста — это отправная точка, это старт в долгом марафоне за уничтожение нашего государства. <...> Уничтожение постоянной армии!!! Вдумайтесь — распустить вооруженные силы хотят образованные военные! Но зачем?»⁴³

Понятное дело — чтобы наши геополитические противники захватили территорию и ресурсы России.

Н. В. Стариков не единственный, кого искренне возмущает этот пункт. Но дело в том, что обличители декабристов просто не справились с терминологией. Разумеется, «уничтожить постоянную армию» в точном смысле никому бы в голову не пришло. Трубецкой, в доме которого нашли при обыске этот документ, не был ни безумцем, ни самоубийцей. Распустить одно-мгновенно сотни тысяч солдат и десятки тысяч офицеров было невозможно хотя бы потому, что армия бы этого не позволила. Большинство лидеров тайных обществ были плоть от плоти российской армии и прекрасно понимали ее значение и роль.

Речь шла о другом. В понятии Трубецкого и его сподвижников «постоянная армия» — это армия, в которой служат по 20 с лишним лет. Это армия чрезвычайно медленной смены состава и в этом смысле постоянная. Декабристы собирались существенно уменьшить срок службы и тем самым сделать состав армии динамично сменяемым. Это было постепенное движение к принципам военной реформы Д. А. Милютина, реформы 1874 г., одной из «великих реформ» эпохи Александра II.

Патриоты-обличители не обращают внимания на то, что перед этим криминальным пунктом стоит: «уравнение рекрутской повинности между сословиями». Раз существует рекрутская повинность — существует армия.

«Народная стража», о которой говорится в Манифесте, — замена полиции, а не армии.

Декабристам очень не повезло в том смысле, что потомки — в частности наши современники, — оказались куда умнее, чем они. И высокомерно упрекают их за глупые промахи. Это вызвано всегда незнанием реальной ситуации.

Традиция высокомерного отношения к неудачникам из тайного общества была положена еще в 1920-е гг. очерками Ларисы Рейснер, представлявшей победителей-большевиков, сумевших в отличие от декабристов взять власть.

Удивительно, но претензии декабристоведов-любителей часто пересекаются с таковыми же у специалистов; скажем, сомнения по поводу «уничтожения постоянной армии» мы встречаем и у доцента Н. Д. Потаповой...

Простой вывод — кроме научного исследования истории декабризма, весьма полезна и элементарная просветительская работа.

¹ *Киянская О. И.* Южное общество декабристов. События и люди. М.: РГГУ, 2005. С. 13.

² Там же. С. 362.

³ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1983. С. 220.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ *Толстой Л.* Полное собрание художественных сочинений. Т. VIII. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 247.

⁷ *Киянская О. И.* Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка. М.: Форум Неолит, 2015. С. 4.

⁸ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургенева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 287.

⁹ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 220.

¹⁰ *Киянская О. И.* Южный бунт. С. 5.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Там же. С. 239.

¹³ Воспоминания Бестужевых. СПб.: Наука, 2005. С. 37.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 380. № 58. Л. 9 об. — 10 об.

¹⁵ Восстание декабристов. Документы. Т. XVII: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М.: Наука, 1980. С. 58.

¹⁶ Подробно см.: *Гордин Я.* Бывший историк в поисках истины // Звезда. 2016. № 1. С. 211 и далее.

¹⁷ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2017. С. 11.

¹⁸ Работа Г. С. Габаева была опубликована как приложение в монографии А. Е. Преснякова (*Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926). Переиздана в приложении к моей книге (*Гордин Я.* Мятеж реформаторов. Трагедия мятежа. СПб.: Пушкинский фонд, 2006).

¹⁹ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 250.

²⁰ Там же.

- ²¹ Там же. С. 257.
- ²² *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел. К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 6.
- ²³ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 13.
- ²⁴ Там же. С. 273.
- ²⁵ Там же. С. 16.
- ²⁶ *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. С. 8.
- ²⁷ Там же. С. 264.
- ²⁸ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 257.
- ²⁹ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб.: Академический проект, 1999. С. 443.
- ³⁰ Там же. С. 16.
- ³¹ Там же. С. 18.
- ³² Там же. С. 258.
- ³³ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 221.
- ³⁴ *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Т. II: Сочинения. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1982. С. 184.
- ³⁵ Там же. С. 258.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Восстание декабристов. Материалы. Т. I. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 6.
- ³⁸ *Лукин М. С.* Письма из Сибири. М.: Наука, 1987. С. 6.
- ³⁹ Там же. С. 373.
- ⁴⁰ Там же. С. 56.
- ⁴¹ *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. С. 190.
- ⁴² *Стариков Н. В.* Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2015. С. 143.
- ⁴³ Там же. С. 145.

УДК 94(47)«1825.12.14»
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00036

Н. Д. Потапова

Декабристы и республиканская традиция

Противопоставление республики и монархии как двух *альтернативных* форм управления, основанных на исключительно разных принципах, появляется в политической теории сравнительно поздно. Современные исследования по интеллектуальной истории показывают, что эта оппозиция начинает доминировать в источниках лишь после Французской революции и последующих событий. Происходит

постепенное изменение понятия «республиканского», затронувшее не только уровень идеологии, но и широкий спектр практик¹. Формируется и утверждается представление, что политический порядок в монархии не может быть устроен по классическим республиканским принципам, что во главе республики не может стоять монарх, что для политического режима важно, кто и как оказывается во главе государства, наследует ли глава эту позицию или его выбирают и как именно. С этого времени *участие* в *выборах* правительства и органов управления рассматривается как главный приоритет, основная компонента гражданства, одно из ключевых прав и обязанностей граждан. Иными словами, «республика» понимается не как *принцип* правления, а как его *форма*, противопоставленная монархии и превосходящая ее в моральном плане. Республика больше не предполагает активного деятельного *участия* в *общих делах*, затрагивающих интересы многих людей, не предполагает готовность *жертвовать* ради этого личным временем, средствами, силами, жертвовать *собой* ради *общего*, вносить свой вклад в инфраструктуру *общих вещей* и разработку *общих правил* пользования ими². Граждане должны участвовать в выборах, это единственное общее дело, которое ставится во главу угла новым пониманием республики как избирательного правления. В XX в. доминирует представление, что всё прочее, как например забота о гражданах, вверено правительству. А XXI в. ассоциируется с теорией малых дел. В новое время патерналистские модели конкурируют в основном с неолиберальными, ставящими во главу также не принцип общих дел, а принцип индивидуализма, и с анархическими утопиями. Граждане либо рассчитывают на заботу, либо на невмешательство в их частную жизнь³. Пространство общего оказывается сужено и ограничено предвыборными дебатами. Выборное правительство республики противопоставлено неизбираемому монархии.

В этой статье мы рассмотрим один из моментов, с которым связаны изменения понимания смысла республиканского. Главными героями в данном случае будут не декабристы, а идеи. Идеи, которые не выделяют декабристов в «особый круг людей», не отличают их от других, а напротив, позволяют лучше понять как людей определенной культуры и эпохи. Нас будет интересовать способ политического воображения, который сделал возможными те формы политического поведения, практики, которые кажутся нам сегодня одновременно и понятными, и полными какого-то странного романтизма. Вот эта странность и требует комментариев, нуждается в изучении. В своей книге Жюли Гране также показала, что контекст европейского республиканизма рубежа XVIII–XIX вв. важен для понимания событий на Сенатской площади⁴. В. Л. Каплун предложил говорить «о политической и моральной культуре российской образованной

публики последней трети XVIII — первой трети XIX вв. как о цельной культуре гражданского республиканизма», объединявшей «многих политических консерваторов, таких как Карамзин, и многих политических радикалов, таких как Радищев или, позднее, представители радикального крыла декабристов, и многих “умеренных либералов” александровской эпохи»; это единство оказалось искусственно прервано николаевской реакцией⁵.

Однако большинство исследователей-декабристоведов используют понятие «республика», отождествляя его с революцией. Это представление утвердилось еще на рубеже XIX–XX вв., его использовали несколько поколений советских исследователей от Н. М. Дружинина, Ю. Г. Оксмана, С. Б. Окуня до А. В. Семеновой. Как отмечает В. Л. Каплун, даже для работ Ю. М. Лотмана было характерно противопоставление республики как революционного завоевания и монархии в разных ее формах. Сохраняется это противопоставление и в работах современных декабристоведов⁶. О. В. Эдельман заявляет, что хотя именно следователи отождествляли революцию и республику, «для современного исследователя они предстают частями одной и той же проблемы»⁷. Т. В. Андреева также исходит из противопоставления двух тенденций в декабризме — революционно-республиканской и либерально-монархической⁸.

Полемизируя с «нечкинской концепцией революционности движения декабристов», В. С. Парсамов отмечал, что понятия «республика» и «монархия» были очень сложны и запутаны в европейской политической мысли посленаполеоновской эпохи⁹. В. М. Бокова, например, указывала, что «республиканизм у декабристов весьма часто опирался на идеи, почерпнутые из Священного Писания»¹⁰. В. С. Парсамов показал основной вектор идейной эволюции декабризма: «Если под воздействием античных авторов воспитывались дух патриотизма и идея самопожертвования во имя Отечества, то знакомство с европейской либеральной мыслью порождало представления о правах человека и самодостаточности человеческой личности. На смену римско-республиканскому самоощущению приходит государственно-правовой понятийный аппарат, почерпнутый из изучения конституционного опыта европейских государств и Соединенных Штатов Америки»¹¹.

П. В. Ильин понимает республиканизм как «политическое давление на власть», он противопоставляет не монархию и республику, а тиранию и республику и не отождествляет последнюю с революцией. Именно так — как «республиканскую смелость» — воспринял знакомый со многими декабристами А. В. Никитенко поступок Я. И. Ростовцева, хотя позже Герцен и Огарев, а вслед за ними и все декабристоведеды видели в акте Ростовцева лишь донос¹². Анализ позволяет увидеть культурную дистанцию между двумя трактовками. П. В. Ильин рассматривает тираноборческие мотивы созданных Ростовцевым трагедий «Персей» и «Князь Дмитрий Пожарский», идеи «политической деятельности не ради личных интересов, удовлетворения честолюбия и корысти, но ради общего блага», готовность жертвовать собой, отрицание деспотизма

и «рабства», осуждение попрания закона как властителями, так и подданными. Он отмечает, что борьба с тиранией и самовластием «не исключает избрания царя народом в качестве желательного исхода политического кризиса»¹³. Республиканизм не тождественен революции: это «стремление к “законному” пути преобразований». «Сочинения молодого поэта находились в русле гражданской поэзии рылеевского круга; Ростовцев был в тесном контакте с литераторами, которые группировались вокруг издателей “Полярной звезды”, и находился под их влиянием»¹⁴.

Сюзанна Рабоу-Эдлинг также предприняла анализ риторики в текстах декабристов, написанных до начала следствия¹⁵. Она исследует политические идеи в гражданской лирике поэтов декабристского круга и отмечает новое понимание роли народа в политике: не государь, а народ является источником суверенитета. Было ли это понимание республики общим в исследуемую эпоху? Ведь, скажем, у Пушкина суверенитет народа по-прежнему совместим с монархией: «Склонитесь первые главой / Под сень надежную Закона, / И станут вечной стражей трона / Народов вольность и покой»¹⁶.

Обращение к истории идей показывает, что до конца XVIII — начала XIX в. было широко распространено *классическое римское* понимание республиканизма, вслед за Цицероном, Титом Ливием и другими каноническими авторами «термин “respublica” прилагали к широкому спектру режимов от монархии и аристократии до парламентских государств и даже иногда олигархии», главное чтобы правитель(ство) правил(о) в интересах всех, а не только части граждан, ради общего блага, блага народа, а не частных интересов или прихотей¹⁷. Правитель не доминирует, он может подавать пример остальным или действовать инициативам других ради общего дела¹⁸. Именно в таком смысле Екатерина II называла себя республиканкой, никто тогда не видел противоречия в том, что можно защищать политическую модель Англии, аристократию, считать себя республиканцем и не стремиться к низвержению престола. Это потребует объяснения и оправдания позже, в XIX в., когда после Французской революции и особенно после наполеоновских войн республиканизм начнет всё чаще ассоциироваться с политическим движением, отрицающим легитимность монархии¹⁹. Однако еще в начале XIX в. «самодержец, делающийся основателем новой республики», мало кого мог удивить²⁰. В этом контексте в речи Пестеля или братьев Муравьевых-Апостолов, одинаково «выхвалявших», по словам В. К. Тизенгаузена, политическое устройство Англии и Соединенных Штатов, можно было не находить парадокс: «...хорошо что полезно, желательно чтобы все народы были осчастливлены подобными правами»²¹. В XVIII в. секретарь Екатерины, также состоявший в переписке с Вольтером, Ф.-П. Пикте заявлял, например, что хорошее «гражданское законодательство» (*legislation civile*), гораздо важнее для благосостояния общества, чем «политический закон» (*loi politique*), или конституция²². О том же говорил на следствии почти 30 лет спустя, в 1826 г., Г. С. Батенков, долгое время служивший при Сперанском.

Республика в этом понимании была несовместима только с тиранией и деспотизмом, самовластным, ничем не ограниченным правлением. Оно ассоциировалось у Батенкова с Аракчеевым²³. Штейнгейль также писал, «гражданская часть — краеугольный камень в здании государственного благоденствия»²⁴. И принятие либерального закона в самодержавном государстве не казалось современникам и многим потомкам Пикте невозможным²⁵. «Всё Устройство Народа и *все* Степени Правительства исключая Верховной Власти могут в известном каком-нибудь Государстве быть учреждены одинаковым образом хоть Верховная Власть будет заключаться в Самодержавном Монархе, хоть в Конституционном Государе, хоть в Избирательном или республиканском Сословии... Добрые планы могут иметь хорошее действие и влияние даже без превращения (революции)», — писал Пестель²⁶.

Для политической философии XVIII в. был важен не механизм принятия правления в государстве, а сохранение добродетелей в процессе правления и опасность впасть в тиранию. Необходимо «отменное величие духа одного или многих людей»²⁷. Г. С. Батенков писал: «...жизнь народов, по мнению моему, состоит не в единообразной покорности мертвым законам или премеичивому произволу, но в *непрерывной моральной борьбе* свободы с властолюбием»²⁸. Важно сознание, что не Государство принадлежит Правителю, а Правитель — Государству, Республике. Взаимное уважение и уважение к закону связывает граждан, обеспечивает свободу как не-доминирование²⁹. Правительство должно действовать в общих интересах, наравне со всеми участвовать в создании и поддержании общих вещей, соблюдать общими силами принятые правила их бытия, законы, ради общего дела и в общих интересах, интересах народа³⁰. Эти отношения не могут быть основаны на принуждении, иначе они превращаются в тиранию. И. Кант в «Трактате о вечном мире» (1795) определил республиканизм как отделение исполнительной власти от законодательной, в противовес деспотизму. При этом он не противопоставлял монархию и республику³¹. Но важно не только простое разделение и наличие представительных учреждений. Лишь сердечное согласие производит благо, в то время как «разные мнения» способны произвести потрясения, нет ничего хуже, с точки зрения человека классической эпохи, чем борьба партий³², народное единство придает республике «политическое бытие»³³. Согласие достижимо только через не-доминирование, особую форму совместной работы, то, что современная политическая теория называет термином «делиберация», обсуждение, которое имеет целью не убеждение (доминирование), а совместное обдумывание, служит средством принятию осознанных и ответственных решений³⁴. В конце XVIII в. многие политические теоретики исходили из того, что не так важно, каким путем правительство приходит к власти, важно, чтоб его правление не стало деспотичным, чтоб оно уважало свободу граждан участвовать в общем деле: «...найти между гражданами такого человека, которого имя и характер имел бы право на *всеобщее уважение*, необходимое для сего»³⁵. Во главу угла ставилось

общее дело, а не форма правления. Важнее были возможность создавать общие вещи и участие в выработке правил пользования общими вещами, общее право, гражданские законы³⁶. И. М. Муравьев-Апостол в переписке с Н. И. Паниным и Г. Р. Державиным рассуждал о «преданности делу», которая их связывает как равных, о том, что их единство основано на «взаимном уважении», которое выше «милостей вельмож», он выказывал брезгливость в отношении «интриг и скользкого паркета царских дворцов», он ценил римские добродетели и готовность пожертвовать жизнью за отечество и вырастить сыновей, «достойных умереть» ради «моральной цели»³⁷. «*Нравственное превосходство* одного или нескольких членов соглашает все сии различныя затруднения и *увлекает за собою прочих силою сего превосходства*, коему содействуют иногда и другия посторонния обстоятельства. Во втором случае возлагают члены общества на одного или на нескольких из них *обязанность* избирать средства, предоставляя им право распоряжаться общим Действием <...> Цель состоит в *Благоденствии всего общества вообще и каждого из членов онаго в особенности*», — писал много лет спустя Пестель в своей «Русской правде». Он также ратовал против аристократии феодальной и нарождающейся «аристократии богатств», и в этом видел гарантию свободы как не-рабства, не-зависимости от чужого мнения, если оно не вызывает согласия в сердце³⁸. Умение управлять людьми, вот что необходимо и что достаточно, чтобы войти в правительство, как в древних Афинах, где только те, кто возглавлял домохозяйства, наделялись гражданскими правами³⁹. Принцип этот был положен Екатериной II в основание работы Уложенной комиссии: первенство отдавалось тем, кто имеет семью и опыт управления⁴⁰. В доносе М. К. Грибовского, поданном Александру I в 1821 г., и о котором в декабре 1825 г. напомнил Николаю I А. Х. Бенкендорф, речь шла о том, что молодые люди, «часто не смысля, как привести собственные дела в порядок», мечтают о конституции; этот аргумент казался достаточным, чтобы показать несостоятельность их претензий «возыметь влияние на правительство». При этом сам Грибовский отмечает: эти аргументы могут быть восприняты «под названием “бабушкина веку”, то есть <...> как было при покойной государыне Екатерине II»⁴¹.

Французская революция повлияла на то, что республика начинает ассоциироваться с переворотом, свержением монарха, событиями 1793 г. и восприниматься как лозунг радикалов и «революционной партии». Существование альтернативных политических теорий порождало полярные оценки одних и тех же политических событий. Одни воспринимали провозглашение Наполеона императором как волеизъявление народа: важно было, что оно провозглашено по закону Сенатом от имени республики. Старшее поколение в России застало времена, когда не видели противоречия в том, чтобы воздвигнуть памятник монарху как воплощению *республиканских* добродетелей: «...соорудить памятник Его Величеству, Наполеону Бонапарту, Императору Французов, Основателю Итальянской Республики»⁴². Как и в старые времена, доказывали, что республики часто страдают от борьбы партий, — тот, кто вызывает

всеобщее *уважение* и может примирить стороны, рассматривался как идеальный правитель, воплощение республиканского идеала⁴³; «если б Буонапарт возмог сделаться Вашингтоном; тогда революция приблизилась бы к своему концу, и свободный народ ему был бы обязан своею свободою»⁴⁴. Также рассматривалось действие в интересах народа, ради *общего блага*.

Другие воспринимали сенатское определение как странный оксюморон: «Наполеон, Божию милостию и по конституциям Республики»⁴⁵. Они отказывались верить, что в данном случае волеизъявление было свободным и служило общему благу, а не властолюбию одного человека, а значит, не было проявлением деспотизма. Следовательно, это изначально «мнимая республика» и ее суверенитет, а главное свобода — лишь видимые: «...кто не знает, что Речи сии, равно как и ответы на них, сочиняются в Кабинете Наполеоновом», между тем именно властолюбие превращает режим в тиранию⁴⁶. Свобода подлинная и свобода мнимая, за которой скрывается самовластие, стремление извлечь выгоду, а не служить общему благу, были главным критерием, чтобы признать или нет правление республиканским по духу: «Прошедший год останется достопамятным <...> тихою кончиною Французской Республики... Фортуна воздвигала престол своему любимцу на развалинах храма *мнимой свободы* <...> необузданная вольность и строгий деспотизм, нечестие и набожность — вещи диаметрально противоположные, и по общему порядку обыкновенно разделяемые целыми столетиями <...> сблизилась между собою»⁴⁷.

Третьи искали оправдания, апеллируя к старой теории Монтескье: «Внезапное *превращение* Французского правления из Республиканского Консульского в Монархическое подтвердило давно уже всеми признанную истину, что государство *обширное и великое* не может и не должно быть Республикою. Чем оно более, тем вреднее для него образ Республиканского правления»⁴⁸. Они утверждали, что лишь в монархии защищены личность и собственность, уважались заслуги, а не амбиции. Однако пример Соединенных Штатов, казалось, показывал обратное — что не от пространства и не от климата зависит форма правления, республики могут обладать большими «владениями» и быть очень могущественными⁴⁹.

Находились и те, кто констатировал слабость политических теорий для объяснения происходивших событий: «Не знаю, к какому отдалению должно отвести образ Маратского правления. Собственно *Монархией* назвать его не можно; здесь нет Дворянства, пользующегося особенными преимуществами — следственно нельзя назвать его *Аристократиею*, а еще менее *Демократиею*, потому что народ здесь ничего не значит»⁵⁰.

Это характерный пример публичной полемики из детства того поколения, которое мы привыкли отождествлять с декабризмом. Poleмика разворачивалась на страницах европейских газет, раздавалась в салонах, доносилась и до страниц нарождающейся российской печати⁵¹. В данном случае важна не выборка (можно процитировать десятки изданий), а логика, модели аргу-

ментации, которые будут одинаковы. Дискурсивное поле оставалось нестабильным и после наполеоновских войн, менялись оценки конкретных деятелей, но не аргументы.

Существовало множество точек сближения. В 1803 г. журналы иронизировали над склонностью людей к подобострастию перед величием героя, даже в республиках: «Французы, созданные для Монархии, несколько веков славилась любовью к Королям <...> удивительно ли, что народ, всегда сродный к идолослужению (даже и в самых Республиках), с благоговением смотрит на Героя»⁵². Всё это перекликалось с письмом М. И. Муравьева-Апостола брату С. И. Муравьеву-Апостолу. Его изъяли как доказательство преступных планов. Во времена его детства российские газеты открыто публиковали подобные остроты, не страшась цензуры: «Мне пишут из Петербурга, что царь в восторге от приема, оказанного ему в тех губерниях, которые он недавно посетил. На большой дороге народ бросался под колеса его коляски, ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помешать *таким проявлениям восторга*. Будущие *республиканцы* (в оригинале “les futurs républicains”. — Н. П.) всюду выражали свою любовь, и не подумайте, что это было подстроено исправниками, которые не были об этом осведомлены и не знали, что предпринять. Я знаю это от лица вполне надежного, друг которого участвовал в этой поездке»⁵³. Равенство, необходимое для республиканской делиберации, было не политически, а культурно недостижимым, несмотря на политические усилия⁵⁴. Представлялись необходимым просвещение, изменение нравов, чтобы республика оказалась возможной.

Наполеоновские войны, показавшие, как легко свергаются одни правительства и утверждаются новые, распадаются и объединяются государства, а на республиканские престолы «волей народа» возводятся новые монархи, смешали понятия⁵⁵. Набирает силу дискуссия вокруг вопроса, что отличает подлинный республиканизм от ложного. Всё чаще слова «монархия» и «республика» используются не как термины, связанные с политической теорией, а как обычные политонимы, названия конкретных государств. Республика как политоним теперь ассоциировалась с Французской революцией и демократией. Газеты публиковали регулярные новости о новых республиках Латинской Америки, позволяя по-новому увидеть античные понятия⁵⁶. Однако сами эти режимы могли быть поняты через призму классической политической теории, противопоставлявшей республику как хорошее правление деспотизму и тирании как правлению дурному, и тогда провозглашенное в 1792 г. государство *République française* оказывалось лже-республикой, не соответствующей подлинному республиканскому идеалу: «...опыт показал <...> *каких трудов стоит удерживать машину государства в равновесии* среди опасной борьбы партий», где каждая партия заботится лишь о собственной выгоде⁵⁷, «чтобы действовать *тирански*... свобода была в то время не иным чем, как только поводом к угнетению»⁵⁸. Причина превращения режима в деспотизм — власть толпы вместо республиканской делиберации.

Характерно, что в двух важнейших политических текстах, которые ассоциируются с декабризмом, «Русской правде» П. И. Пестеля и «Предположении для начертания устава положительного образования, когда ЕИВ благоугодно будет с помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую Империю» Н. М. Муравьева (обычно их называют конституциями или конституционными проектами, хотя жанр вызывал разногласия еще на следствии), слово «республика» не употребляется ни разу. Не было его ни в доносах, ни в отобранных при арестах бумагах, ни в протоколах и показаниях, собранных следствием в первые дни после 14 декабря.

Однако история понятий не сводится к истории слов и анализу простого словоупотребления. Следственные показания демонстрируют, как республиканские идеи работали на понимание событий на Сенатской площади. Стороны без труда опознавали риторику как республиканскую, однако по-разному интерпретировали само понятие, апеллировали к разным политическим моделям и давали разные оценки. В представлении подсудимых эти показания должны были подорвать картину заговора и столкновения придворных партий, которая начала складываться при допросах первых арестованных офицеров⁵⁹. Следователям же это позволило перекодировать «заговор» в «революцию». Доставленный во дворец в ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. К. Ф. Рылеев (его представляли «главой заговора») интерпретировал происшедшие события как результат *свободного общего дела ради общего блага* и соблюдения закона: «Все *единогласно* говорили, что раз присягнув будет низко присягать другому Императору; на етой мысли, *каждый утвердась, все совокупно решились* не присягать. Положено однако ж было никаких *насильственных* мер в отношении солдат не принимать, а если солдаты *увлекутся примером* офицеров <...> то положено было *выдти* на площадь и *требовать* Константина». Он писал, что объявить о возможном возмущении почитает он «*долгом совести и честнаго гражданина*»⁶⁰. Он просил у императора «милости пощадить молодых людей», просил *за других*. Он писал, что целью была «*конституционная монархия*». И это соседствует в его показаниях с республиканской риторикой общего дела, без кажущегося современным исследователям естественным противоречия. Он спорил с допрашивавшим его К. Ф. Толем, представляя даже допрос как обмен мнениями: «...я для щастия России, полагаю Конституционное правление самое выгоднейшим и остаюсь при сем *мнении*»⁶¹. Открытое выражение мнений и участие в судьбе других — гражданское достоинство, а хитрость и честолюбие — пороки. Рылеев напишет о Пестеле: «Заметив в нем хитраго честолюбца я уже более не хотел с ним видеться»⁶². Расстрел на площади и свой идеальный порядок он не соотносил, расстрел для него — убийство, «несчастье». Но для Толя это естественное следствие республиканского выбора, пример кровавой революции и доказательство, что революции приводят к «совершенной анархии»⁶³. Г. С. Батенков отказывался признать справедливым отождествление республиканизма с революцией: «...мог ли я в несколько дней переменить

сей образ мыслей — плод десятилетних трудов и размышлений — и принять *анархические* начала по одному внушению людей, не имеющих решительного надо мною превосходства в основательных познаниях»⁶⁴. В ту же ночь на допросе А. О. Корнилович очень похоже передавал слова Рылеева: «Теперь наступает время решительное, *каждый должен действовать*»⁶⁵. Оболенский также протестует против теории заговора и рисует модель гражданской солидарности: «Я принял намерение <...> *решительно объявить лично*, что я сам собою присягнув раз присягать более ни кому не хотел без личного повеления моего Императора. Услышив о том же многих моих знакомых... решились мы, буде нижние чины на присягу не согласятся, *подкрепить их мнение собственным своим*. Личных сношений с нижними чинами я не имел»⁶⁶.

Рылеев представлял идеальный порядок как свободный без давления обмен мнениями и собрание, напоминающее Екатерининскую Уложенную комиссию и Земский собор: «посредством Сената *предложить* Вашему Величеству или Государю Цесаревичу о собрании Великого Собора, на который должны были съехаться выборные из каждой Губернии, с каждого сословия по два. Они должны были *решить*, кому царствовать и на каких условиях. Приговору Великого собора положено было безпрекословно повиноваться»⁶⁷.

Трубецкой также говорил про общее дело и добродетели, о свободе как недоминировании, законности: «...*содействие каждого частно малозначуще, полезнее действовать общими силами*. <...> для *успешнейшего действия нужен порядок и формы*... отвращать от дурных дел советами своими... достоинствами и доброй нравственности... не можем заставить ...вероятно есть много людей желающих Конституционной Монархии, но которые не являют своего мнения не видя возможности до оной достигнуть, но когда увидят возможность и при том что возставшие войска никакого буйства не делают то обратятся на их сторону»⁶⁸. Ответственность за трагедию на Сенатской площади он возлагал на правительство: сомнения не было, что «Государь Император Николай Павлович не захочет делать *кровапролития и лучше уступя от Самодержавной своей власти согласится на зов депутатов из Губерний*»⁶⁹.

Многие допрошенные 16 декабря представляли злоупотребления тех, кто окружает государя и занимает должности, главным пороком существующего порядка. Хорошее правление должно быть основано на *добродетелях и законах*, не ограничивая власти монарха. Подданные должны менять себя, а не правление. 16 декабря Николай Бестужев показывал: «Единственное спасение полагали мы в *законах*, коими, *не желая ограничить власти Монарха, хотели обуздать тех кои во зло употребляли его доверие*. Мы надеялись что вся Гвардия соберется близ сената, и тогда хотели *просить* наследника престола *даровать нам законы*, столь драгие и столь желаемые нашим отечеством... приготовление как самих себя так и юношество, в исполнении возложенных на них обязанностей, примеров нравственности, дабы тем обратить на себя внимание Государя и видеть *употребленными людей способных и на оное приготовленных*»⁷⁰.

Вот как это звучит у П. Г. Каховского: «...даровать каждому гражданину право собственности и личной безопасности ограждаемой законами... Одно спасение полагал я в составлении законов и принятии оных непоколебимым вождем; ограждающих собственность и лицо каждого»⁷¹. 16 декабря К. П. Торсон показывал: «...желание видеть отечество мое, водимым законами, ограждающими собственность и лицо каждого»⁷². Каховский так представлял сущность протеста: солдаты говорили, что Константин «ежедневно правил не изменяет». Он рассуждал: «Я слышал что многие из помещиков, даже приближенных к Государю, согласны были отречься от прав своих, освободить крестьян; но с тем чтоб Монарх ограничил власть престола»⁷³.

Слово «республика» появляется в материалах следствия только через неделю после его начала, 21–23 декабря 1825 г., практически одновременно в Тульчине и в Петербурге, когда там будут почти в один момент получены письмо и донесение от И. И. Дибича, информировавшие о том, как подвигается провокация унтер-офицера И. В. Шервуда и полковника С. С. Николаева. (Есть данные, что они использовали слово «республика» при провокации⁷⁴. Вот как писал об этих методах негласного наблюдения и тайного дознания писал А. И. Чернышев: «...что никогда не выразить на письме, очень легко можно на словах», речь, продолжал он, шла о «демагогах вроде Робеспьера и Марата со всем вытекающим», «нет ничего позитивного», но есть «червь сомнения»⁷⁵.) Трубецкой садится писать о Пестеле, республике и планах убийства членов императорской семьи⁷⁶, это значит быть «изчадием Ада, каким нибудь Робеспьером или Маратом. — Мысль ужасная! которая ежеминутно приводит меня в содрогание <...> ужасы Французской революции»⁷⁷. Рылеев заговорит не о свободе, а о принуждении: «Сенат надеялись мы принудить силою»⁷⁸. Его семья была оказана помощь.

В Тульчине письмо И. И. Дибича будет получено в одно время с письмом, которое 15 декабря Николай I направил к генералу П. Х. Витгенштейну с генерал-лейтенантом А. А. Корниловым: «...я вступил на престол с пролитием крови моих подданных... С нетерпением жду от вас известий на счет того, что г. Чернышев вам сообщил... всё подтвердилось по смыслу сведений, которые мы от г. Дибича получили»⁷⁹. «Позитивные» сведения нужно было добыть. А. И. Майборода и М. П. Старосельский садятся писать о «республике», истреблении императорской семьи, революции, о том, как планировали принудить Сенат и Пестеля⁸⁰. Чернышев рапортует о доказательствах существования «заговора к ниспровержению существующего порядка и против Августейшей императорской фамилии и ее уничтожения и... ко введению республиканского посредством революции правления». 24 декабря французский посол в Петербурге граф Ф. де Ла Ферроне направил депешу к барону А. И. М. Дамасу: «...один из главных виновных был кн. Трубецкой... считал себя главой революции»⁸¹. Делу с самого начала Николаем I была придана публичность. О царевубийстве и «революционистах превосходнее Брута и Риго» будет давать пута-

ные показания Булатов, но вскоре, не выдержав напряжения, покончит с собой. А. А. Бестужев повторит требуемые показания: «...*принудить* Сенат узаконить сделанное нами и *устранить Царствующую фамилию от престола, а на Руси огласить Республику*»⁸².

Когда в Петербург доставили Пестеля, главного «республиканца», согласно собранным на него доносам и показаниям, на первом допросе он, как большинство арестованных, будет говорить про необходимость «убеждать», про «общее согласие и одобрение», про свободный выбор преобразований (какой будет «предпочтен»), про общее благо⁸³. Он и на следующих допросах будет упоминать необходимость делиберации, «изложить все выгоды и все невыгоды <...> с тем чтобы потом каждой <...> объявлял свои *суждение и свои мнение*»⁸⁴.

9 (21) января 1826 г. Ф. де Ла Ферроне направил депешу к А. И. М. Дамасу об аудиенции для глав дипломатических представительств у Николая I: «Заговорщики, — поведал он (Николай I. — *Н. П.*) своему собеседнику, — не были еще согласны между собою <...> одни хотели *республики безусловной (pure et simple)*, с тремя консулами, с трибунами, и эти заговорщики распускали армию, образывая национальную гвардию, исключительно предназначенную для защиты страны от иностранного вторжения, и немедленно объявляли свободу крестьян. Другие требовали президента и *образ правления, сходный с тем, что существует в Соединенных Штатах*. Наконец господин Пестель, один из самых предприимчивых людей партии <...> хотел *конституции вполне аристократической*, с сохранением крепостного права, с удержанием армии на нынешней ноге и с немедленным объявлением войны всем законным правительствам. В план заговорщиков входило цареубийство <...> с первого появления на революционном поприще русские превзошли бы ваших робеспьеров и маратов <...> они дерзко отвечали, что <...> свобода может быть основана только на трупах и что они гордились бы запечатлеть своей кровью то здание, которое хотели воздвигнуть»⁸⁵. «До сего дня, — писал Г. С. Батенков, — никто еще не был сужден и наказан за домашние разговоры и образ мыслей», однако они «могли быть перетолкованы иначе, сообразно с особенными видами каждого»⁸⁶.

В первые дни следствия декабристы апеллировали к ценностям классического античного республиканизма, для большинства он значил необходимость активного политического действия по римской модели — требовать открыто на площади цезаря, соблюдения законов, требовать быть услышанными, выступить против тирании. В первые дни следствия тираноборчество ассоциировалось с гражданским действием, протестом, готовностью, жертвуя всем, выступить против попрания закона и «свобод народа». Однако следствию было важно представить восставших цареубийцами (в декабристоведении есть консенсус — это был сфабрикованный следствием сюжет). Среди арестованных находились те, кто пытался «истребление царской семьи» интерпретировать как подвиг Брута. А. М. Булатов сам явился в зимний дворец после событий 14 декабря. 25 декабря, когда следствие начинает добывать показания о намерениях

«истребить императорскую семью», Булатов писал, что поклялся «отмстить государю за изрубленных» на Сенатской⁸⁷, как Брут, а после, как Катон в момент гибели республики, совершил самоубийство. Образ Брута был общим местом, связывавшим республиканизм античный и республиканизм нового времени, он ассоциировался с Французской революцией, в годы террора апелляции к этому античному сюжету служили оправданием многих политических убийств. Следствие будет использовать этот арсенал риторических средств для перекодирования, изменения не просто акцентов, но смысла того, о чем шла речь на допросах.

Мы рассмотрели две модели республиканизма — классический, ведущий свою генеалогию от античности, и республиканизм нового времени, зародившийся в ходе Французской революции, когда основные античные модели республиканского действия были модифицированы. Почти все декабристы владеют обоими дискурсами. Но и Пестель, и Муравьевы-Апостолы, и Бестужев-Рюмин, и Рылеев, — те, в ком мы привыкли видеть «отъявленных» революционеров, и многие другие, даже Батенков и Штейнгейль, уверенно начинают с республиканизма классического, а после под давлением переходят на язык республиканизма нового времени. Следствие будет навязывать заданные в вопросных пунктах формулировки, требуя признать намерения «ввести в России республиканское правление посредством революции». Как справедливо отмечал В. Л. Каплун, «в период правления Николая I, после разгрома движения декабристов и введения жесткой цензуры и жесткого полицейского контроля над общественной жизнью, гражданский республиканизм как политическая и моральная культура образованной российской публики подавляется средствами государственного насилия и постепенно уходит в тень, а его отдельные теоретические и практические принципы заимствуются другими общественными движениями (либеральными, консервативными, социалистическими)»⁸⁸.

¹ *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. ix–x; *Hankins J.* Exclusivist Republicanism and the Non-Monarchical Republic // *Political Theory*. 2010. N 38 (4). P. 453–476.

² *Хархордин О.* Вместо предисловия. Res Publica: возрождение интереса // Что такое республиканская традиция. СПб., 2009. С. 7–13.

³ *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М., 2016. С. 42–45, 91–106, 217–226.

⁴ *Grandhaye J.* Russie: la république interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIII–XXI siècles). Paris, 2012.

⁵ *Каплун В. Л.* «Жить Горацием или умереть Катоном»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII — первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55). С. 197–219.

⁶ *Киянская О. И.* Пестель. М., 2002. С. 36, 54.

- ⁷ Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов. М., 2010. С. 159–160.
- ⁸ Андреева Т. В. Тайные общества в России первой трети XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2010. С. 210.
- ⁹ Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 11–12.
- ¹⁰ Бокова В. М. Декабристы и их время. М., 1995.
- ¹¹ Парсамов В. С. Никита Михайлович Муравьев: «масса людей может сделаться тираном, как и отдельный человек» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 79–82.
- ¹² Ильин П. В. Между заговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. СПб., 2008. С. 12–17.
- ¹³ Там же. С. 88–96.
- ¹⁴ Там же. С. 102–104.
- ¹⁵ Rabow-Edling S. 1) The Republican Idea of the Nation in Decembrists Poetry // Arbetsrapporter Working Papers. 2006. N 107; 2) Liberalism in Pre-revolutionary Russia: State, Nation, Empire. New York, 2019.
- ¹⁶ Пушкин А. С. Вольность. Ода // Пушкин А. С. Сочинения. Т. 1. М., 1985. С. 184–185.
- ¹⁷ Hanks J. Exclusivist Republicanism... P. 453. Руссо в «Общественном договоре» писал: «Я называю Республикою всякое Государство, управляемое *посредством законов*, каков бы ни был при этом образ управления им; ибо только тогда *интерес общий* правит Государством и *общее благо* означает нечто. Всякое Правление (Под этим словом я разумею не только Аристократию или Демократию, но вообще всякое Правление, руководимое общей волей, каковая есть Закон. Чтобы Правительство было законсообразным, надо, чтобы оно не смешивало себя с сувереном, но чтобы оно было его служителем: тогда даже Монархия есть Республика) *посредством законов, есть республиканское*» (Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998).
- ¹⁸ На следствии В. И. Штейнгейль писал о необходимости «найти людей, вложить в них душу и соделать сопричастниками будущей славы» (Восстание декабристов (далее — ВД). Т. 14. С. 185–186).
- ¹⁹ Строго говоря, немонархическое понимание республики появилось в эпоху Возрождения (см.: Hanks J. Exclusivist Republicanism...). Самый известный пример: Макиавелли в «Государе» противопоставил монархию и республику. Однако до рубежа XVIII–XIX вв. это противопоставление не было доминирующим. Теоретики-абсолютисты от Бодена до Гоббса настаивали на том, что «республика» может означать любое законное правительство с суверенной властью, это может быть абсолютная монархия, монархия конституционная, аристократия (олигархия) или демократия. Правительство необходимо, чтобы подавать пример, поддерживать свободное участие граждан в общем деле, координировать их усилия на общее благо. Правитель может жертвовать ради общего дела большим или же наравне со всеми, или и вовсе побуждаться к этому, заступая на должность по жребию — это формальный момент. В данном случае не так важно, по какому принципу оказываются во главе государства — наследуют эту должность, выбирают на нее, назначают за заслуги или по очереди, по жребию ли. Не в этом суть режима. Республика означала не форму, а принцип, предполагающий возможность *свободного участия граждан в жизни государства*. Однако в эпоху Возрождения и особенно после гражданских войн в Англии появляется всё больше политических текстов, в которых республика противопоставляется монархии, и самый известный пример — Мильтон (Nelson E. Jewish Sources and the Transformation of European Political Thought. Cambridge, 2010). На протяжении всей классической эпохи сосуществовали разные традиции переводов античных текстов, прежде всего Аристотеля и Тацита. В одной из них республика означала принцип правления, в другой, восходящей к эпохе Возрождения, рассматривалась как одна из форм правления, альтернатива монархии и аристократии. Но в XVIII в. защитники монархического республиканизма сохраняли позиции в борьбе за термин с антимонархистами. Республика означала не народовластие, а политическую модель, которая не позволяет правлению, будь то монархия, аристократия или демократия, превратиться в тиранию. Она должна оставаться республикой, позволяя гражданам *действовать ради общего*

дела. Это служение делу, а не личной выгоде. На таком понимании слова «республика» делали акцент в своих речах Робеспьер и аббат Сийес в 1791 г. Однако для понимания сути дискуссии важно помнить, что Монтегкье в «Духе законов» различал монархию, республику (аристократическую или демократическую) и деспотизм.

²⁰ Республика семи островов // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1802. № 14. Т. 4. С. 146.

²¹ ВД. Т. 11. С. 252.

²² *Le Roy Y., Pictet F.* Un projet de reforme de la poursuite pour dettes sous Catherine II // *Commentationes Historiae Ivris Helveticae* / Cur. F. Hafner, A. Kley, V. Monnier. Bern, 2012. P. 70; *Hans N. François Pierre Pictet, Secretary to Catherine II* // *The Slavonic and East European Review*. 1958. Vol. 36, N 87. P. 481–491.

²³ ВД. Т. 14. С. 37, 49.

²⁴ Там же. С. 185. Деспотом может быть и губернатор (Там же. С. 94), тираном — полковой командир (Там же. Т. 18. С. 292); многие декабристы заявляли это как причины своего недовольства режимом.

²⁵ Привычное сегодня противопоставление либерализма и республиканизма в эпоху, о которой идет речь, еще не сформировалось. В российском дискурсе «либералами» называли всех, кто ценит свободу. Свободу могли противопоставлять вольности как стихийному, ничем не ограниченному проявлению человеческого духа. Свобода предполагала уважение законов, уважение права другого на свободу. Либерализм не ассоциировался еще с политическим течением, так называли все идеи о соотношении законности и прав и необходимости «исправления» существующего законодательства и обновления порядков. В этом же смысле слова «либеральный» и «либерализм» употребляли и люди декабристского круга: «...истинный корень *республиканских* порывов сокрывается в самом воспитании и образовании, которые в течение 24 лет само правительство давало юношеству. Оно само питало их, как млеком, *либеральными идеями*» (ВД. Т. 14. С. 189). Ср. А. П. Беляев: «*Не республиканский образ мыслей, но просто так называемый либерализм без всякого до сего случая стремления разделяли <...> Иные желали просто республики, иные представительного, другие конституционной монархии*» (Там же. С. 241).

²⁶ ВД. Т. 4. С. 86.

²⁷ Швейцария // Вестник Европы. 1802. № 20. Т. 5. С. 321.

²⁸ ВД. Т. 14. С. 136.

²⁹ Ср. М. М. Спиридов: «...такая Конституция, которая вводится ножом, есть Конституция Варварская, *Тираническая*» (ВД. Т. 5. С. 111).

³⁰ «...быть начальником, но не тираном в своем отечестве» (*Миддлтон Ч.* Характер Помпея // ВЕ. 1811. № 16. Т. 58. С. 248).

³¹ Этот же принцип был положен в основу конституции Н. М. Муравьева — император воплощал «верховную исполнительную власть» (*Муравьев Н. М.* Конституция // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 253, 279).

³² Об этом говорили не только древние авторы. Макиавелли в «Государе» писал, что секты и партии причиняют республикам вред, ему вторил Руссо в «Общественном договоре»: «Важно, следовательно, дабы получить выражение именно общей воли, чтобы в Государстве не было ни одного частичного сообщества и чтобы каждый гражданин высказывал только свое собственное мнение». К этой традиции апеллировали многие публицисты XIX в., см.: Нечто о Венеции при ее падении (из *Minerva*, пер. Н. М. Карамзина) // ВЕ. 1802. № 10. Т. 3. С. 147–148.

³³ Итальянская Консульства в Лионе (из *Décade*, пер. Н. М. Карамзина) // ВЕ. 1802. № 5. Т. 2. С. 64.

³⁴ Подробнее о делиберации см.: *Sanders L. M.* Against Deliberation // *Political Theory*. 1997. Vol. 25. N 3. P. 347–376; *Parkinson J., Mansbridge J.* Deliberative Systems. Cambridge, 2012. В конце XVIII в. (в России — при подготовке созыва Уложенной комиссии) предметом политической мысли было, как технически устранить на время обсуждения а) неравенство, б) не-сдержанность и в) не-рациональность, дабы не допустить превращения собрания многих в единую массу, сдерживать и не допустить управления публикой,

- дать возможность каждому быть выделенным и видным во время обсуждения. Обсуждение должно быть столкновением не людей, а мнений. Сверхзадача делиберативного со-трудничества — открытие нового общего взгляда, пересмотр и изменение видения ситуации, новая «композиционная» оптика видения, а не подчинение чужому мнению и чужой точке зрения. По мнению теоретиков, этот идеал часто остается недостижимым на практике. В основе должен быть принцип взаимного уважения. «Общее мнение — лучший страж всякого порядка и законности», — писал Г. С. Батенков (ВД. Т. 14. С. 51). «Согласить для всех сословий», так это сформулировал на следствии В. К. Тизенгаузен (Там же. Т. 11. С. 252). Ср., как о необходимости этой практики говорил на следствии В. И. Штейнгейль: «Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче и надежнее управлять, нежели имеющим гражданские добродетели и в довольстве живущим, а потому не *прислушивалось к народному мнению*, не *входило в его нужды*: повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы оттого всё разорилось <...> Дблжно ли после сего удивляться, что правительство потеряло *народную доверенность и сердечное уважение* и возбудило *единодушное, общее желание* перемены в порядке вещей? <...> “Почему мы не можем *рассуждать о наших правах и собственности*?” — родится в голове каждого» (Там же. Т. 14. С. 186–187, 190).
- ³⁵ ВЕ. 1802. № 5. Т. 2. С. 85.
- ³⁶ Иными словами, недостаточно просто собрать деньги и поставить на площади памятник, нужно еще иметь возможность решать, что рядом с этим памятником стоит делать, недостаточно просто пожертвовать деньги на богадельню, нужно участвовать в обустройстве и организации жизни ее обитателей и иметь возможность менять правила, если что-то идет не так. Это политика, в которой гражданин республики сознаёт себя *участующим*.
- ³⁷ Материалы для жизнеописания графа Н. П. Панина. СПб., 1892. Т. VI. С. 616; *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1871. Т. VI. С. 298.
- ³⁸ ВД. Т. 4. С. 113, 152.
- ³⁹ О греческой республиканской модели и ее рецепции в европейской традиции Нового времени см.: *Росcock J. G. A. Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century* // *The William and Mary Quarterly*. 1965. Vol. 22. N 4. P. 555–556, 575.
- ⁴⁰ Обряд управления комиссией // РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 94. С. 17, 23, 32–33, 47, 40.
- ⁴¹ Записка о тайных обществах в России, 1821 год // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 12. С. 423–425.
- ⁴² Перечень известных из Италии // ВЕ. 1804. № 12. Т. 15. С. 344.
- ⁴³ ВЕ. 1804. № 10. Т. 15. С. 168–169.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ВЕ. 1804. № 9. Т. 15. С. 81.
- ⁴⁶ ВЕ. 1805. № 8. Т. 20. С. 336–337; Хищения Наполеоновы // ВЕ. 1805. № 23. Т. 24. С. 218–219.
- ⁴⁷ Взгляд на происшествия 1804 года // ВЕ. 1805. № 1. Т. 19. С. 74–75.
- ⁴⁸ Первые годы царствования Александра I // ВЕ. 1804. № 21. Т. 18. С. 64–65; Перечень известных из Германии // ВЕ. 1804. № 10. Т. 15. С. 168–169. К логике этой на следствии апеллировал М. П. Старосельский: «...посторонний разговор <...> склонился между прочим на роды правления, Монархический Аристократический и Республиканский, которые он мне объяснил каждый по порядку со стороны выгоды и невыгоды, Я же присовокупил к тому что в России всякой род правления исключая Монархический был бы для нее гибелен по причине ее обширности и разных народов оную населяющих, которые совершенно различны между собою и религиею и нравами» (ВД. Т. 4. С. 60). А также М. М. Спиридов, Д. А. Искрицкий, Г. С. Батенков и др.: «...республиканское правление несовместимо с обширностью России» (ВД. Т. 5. С. 126; Т. 18. С. 131; Т. 14. С. 98).
- ⁴⁹ Историческое и статистическое обозрение Республики Соединенных Областей в Северной Америке // ВЕ. 1806. № 2. Т. 25. С. 132–133.
- ⁵⁰ *Тоун У. Г.* Мараты (Из Минервы) // ВЕ. 1804. № 22. Т. 18. С. 144–145.

- ⁵¹ «Рассуждения о политическом и гражданском строе государств, — писал Г. С. Батенков, — отнюдь не суть у нас ныне удел тайных обществ: они в частной жизни гласны и в больших городах почти ежедневны и всеобщы как между дворянством, так и между купечеством» (ВД. Т. 14. С. 50).
- ⁵² ВЕ. 1803. № 15. Т. 10. С. 228; Известия. Париж // ВЕ. 1803. № 1. Т. 7. С. 82.
- ⁵³ ВД. Т. 9. С. 209, 211. На следствии А. М. Булатов перевернет интерпретацию, оставаясь в рамках того же дискурса: «Наружная любовь к государю не что иное, обман, сопряженный с искательствами начальства <...> Вместо же тех рукоплесканий, которые бывають при встречах, желают скорее избавиться присутствия государя; вместо бросаемых вверх шапок при выезде государь повезет тьму просьб на местное начальство, и вместо казавшегося народа довольным при виде государя остается надолго издержавшегося без всякой пользы народа ропот» (ВД. Т. 18. С. 310–311).
- ⁵⁴ «На республику <...> еще не дозрели люди», — писал А.А. Бестужев (ВД. Т. 14. С. 67).
- ⁵⁵ Газеты описывали необычные превращения республик в империи и обратно (О прежних переменах в Голландии и о нынешнем ее присоединении ко Франции (из Hamburg Politisches Journal) // ВЕ. 1810. № 17. Т. 53. С. 67). «Ежедневно творят новые власти, новые формы правления, и даже изобретают новые имена для областей! Сего дня республика, завтра монархия; то народное собрание царствует, то солдат, дружный с фортуною... Посол, которого отправите к Консулу, или к Децемвиру, может стать, принят будет каким-либо Императором; трактат, которой заключили вы с вольною областию, будет уничтожен каким-нибудь деспотом» (Суждение Парижской «Звезды» об Испанской Америке (из Gaz. Warszawskiej) // ВЕ. 1823. № 23–24. Т. 133. С. 268). Публицисты наперебой разоблачали «лже-империи» и «лже-республики», самозванцев (см., напр.: Нынешнее состояние дел в Американских государствах (из Hamburg Politisches Journal) // ВЕ. 1823. № 11. Т. 130).
- ⁵⁶ Известны примеры, как воспевались доблести и добродетели напоминающих «героев Плутарха» «великих граждан» республики Объединенных провинций (Взгляд на внутреннее состояние республик Южной Америки // ВЕ. 1818. № 21. Т. 102. С. 57). ВЕ. 1824. № 1. Т. 134.
- ⁵⁷ О нынешнем состоянии Франции // ВЕ. 1817. № 2. Т. 93. С. 47.
- ⁵⁸ Характерный пример теории заговора — протокол допроса Д. А. Щепина-Ростовского, записанный 14 декабря К.Ф. Толем: обсуждать обстоятельства переприсяги здесь значит передавать «слухи», и если что-то и затевается так, то это «заговор», солидарность с солдатами трактуется (иронически ли) как нарушение должного порядка: «В сию минуту люди многие сзади говорили, как мы присягнули К. Павл. На сие приказал я расходиться по капральствам», противостояние Николая и Константина трактуется как поединок, война, «которой стороны они держутся, Константина Павловича или Николая Павловича» (ВД. Т. 1. С. 396–397). Или вот протокол допроса Панова: «Я надеялся найти сильную партию за Великаго Князя Константина Павловича, которую увеличить хотел нашим полком» (Там же. Т. 2. С. 104).
- ⁶⁰ Там же. Т. 1. С. 152.
- ⁶¹ Там же. С. 153.
- ⁶² Там же. С. 154.
- ⁶³ Там же. С. 152–153.
- ⁶⁴ Там же. Т. 14. С. 40.
- ⁶⁵ Там же. Т. 12. С. 322.
- ⁶⁶ Там же. С. 224.
- ⁶⁷ Там же. С. 154–155.
- ⁶⁸ Там же. С. 23–34, 37.
- ⁶⁹ Там же. С. 18.
- ⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 60.
- ⁷¹ Там же. Т. 1. С. 338–339.
- ⁷² Там же. Т. 14. С. 198.

- ⁷³ Там же. Т. 1. С. 340.
- ⁷⁴ *Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903. Т. 1. С. 638–642. 30 ноября С. С. Николаев записал в дневнике: «Но я написал прокламацию на счет Дона в *республиканском духе* и отдал ее Шервуду. Он переписал и будет читать Вадковскому, как будто бы получил ее от меня, познакомившись со мной в Харькове. Какое-то она произведет действие?» (Воля России (Прага). 1925. № 12. С. 46–58).
- ⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 836 (Чернышев). Оп. 1. Д. 18. Л. 60 – 60 об.
- ⁷⁶ ВД. Т. 1. С. 15. Эти показания Трубецкого и рапорт Витгенштейна о продвижении следования на юге были заслушаны Следственным комитетом в один день — сначала рапорт, потом показания (Там же. Т. 16. С. 314–315). Позже Трубецкой вспоминал, как с ним работали следователи и оказывали на него давление, как угрожали его жене (*Трубецкой С. П.* Записки. СПб., 1908. С. 45–46, 48).
- ⁷⁷ ВД. Т. 1. С. 39, 34.
- ⁷⁸ Там же. С. 155.
- ⁷⁹ *Николай I.* Письмо к гр. Витгенштейну, 15 декабря 1825 г. // Русская старина. 1870. Т. 2.
- ⁸⁰ ВД. Т. 4. С. 10–12, 60.
- ⁸¹ *Татищев С. С.* Воцарение имп. Николая I. По неизданным источникам парижского архива МИД // Русский вестник. 1893. Т. 25, апрель. С. 21.
- ⁸² ВД. Т. 1. С. 436. Характерно, что, скажем, В. А. Бечасный и П. И. Борисов в этом значении считают более подходящим понятие «*демократия*», а не республика (ВД. Т. 5. С. 280, 54).
- ⁸³ ВД. Т. 4. С. 80–82. «...ежели сие не будет твердым образом постановлено и согласено, то легко родиться могут партии разные Козни <...> ввести образ мыслей в общее мнение» (Там же. С. 87).
- ⁸⁴ Там же. С. 101–102.
- ⁸⁵ *Татищев С. С.* Воцарение имп. Николая I. С. 25.
- ⁸⁶ ВД. Т. 14. С. 50.
- ⁸⁷ Там же. С. 301.
- ⁸⁸ *Каплун В. Л.* «Жить Горацием или умереть Катоном».

УДК 930(477):061.25«18»

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00037

Г. Д. Казьмирчук, М. Г. Казьмирчук

Первый период развития Украинской декабристovedческой школы (1825–1917 гг.)

Современный уровень развития исторической науки в изучении движения декабристов позволяет создать новую периодизацию и особенно выделить первый период становления и развития украинской декабристovedческой школы. Важны не только проблематика и методы ее

исследования разными школами, а также политические влияния и отношение к ней отдельных ученых, историков и литераторов. На территории Украины, по подсчетам Павла Ильина, родилось и проживало 44 исследователя движения декабристов. Выделяют также 76 «уроженцев Украины, кто славил величие СССР», в том числе будущий академик АН СССР М. В. Нечкина, И. Я. Айзеншток, С. А. Венгерова, И. С. Зильберштейн, иркутский писатель М. Д. Сергеев, академик, воспитанник Университета св. Владимира Е. В. Тарле и др. Можно назвать фамилии около 300 исследователей-декабристоведов конца XX — начала XXI в. Развитие декабриствоведения в Украине тесно связано с жизнью и научной деятельностью не одного поколения историков Университета св. Владимира.

Украинская декабристоведческая школа — это общественно-научное объединение единомышленников, исповедующих идеи и принципы ее лидеров. В разные периоды школа могла изменять главные идеи и направления изучения проблемы¹. Цель данной статьи заключается в том, чтобы определить характеристики проблемы «Украинская декабристоведческая школа. 1825–2019», охарактеризовать ее первый период становления и развития. В дореволюционном декабриствоведении долгое время отсутствовало понятие школы, об этой научной проблеме не писали, а рассказывали о работах крупных русских декабристоведов: В. Семецкого, Н. Павлова-Сильванского, П. Щеголева; украинских декабристоведов: П. Голубовского, В. Иконникова, М. Довнар-Запольского² и других исследователей. Научное исследование декабристских школ еще в СССР начал Гр. Казьмирчук, работая над историографическими сюжетами декабриствоведения. Им были подготовлены две монографии, в которых анализировались возникновение и развитие школы декабристоведов в Украине, давалось определение школы³, позже формулировки были конкретизированы и уточнены⁴. В 1997 г. были опубликованы монография и курс лекций, который читался в Киевском университете им. Тараса Шевченко⁵.

Позже доцент Киевского национального университета им. Тараса Шевченко Ю. Латыш⁶ продолжил декабристоведческие исследования Г. Казьмирчука и А. Силкина⁷. Ему принадлежит утверждение, что В. С. Иконников и М. В. Довнар-Запольский являются основателями украинской декабристоведческой школы. Ю. Латыш обратил внимание на историко-этнографический кружок студентов Университета св. Владимира, который возглавлял профессор М. Довнар-Запольский, на традиции исторической школы университета, на проблематику исследований. В 2007 г. Ю. Латыш защитил кандидатскую диссертацию, анализируя деятельность школы декабристоведов⁸. В своей монографии он отметил, развивая выводы профессора О. Киянской⁹, что в 1975 г. в Киеве была сформирована новая украинская декабристоведческая школа во главе с профессором Г. Д. Казьмирчуком¹⁰.

В своем развитии украинская декабристovedческая школа прошла несколько важных и отличающихся друг от друга периодов: 1. *Дореволюционный*, в котором выделяется несколько направлений (устно-повествовательное (1825 — середина 1850-х гг.), литературно-публицистическое (вторая половина 1850-х гг. — начало XX в.) и научное (1890-е — начало XX в.)). Во втором направлении нужно выделить дворянское, буржуазное, революционное и марксистское. 2. *Советский*. В этот период возникала советская украинская декабристovedческая национальная школа, которую в середине 1930-х гг. советская власть уничтожила. Советская декабристovedческая школа развивалась, не афишируя существующих отличий, разделялась на несколько национально-территориальных школ: в 1920–1930-е гг. она разделялась на украинскую и российскую (московскую, ленинградскую, саратовскую и иркутскую), в 1970–1980-е возникли и активно развивались — молдавское, армянское, грузинское, белорусское и сибирское направления. Украинская школа объединяла три самостоятельных, но тесно сотрудничавших центра: киевский, харьковский и одесский. 3. *Диаспорный*. Диаспорная школа, которая возникла в результате добровольной эмиграции или высылки советской властью буржуазных историков. Она разделялась на российское и украинское направления. 4. *Современный*. Сейчас существуют: российская (состоит из трех мощных научных центров — московский, петербургский и сибирский), украинская, сибирская школы декабристovedения.

В первом периоде становления украинской декабристovedческой школы преобладала устная история движения декабристов. В Украине еще помнили события и конкретных участников декабристского движения, в частности П. Пестеля, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина, И. Сухинова и др., восстание Черниговского пехотного полка. Про них рассказывали своим близким и родственникам участники тайных организаций, в частности С. Капнист, А. Капнист, В. Лукашевич, П. Граббе и другие «апостолы правды», получившие оправдательные аттестаты от Николая I и проживавшие в своих имениях. Они по-разному оценивали результаты движения. Ко второму источнику отнесем информацию от семей декабристов. На первое место необходимо поставить Варвару Репнину, племянницу С. Волконского. Она не только переписывалась с Марией Волконской, но и поддерживала связи с родными других семейств, рассказывала о декабристах Тарасу Шевченко, переправляла в Сибирь его стихи. Их читали С. и М. Волконские, С. Грубецкой, И. Якушкин, А. Поджио, П. Муханов¹¹. Софья Скалон, сестра А. Капниста, проводила салонные встречи, где звучали рассказы о декабристах. В ее воспоминаниях, опубликованных в 1859 г. и изданных несколько раз, изложены образные характеристики С. и М. Муравьевых-Апостолов, М. Бестужева-Рюмина, С. Лунина, Н. Лорера, Н. Муравьева и других декабристов¹².

Устная история о декабристах творилась в квартире Ф. Толстого, бывшего члена Союза благоденствия, а позже вице-президента Академии искусств, в которой учился Тарас Шевченко. Впоследствии над темой «Декабристы

и Т. Шевченко» работали многие украинские исследователи: П. Филипович, Г. Гайдай, Гр. Сергиенко, М. и Гр. Казьмирчуки и др. Г. Гайдай в 1964 г. выступила на конференции с докладом, в котором попыталась раскрыть дружеские отношения Тараса Шевченко с Федором Толстым, позволявшие получать объективные рассказы о декабристах¹³. Устную информацию о декабристах распространяли видные деятели культуры того времени, хорошо знакомые с декабристами. Украинский дворянский историк, писатель и этнограф Н. Маркевич был знаком с А. Пушкиным, Е. Баратынским, В. Кюхельбекером, К. Рылеевым, восхищался их литературными произведениями. Во время дружеских бесед с Т. Шевченко о литературном творчестве декабристов всплывали и воспоминания о них. Именно Шевченко стал писать о декабристах, их литературной деятельности¹⁴. Постепенно устная история о движении декабристов облекалась в писательскую публицистику.

Со второй половины XIX в. литературно-публицистическое освещение истории декабристов нашло поддержку у М. П. Драгоманова, И. Я. Франко, других украинских литературоведов и общественных деятелей. Михаил Драгоманов, приват-доцент Университета св. Владимира, племянник члена Общества соединенных славян Я. Драгоманова¹⁵, обращается к изучению истории общества, вопросов формирования народностей, федеративного устройства будущих государств¹⁶.

К идее человеколюбия, очищения от жизненной скверны, служения народным интересам, которые были присущи декабристам, обращался Иван Франко, достаточно обстоятельно изучивший этапы развития декабризма в России. Он обратил внимание на особенности развития оппозиционного движения; выступление декабристов оценивал как революционное¹⁷. Высокую оценку в своих произведениях И. Франко дает Кондратию Рылееву, представителю «наилучших сынов русского народа». Важным моментом в концепции движения декабристов И. Франко является желание показать, как идеи декабристов воспринимались и развивались в творчестве Александра Герцена и Льва Толстого. Декабристские идеи Герцена занимали «свободные минуты Каменьяра (И. Франко. — Г. К., М. К.)»¹⁸. Ему были известны работы Герцена о декабристах, который «написал обширные трактаты: “Розвій революційних ідей у Росії”, “Змова 14 грудня 1825 р.”»¹⁹. В литературно-критической статье «Лев Толстой» украинский писатель отмечал, что Толстой имел намерение написать историческую повесть «Декабристы»²⁰.

Иван Франко сделал много для перевода с русского на украинский язык литературных произведений о декабристах и их женах. Он перевел часть поэмы Н. Некрасова «Русские женщины», в которой описана поездка и жизнь княгини Екатерины Трубецкой в Сибирь, перевел и произведение А. Пушкина «Посланіє в Сибір»²¹.

Определенный уровень знаний о движении декабристов стал основой будущего научно-публицистического восприятия декабристского движения.

В Украине этому способствовали профессора Университета св. Владимира М. Довнар-Запольский и В. Иконников, обратившие внимание на необходимость и целесообразность изучения движения декабристов. На историко-филологическом факультете Университета св. Владимира одной из форм научной деятельности преподавателей и студентов были кружки: историко-этнографический кружок (1903–1917), возглавляемый на протяжении многих лет М. Довнар-Запольским, и кружок, специализирующийся на исследовании и изучении проблем славянских народов Центральной Европы, под руководством профессора Т. Фортинского. Состав историко-этнографического кружка не был постоянен. Студенты младших курсов сменяли выпускников. В 1912–1913 гг. членами кружка были 9 человек, было проведено 10 заседаний. Тематика была обширной, но нередко делались доклады, посвященные движению декабристов.

13 апреля 1913 г. на одном из заседаний с докладом «Дневник и письма Николая Ивановича Тургенева за московский и геттингенский периоды (1808–1811 гг.)» выступил студент Б. Барановский²². Барановский рассуждал о причинах вступления Н. Тургенева в тайное общество под влиянием представленной в 1815 г. Александром I Конституции Польши и отсутствия надежды на демократические преобразования для своей отчизны. Он считал Н. Тургенева «наиболее активным членом Союза благоденствия»²³.

Основателем научного украинского декабристоведения можно по праву считать М. В. Довнар-Запольского. Через его кружок в течение 10 лет «прошло 100 членов», среди которых были выпускники Парижского, Берлинского и других университетов. В разные годы с докладами выступали Н. Полонская, В. Базилевич, Ф. Эрнст и др.²⁴ Приглашая студентов к работе в кружке, Довнар-Запольский «широко привлекал молодежь к конкретной научной работе»²⁵.

Можно предположить, что еще во время работы в архивах Москвы и Петербурга М. Довнар-Запольский имел возможность пользоваться следственными делами декабристов. 18 апреля 1899 г., в письме к В. Иконникову Довнар-Запольский просит его «объявить в университете курс», посвященный «правлению Александра I»²⁶. Исследование этой эпохи было невозможно без рассмотрения вопросов декабристского движения. Однако киевские профессора побоялись использовать имя декабристов, в отличие от Афанасия Щапова, который в Казанском университете прочел лекцию о декабристах²⁷.

Многие научные труды М. Довнар-Запольский посвятил анализу теоретических проблем декабризма: «Идеалы декабристов»²⁸, «Тайное общество декабристов»²⁹, «Декабрьская революция 1825 г.»³⁰. Они объединены общим замыслом — показать движение декабристов во всех его аспектах. Своего рода рефератом этих исследований выступает раздел «Декабристы» в книге «Обзор новейшей российской истории»³¹. Ценность его работ заключается в том, что они написаны с привлечением широкого круга источников. Он внес весомый вклад в публикацию архивных материалов по истории декабризма³², одним

из первых указал на органическое сочетание факторов, которые оказали решающее влияние на движение декабристов: «Если одни из членов тайных обществ впервые получали образование на западноевропейской почве, то другие приходили к тем же выводам самостоятельно, присматриваясь к российской жизни»³³.

М. Довнар-Запольский детально изучил историю Общества объединенных славян, которая всё еще недостаточно исследована. Были попытки рассматривать его как организацию, действующую одновременно с декабристскими обществами, но автономно, несмотря на то что они имели некоторые общие программные цели³⁴. Он считал, что тайная организация действовала автономно, а в начале 1825 г. «достаточно разрослась, и среди ее членов заметное стремление энергичной деятельности»³⁵, объяснил значение условных знаков в «Правилах» Общества объединенных славян, привел девиз общества в виде отпечатка восьмиугольной печати с условными обозначениями и раскрыл их содержание³⁶. Довнар-Запольский считал, что ни «Правила», ни «Клятва» не дают полного представления о цели тайной организации. Если проанализировать мемуарные источники, в частности «Записки» И. И. Горбачевского, то «цель Общества объединенных славян появляется перед нами в значительно более серьезном образе» и совсем не заслуживает иронического отношения в Донесениях следственной комиссии и в трудах М. И. Богдановича³⁷. Последний считал, что Общество объединенных славян не имело значимости ни по количеству его членов, ни по их личным качествам³⁸. Довнар-Запольский в противовес этому писал, что члены тайной организации славян «производят симпатичное впечатление, привлекают своей искренностью, преданностью делу и решимостью в действиях»³⁹.

Общество объединенных славян возникло на основе Общества первого согласия и Общества друзей природы, основанных Андреем и Петром Борисовыми. Среди исследователей нет единодушия в вопросе о дате основания этих организаций. М. Довнар-Запольский, так же как другой декабристовец дооктябрьского периода Н. И. Коробка и выдающийся украинский историк Д. И. Багалея, считает датой создания Общества друзей природы 1817 г.⁴⁰ В советской историографии утвердилось мнение о том, что первая тайная организация была основана в 1818 г.⁴¹ Однако Б. С. Абалихин в одном из своих новейших исследований отмечает, что Общество объединенных славян ведет свою историю от 1817 г., и возвращается, таким образом, к мыслям Довнар-Запольского⁴².

Рассматривая Общество друзей природы, Довнар-Запольский пришел к выводу, что оно «кажется, не имело политической цели»⁴³. С этим можно согласиться, учитывая тот факт, что Следственная комиссия по делу декабристов не выявила в деятельности организации покушения на государственное устройство Российской империи⁴⁴. Однако советские декабристовец, в частности М. В. Нечкина и Н. П. Савичев, подчеркивают, что Общество друзей природы

выдвинуло политической целью борьбу за республику⁴⁵. Приведенные факты свидетельствуют, что есть необходимость по-новому проанализировать историю возникновения и деятельности ранних организаций, предшественниц Общества объединенных славян.

М. Довнар-Запольский подчеркивал, что наиболее деятельными в Обществе объединенных славян были братья Борисовы, которые и основали эту тайную организацию вместе с Ю. К. Люблинским⁴⁶. В историографии декабристского движения существуют разные взгляды на то, кто именно был инициатором создания Общества объединенных славян. Так, Н. И. Коробка считал, что это Люблинский, а Ю. Конарский (Мошинский), М. В. Нечкина, И. С. Достян — Петр Борисов⁴⁷. Довнар-Запольский высказывал мнение, что основателем Общества объединенных славян был Андрей Борисов⁴⁸. В то же время он отмечает, что «Правила» и «Клятва» написаны в «тесном кружке трех друзей»⁴⁹, т. е. братьями Борисовыми и Люблинским. Сегодня трудно определить инициатора создания этой тайной организации и автора ее программных документов. До настоящего времени остается загадкой, чьей рукой написаны имеющиеся в следственном деле Петра Борисова «Правила» и «Клятва»⁵⁰.

В новейших исследованиях поднимается проблема связи братьев Борисовых и созданных ими обществ с масонством⁵¹. М. Довнар-Запольский не выделяет отдельно этот вопрос, но приводит факт, который может служить аргументом в пользу существования такой связи. О. С. Пестов, один из членов Общества объединенных славян, призывая А. В. Веденяпина к вступлению в тайную организацию, спросил, не хочет ли тот быть масоном⁵². Анализируя программные документы Общества объединенных славян и следственные дела его членов, Довнар-Запольский пришел к выводу, что главной целью этой организации было изменение политического строя в Российской империи, а идея создания федерации славянских республик сыграла второстепенную роль⁵³. Такой вывод разделяют и современные исследователи⁵⁴.

М. Довнар-Запольский исследовал также тактику Общества объединенных славян, которая вызывает споры у исследователей. М. В. Нечкина выдвинула предположение о том, что члены этой тайной организации были противниками военной революции и сторонниками народной революции⁵⁵. Против такой оценки выступили Н. Н. Лысенко и И. В. Порох, считая, что «славяне», как и декабристы Южного и Северного обществ, намеревались осуществить свои замыслы путем военной революции⁵⁶. Довнар-Запольский подчеркивал, что в теории члены Общества объединенных славян не были сторонниками военной революции, но всегда были готовы к вооруженному выступлению⁵⁷.

М. Довнар-Запольский впервые обратил внимание на целостность идеологии Общества объединенных славян. Анализ программных документов Общества и свидетельств его членов в ходе следствия привел его к выводу, что эта организация вместе с политическими ставила этические и просветительские задачи⁵⁸. Ученый почти вплотную приблизился к определению Общества

объединенных славян как организации «просветительской конспирации», что было сделано С. С. Ландой в 1975 г.⁵⁹

М. Довнар-Запольский подробно осветил историю объединения тайной организации — Общества объединенных славян с Южным обществом декабристов в сентябре 1825 г. Он отмечал, что после этого события Южное общество значительно усилилось и «главным образом получило то, чего ему не хватало, — людей, которые обрекли себя к царубийству»⁶⁰. По мнению Довнар-Запольского, М. Бестужев-Рюмин видел в членах Общества объединенных славян именно «заговорщиков» — царубийц, которых, однако, в Южном обществе «четко отделяли от членов». Исследователь подчеркнул огромную разницу между этими двумя тайными организациями, которая заключалась в отношении к солдатским массам. Он считал, что деятели Южного общества были более далеки от народной среды и поэтому имели меньше возможностей для сближения с солдатами, своей агитацией среди солдат члены Общества значительно помогли «южанам» в деле подготовки к вооруженному выступлению⁶¹.

М. Довнар-Запольский рассмотрел также действия «славян» в период восстания Черниговского пехотного полка. Он отмечал, что после получения известия о смерти императора Александра I они сразу же поняли «необходимость немедленных действий», в то время как руководители Васильковской управы Южного общества проявили нерешительность. Довнар-Запольский проанализировал план вооруженного выступления, разработанный членами Славянской управы, отметив, что подобного плана не было у «южан». Исследователь обращал внимание на то, что «славяне» считали необходимым привлечь к восстанию поляков, немедленно провозгласить освобождение крестьян. Довнар-Запольский приводил малоизвестный факт: Петр Борисов волновался по поводу качества артиллерийских снарядов, учитывая опыт кавказской войны. Ученый подчеркивал гуманизм этого декабриста: Петр призвал «удерживать солдат от убийств и насилия». Довнар-Запольский подробно осветил поездки Андрея Борисова по Волыни и Подолии с целью поднять подразделения Пензенского полка на помощь черниговцам. М. Довнар-Запольский не уделил достаточного внимания периоду сибирской ссылки «славян» и членов других тайных организаций. Эпистолярное наследие Довнар-Запольского требует детального изучения, пришло время создать посвященное ему научно-биографическое исследование.

В досоветский период одновременно с М. Довнар-Запольским к изучению отдельных проблем движения декабристов обратился профессор Университета св. Владимира П. В. Голубовский (1857–1907)⁶². В 1904 г. он прочитал в «Историческом обществе Нестора-летописца» доклад, посвященный декабристу А. П. Юшневскому⁶³. Позже он был опубликован как предисловие к подготовленному ученым сборнику писем декабриста, его жены — Марии Казимировны⁶⁴. К декабристской тематике обращался воспитанник Университета св. Владимира, украинский историк, редактор «Киевской старины» Е. А. Кивлицкий

(1861–1921), анализировавший воспоминания Густава Олизара как источник освещения российско-польских отношений первой четверти XIX в.⁶⁵ Мемуарам декабриста С. Г. Волконского посвятил свой доклад Николай Василенко, прочитав его 20 января 1902 г. в этом же обществе⁶⁶.

В это время в Университете св. Владимира работал В. С. Иконников (1841–1923). Интерес к движению декабристов у него возник не сразу. В его «Программе по русской истории» вообще отсутствовало упоминание о них⁶⁷. Декабристоведческое наследие В. Иконникова незначительно. Фактически это одна, неоднократно переиздававшаяся работа. Новация В. Иконникова заключалась в том, что автор под влиянием событий русской революции 1905–1907 гг., когда аграрный вопрос вновь приобрел острое социальное звучание, обратил внимание на крестьянские движения после поражения восстания декабристов, сделав попытку показать их взаимное влияние⁶⁸.

Наряду с учеными-историками свой вклад в развитие отечественного декабристоведения внесли ученые-филологи. Можно утверждать о существовании в пределах украинской декабристоведческой школы филологического течения. Первым ее представителем был выдающийся литературовед Василий Иванович Маслов (1884–1959). Еще будучи студентом, он подготовил свое первое исследование «Архив К. Ф. Рылеева, принесенный в дар библиотеке Академии наук В. Е. Якушкиным»⁶⁹. 1 января 1910 г. Маслова утверждают профессорским стипендиатом при Университете св. Владимира для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности. В том же году на страницах «Известий императорской Академии наук» публикуется работа, которую руководитель стипендиата А. М. Лобода оценил очень высоко⁷⁰. Среди исследований Маслова значительное место занимают работы, посвященные декабристу К. Ф. Рылеву. В письме к В. Иконникову В. Маслов просит назначить ему встречу, чтобы передать в набор в университетскую типографию приложение к своему труду «К. Ф. Рылеев по документам государственного архива»⁷¹.

В 1912 г. В. Маслов публикует монографию «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», а в 1916 г. — дополнения и поправки к ней⁷². В 1945 г. академик О. И. Белецкий напишет: «В. И. Маслов обратил на себя внимание уже первой своей большой печатной работой “Литературная деятельность К. Ф. Рылеева” (К., 1912) <...> и положил начало историко-литературному исследованию наследия одного из величайших поэтов-декабристов. Выводы этой работы вошли в научный обиход и были использованы советскими издателями текстов Рылеева и его исследователями»⁷³. Мнение О. И. Белецкого поддержал профессор М. К. Гудзий: «Книга В. И. Маслова является наиболее содержательной и солидной работой о Рылеве — не только по объему, но и по качеству»⁷⁴.

В период становления советского декабристоведения исследователи акцентировали внимание на изучении проблемы «Декабристы-писатели и литература народов России». Их интересовало прежде всего литературное творчество

декабристов, среди которых наибольшей популярностью пользовался К. Ф. Рылеев. В. Маслов в 1926 г. напечатал статью об одном из лидеров Северного общества, взяв материал о его литературной и революционной деятельности из ранее опубликованной монографии⁷⁵. Характеристика поэта «захватывающая и шаблонная, — отмечала позже М. В. Нечкина, — после публикации новых документов о Рылеева представление о нем стало значительно сложнее»⁷⁶. Однако авторы считают, что мнение М. В. Нечкиной было несправедливо.

Главной целью своей работы В. Маслов определил «изучение форм и приемов творчества Рылеева»⁷⁷, но вместе с этим он приводил ряд интересных фактов о жизни декабристов. В. Маслов считает К. Ф. Рылеева «главным заговорщиком и вдохновителем декабристского движения», и именно поэтому его имя стало «настолько опасным, что надолго исчезает из литературного обращения; в течение всей эпохи царствования Николая I никто свободно не мог говорить о нем»⁷⁸.

Исследователь ввел в научный оборот тот факт, что отец поэта-декабриста Ф. О. Рылеев (умер в 1814 г.), подполковник в отставке, жил в Киеве как управляющий имением княгини В. В. Голицыной. За его усадьбу К. Ф. Рылеев судился с Голицыной. Процесс закончился только в 1838 г. в пользу наследников поэта⁷⁹. Также Маслов приводит сведения о пребывании К. Ф. Рылеева в Дрездене в 1813–1815 гг. Будущий декабрист через своего дядю М. Рылеева устроился на службу при артиллерийском магазине, но писал на всех острые сатиры, и возмущенное российское сообщество обратилось к генерал-губернатору Саксонии Н. Г. Репнину с жалобой. Тот передал ее коменданту, последний велел племяннику оставить Дрезден.

Отвечая на рецензию М. П. Василенко, который считал, что между написанием поэм «Сусанин» и «Войнаровский» в душе поэта должен быть какой-то глубокий перелом⁸⁰, В. И. Маслов подвергает сомнению точку зрения рецензента: «Рылеев в силу гражданского состава своего характера ценил уже само проявление гражданских чувств. <...> С этой точки зрения и Сусанин, который жертвовал своей жизнью за спасение царя Михаила Федоровича, и Мазепа, который выступает в поэме “Войнаровский” борцом за свободу своей родины, одинаково могли интересовать Рылеева как люди, проникнутые гражданскими устремлениями, и могли быть воспеты им без всякого душевного кризиса»⁸¹. Эти выводы ученого являются особенно ценными, учитывая то, что в вопросе отношения К. Ф. Рылеева к И. С. Мазепе исследователи не пришли к согласию. З. В. Кирилюк замечает, что Рылеев в своем творчестве ориентировался не на события давно минувших времен, а на насущные для декабристов проблемы. В художественных образах он пытался воспроизвести образец гражданской доблести, который вдохновлял бы потомков на подвиги⁸². В. Маслов попытался проникнуть в психологию поэта и воспроизвести ход его мыслей⁸³.

Исследователь стремился найти истоки заинтересованности К. Ф. Рылеева «Малороссией», отмечал большое влияние на поэта со стороны М. И. Гнедича⁸⁴,

считал, что дума «Богдан Хмельницкий» написана под влиянием «Истории Руссов», которую ему частями высылал из Чернигова декабрист Ф. Бригген⁸⁵. Маслов предполагал, что написание поэмы «Войнаровский» мог повлиять польский поэт Т. Падура «с его идеалистическими представлениями о Мазепе»⁸⁶. На такое влияние ранее указывал М. П. Дашкевич, считавший, что Рылеев увлекся идеей воспеть героев украинской истории вследствие близкого «знакомства с поляками», поскольку «русские заговорщики, к которым Рылеев принадлежал, общались с поляками, среди которых был Падура»⁸⁷.

Исследователя интересовала и такая тема, как разработка сюжета о Б. Хмельницком в творчестве декабриста Ф. М. Глинки. На кафедре русской литературы Киевского университета в 1957–1958 гг. ученый вел специальный семинар «Творчество декабристов»⁸⁸. В сентябре–декабре 1945 г. он подготовил ряд радиолекций: «Пушкин и декабристы», «Декабрьское восстание 1825 г.», «Писатели-декабристы» и др.⁸⁹ Исследователь собирал материалы о декабристах М. Бестужеве, В. Кюхельбекере, Ф. Глинке, братьях Муравьевых-Апостолах, О. Бестужеве-Марлинском и др., которые использовал на лекциях в университете в 1940–1950-х гг.⁹⁰ В Институте рукописей Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского НАН Украины хранятся стенограммы лекций В. Маслова⁹¹.

Ценность декабристоведческих работ В. И. Маслова заключается в том, что он впервые ввел в научный оборот юношеские стихи и прозаические произведения К. Ф. Рылеева, литературные материалы, которые тот написал в Петропавловской крепости. Литературовед анализирует жизнь и творческую деятельность декабриста на широком историческом материале, выявляет конкретные, малоизвестные связи Рылеева с представителями российской культурной общественности.

Параллельно с советским периодом существовало и диаспорное направление, возникшее в результате репрессий периода советской власти.

Украинская декабристоведческая школа прошла сложный путь своего развития. Ее становление началось с устного собирания материалов истории движения декабристов, которое постепенно преобразовывается в создание письменных воспоминаний, записок. Они создавались как самими декабристами, так и их окружением и родственниками, имея ограниченное распространение в обществе. Впоследствии эти материалы будут использоваться профессиональными историками, литераторами. Формируется научное направление украинской декабристоведческой школы, которую возглавили М. Довнар-Запольский и В. Иконников. В Университете св. Владимира под руководством М. Довнар-Запольского возникает и развивается студенческое направление, основоположником которого будет студент Б. Барановский. Литературно-публицистическое направление возглавит Тарас Шевченко, будучи лично знаком со многими декабристами и их родственниками. Эти рассказы отразятся в его поэтических произведениях, например «Тризне» и знаменитом «Дневнике».

Сегодня важной задачей является написание научных биографий исследователей истории движения декабристов, представителей первого периода развития Украинской декабристovedческой школы. Необходимо детально и объективно показать их вклад в разработку проблем движения декабристов, всесторонне осветить деятельность декабристovedческих школ и направлений.

- ¹ *Казьмирчук Г. Д., Силкин А. В.* Изучение движения декабристов в Киевском университете // Программа и тезисы Всесоюзной научно-методической конференции. Днепропетровск, 1990. С. 91.
- ² *Невелев Г. А.* Русское декабристovedение конца XIX — начала XX в.: Историографические портреты. Брянск, 1993.
- ³ *Казьмирчук Г. Д.* 1) Декабристovedение: итоги и проблемы. 1917–1993 гг. К., 1993; 2) Декабристы. Историография проблемы. 1917–1935 гг. К., 1994.
- ⁴ *Казьмирчук Г.* Рух декабристів: Історіографія проблеми (1917 — середина 1930-х років): Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. К., 1997.
- ⁵ *Казьмирчук Г. Д.* 1) «Апостоли правди»: Рух декабристів в історичній літературі 1917 — першій половині 30-х років. К., 1997; 2) Рух декабристів: Історіографія проблеми (1917 — середина 1930-х років). С. 11–14; 3) Історіографія руху декабристів. Ч. II. Становлення радянського декабристознавства (1917 — перша половина 1930-х рр.): Курс лекцій для студ. іст. фак-ів. К.; Черкаси, 2001. С. 38–57.
- ⁶ *Латиш Ю.* Зародження української декабристознавчої школи. // Декабристські читання: Тези Міжнар. ювілейної конф. К., 2001. Вип. VI. С. 44–45.
- ⁷ *Казьмирчук Г., Силкин А.* Изучение движения декабристов в Киевском университете // Программа и тезисы Всесоюзной науч.-метод. конф. Днепропетровск, 1990. С. 91–93.
- ⁸ *Латиш Ю.* Українська та російська історіографії декабристського руху в Україні (20-ті рр. XX ст. — початок XXI ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2007.
- ⁹ *Киянская О. И.* Кто такие декабристы и за что они боролись? (Неюбилейные заметки о юбилейных конференциях) // Отечественная история. 2001. № 5.
- ¹⁰ *Латиш Ю. В.* Університетська десембіана: Дослідження руху декабристів у Київському університеті / Наук. ред. Г. Д. Казьмирчук. К., 2008.
- ¹¹ *Руднев Е.* «...Мне особенно понравились строки из “Тризна”» // Слово и время. 1998. № 3. С. 5–10.
- ¹² *Катнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Под ред. Ю. Г. Оксмана, С. Н. Чернова. Т. 1. М., 1931. С. 296–399.
- ¹³ *Гайдай Г. А. Т. Г. Шевченко і Ф. П. Толстой (з точки зору декабристських зв'язків) // Світова велич Тараса Шевченка: тези доп. К., 1964. С. 26–27.*
- ¹⁴ *Гайдай Г. А.* Шевченко і декабристи; автореф. ... дис. канд. філол. наук. К., 1964; *Сергиенко Г. Я.* Декабристи і Шевченко. 2-е вид. К., 1983; *Казьмирчук М. Г.* Декабристи і Шевченко // Проблеми історії України XIX — начало XX ст. К., 2001. Вип. 3. С. 91–98; *Казьмирчук Г.* Вибрані твори. Т. 9. Університет св. Володимира і Тарас Шевченко. К., 2017. С. 10–64.
- ¹⁵ *Драгоманов М.* Автобіографія. К., 1917. С. 3.
- ¹⁶ *Драгоманов М.* Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова. Paris, 1906. Т. 2. С. 743.
- ¹⁷ *Гербільський Г. Ю.* Іван Франко про історичну дружбу і революційне єднання російського і українського народів. Львів, 1981. С. 12; *Казьмирчук Г. Д.* Суспільно-політичний рух в Росії першої половини XIX ст. у творах І. Я. Франка // Вісн. Київ. ун-ту. Літературознавство. Мовознавство. 1988. Вип. 30. С. 8–12.

- ¹⁸ Франко І. Я. Твори: У 20 т. К., 1955. Т. 20. С. 149.
- ¹⁹ Там же. Т. 18. С. 61–62.
- ²⁰ Там же. С. 42.
- ²¹ Там же. Т. 14. С. 90, 288–310.
- ²² Барановский Б. Н. 1) Дневник и письма Николая Ивановича Тургенева за московский и геттингенский периоды (1808–1811 гг.) // Университетские известия. 1914. № 10. С. 60–76; 2) Дневник и письма Николая Ивановича Тургенева за московский и геттингенский периоды (1808–1811 гг.) // Сборник статей. Вып. III. К., 1914. С. 60–76.
- ²³ Там же. С. 63–64.
- ²⁴ Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 262. Оп. 1. Д. 20. Л. 5, 6, 1.
- ²⁵ Там же. Д. 25. Л. 4 об.
- ²⁶ ІР НБ України. Ф. III. Д. 48802.
- ²⁷ Казьмирчук Г. Д. Афанасій Прокопович Щапов про декабристів // Казьмирчук Г. Вибрані твори. Т. 3. Історіографія ружу декабристів: Курс лекцій. С. 76.
- ²⁸ Довнар-Запольский М. В. Идеалы декабристов. М., 1906.
- ²⁹ Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. М., 1906.
- ³⁰ Довнар-Запольский М. В. Декабрьская революция 1825 г. // Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 5–75.
- ³¹ Довнар-Запольский М. В. Обзор новейшей русской истории. К., 1912. Т. 1. С. 407–420.
- ³² Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. С. 142–144, 145–146.
- ³³ Довнар-Запольский М. В. Обзор новейшей русской истории. Т. 1. С. 408.
- ³⁴ Абаляхин Б. С. Тайные общества, действовавшие на Украине одновременно с декабристскими // Декабристские чтения. Вып. V. К., 1991. С. 26–29.
- ³⁵ Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. С. 150.
- ³⁶ Там же. С. 144–145.
- ³⁷ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. VII. С. 478.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. С. 136.
- ⁴⁰ Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. С. 137; Коробка Н. Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян // Современник. 1991. Кн. V. С. 14; Багалий Д. Декабристы на Украине. Киев: ДВУ, 1926. С. 28–29.
- ⁴¹ Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М.; Л., 1927. С. 21; Савичев Н. П. Первые благовестители свободы. К., 1990. С. 32.
- ⁴² Абаляхин Б. С. Тайные общества... С. 26.
- ⁴³ Довнар-Запольский М. В. Обзор новейшей русской истории. Т. 1. С. 412.
- ⁴⁴ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 193–194.
- ⁴⁵ Нечкина М. В. Общество соединенных славян. С. 21; Савичев Н. П. Первые благовестители свободы. С. 33–34.
- ⁴⁶ Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. С. 136.
- ⁴⁷ Коробка Н. Декабристы братья Борисовы... С. 14–15, 17–21; Конарский (Мошинский) Ю. Вожди декабристов. М., 1926. С. 81–92; Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 152; Достян М. С. Политические идеи Общества соединенных славян // Советское славяноведение. 1968. № 4. С. 24.
- ⁴⁸ Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. С. 138, 142.
- ⁴⁹ Там же. С. 142.
- ⁵⁰ Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1926. Т. V. С. 469.
- ⁵¹ Серков А. И. Массонство на Украине в первой четверти XIX века и движение декабристов // Декабристские чтения... Вып. II. К., 1989. С. 29; Силкин А. В. К вопросу о ранних тайных обществах, основанных братьями Борисовыми // Декабристские чтения... Вып. V. К., 1991. С. 155–156.
- ⁵² Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. С. 139–140.

- ⁵³ *Довнар-Запольский М. В.* Обзор новейшей русской истории. Т. 1. С. 413; *Довнар-Запольский М. В.* Тайное общество декабристов. С. 149.
- ⁵⁴ *Достял И. С.* Политические идеи Общества соединенных славян. С. 20; *Савичев Н. П.* Первые благовестители свободы. С. 184–188.
- ⁵⁵ *Нечкина М. В.* Общество соединенных славян. С. 210.
- ⁵⁶ *Порох И. В.* Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 140–143.
- ⁵⁷ *Довнар-Запольский М. В.* Тайное общество декабристов. С. 149–150.
- ⁵⁸ Там же. С. 149.
- ⁵⁹ *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М.: Мысль, 1975. С. 275.
- ⁶⁰ *Довнар-Запольский М. В.* Тайное общество декабристов. С. 192, 193, 190, 188.
- ⁶¹ Там же. С. 192–193.
- ⁶² Центральный государственный архив высших органов власти Украины. Ф. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- ⁶³ Писания декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. К., 1908.
- ⁶⁴ Чтения... К., 1905. Т. XVIII. Вып. 11. С. 64–65; Вып. 3–4. С. 50–70; 1906. Т. XIX. Вып. 1. С. 1–82; Вып. 2. С. 51–60; Т. XX. К., 1907. Вып. 1. С. 41–100.
- ⁶⁵ *Кивлицкий Е. А.* О “Раннітніках” Густава Олизара // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца. К., 1894. Кн. 8. Отд. I. С. 10; *Губицький Л.* Декабристські мемуари у творчості Є. Кивлицького // Декабристські читання: Тези доповіді... Вип. VIII. К., 2001. С. 62–63.
- ⁶⁶ *Василенко Н. П.* Декабрист С. Г. Волконский и его записки // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца. К., 1902. Кн. 16. Вып. IV. Отд. I. С. 6–11.
- ⁶⁷ Там же. Д. 27. Л. 9.
- ⁶⁸ *Иконников В. С.* Крестьянское движение в Киевской губернии 1926–1827 гг. в связи с событиями того времени. (По архивным материалам). СПб., 1906.
- ⁶⁹ IP НБУ. Ф. 243. Д. 2.
- ⁷⁰ Там же. Д. 345. Л. 2.
- ⁷¹ Маслов В. — Иконникову В. // Там же. Ф. III. Д. 50128.
- ⁷² *Маслов В. И.* 1) Литературная деятельность К. Ф. Рылева. К., 1912; 2) Литературная деятельность К. Ф. Рылева. Дополнения и поправки. К., 1916.
- ⁷³ *Белецкий А. И.* Отзыв о научной работе Василия Ивановича Маслова // IP НБУ. Ф. 243. Д. 1084. Л. 1.
- ⁷⁴ *Гудзий Н.* Отзыв о диссертации В. И. Маслова «Литературная деятельность К. Ф. Рылева». К., 1912; 1916. С. 371, 144, 56 // Там же. Д. 186. Л. 1.
- ⁷⁵ *Маслов В. И.* Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев // Из эпохи борьбы с царизмом. 1926. № 5. С. 85–96.
- ⁷⁶ *Нечкина М.* Украинская юбилейная литература о декабристах // Историк-марксист. 1927. Кн. 3. С. 195.
- ⁷⁷ *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылева. Дополнения и поправки. С. 49.
- ⁷⁸ Там же. С. 6.
- ⁷⁹ Там же. С. 57–58.
- ⁸⁰ *Василенко Н. П.* Декабристы о Украине // Украинская жизнь. 1912. № 3. С. 84–91.
- ⁸¹ *Маслов В.* Литературная деятельность К. Ф. Рылева. Дополнения и поправки. С. 49.
- ⁸² *Кирилюк З.* Українська тема в творчості й естетичних теоріях декабристів // Декабристські читання. Вип. VII. К., 2001. С. 47.
- ⁸³ *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылева. Дополнения и поправки. С. 50.
- ⁸⁴ Там же. С. 260.
- ⁸⁵ Там же. С. 97–98.
- ⁸⁶ Там же. С. 301.

⁸⁷ Отчет о двадцать девятом присуждении наград графа Уварова // Приложение к LIX тому «Записок Импер. Академии наук». СПб., 1888. № 1. С. 192–193; *Щурат С. В.* Про зв'язки Т. Падури з декабристами // УГЖ. 1968. № 11. С. 80.

⁸⁸ Там же. Д. 202.

⁸⁹ IP НБУ. Ф. 243. Д. 471, 476, 477.

⁹⁰ Там же. Д. 123, 182, 183, 189, 220.

⁹¹ Там же. Д. 200, 201.

УДК 94(47).073

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00038

К. Г. Боленко

Об одной историографической развилке 1920-х гг.: Н. В. Голицын как историк Верховного уголовного суда по делу декабристов*

Биография, деятельность в области архивного дела и научное наследие Николая Владимировича Голицына (1874–1942) в последние годы привлекают всё больше внимания специалистов. Нельзя сказать, что его вклад в археографию отечественной истории оставался незамеченным, ссылки на его работы регулярно встречались в научной литературе, однако изучение творческого метода ученого, его биографии, места в истории архивного дела в России, взаимосвязи различных тематических направлений его исследований и публикаций, мировоззренческой и ценностной мотиваций, влиявших на обращение к тем или иным сюжетам, началось в последние полтора-два десятилетия¹. Не остался незамеченным и вклад Н. В. Голицына в изучение истории Верховного уголовного суда по делу декабристов, однако, на наш взгляд, как историографический феномен он заслуживает более пристального рассмотрения.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), исследовательский проект № 16–01–00197–ОГН.

Как известно, Н. В. Голицын написал на тему Верховного уголовного суда 1826 г. единственную, но весьма содержательную статью², впоследствии высоко оцененную и широко использованную такими специалистами по истории политических судебных процессов середины XVIII — первой трети XIX в., как Р. В. Овчинников и В. А. Федоров³. Наиболее подробный цельный анализ статьи к настоящему времени был сделан Т. В. Медведевой, которая называет ее «замечательным синтезом собственно исторического исследования и источниковедческих выкладок, дополненных публикацией источников, выполненной на очень высоком археографическом уровне». Автор указывает на материалы Н. В. Голицына к этой работе — хранящиеся в настоящее время в РГИА «копии архивных документов, выписки и черновые записи», сделанные из «черновых вариантов бумаг, подготовленных Сперанским»; формулирует основную задачу Н. В. Голицына — проследить «историю создания основных документов, сопровождавших восшествие на престол Николая I и суд над декабристами»; отмечает его новаторство во введении в научный оборот ряда документов и установлении роли М. М. Сперанского в процессе над декабристами; обращает внимание на выдающуюся законотворческую роль М. М. Сперанского при подготовке юридической базы судебного процесса (в частности системы разрядов) и обращает внимание на причины, по которым Сперанский занял столь важную позицию: «в силу личных дарований и инициативы молодого императора»⁴.

В целом эти наблюдения и выводы совпадают с теми, что были получены нами ранее при изучении Верховного уголовного суда по делу декабристов, и главным образом совпадают с высокой оценкой научных достоинств самой статьи, что определило наше неоднократное к ней обращение и обильное цитирование⁵. Однако неточности, допущенные Т. В. Медведевой при определении состава публикуемых Н. В. Голицыным документов, стоявших перед ним научных задач, а также неизбежное в обзорной статье игнорирование историографического контекста заставляют нас сосредоточиться на этих проблемах. Также считаем необходимым, продолжая тему мастерства Н. В. Голицына как историка, обратить внимание на некоторые особенности его методологии, проявленные в данной работе.

Н. В. Голицын, который с 1915 г. был директором Государственного архива и в течение нескольких лет систематически работал с архивом М. М. Сперанского, действительно первым с точными архивными ссылками ввел в научный оборот, иногда полностью публикуя, важные источники по истории междуцарствия и Верховного уголовного суда 1826 г., по большей части ныне находящиеся в составе «декабристского» фонда 48 Государственного архива Российской Федерации и фонда 1 Российского государственного архива древних актов. Так, в статье были опубликованы принадлежавший Николаю I проект манифеста о предварительных итогах следствия, вышедший из-под пера М. М. Сперанского исправленный вариант и сопроводительная записка к нему (с. 64, 97–102)⁶. Здесь же Н. В. Голицын указал на использование Сперанским своего

проекта при написании манифеста от 1 июня 1826 г. об образовании Верховного уголовного суда (с. 65), что впоследствии привело к появлению историографического мифа, будто Николай I планировал создание такого суда уже в конце января 1826 г.⁷

Н. В. Голицын выяснил время начала работы М. М. Сперанского над проектом устройства Верховного уголовного суда (с. 66); пересказал письмо И. И. Дибича М. М. Сперанскому от 23 мая 1826 г. (с. 66); опубликовал собственноручную записку М. М. Сперанского с перечнем «предметов к разрешению» на одном из совещаний с императором (с. 66–67), изложил содержание отношения М. М. Сперанского от 31 мая П. В. Лопухину о данном ему поручении представить Лопухину, А. В. Куракину и Д. И. Лобанову-Ростовскому бумаги, относящиеся к созданию суда (с. 68); привел текст письма М. М. Сперанского И. И. Дибичу от 1 июня 1826 г. о прошедшем в тот же день совещании М. М. Сперанского с упомянутыми лицами (с. 68). Анализируя указанные документы, Н. В. Голицын подтверждает мнение, будто вопрос о применении смертной казни был предопределен заранее (с. 69).

Н. В. Голицын сообщает о двух записках М. М. Сперанского И. И. Дибичу, в которых обсуждается порядок поименования в указе гражданских и военных чинов (с. 71), обильно цитирует составленный М. М. Сперанским императорский рескрипт министру юстиции с изложением процессуальных правил (так называемые «дополнительные статьи обряда», с. 71–73), делая вывод, что «весь центр тяжести работы суда» на самом деле сосредотачивался не в общем собрании, а в Ревизионной комиссии, где происходило их распределение по разрядам, «а в свою очередь центр тяжести работы комиссии должен был лечь на самого автора статей обряда как на единственного или во всяком случае лучшего юриста всего собрания» (с. 72). Также Н. В. Голицын обратил внимание на изучение М. М. Сперанским и установление им прямой преемственности с предыдущими процессами по государственным преступлениям и ввел в научный оборот, частично пересказав и проанализировав, собственноручную выписку М. М. Сперанского о порядке делопроизводства в них (с. 72–73); пересказал «приложения дополнительным статьям о разных подробностях обряда» (с. 73). Для некоторых ранее опубликованных документов (собственноручный проект указа Николая I о назначении правителем государства в случае его смерти великого князя Михаила Павловича, порядке наследования престола и др.) Н. В. Голицын дал точные ссылки на архив и номера дел (с. 63–64). Проведенная Н. В. Голицыным реконструкция с опорой на документы Государственного архива (многие из которых также были им опубликованы впервые) непосредственной подготовки и хода судебного процесса в мае–июле 1826 г. оставалась непревзойденной вплоть до начала 1980-х гг.

Иными словами, масштаб проделанной Н. В. Голицыным источниковедческой работы был огромен, а все выводы надежно фундированы. Главным из них был следующий: «Сперанский, оставаясь официально в тени, не выдвигаясь

из числа рядовых членов верховного суда, в то же время был главной пружиной его работы, тем скрытым маховым колесом, которое приводило в движение весь сложный механизм этого чрезвычайного судилища» (с. 74).

Важным достоинством статьи было то, что она написана очень продуманно, сбалансированно и стилистически очень легко. Поскольку о важной роли М. М. Сперанского в организации и ходе петербургского процесса над декабристами в основных чертах было уже неплохо известно, Н. В. Голицын уделил особое внимание наименее изученному на тот момент периоду зимы–весны 1826 г., предшествовавшему наделению М. М. Сперанского этим статусом, и кругу сопутствующих социально-психологических проблем. Собственно, о декабристах в статье нет почти ни слова; всё внимание автор сосредоточил на М. М. Сперанском. Статья имеет лишь косвенное отношение к истории русского освободительного движения, почти целиком находясь в рамках сюжета о взаимоотношениях просвещенного бюрократа и монарха. Это история честного, добросовестного верноподданного, волей судеб попавшего в тиски тяжелого поручения и даже не помышлявшего об отставке.

Н. В. Голицын хорошо чувствует моральную, психологическую и социальную интриги, сопровождавшие выбранный им «кейс», особенно его предысторию, поэтому не отказывается от того, чтобы обнажить прием: «завязка» статьи состоит из двух параллельно излагаемых сюжетов (с. 61–64): с одной стороны, описания проявлений недоверия императора к М. М. Сперанскому, а с другой — описания важных «спичрайтерских» поручений М. М. Сперанскому со стороны Николая I, таких как манифест о вступлении на престол; письмо великому князю Константину Павловичу от лица Николая I об исполнении его воли и согласии принять престол; проект манифеста о порядке престолонаследия в случае внезапной смерти Николая I. В этой цепочке ответственных заданий переход М. М. Сперанского к редактированию проекта манифеста второй половины января 1826 г. о ходе следствия (с. 64) становится естественным и почти незаметным, хотя именно это поручение и, главное, характер его исполнения М. М. Сперанским, и перевел его в новое качество, превратил из составителя и редактора ответственных документов с одной стороны и руководителя кодификационных работ с другой в организатора беспрецедентного в истории России судебного процесса. «Сперанскому удалось предотвратить его (манифеста. — К. Б.) обнародование; <...> но самое участие его в редактировании этого документа предопределило до некоторой степени и будущую его роль — быть глашатаем монаршей мысли в деле, которое поглощало всё внимание нового государя и с которым он страстно хотел развязаться» (с. 65).

Контрапунктом к этим сюжетным линиям дана третья, которая составит психологический сюжет всей статьи: развитие мотивации Сперанского к активному сотрудничеству с Николаем, а затем и к добросовестному исполнению порученной работы. Голицын сразу отметил, что Николаю удалось вызвать у Сперанского доверие и надежды: «по первому приему он обещает нового Петра» (с. 61).

Упоминание в первых же строках статьи того факта, что воцарение Николая I «застало Сперанского почти не у дел, рядовым членом Государственного совета» (заметим, утверждение спорное), видимо, должно было задать в сознании читателя представление о наличии у Сперанского нигде прямо не сформулированной карьерной мотивации. Следует отметить, что карьерный мотив при анализе мотивационной сферы обладает сильнейшим системообразующим и редуцирующим эффектом, все остальные мотивы на его фоне могут выглядеть малоубедительно, поэтому вытеснение его на второй план, за скобки собственно аналитической работы, может быть по-своему не только оправданно, но и необходимо. В случае с Н. В. Голицыным это действительно имело, на наш взгляд, замечательный научный эффект: автору удалось обратить внимание на те особенности работы Сперанского над подготовкой петербургского судебного процесса 1826 г., на которые не обращали внимание ни предыдущие, ни многие из последующих исследователей, и дать им такие обоснования, которые подтвердились и получили объяснение лишь недавно, при привлечении новых материалов о Сперанском и изучении новых аспектов в его, казалось бы, хорошо известной деятельности.

Н. В. Голицын точно заметил, что в сложившихся условиях, когда М. М. Сперанский, с одной стороны, редактировал «политические акты верховной власти», а с другой — находился под подозрением, отказаться редактировать документы именно по делу декабристов он не мог себе позволить. «Вся будущая карьера Сперанского в новое царствование, при новом государе, зависела от того, как он поведет себя в этом деле» (с. 65).

Н. В. Голицын был первым, кто убедительно показал, что комплекс мотивов, которыми руководствовался М. М. Сперанский при организации процесса над декабристами, был сложен и противоречив. Это не была дихотомия карьерных соображений, с одной стороны, и моральных страданий от необходимости судить близких ему по взглядам людей, многие из которых были ему хорошо знакомы. Здесь было и желание облегчить участь подсудимых, и даже, возможно, профессиональное удовольствие от необходимой и интересной законотворческой работы: «...мы не можем не признать, что по ясности юридического построения, по логической стройности хода мысли, по лапидарной чистоте изложения схема обоснования разрядов подсудимых, составленная Сперанским, является одним из лучших произведений его пера, образцовой переработкой очень небразцового по форме и по существу материала» (с. 79); «документы оставляют впечатление полной преданности его тому делу, для которого он был призван; в них бросается в глаза мелочная предусмотрительность его подготовительной работы и видимая заинтересованность его в наиболее успешном ее выполнении» (с. 95–96). И лишь недавно было найдено дополнительное объяснение этой догадке. Создание Верховного уголовного суда по делу декабристов давало шанс на институционализацию в России этого судебного учреждения, создания которого М. М. Сперанский добивался с начала XIX в. почти до конца

своих дней, а также находилось в русле разворачивавшихся под его руководством работ по кодификации российского уголовного законодательства⁸.

Имеет смысл сравнить статью Н. В. Голицына со статьей другого автора ровно на ту же самую тему, появившуюся в том же 1917 г. — научно-популярную статью П. Е. Щеголева⁹. Написанная без ссылок на источники, со всецело доминировавшей идеей суда как расправы, для которой М. М. Сперанский стал трусливым послушным орудием, она сильно упрощала комплекс обстоятельств, сопровождавших процесс над декабристами и, без сомнения, в глазах Н. В. Голицына, бесосновательно бросала тень на доброе имя великого реформатора. Возможно, одной из задач Н. В. Голицына при написании статьи стала полемика с П. Е. Щеголевым, однако противостоять такому подходу, набиравшему силу в исторической науке, Н. В. Голицын был не в силах.

П. Е. Щеголев знал работу Н. В. Голицына. В позднейшие переиздания своей статьи он включил любопытное примечание с историографической справкой об истории изучения вклада М. М. Сперанского в создание и деятельность Верховного уголовного суда. Отдав должное Н. П. Павлову-Сильванскому как исследователю, впервые затронувшему эту тему, Щеголев далее указывает: «Более подробное и определенное заявление об этой роли М. М. Сперанского было сделано мною в работе о П. Г. Каховском (“Былое” 1906 г., январь–февраль). По моим следам сделал открытие о роли М. М. Сперанского и князь Н. В. Голицын, напечатавший в “Русском историческом журнале” 1917, кн. 1–2 статью “М. М. Сперанский в Верховном суде над декабристами”»¹⁰. В чем состояло это «открытие», он умолчал.

Неудивительно, что впоследствии советские историки использовали статью Н. В. Голицына лишь эпизодически и фрагментарно¹¹ или не упоминали вообще¹²; в фундаментальном труде М. В. Нечкиной в сделанном ею подробном историографическом обзоре литературы по декабризму, в том числе по истории суда над ними, она даже не была упомянута.

¹ Наиболее полную библиографию, собранную на данный момент, см.: *Медведева Т. В.* Археографические труды Н. В. Голицына (1874–1942) // Академическая археография в России XVIII–XXI вв. (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН) / Отв. ред. С. М. Каштанов; ред.-сост. Н. А. Кобяк, А. В. Мельников. М., 2017. С. 354–368. Из не упомянутых в статье работ см.: *Акимов С. В.* Николай Владимирович Голицын // Вестник архивиста. 2005. № 3. С. 274–282; № 4. С. 232–243; № 5/6. С. 274–281; 2006. № 1. С. 271–290; *Князя Голицыны: 600 лет служения Москве и Отечеству* / Авт.-сост. Е. Н. Бычкова, И. И. Голицын. М., 2010. С. 156–157; *Боленко К. Г.* Тема Верховного уголовного суда 1826 г. в творчестве Н. В. Голицына: персональные научный и мировоззренческий контексты // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы XXV Голицынских чтений (в печати).

- ² Голицын Н. В. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1/2. С. 61–102 (переизд.: Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 2. С. 17–62).
- ³ Овчинников Р. В. Документы Е. И. Пугачева на судебном процессе декабристов // Труды МГИАИ. М., 1966. Т. 24. Вып. 2. С. 176, 178–181; Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 6, 294–296.
- ⁴ Медведева Т. В. Археографические труды Н. В. Голицына. С. 362–363.
- ⁵ Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII — середина XIX в. М., 2013. Гл. 2. С. 196, 198, 224, 244–246, 252, 255–257.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1 (Разряд 1). Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 10 — 10 об.
- ⁷ Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...». С. 210; Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И. М. М. Сперанский: краткий очерк жизни и деятельности // М. М. Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность: Сб. статей. СПб., 2000. С. 46. Версию, будто в январе 1826 г. Николай I «направил на редакцию к Сперанскому проект Манифеста об учреждении суда над декабристами», см.: Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Изд. 5-е, обновл. и доп. М., 2013. С. 379. О механизме появления этой ошибки см.: Боленко К. Г. Тема Верховного уголовного суда... С. 245.
- ⁸ Боленко К. Г. Тема Верховного уголовного суда... В сжатом виде: Боленко К. Г. Неслучайный эпизод: М. М. Сперанский и Верховный уголовный суд над декабристами // Родина. 2009. № 1. С. 70–72.
- ⁹ Щеголев П. Е. Николай I и М. М. Сперанский — в Верховном уголовном суде над декабристами // Щеголев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926. С. 277–292 (впервые под заглавием «Николай I и М. М. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами» опубликовано в газете «День», 18–20 января 1917 г., затем в авторском сборнике: Николай I и декабристы. Пг., 1919. С. 16–35).
- ¹⁰ Щеголев П. Е. 1) Николай I и декабристы. Пг., 1919. С. 24; 2) Декабристы. М.; Л., 1926. С. 283.
- ¹¹ Гессен С. Я. За кулисами суда над декабристами // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 181; Нечкина М. В. Восстание декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 490; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Изд. 2-е, доп. и пересм. М., 1951. С. 139 (То же. Изд. 3-е. М., 1961. Т. 2. С. 141).
- ¹² Воробьева И. Я. Тайный Следственный комитет (Комиссия) и Верховный уголовный суд над декабристами (1826 г.) // Труды МГИАИ. М., 1970. Т. 28. С. 529–548; Гальперин Г. Б. Процесс декабристов в дореволюционной и советской историографии // ВЛУ. 1976. № 23: Сер. Экономика. Философия. Право. Вып. 4. С. 100–110.

References

14 dekabrja 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya [December 14, 1825. Sources, researches, historiography, bibliography. In Russ.] / Pod red. P. V. Ilyina. St Petersburg, 1997–2005. Vyp. 1–7.

14 dekabrja 1825 goda. Vospominaniya ochevidtsev [Memories of eyewitnesses. In Russ.]. St Petersburg: Akademicheskij proyekt, 1999.

170 let nazad. Dekabristskie chteniya: stat'i i materialy. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 105. [170 years ago. Decembrists' reading: articles and materials. Proceedings of the State Historical Museum. Iss. 105. In Russ.]. Moscow, 1999.

ABALIKHIN B. S. Tainnye obshchestva, deystvovavshiyе na Ukraine odnovremенno s dekabristskimi // Dekabristskie chteniya. Vyp. V. Kiyev, 1991.

AKIMOV S. V. Nikolay' Vladimirovitch Golitsyn [Nikolay' Vladimirovitch Golitsyn. In Russ.] // Vestnik arkhivista [The herald of archivist. In Russ.]. 2005. N 3–5/6; 2006. № 1.

ANDREYEVA T. V. *Taynyye obshchestva v Rossii v pervoy treti XIX v.: Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoye mneniye* [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: government policy and public opinion. In Russ.]. St Petersburg: Liki Rossii, 2009.

ASHENBRENNER M. YU. *Voyennaya organizatsiya Narodnoy Voli i drugiye vospominaniya. 1860–1904* / Pod red. N. S. Tyutcheva. Moscow, 1924.

BAGALIY D. *Dekabristy na Ukraine*. Kiyev: DVU, 1926.

BARANOVSKIY B. N. *Dnevnik i pis'ma Nikolaya Ivanovicha Turgeneva za moskovskiy i gettingenskiy periody (1808–1811 gg.)* // Sbornik statey. Vyp. III. Kiyev, 1914.

BASARGIN N. V. *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memoirs, stories, articles. In Russ.]. Irkutsk, 1988.

BOGDANOVICH M. I. *Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v yego vremya*. St Petersburg, 1871. T. VII.

BOKOVA V. M. *Bespokojnyj duh vremeni. Obshchestvennaya mysl' pervoy treti XIX v.* // Ocherki russkoj kul'tury XIX v. T. 4: Obshchestvennaya mysl' [Restless spirit of time. Social thought of the first third of the 19th century // Sketches of Russian culture of the 19th century. T. 4: Social thought. In Russ.]. Moscow, 2003. S. 17–152.

BOKOVA V. M. *Dekabristy i ikh vremya* [Decembrists and their time. In Russ.]. Moscow, 1995.

BOKOVA V. M. *Epokha taynykh obshchestv: Russkiye obshchestvennyye ob'yedineniya pervoy treti XIX v.* [The era of secret societies: Russian public associations of the first third of the 19th century. In Russ.]. Moscow: Realiy-Press, 2003.

BOKOVA V. M. *Predislovie* // Dekabristy i ih vremya. Trudy Gos. istoricheskogo muzeya. Vyp. 88. [Preface // Decembrists and their time. Proceedings of the State historical museum. Iss. 88. In Russ.] Moscow, 1995. S. 5–14.

BOLENKO K. G. *Nesluchajnyj epizod: M. M. Speranskij i Verkhovnyj ugovolnyj sud nad decabristami* [The nonrandom episode: M. M. Speranskij and the Supreme criminal court in the case of the Decembrists. In Russ.] // Rodina [The Homeland. In Russ.]. 2009. N 1.

BOLENKO K. G. *Tema Verkhovnogo ugovolnogo suda 1826 goda v tvorchestve N. V. Golitsyna: personal'nyj nauchnyj i mirovozzrencheskij konteksty* [The theme of the Supreme criminal court of 1826 in studies of N. V. Golitsyn: personal scientific and ideological contexts. In Russ.] // Khoz'ajeva i gosti usad'by' Viazemy'. Materialy' XXV Golitsynskikh chtenij [The estate Viazemy': owners and visitors: The materials of XXV reading in memory of the princes Golitsyns. In Russ.] (in press).

BOLENKO K. G. *Verkhovnyj ugovolnyj sud v sisteme Rossijskogo pravosudija: konets XVIII — seredina XIX vv.* [The Supreme criminal court in the system of Russian justice: the end of 18th — mid-19th century. In Russ.]. Moscow, 2013.

Dekabrist N. I. Turgenev. Pis'ma k bratu S. I. Turgeneva [Decembrist N. I. Turgenev. Letters to brother S. I. Turgenev. In Russ.]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936.

Dekabristskie chteniya / Pod red. G. D. Kaz'mirchuka. [Decembrist' reading. In Russ.] Kiev, 1988–1991. Vyp. 1–5.

Dekabristskie chteniya. [Decembrist' reading. In Russ.] Grodno, 1990. Vyp. 1.

Dekabristy i ih vremya. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 88. [Decembrists and their time. Proceedings of the State historical museum. Iss. 88. In Russ.] Moscow, 1995.

Dekabristy v Peterburge. Novye materialy i issledovaniya. [Decembrists in St Petersburg. New materials and researches. In Russ.] St Petersburg, 2009.

Dekabristy. Aktual'nye napravleniya issledovaniy. Sb. st. i mat-lov. [Decembrists. Actual research areas. Collection of articles and materials. In Russ.] St Petersburg, 2014.

Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podkhody. [Decembrists. Actual problems and new approaches. In Russ.] Moscow, 2008.

Dekabristy: Biograficheskii spravochnik [Decembrists: A Biographical Directory. In Russ.] / Ed. S. V. Mironenko. Moscow, 1988.

DOLBILOV M. D. *M. N. Murav'ov i osvobozhdenie krest'yan: problema konservativno-byurokraticheskogo reformatorstva kraya* [M. N. Muravov and the liberation of the peasants: the problem of conservative bureaucratic reformism in the region. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2002. N 6. S. 67–90.

DOLBILOV M. D. *Proekty vykupnoj operacii 1857–1861 gg.: k ocenke tvorchestva reformatorskoj komandy* [Projects of the redemption operation of 1857–1861: on the evaluation of the creative work of a reform team. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2000. N 2. S. 15–36.

DOSTYAN M. S. *Politicheskiye idei Obshchestva soyedinennykh slavyan* // Sovetskoye slavyanovedeniye. 1968. N 4.

- DOVNBAR-ZAPOL'SKIY M. V. Dekabr'skaya revolyutsiya 1825 g. // Golos minuvshogo. 1917. N7–8.
- DOVNBAR-ZAPOL'SKIY M. V. Idealy dekabristov. Moscow, 1906.
- DOVNBAR-ZAPOL'SKIY M. V. Obzory noveyshey russkoy istorii. Kiyev, 1912. T. 1.
- DOVNBAR-ZAPOL'SKIY M. V. Taynoye obshchestvo dekabristov. Moscow, 1906.
- DRAGOMANOV M. Avtobiografiya. Kiyev, 1917.
- DRAGOMANOV M. Istoricheskaya Pol'shcha i velikoruskaya demokratiya. B. g. i m. izd.
- DRAGOMANOV M. Sobraniye politicheskikh sochineniy M. P. Dragomanova. Paris, 1906. T. 2.
- DRUZHININ N. M. *Revolutsionnoye dvizheniye v Rossii v XIX v.* [The revolutionary movement in Russia in the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1985.
- EDEL'MAN O. V. *Sledstviye po delu dekabristov* [The investigation of the Decembrists. In Russ.]. Moscow, 2010.
- ENGEL'SON V. *Stat'i, proklamatsii, pis'ma* [Articles, proclamations, letters. In Russ.]. Moscow, 1934.
- ERLICH S. E. *Dekabristy v istoricheskoy pamyati: konets 1990-h — nachalo 2010-h gg.* [The Decembrists in Historical Memory: the end of the 1990s — the beginning of the 2010s. In Russ.]. St Petersburg, 2014.
- ERLIH S. E. *Vojna mifov: Pamyat' o dekabristah na rubezhe tysyacheletij* [The War of Myths: The Memory of the Decembrists at the turn of the Millennium. In Russ.]. St Petersburg, 2016.
- EYDEL'MAN N. Ya. "Dobroye delo delat'...": Stranitsy zhizni Sergeya Murav'yeva-Apostola ["A good deed to do...": Pages of Sergei Muravyov-Apostol's life. In Russ.] // *Zvezda*. 1975. N 12. S. 18–59.
- EYDEL'MAN N. Ya. *Apostol Sergey* [Apostle Sergey. In Russ.]. Moscow, 1980.
- FEDOROV V. A. "Svoej sud'boj gordims'a my...": *Sledstviye i sud nad decabristami* ["We are proud of our destiny...": the investigation and the trial of the Decembrists. In Russ.]. Moscow, 1988.
- FONVIZIN M. A. *Sochineniya i pis'ma. T. II: Sochineniya* [Writings and letters. T. II: Works. In Russ.]. Irkutsk: Vostochno-sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1982.
- FRANKO Í. YA. *Tvori: U 20 t.* Kiyev, 1955.
- GAL'PERIN G. B. *Protsess po delu dekabristov v dorevol'utsionnoj i sovetskoj istoriografiji* [The trial in the case of the Decembrists in pre-revolutionary and Soviet historiography. In Russ.] // *Vestnik LGU* [The herald of The Leningrad State university. In Russ.]. 1976. N 23. Ser. "Economie. Philosophie. Justice". Iss. 4.
- GAMAN-GOLUTVINA O. V. *Sootnosheniye politiki i morali: rossiyskaya versiya* [The ratio of politics and morality: the Russian version. In Russ.] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 12: Politicheskiye nauki. 2005. N 4. S. 16–27.
- GAYDAY G. A. T. G. Shevchenko í F. P. Tolstoy (z točki zoru dekabristskikh zv'yazkiv) // *Svitova velich Tarasa Shevchenko: tezi dop.* Kiyev, 1964.
- GERBÍL'SKIY G. YU. Ívan Franko pro ístorichnu družbu í revolyutsiyne êdnannya rosiys'kogo í ukraíns'kogo narodiv. Lvív, 1981.
- GERNET M. H. *Istorija tsarskoj t'ur'my'*. 2-e izd., dop. i peresm. [The history of the tsarist prison. 2-d ed., revised and expanded. In Russ.]. Vol. 2. Moscow, 1951; Idem. 3rd ed. Vol. 2.
- GESSEN S. J. *Za kulisami suda nad dekabristami* [Behind the scenes of the trial of the Decembrists. In Russ.] // *Katorga i ssy'lka* [Penal servitude and exile. In Russ.]. 1931. N 1.
- GOLITSYN N. V. *Speranskij v Verkhovnom ugolovnom sude nad dekabristami* [Speranskij in the Supreme criminal court in the case of the Decembrists. In Russ.] // *Russkij istoricheskij zhurnal* [The Russian historical journal. In Russ.]. 1917. N 1/2.
- GORDIN Ya. *Byvshiy istorik v poiskakh istiny* [Former historian in search of truth. In Russ.] // *Zvezda*. 2016. N 1.
- GORDIN Ya. *Myatezh reformatorov. Tragediya myatezha* [Mutiny of reformers. The tragedy of the rebellion. In Russ.]. Saint Petersburg: Pushkinskiy fond, 2006.
- GOTOVTSEVA A. G., KIYANSKAYA O. I. *Pravitel' del. K istorii literaturnoy, finansovoy i konspirativnoy deyatel'nosti K. F. Ryleyeva* [The ruler of affairs. To the history of literary, financial and conspiratorial activities of K. F. Ryleev. In Russ.]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010.
- GRANDHAYE J. *Russie: la république interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIII–XXI siècles)* [Russia: the forbidden republic. The Decembrist moment and its stakes (XVIII–XXI centuries). In Fr.]. Paris, 2012.
- GUBITS'KIY L. Dekabristskí memuari u tvorchostí Ê. Kivlits'kogo // *Dekabristskí chitannya: Tezi dop-ovid. Vip. VIII.* Kiyev, 2001.
- IKONNIKOV V. S. *Krest'yanskoye dvizheniye v Kiyevskoy gubernii 1926–1827 gg. v svyazi sobyitiyami togo vremeni.* (Po arkhivnym materialam). St Petersburg, 1906.

IL'IN P. V. *Mezhdú zagovorom i prestolom. YA. I. Rostovtsev v sobytiyakh mezhdustrastviya 1825 goda* [Between the conspiracy and the throne. Ya. I. Rostovtsev in the events of the interregnum of 1825. In Russ.]. St Petersburg, 2008.

IL'IN P. V. *Novoe o dekabristah: Proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye uchastniki tajnykh obshchestv i voennykh vystuplenij 1825–1826 gg.* [The New about the Decembrists: Forgiven, justified and undetected participants of secret societies and military speeches of 1825–1826. In Russ.]. St Petersburg, 2004.

ILYIN P. V. *Aktual'nye napravleniya v izuchenii istorii dekabristov vchera i segodnya: nekotorye otsenki i nablyudeniya* // Dekabristy. Aktual'nye napravleniya issledovaniy. Sb. st. i mat.-lov. [Actual directions in the study of the history of Decembrists yesterday and today: some estimates and observations // Decembrists. Actual research areas. Collection of articles and materials. In Russ.]. St Petersburg, 2014. S. 3–21.

Imperiya i liberaly. Sb. statej. [The Empire and liberals. Collected papers. In Russ.]. St Petersburg, 2001.

Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy. 1825–2015. [The Historical memory of Russia and the Decembrists. In Russ.]. St Petersburg; Irkutsk, 2018.

KALASHNIKOV M. V. *Dekabristy – liberaly ili revolyucionery?* // Karamzinskij sbornik. “Po chuvstvam ostanus' respublikancem...”. Reformy i revolyucii kak sposob miroustrojstva skvoz' prizmu karamzinskoj ehpoi [Were Decembrists Liberals or Revolutionaries? // Karamzinsky collection. “I feel like a Republican...” Reform and revolutions as a way of world order through the prism of the Karamzin era. In Russ.]. Ul'yanovsk, 2018. S. 31–42.

KAPLUN V. L. “Zhit' Goratsiyem ili umeret' Katonom”: rossiyskaya traditsiya grazhdanskogo respublikanizma (konets XVIII – pervaya tret' XIX veka) [“To live as Horace or die as Caton”: the Russian tradition of civil republicanism (the end of 18th – the first third of the 19th century). In Russ.] // *Neprikosnovenny zapas.* 2007. N5 (55). S. 197–219.

KAPNIST-SKALON S. V. *Vospominaniya* // *Vospominaniya i rasskazy deyateley taynykh obshchestv 1820-kh godov* / Pod red. YU. G. Oksmana i S. N. Chernova. T. 1. Moscow, 1931.

KAZMYRCHUK G. “Apostoli pravdi”: Rukh dekabristiv v istorichny literatur 1917 – pershy polovini 30-kh rokiv. Kiyev, 1997.

KAZMYRCHUK G. D. Afanasij Prokopovich Shchapov pro dekabristiv // Kazmyrchuk G. *Vibrani tvoriv.* T. 3. *Istoriografiya ruzhu dekabristiv: Kurs lektsij.*

KAZMYRCHUK G. D. Dekabristsk'ki idej v istoriografichny spadshchini M. P. Dragomanova // *Visn. Kijv. un-tu. Istoriiko-filologichni nauki.* Vip. 6. Kiyev, 1992.

KAZMYRCHUK G. D. Suspil'no-politichnij rukh v Rosij pershoj polovini XIX st. u tvorakh I. YA. Franka // *Visn. Kijv. un-tu. Literaturoznavstvo. Movoznavstvo.* 1988. Vip. 30.

KAZMYRCHUK G. D., SILKIN A. V. *Izucheniye dvizheniya dekabristov v Kiyevskom universitete* // *Programma i tezisy Vsesoyuznoy nauchno-metodicheskoy konferentsii.* Dnepropetrovsk, 1990.

KAZMYRCHUK G. *Dekabristi. Istoriografiya problemi. 1917–1935 rr.* Kiyev, 1994.

KAZMYRCHUK G. *Dekabristovedeniye: itogi i problemy. 1917–1993 gg.* Kiyev, 1993.

KAZMYRCHUK G. *Istoriografiya rukhu dekabristiv. CH. II. Stanovlennya radyans'kogo dekabristoznavstva (1917 – persha polovina 1930-kh rr.): Kurs lektsij dlya stud. ist. fak-iv.* Kiyev; Cherkasi, 2001.

KAZMYRCHUK G. *Rukh dekabristiv: Istoriografiya problemi (1917 – seredina 1930-kh rokiv): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk.* Kiyev, 1997.

KAZMYRCHUK G. *Vibrani tvoriv.* T. 9. *Universtet sv. Vladimira i Taras Shevchenko.* Kiyev, 2017.

KAZMYRCHUK M. G. *Dekabristy i Shevchenko* // *Problemi istorii Ukraïni XIX – nachalo XX st.* Kiyev, 2001. Vip. 3.

KHARKHORDIN O. *Vmesto predisloviya. Res Publica: vozrozhdeniye interesa* // *Chto takoye respublikanskaya traditsiya* [Instead of the preface. Res Publica: the revival of interest // What is the republican tradition. In Russ.]. St Petersburg, 2009. S. 7–13.

KIRILYUK Z. *Ukraïns'ka tema v tvorchosti y yestetichnikh teoriyakh dekabristiv* // *Dekabristsk'ki chitannya.* Vip. VII. Kiyev, 2001.

KIVLITSKIY YE. A. O “Panmietnikach” Gustava Olizara // *Chteniya v Istoricheskom Obshchestve Nestora-Letopistsa.* Kiyev, 1894. Kn. 8. Otd. I.

KIYANSKAYA O. I. *Kto takiye dekabristy i za chto oni borolis?* (Neyubileynnye zametki o yubileynnykh konferentsiyakh) // *Otechestvennaya istoriya.* 2001. N5.

KIYANSKAYA O. I. *Pestel'* [Pestel. In Russ.]. Moscow, 2002.

KIYANSKAYA O. I. *Pestel' na sledstvi* [Pestel on the investigation. In Russ.] // *Rossiya XXI.* 2007. N1. S. 162–196.

- KIYANSKAYA O. I. *Yuzhnoye obshchestvo dekabristov. Sobytiya i lyudi* [Southern Society of the Decembrists. Events and people. In Russ.]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2005.
- KIYANSKAYA O. I. *Yuzhnyy bunt: Vosstaniye Chernigovskogo pekhotnogo polka* [Southern Riot: Uprising of the Chernigov Infantry Regiment. In Russ.]. Moscow: Forum Neolit, 2015.
- KLYUCHEVSKIY V. O. *Lekcii po russkoi istorii* [Lectures on Russian history. In Russ.]. St Petersburg, 1902. Ch. 3.
- Kn'azja Golitsyny': 600 let sluzhenija Moskve i Otechestvu* [The princes Golitsyns: 600 years of service to Moscow and the Fatherland. In Russ.]. Moscow, 2010.
- KOROBKA N. Dekabristy brat'ya Borisovy i Obshchestvo sovedinennykh slavyan // *Sovremennik*. 1991. Kn. V.
- KOZACHENKO ANT. Nauka istorii Ukraïni ta Rosii za 1917–1927 v USRR // *Bibliografichnyy zb., prisyachenyi X richnitsi Zhovtnevoi Revolyutsii na Ukraïni (1917–1927)*. Kharkiv, 1930.
- KRUTOV V. V., SHVETSOVA-KRUTOVA L. V. *Belye pyatna krasnogo tsveta: Dekabristy*. [White spots of red color: Decembrists. In Russ.] Moscow, 2001. Kn. 1–2.
- KUTANOV N. *Dekabrist bez dekabrja* // Dekabristy i ih vremya. *Trudy Moskovskoi i Leningradskoi sekcij po izucheniyu dekabristov i ih vremeni* [The Decembrist without December // The Decembrists and Their Time. Proceedings of the Moscow and Leningrad sections on the study of the Decembrists and their time. In Russ.]. Moscow, 1932. T. II. S. 201–290.
- KUZ'MIN P. A. *Iz zapisok* // *Pervye russkie socialisty: Vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevcev v Peterburge* [From Notes // First Russian Socialists: Memoirs of the participants of the Petrashevist circles in St. Petersburg. In Russ.]. Leningrad, 1984. S. 264–318.
- LANDA S. S. *Dukh revolyutsionnykh preobrazovaniy...: Iz istorii formirovaniya ideologii i polit. organizatsii dekabristov, 1816–1825*. Moscow: Mysl', 1975.
- LATYSH IU. V. *Ukraïns'ka ta rosiys'ka istoriografii dekabristov rukhu v Ukraïni (20-ti rr. XX st. – pochatok XXI st.)*: Avtoref. dis. ... kand. íst. nauk. Kiyev, 2007.
- LATYSH IU. V. *Univertsitets'ka decembriana: Doslidzhennya rukhu dekabristiv u Kíiv's'komu univertsiteti* / *Nauk. red. G. D. Kaz'mirchuk*. Kiyev, 2008.
- LATYSH IU. V. *Zarodzhennya ukraïns'koï dekabristoznavchoï shkoli* // *Dekabristy'ki chitannya: Tezi Mízhnar. yuvilejnoï konf.* Kiyev, 2001. Vip. VÍ.
- LE ROY Y., PICTET F. *Un projet de reforme de la poursuite pour dettes sous Catherine II* [A reform project of the prosecution for debts under Catherine II. In Fr.] // *Commentationes Historiae Ioris Helveticae* / Cur. F. Hafner, A. Kley, V. Monnier. Bern, 2012. P. 69–126.
- LORANSKIY A. M. *Kratkij istoricheskij ocherk administrativnykh uchrezhdenij gornogo vedomstva v Rossii: 1700–1900* [A brief historical sketch of the administrative institutions of the mining department in Russia: 1700–1900. In Russ.]. St Petersburg, 1900.
- LOTMAN Yu. M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century). In Russ.]. St Petersburg, 1994.
- LUKOVSKAJA D. I., GRECHISHKIN S. S., MOROZOV V. I. *M. M. Speranskij: kratkij ocherk zhizni i dejatel'nosti* [M. M. Speranskij: the brief outline of life and work. In Russ.] // *M. M. Speranskij: zhizn', tvorcestvo, gosudarstvennaja dejatel'nost'. Sbornik statej* [M. M. Speranskij: life, writings and state activities: Collection of articles. In Russ.]. St Petersburg, 2000.
- LUNIN M. S. *Pis'ma iz Sibiri* [Letters from Siberia. In Russ.]. Moscow: Nauka, 1987.
- LYOVIN S. V. *S. Norov – “dekabrist bez dekabrja”* [V. V. Norov – “Decembrist without December”. In Russ.] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya ser. 2008. T. 8. Ser.: *Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vyp. 1. S. 48–51.
- MASLOV V. I. *Literaturnaya deyatel'nost' K. F. Ryleyeva*. Kiyev, 1912.
- MASLOV V. I. *Poet-dekabrist K. F. Ryleyev* // *Iz epokhi bor'by s tsarizmom*. 1926. N 5.
- Materialy dlya zhizneopisaniya grafa N. P. Panina* [Materials for the biography of Count N. P. Panin. In Russ.]. T. VI. St Petersburg, 1892.
- MATHANOVAN. P. *General-gubernatory Vostochnoj Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Murav'ev-Amurskij, M. S. Korsakov* [Governors General of Eastern Siberia of the mid-19th century: V. Ya. Rupert, N. N. Muraviev-Amursky, M. S. Korsakov. In Russ.]. Novosibirsk, 1998.
- MEDVEDEVA T. V. *Arkheograficheskie trudy N. V. Golitsyna (1874–1942)* [The archeographic studies of N. V. Golitsyn. In Russ.] // *Akademitcheskaya arkheografiya v Rossii XVIII–XXI vv.* (Tikhomirivskiy

chteniya 2016 goda) [The academic archeography in Russia of 18th–21st centuries (Scientific reading in memory of M. N. Tikhomirov). In Russ.]. Moscow, 2017.

MIRONENKO S. V. *Aleksandr I i dekabristy: Rossiya v pervoj chetverti XIX veka* [Alexander I and the Decembrists: Russia in the first quarter of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2017.

MIRONENKO S. V. *Stranicy tajnoj istorii samodержavniya: Politicheskaya istoriya Rossii pervoj poloviny XIX stoletiya* [Pages of the Secret History of Autocracy: The Political History of Russia in the First Half of the 19th Century. In Russ.]. Moscow, 1990.

NECHKINA M. *Ukrainskaya yubileynaya literatura v dekabristakh // Istorik-marksist. 1927. Kn. 3.*

NECHKINA M. V. *Dvizheniye dekabristov: V 2 t. Moscow, 1955. T. 2.*

NECHKINA M. V. *Obshchestvo soyedinennykh slavyan. Moscow; Leningrad, 1927.*

NECHKINA M. V. *Dvizheniye dekabristov* [The Decembrist Movement. In Russ.]. Moscow, 1955. T. 1–2.

NEVELEV G. A. *Zamyсел izdaniya "Istorii dekabristov" v 1906–1907 gg.* [The idea of publishing “the History of the Decembrists” in 1906–1907. In Russ.] // *Istoricheskie zapiski. 1975. T. 96. S. 381–382.*

Osvoboditel'noe dvizheniye v Rossii. Mezhdvuz. nauch. sb. [Liberation movement in Russia. Interuniversity scientific collection. In Russ.] Saratov, 1971–2013. Vyp. 1–24.

OVTCHINNIKOV R. V. *Dokumenty' E. I. Pugacheva na sudebnom protsesse dekabristov* [The documents of E. I. Pugachev in the trial of the Decembrists. In Russ.] // *Trudy' MGIAI* [The studies of the Moscow State institute of history and archives. In Russ.]. 1966. Vol. 24. Iss. 2.

PARSAMOV V. S. *Dekabristy i frantsuzskiy liberalism* [Decembrists and French liberalism. In Russ.]. Moscow, 2001.

PARSAMOV V. S. *Dekabristy i russkoe obshchestvo 1814–1825 gg.* [The Decembrists and the Russian Society in 1814–1825. In Russ.]. Moscow, 2016.

PARSAMOV V. S. Nikita Mikhaylovich Murav'yev: “massa lyudey mozhет sdelat'sya tiranom, kak i ot del'nyy chelovek” // *Rossiyskiy liberalism: idei i lyudi* [Nikita Muravyov: “a mass of people can become a tyrant, just like an individual person” // Russian liberalism: ideas and people. In Russ.]. Moscow, 2007. S. 79–82.

PETTIT F. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravlениya* [Republicanism. The theory of freedom and government. In Russ.]. Moscow, 2016.

PODZHIO A. V. *Zapiski, pis'ma* [Notes, letters. In Russ.]. Irkutsk, 1989.

POROKH I. V. *Vosstaniye Chernigovskogo polka // Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov. Moscow, 1954.*

POTAPOVA N. D. *Tribuny syrykh kazematov. Politika i diskursivnyye strategii v dele dekabristov* [Tribunes of raw casemates. Politics and discursive strategies in the cause of the Decembrists. In Russ.]. St Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta, 2017.

PRESNYAKOV A. Ye. *14 dekabrya 1825 goda* [December 14, 1825. In Russ.]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1926.

PUSHKINA V. A., IL'IN P. V. *Personal'nyy sostav dekabristskikh tajnykh obshchestv (1816–1826). Spravochnyy ukazatel'* [The personal composition of Decembrist secret societies (1816–1826). Reference Index. In Russ.] // *14 dekabrya 1825 goda. Vyp. II. St Petersburg; Kishinev, 2000. S. 9–77.*

Rabochee dvizheniye v Rossii v XIX veke: Sb. dokumentov i materialov [Labor movement in Russia in the 19th century: Documents and materials. In Russ.] / Ed. A. M. Pankratova. Moscow, 1955. T. 1. CH. 2.

ROZEN A. I. *Zapiski dekabrista* [Notes of the Decembrist. In Russ.]. St Petersburg, 2007.

RUDNEV YE. “...Mne osoblivo ponravilis' stroki iz “Trizny” // Slovo i vremya. 1998. N3.

RUSSO Zh. Zh. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [On the social contract. Treatises. In Russ.]. Moscow, 1998.

SANDOMIRSKIY G. *Predislovie // Dekabristy na katorge i v ssylke.* [Preface // Decembrists in penal servitude and exile. In Russ.] Moscow, 1925. S. 3–8.

SAVICHEV N. P. *Pervyye blagovestiteli svobody. Kiyev, 1990.*

SEMEVSKIY V. I. *Politicheskie i obshchestvennyye idei dekabristov.* [Political and social ideas of the Decembrists. In Russ.] St Petersburg, 1909.

SERGIYENKO G. YA. *Dekabristi i Shevchenko. 2-e vid. Kiyev, 1983.*

SERKOV A. I. *Masonstvo na Ukraine v pervoy chetverti XIX veka i dvizheniye dekabristov // Dekabristskiyе chteniya... Vyp. II. Kiyev, 1989.*

SHCH'OGOLEV P. E. *Nikolaj I i dekabristy'* [Nicolas I and the Decembrists. In Russ.]. Petrograd, 1926.

SHCH'OGOLEV P. E. *Nikolaj I i M. M. Speranskij – v Verkhovnom ugolonom sude nad dekabristami* [Nicolas I and Speranskij in the Supreme criminal court in the case of the Decembrists. In Russ.] // Shch'ogolev P. E. *Dekabristy'* [The Decembrists. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1926.

- SHCHURAT S. V. Pro sv'yazki T. Paduri z dekabristami // UÍZH. 1968. N 11.
- SHIL'DER N. K. *Imperator Nikolay I* [Emperor Nicholas I. In Russ.]. T. 1. St Petersburg, 1903.
- SHKERIN V. A. *Byushie chleny tajnykh obshchestv dekabristov i delo petrashevcev* // Dekabristy: Aktual'nye napravleniya issledovaniy: Sb. statej i mat-lov [Former members of secret societies of the Decembrists and the Petrashevists' case // Decembrists: Actual areas of research: Articles and materials. In Russ.]. St Petersburg, 2014. S. 79–112.
- SHKERIN V. A. *General Glinka: Lichnost' i ehpocha* [General Glinka: Personality and Epoch. In Russ.]. 3rd edition. Ekaterinburg, 2008.
- SHMIDT S. O. *Dekabristy v predstavleniyah lyudej rubezha XX i XXI stoletij* [The Decembrists in the Concepts of People of the Turn of the 20th and 21th Centuries. In Russ.] // Arheograficheskij ezhegodnik za 2000 god. Moscow, 2001. S. 8–21.
- SHTEJNGEJL V. I. *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters. In Russ.]. Irkutsk, 1985. T. I. *Sibir' i dekabristy*. [Siberia and the Decembrists. In Russ.]. Irkutsk, 1978–2009. Vyp. 1–6.
- SILKIN A. V. K voprosu o rannikh taynykh obshchestvakh, osnovannykh brat'yami Borisovymi // Dekabristskiyeh chteniya... Vyp. V. Kiyev, 1991.
- SKINNER K. *Svoboda do liberalizma* [Freedom before liberalism. In Russ.]. St Petersburg, 2006.
- STARIKOV N. V. *Kto finansiruyet razval Rossii? Ot dekabristov do modzhahedov* [Who finances the collapse of Russia? From the Decembrists to the Mujahideen. In Russ.]. St Petersburg: Piter, 2015.
- TATISHCHEV S. S. Votsareniye imp. Nikolaya I. Po neizdannym istochnikam parizhskogo arkhiva MID [Accession imp. Nicholas I. According to unpublished sources of the Paris archive of the Ministry of Foreign Affairs. In Russ.] // *Russkiy vestnik*. T. 25. 1893, aprel'. S. 9–14.
- TOLSTOY L. *Polnoye sobraniye khudozhestvennykh sochineniy* [Complete Works of Art. In Russ.]. T. VIII. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1929.
- TOMSINOV V. A. Svetilo rossijskoj b'urokratiji. Izd. 5, obnovl. I dop. [The star of the Russian bureaucracy. In Russ.]. 5th ed., revised and expanded. Moscow, 2013.
- TRUBECKOY S. P. *Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1825 gg.* [Notes. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1825. In Russ.] / Eds. T. V. Andreevoj, P. V. Il'ina. St Petersburg, 2011.
- TRUBETSKOY S. P. *Materialy o zhizni i revolyutsionnoj deyatel'nosti* [Materials about life and revolutionary activity. In Russ.]. T. 1. Irkutsk: Vostochno-sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1983.
- TRUBETSKOY S. P. *Zapiski* [Notes. In Russ.]. St Petersburg, 1908.
- TSAMUTALI A. N. *Istoriya dekabristov: nekotorye itogi i perspektivy* // Mera. 1996. N 1. Dekabristskiy vypusk. [The History of the Decembrists: some results and prospects // Mera. 1996. N 1. Decembrists' release. In Russ.] St Petersburg, 1996. S. 7–11.
- TSAMUTALI A. N. *Dekabristy i osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: nekotorye voprosy istoriografii* [The Decembrists and the Liberation movement in Russia: some questions of historiography. In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. 1. St Petersburg, 1997. S. 91–94.
- TURGENEV A. I. *Politicheskaya proza* [Political Prose. In Russ.]. Moscow, 1989.
- VASILENKO N. P. Dekabrist S. G. Volkonskiy i yego zapiski // *Chteniya v Istoricheskom Obshchestve Nestora-Letopistsa*. Kiyev, 1902. Kn. 16. Vyp. IV.
- VASILENKO N. P. Dekabristy o Ukraine // *Ukrainskaya zhizn'*. 1912. N 3.
- VEBER M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works. In Russ.]. Moscow, 1990.
- VERZHBICKIJ V. G. *Revolyucionnoe dvizhenie v russkoj armii (s 1826 po 1859 gg.)* [The revolutionary movement in the Russian army (from 1826 to 1859). In Russ.]. Moscow, 1964.
- Vidok Figlyarin: Pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidocq Figlyarin: Letters and agents' letters of F. V. Bulgarin in the 3rd section. In Russ.] / Ed. A. I. Rejtblata. Moscow, 1998.
- VOROB'JOVA I. J. *Tajnyj Sledstvennyj komitet (Komissiya) i Verkhovnyj ugolovnyj sud in the case of the Decembrists (1826)* [The Secret Committee (Committee) of investigation and the Supreme criminal court in the case of the Decembrists (1826). In Russ.] // *Trudy' MGIAI* [The studies of the Moscow State institute of history and archives. In Russ.]. 1970. Vol. 28.
- Vospominaniya Bestuzhevyykh* [Bestuzhev's Memories. In Russ.]. St Petersburg: Nauka, 2005.
- Vosstaniye dekabristov. Dokumenty. T. XVII: Dela Verkhovnogo ugolovnogo suda i Sledstvennoy komissii* [The uprising of the Decembrists. Documents. T. XVII: Cases of the Supreme Criminal Court and the Commission of Inquiry. In Russ.]. Moscow: Nauka, 1980.
- Vosstaniye dekabristov. Materialy* [The uprising of the Decembrists. Materials. In Russ.]. T. I. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1925.

Vosstaniye dekabristov. T. XIV. Moscow, 1976.

Vosstaniye dekabristov: Dokumenty [Decembrists uprising: Documents. In Russ.]. T. XX / Ed. A. N. Sakharova. Moscow, 2001.

VYSKOCHKOV L. V. *Imperator Nikolay I: Chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I: Man and Sire. In Russ.]. St Petersburg, 2001.

ZAHAROVA L. G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii 1856–1861* [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia in 1856–1861. In Russ.]. Moscow, 1984.

Zakonopolozhenie Soyuzha Blagodenstviya [The Statute of the Union of Prosperity. In Russ.] // *Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov: V 3 t.* Moscow, 1951. T. 1. S. 239–276.

Zapiska o taynykh obshchestvakh v Rossii, 1821 god [Note on secret societies in Russia, 1821. In Russ.] // *Russkiy arkhiv.* 1875. Kn. 3. N 12. S. 423–425.

Zastupniki svobody. Pamyatnye chteniya, posvyashchennyye 170-letiyu vosstaniya dekabristov. [Defenders of freedom. Memorable readings dedicated to the 170th anniversary of the Decembrist uprising. In Russ.] St Petersburg, 1996.

ZAVALISHIN D. *Vospominaniya* [Memoirs. In Russ.]. Moscow, 2003.

ZHUKOVSKAYA T. N. *Dvoryanskiy liberalizm v Rossii v pervoy chetverti XIX v.: Itogi i zadachi izucheniya.* Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [Noble liberalism in Russia in the first quarter of the 19th century: results and objectives of the study. Abstract of dissertation of the candidate of historical sciences. In Russ.] St Petersburg, 1992.

П. В. Ильин. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем

В статье приводятся оценки актуальных и приоритетных задач исследований в такой богатейшей области отечественной историографии, как декабристоведение, которые были даны на различных этапах историографической традиции — досоветской, советской, постсоветской. Специально затронуто положение дел в современном декабристоведении, показаны как положительные, так и негативные стороны научного творчества, освобожденного от идеологического давления и ограничений советского периода, в том числе появление необоснованных и недостоверных «версий» и «сенсационных открытий».

Ключевые слова: историография, декабристоведение, актуальные проблемы и задачи изучения, до-революционная историография, советская историография, постсоветская историография, современная историография, периодизация историографии, недостоверные версии и «сенсационные открытия».

P. V. Ilyin. Historiography of the Decembrists: actual problems of studying in the past and present

In the present text, an overview of actual and priority problems of the research in such a rich and well-developed field of Russian historiography as the study of the Decembrists, proposed at different stages of the historiographic tradition — pre-Soviet, Soviet, post-Soviet, is given in a brief form. The state of affairs in modern Decembrists' studies is specially affected, both positive and negative aspects of scientific creativity, freed from the ideological pressure and limitations of the Soviet period, are shown, including the emergence of unreasonable and unreliable, false “versions” and “sensational discoveries”.

Key words: historiography, the study of Decembrists' movement, actual problems and tasks of study, Russian pre-revolutionary historiography, Soviet historiography, post-Soviet historiography, Russian modern historiography, periodization of historiography, false “versions” and “sensational discoveries”.

Ильин, Павел Владимирович, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Ilyin, Pavel Vladimirovich, Ph. D., senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu

Я. А. Гордин. Новое декабристоведение — технология «разрушения мифов»

На материале нескольких работ последнего периода автор постарался показать, как разумное в принципе стремление к демифологизации декабристских сюжетов приводит исследователей к спорным, а иногда откровенно антинаучным выводам. Также автор коснулся и проблемы «конспирологических» спекуляций на декабристской проблематике.

Ключевые слова: декабристы, миф, спекуляции, история России.

Ya. A. Gordin. New Decembrists studies — technology of “myth busting”

On the material of several works of the latest period, the author showing how a reasonable in principle desire to demythologize Decembrist plots leads researchers to controversial, and sometimes frankly anti-scientific conclusions. The author also touched upon the problem of “conspiracy” speculations on Decembrist issues.

Key words: Decembrists, myth, speculation, history of Russia.

Гордин, Яков Аркадьевич — главный редактор журнала «Звезда».

Gordin, Yakov Arkadievich — editor-in-chief of the magazine *Zvezda*.

E-mail: jakov-gordin@yandex.ru

Г. Д. Казьмирчук, М. Г. Казьмирчук. Первый период развития Украинской декабристоведческой школы (1825–1917 гг.)

В статье предпринята попытка проанализировать первый период возникновения и развития украинской декабристоведческой школы, обозначить ее характерные черты. Дается современная периодизация декабристоведения, выделяются особенности каждого периода. Делается попытка осветить тематику изучения истории декабристского движения, над которой работали представители нескольких поколений, принадлежавших к различным направлениям исторической научной мысли и общественно-политическим силам. Особенное внимание уделяется развитию первого периода в изучении истории движения декабристов в киевском Университете св. Владимира, где возникают научные декабристоведческие направления.

Ключевые слова: украинская декабристоведческая школа, периодизация декабристоведения, до-революционный период изучения декабризма, движение декабристов, направления декабристоведения.

Grigorii D. Kazmirchuk, Mariia G. Kazmirchuk. The first period in the development of the Ukrainian School of Decembrist studies (1825–1917)

The article analyzes an origin of the Ukrainian school of Decembrist studies and the first period of its development. The modern periodization of Decembrist studies is given and features of each period are characterized. Authors define research topics which were studied by several generations of scholars specializing in the history of the Decembrist movement. All these researchers represented various schools of thought, belonged to different social classes with different political views. It is emphasized on the development of the first period in the study of the Decembrist movement history in the St. Vladimir University of Kiev, where a few schools of Decembrist studies appeared.

Key words: Ukrainian School of Decembrist Studies, periodization of Decembrist studies, pre-revolutionary period in the Decembrists studies, Decembrists movement, schools of thought in Decembrists studies.

Казьмирчук, Григорий Дмитриевич — д. и. н., профессор Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

Kazmyrchuk, Grygorii D. — Dr. hab., professor of Kyiv National Taras Shevchenko University.

E-mail: kazmyrchuk@ukr.net

Казьмирчук, Мария Григорьевна — д. и. н., доцент Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

Kazmyrchuk, Mariia G. — Dr. hab., associate professor of Chair of Ethnology and Local History, Kyiv National Taras Shevchenko University.

E-mail: brungilda@ukr.net

Н. Д. Потапова. Декабристы и республиканская традиция

В статье рассматриваются конкурирующие концепции республиканизма и их роль в российском дискурсе о политике первой четверти XIX в. Российская печать открыто обсуждала республиканское правление, апеллировала к республиканским ценностям и гражданским добродетелям для объяснения происходящих в мире событий. Конкурирующие дискурсивные практики и связанные с ними разные версии республиканизма порождали полярные оценки одних и тех же происшествий. В декабре 1825 г. это столкновение приобретает антагонистический характер и накал: на следствии многие арестованные будут апеллировать к республиканским ценностям; попытаются найти объяснение происшедшему, они апеллировали к гражданскому долгу, гражданственному дискурсу, еще недавно бывшему понятным, приемлемым, разделяемым политически мыслящим большинством. Следователи истолковали упоминание о республике по аналогии с Французской революцией, что давало основания для квалификации дела по самой серьезной статье в праве. У власти появилась возможность представить трагические события на Сенатской площади в день восшествия Николая I на престол не просто бессмысленным жестоким кровопролитием, а спасением отечества и Европы от неминуемой гибели.

Ключевые слова: республиканская традиция, декабристское движение, история понятий.

N. Potapova. Decembrists and the Republican tradition

The article discusses the competing concepts of republicanism and their role in the Russian policy discourse of the first quarter of the 19th century. The Russian press openly discussed republican rule, appealed to republican values and civic virtues to explain the events taking place in the world. Competing discursive practices and related different versions of republicanism gave rise to polar evaluations of the same incidents. In December 1825, this clash acquired antagonistic character and intensity: during the investigation, many of those arrested would appeal to republican values, trying to find an explanation for what happened, they appealed to civic duty, civic discourse, which had only recently been understood by a clear majority. Investigators interpreted the mention of the republic by analogy with the French Revolution, which gave grounds for qualifying the case on the most serious article in law. The authorities had the opportunity to present the tragic events on Senatskaya Square on the day Nicholas I ascended to the throne, not only by senseless cruel bloodshed, but by saving the fatherland and Europe from inevitable death.

Key words: Republican tradition, Decembrist movement, History of concepts.

Потапова, Наталья Дмитриевна, к. и. н., доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Potapova, Natalya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the European University at St Petersburg

E-mail: n.d.potapova@gmail.com

О. В. Эдельман. Разговор о декабристах

Декабристоведение опирается на солидную традицию, в этом его сильная сторона. Перспективным направлением исследований представляется обновление и новое прочтение идейной стороны декабризма и декабристской общественно-политической мысли. Важно также создание новых популярных работ, адресованных широкой публике.

O. V. Edelman. Speaking about Decembrists

Decembrists' study rests on a solid tradition and it is its strong point. A promising area of research is the renewal and new reading of the ideological side of Decembrism and Decembrist sociopolitical thought. It is also important to create new popular works addressed to the general public.

Эдельман, Ольга Валериановна — к. и. н., главный специалист Государственного архива Российской Федерации.

Edelman, Olga Valerianovna — Candidate of Historical Sciences, Leading specialist of the State Archive of the Russian Federation.

E-mail: olga.edelman@gmail.com

С. Е. Эрлих. Декабристы. История мифа

Sergei Erlikh. Decembrists. History of the myth

Эрлих, Сергей Ефроимович — д. и. н., директор издательства «Нестор-История».

Erlikh, Sergei — Doctor of Historical Studies, editor-in-chief of the Publishing House “Nestor-Historia”.

E-mail: ehrlich@mail.ru

В. А. Шкерин. «...Видно, тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей»: к вопросу о феномене «декабристов без декабря»

Говоря о декабристах, мы привычно представляем военных повстанцев на Сенатской площади Санкт-Петербурга и в заснеженных украинских степях или уже осужденных — в Сибири и на Кавказской войне. Однако более половины членов тайных обществ, имена которых стали известны Следственной комиссии 1825–1826 гг., были против революционного насилия и возлагали надежды на либеральные преобразования. Эти люди избежали наказания или же их наказание не было связано с лишением свободы и длительным ограничением прав. Многие сделали блестящие карьеры в период правления Николая I. В их числе министр внутренних дел Л. А. Перовский, обер-прокурор Святейшего Синода С. Д. Нечаев, воспитатель наследника престола А. А. Кавелин, члены Государственного совета и Сената, генерал-губернаторы (в том числе столичные), военные и гражданские губернаторы, генералы гвардии и армии, генералы Свиты и генерал-адъютанты. В эпоху Великих реформ Александра II бывший член тайного общества Я. И. Ростовцев возглавил работу Главного комитета по крестьянскому делу и Редакционных комиссий. Членами этого же комитета были министр внутренних дел С. С. Ланской и министр государственных имуществ М. Н. Муравьев. Какой след в мировоззрении этих людей оставила бывшая причастность к движению декабристов? Справедливо ли говорить о влиянии декабризма на формирование и деятельность либеральной бюрократии второй четверти и середины XIX в.? Ответ на эти вопросы ищет автор представленной статьи.

Ключевые слова: «декабристы без декабря», движение декабристов, либеральная бюрократия, Николай I, Перовский Л. А., Глинка В. А., Ростовцев Я. И., Муравьев М. Н., Российская империя, первая половина XIX в., Великие реформы.

V. A. Skherin. “...It can be seen, that the secret society consisted not only of malicious and immoral people”: To the question of the phenomenon of “Decembrists without December”

Speaking of the Decembrists, we habitually represent the military rebels in the Senate Square in St Petersburg and in the snow-covered Ukrainian steppes or already convicted in Siberia and the Caucasian War. However, more than half of the members of secret societies, whose names became known after the Investigation Commission of 1825–1826, were against revolutionary violence and pinned their hopes on liberal transformations. These people escaped punishment or their punishment was not associated with deprivation of liberty and long-term restriction of rights. Many made brilliant careers during the reign of Nicholas I. Among them were the Minister of the Interior L. A. Perovsky, the chief procurator of the Holy Synod S. D. Nechaev, the educator of the heir to the throne A. A. Kavelin, members of the Council of State and Senate, general governors (including the capital ones), military and civil governors, generals of the guard and army, generals of the retinue and adjutant generals. In the era of Alexander II's Great Reforms, a former member of the secret society, Ya. I. Rostovtsev, headed the work of the Main Committee on Peasant Affairs and the Drafting Commissions. The members of the same committee were the Minister of the Interior S. S. Lanskoj and the Minister of State Property M. N. Muravyov. What is the trace in the worldview of these people left the former involvement in the movement of the Decembrists? Is it fair to talk about the influence of Decembrism on the formation and activity of the liberal bureaucracy of the second quarter and the middle of the 19th century? The author of the presented article is looking for the answer to these questions.

Key words: “Decembrists without December”, the Decembrists movement, liberal bureaucracy, Nikolas I, Perovsky L. A., Glinka V. A., Rostovtsev Ya. I., Muraviev M. N., Russian Empire, first half of the 19th century, Great reforms.

Шкерин, Владимир Анатольевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Shkerin, Vladimir Anatol'evich — Dr. of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS.

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

К. Г. Боленко. Об одной историографической развилке 1920-х гг.:

Н. В. Голицын как историк Верховного уголовного суда по делу декабристов

Статья посвящена статье российского историка Николая Владимировича Голицына (1874–1942) об истории Верховного уголовного суда по делу декабристов (1826) и роли в его создании М. М. Сперанского. Рассмотрен имеющийся аналитический обзор этой статьи и выявлены его недостатки. Уточнена проблематика статьи Н. В. Голицына: правильнее рассматривать ее не как часть историографии движения декабристов, а в рамках проблемы взаимоотношений просвещенного чиновника и монарха. Продемонстрированы некоторые особенности методологии Н. В. Голицына: глубокий психологизм; стремление вскрыть весь комплекс мотивов, которыми мог руководствоваться М. М. Сперанский при подготовке судебного процесса над декабристами; литературное мастерство; опора на архивные документы. Показано, что одним из открытий Н. В. Голицына, недооцененным исторической наукой, была демонстрация того, что поручение ему заниматься подготовкой судебного процесса стало логическим результатом его работы по подготовке и редактированию ответственных законодательных актов и официальных публичных заявлений, начавшейся сразу по восшествии на престол Николая I. Важной заслугой Н. В. Голицына стала публикация и пересказ в статье многих документов, связанных с подготовкой и ходом Верховного уголовного суда, с точными архивными ссылками, что стало важным шагом к публикации документов Верховного уголовного суда в начале 1980-х гг. Выказано предположение, что публикация статьи в 1917 г. могла быть полемическим ответом историку П. Е. Щеголеву, который в начале того же года опубликовал свою статью о роли Николая I и М. М. Сперанского в организации и ходе Верховного уголовного суда. В концепции Щеголева, находившейся в рамках революционных подходов к историческому процессу, суд был не более чем расправой над декабристами, Николай I — коронованным палачом, а Сперанский — послушным исполнителем его воли. В советской историографии доминировала концепция П. Е. Щеголева, хотя уже со второй половины 1960-х гг. намечается отход от нее в сторону более взвешенного мнения, представленного в статье Н. В. Голицына.

Ключевые слова: Н. В. Голицын, Верховный уголовный суд 1826 г., декабристы, М. М. Сперанский, П. Е. Щеголев.

K. G. Bolenko. About a historiographical dilemma of 1920s:

N. V. Golitsyn as a researcher of the supreme criminal court

The article considers the contribution of an outstanding historian and archivist N. V. Golitsyn to the analysis of the Supreme criminal court on the case of the Decembrists (1826). The range of documents introduced by the researcher is defined, and main results of the research are demonstrated, which are 1) detailed reconstruction of preparation and progress of the trial; 2) figuring out the role of M. M. Speransky's on different stages of this process. The most significant results are reconstruction of events that resulted in that Nicolas I involved Speransky in managing the trial of the Decembrists, and revealing the complex system of his motives. However, this work and weighed conclusions could not counter the conception of the Supreme criminal court proposed by an outstanding historian P. J. Shchegolev. According to him the Supreme criminal court of 1826 was an instrument of improper judgment and Speransky was craven and obedient executor of the Monarch's will.

Боленко, Константин Григорьевич — к. и. н., врио заместителя директора по научной работе Государственного музея-усадьбы «Архангельское».

Bolenko Konstantin G. — Ph. D, acting Deputy Director for Research of State Museum-Estate “Arkhangelskoye” (Russia, region of Moscow).

E-mail: kbolenko2005@yandex.ru

Е. Н. Мещерская

Новые исследования по библеистике

В Издательстве Пушкинского Дома вышел том трудов отечественных и зарубежных специалистов, посвященный изучению уникальной рукописи, хранящейся в БАН (Срез. II. 75; 24.4.28) и датированной первым десятилетием XVI в.¹ В издание вошли доклады международной научной конференции, организованной и проведенной Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) и Библиотекой Российской академии наук в июне 2017 г. Конференция была приурочена к 510-й годовщине появления этого замечательного памятника отечественной письменности и культуры.

Обычно эту рукопись называют Сборником библейских книг, хотя у нее есть и другое заглавие, как представляется, более точно отражающее разнообразие ее состава — Супрасльский сборник, поскольку его текст составлен и переписан в Супрасльском монастыре около Вильно книжником Матфеем Десятым. При этом действительно большую часть кодекса составляют библейские тексты, поскольку инициатор создания этого рукописного сборника пытался составить восточнославянский свод Библии.

В этом своем начинании Матфей Десятый следовал традиции, возникшей еще в XIV в., когда были составлены Чудовский Новый завет, и продолженной в XV в., когда возникла Геннадиевская Библия. Уже было высказано мнение, что Супрасльский сборник является современной и параллельной к Геннадиевской Библии попыткой создания комплекса библейских сочинений². Однако специфика сборника определяется его составом и тем, что источником для библейского свода в нем послужили литургические и экзегетические оригиналы библейских текстов. Паримийные чтения взяты для книги Бытия, книг

Царств, книги Иова, Премудрости Соломона; книги пророков дополнены статьей Епифания Кипрского и словарем к пророчествам. Больше всего экзегетических дополнений к Псалтири, которая также снабжена указанием на молитвы перед ее чтением и текстами библейских песней. В этом Супрасльский сборник продолжает тенденцию ранних библейских манускриптов, например Александрийского кодекса V в., в который вошли и 14 дополнений к Псалтири, и древнейший христианский гимн «Свете тихий»³. Таким образом, уже в библейской части сборника важную роль играют литургико-канонические и экзегетические разделы. Вторая же часть манускрипта — целиком богослужебная и включает службы наиболее важным христианским праздникам по текстам Минеи и Триоди. В конце Супрасльского сборника в качестве дополнения переписаны Типикон, Месяцеслов, Таблицы солнечного и лунного круга. Таким образом, сборник дает богатейший материал для изучения литургической и экзегетической практики у славян. Третье, чем сборник привлекает внимание, — его каллиграфия и замечательное декоративно-художественное оформление. И, наконец, помимо своего текстологического значения, сборник представляет историко-культурный интерес тем, что содержит много материала, характеризующего самого Матфея Десятого и особенности его филологической и богословской работы с текстами, а также позволяет судить о жизни Супрасльского монастыря как одного из центров религиозной жизни Великого Княжества Литовского, поддерживающего тесные связи со странами православного мира. Таким образом, сложный состав и богатое содержание Супрасльского сборника позволяют наметить несколько основных направлений в его изучении, каждое из которых требует своей программы исследования и концентрации усилий специалистов по разным научным дисциплинам.

Супрасльский сборник уже привлекал к себе внимание исследователей. Статью о нем готовил в 1920-е гг. известный ученый П. А. Лавров. Он не успел завершить работу, и его труд был окончен, дополнен и опубликован благодаря академику М. Н. Сперанскому⁴. Большое значение для изучения Сборника имела статья А. А. Алексеева и О. П. Лихачевой, в которой впервые было указано на разные аспекты значения этого манускрипта для истории славяно-русской письменности. Эта статья до сих пор не утратила своей актуальности⁵. Очень многие статьи, опубликованные в рассматриваемом нами издании, ссылаются на эту статью в подтверждение своих выводов или, опираясь на собственные новые наблюдения, опровергают или уточняют ее данные. Однако систематическое и детальное исследование Супрасльского сборника еще не проводилось, и это вызвано прежде всего тем, что он не вполне доступен широкому кругу ученых, не имеющих возможности работать с ним *de visu* в Рукописном отделе БАН. Так что проблема научного издания (факсимильного или печатного) этой уникальной рукописи действительно давно назрела.

Мы хотели бы обратить внимание на несколько статей из сборника докладов, которые можно признать программными и которые намечают перспек-

тивы будущего детального изучения кодекса. Прежде всего отметим статью А. А. Алексева «Эволюция славянской Библии от рукописной книжности к печатному станку» (с. 6–16). Проанализировав статистические данные, относящиеся к славяно-русской рукописной традиции XI–XIII вв., автор приходит к выводу о том, что не более 5% рукописей связано непосредственно с текстом Библии. При этом большинство из них — лекционные списки Евангелия и Апостола, а другие части Библии представлены единичными рукописями. Вообще письменная культура этого периода характеризуется распространением литургических рукописей и сборников. Среди них толковые версии библейских текстов, принадлежащих авторству отцов Церкви и переведенные на славянские языки с греческого. Однако древнерусская книжность внесла и свой вклад в дело переписывания Библии, создав Толковую палею и различные хронографические типы текстов, в основу которых была положена библейская или апокрифически-библейская (Книга юбилеев) хронология. Библия тем самым превратилась в историческое повествование. Автор статьи отмечает, что такая ситуация имеет себе параллель в западноевропейской традиции, где с IX в. сначала создаются разнообразные типы библейских комментариев, а затем к ним присоединяется сугубо исторический материал. Лишь с XIV в. в славянских письменностях появляются рукописи, содержащие различные разделы библейских книг, — Чудовский Новый Завет, полный новозаветный сборник с добавлением Псалтири (сборник Хвала), ветхозаветный сборник младших пророков и книг из раздела «Писания». Появление сборников, объединяющих несколько библейских книг, и их быстрое распространение и умножение начинается в XV–XVI вв. А. А. Алексеев связывает это явление, с одной стороны, с развитием книгопечатания, а с другой, с возникновением общежительных монастырей и формированием книжно-монастырских собраний. Дальнейшее развитие отношения славяно-русских книжников к библейским текстам будет происходить в рамках уже не восточно-, а западно-христианской традиции, будет определяться потребностями образования, распространением книгопечатания и включением Библии в конфессиональные споры. А. А. Алексеев справедливо отмечает, что Супрасльский сборник — результат отношения к библейским текстам, сформировавшегося в переходный период от рукописи к книге на стыке разных культурных ареалов.

Многие из статей сборника можно рассматривать как иллюстрации к идеям, предложенным в статье А. А. Алексева, и их развитие. Так, статьи Н. А. Елагинной «“Историческая Библия”» Гийара де Мулена в Российской национальной библиотеке» (с. 17–26), О. Н. Блескиной «Библия для “бедных” в собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки» (с. 27–38) и Г. Н. Питулько «Западноевропейские издания Библии конца XV — первой половины XVI в. в собрании БАН» наглядно раскрывают отношение к библейскому тексту, его разнообразие и работу с ним в средневековой Западной Европе. При этом эти статьи вводят в научный оборот новый материал из петербургских

хранилищ. Статья В. С. Томеллери «Молитва Господня с толкованиями Брунона в переводе Дмитрия Герасимова. Интерлинейное издание текста» представляет нам одно из свидетельств тесного контакта славянской переводческой практики с западноевропейским миром. Однако в издании есть и статья С. А. Французова, которая связана с историей библейского текста на Востоке, в восточно-христианской традиции. В ней речь идет об уникальном полном списке Библии на арабском языке, хранящемся в собрании Института восточных рукописей РАН в Петербурге. Автор на основе анализа текста колофонов и филиграней этого кодекса предлагает датировать его не XIII, как ранее, а XVI в., и тем самым соотносит его со временем, близким к Матфею Десятому.

Существенное место в издании занимает большая группа статей, которые непосредственно связаны с изучением сборника Матфея Десятого. К ним относятся статьи, в которых устанавливаются источники библейских текстов, вошедших в Супрасльский кодекс. Так, в статье Л. В. Осинкиной констатируется, что текст книги Екклесиаст у Матфея Десятого восходит к ее славянскому переводу, выполненному между X и началом XV в. Он использовал четый текст без интерполяций и не снабдил его какими-то маргинальными заметками, что, по мнению автора статьи, свидетельствует об отсутствии у него специального богословского интереса к этой книге. В статье В. Г. Подковыровой определяется место списка Откровения Иоанна Богослова в сборнике Матфея Десятого, рассматривается его значение для выявления ряда его специфических особенностей. Автор обнаружила ряд черт этого текста из сборника, которые характерны для боснийско-супрасльской редакции книги Откровения. Автор статьи предполагает, что Матфей Десятый имел в своем распоряжении ранний сербский список Нового завета (или его копию), в котором Апокалипсис следовал за Евангелием от Иоанна и в который входил также Апостол особого состава с дополнительными статьями. Интересный вклад в изучение библейских источников Супрасльского кодекса вносит статья В. А. Ромодановской. Она разбирает пометы на полях рукописи, в которых есть отсылки к параллельным чтениям библейских текстов. Матфей Десятый стремился с их помощью унаследовать библейский текст широким справочным аппаратом. Особенности этих маргиналий позволяют, например, высказать предположение, что Матфей мог обращаться к печатному латинскому тексту Библии и заимствовать из него маргинальную разметку. Но вообще, по наблюдениям В. А. Ромодановской, отсылочные маргиналии кодекса распределены неравномерно и являются разными для разных книг. Статья А. А. Романовой посвящена анализу еще одного комплекса справочных материалов — календарно-астрологических таблиц из кодекса Матфея Десятого. По мнению автора, особый интерес вызывают комментарии к отдельным частям этих таблиц, возможно, принадлежащие самому составителю сборника.

Отметим еще две статьи, которые существенно продвигают изучение Супрасльской рукописи. Первая из них касается ее палеографических особенно-

стей. А. Е. Жуков в своем исследовании вернулся к вопросу о почерке кодекса и о числе писцов, участвовавших в его написании (с. 149–157). Мнение о том, что рукопись была переписана двумя писцами, было высказано еще М. Н. Сперанским⁶, и затем развито в статье А. А. Алексеева и О. П. Лихачевой, где речь шла о том, что второй писец в манере письма подражал Матфею Десятому и его можно считать его учеником⁷. Детально изучив почерк переписчика Сборника, А. Е. Жуков пришел к выводу — несмотря на то что основной его характеристикой является мелкий полуустав с лигатурами, т. е. тип письма, распространенный в рукописях XV–XVI вв., почерк книжника менялся и совершенствовался, и ему удалось зафиксировать ряд таких изменений. Совокупность этих изменений подтверждает вывод о том, что весь кодекс переписан рукой одного человека — Матфея Десятого и можно признать отсутствие второго участника в деле создания манускрипта. А. Е. Жуков сделал и еще одно интересное наблюдение — полуустав не был для Матфея Десятого привычным почерком, которым он постоянно оперировал, для него более удобным было, вероятно, канцелярское письмо, и поэтому автографы этого книжника надо искать среди документов его эпохи.

Вторая статья — Ф. В. Панченко «Концепт художественного оформления Библейского сборника Матфея Десятого» (с. 124–136). В ней автор справедливо ставит ряд пока еще не решенных проблем, возникающих при рассмотрении декоративно-художественного оформления этого замечательного кодекса, — какие этапы прошла рукопись в процессе ее создания, существовала ли целостная иконографическая программа ее украшения, где следует искать истоки и образцы для конкретных элементов ее декора. Ф. В. Панченко выдвигает предположение о том, что логика художественного оформления рукописи строилась на богословской идее литургичности текстов Священного Писания, которая проявляется, как было сказано выше, и в составе Супрасльского сборника, и в его структуре. Кульминацией художественно-декоративного оформления сборника является раздел Псалтири. В новозаветном разделе арсенал средств оформления не только расширяется, но и ориентируется на христианскую символику цвета. Ф. В. Панченко приходит к выводу о том, что Матфей Десятый объединяет в одном лице и автора замысла, и его исполнителя. Он не только опирается на предшествующую церковнославянскую книжную практику, но ведет себя свободно при выборе средств художественного выражения. Ряд статей (И. Д. Соловьевой, Е. И. Серебряковой, О. С. Сапожниковой, Э. А. Гордиенко, Э. С. Смирновой), опубликованных в сборнике, воссоздают атмосферу художественной культуры Древней Руси, близкую по времени к созданию манускрипта Матфея Десятого.

Большой интерес вызывает статья А. В. Мироновича «Супрасльский монастырь в конце XV — середине XVI в. как религиозный и культурный центр». В ней подводятся некоторые итоги изучения истории этого крупного культурно-религиозного центра Великого Княжества Литовского, представленные

в научной литературе, а также описываются обстоятельства существования обители в период игуменства его основателя Пафнутия Сегеня. Именно в это время с судьбой монастыря окажется связан Матфей Десятый. Исторические условия, в которых находился Супрасльский монастырь в первое десятилетие XVI в., объясняют многие черты манускрипта, созданного русским книжником. Так, превращение монастыря в общежительный и создание при нем собственной библиотеки объясняет естественное стремление Матфея пополнить пока не очень богатое рукописное собрание монастыря новым ценным книжным вкладом, а выбор источников при формировании свода библейских текстов отражает роль монастыря как контактной зоны между югом, западом и востоком православного мира. Статья У. А. Павлучука углубляет наши знания о православной монастырской традиции на территории Великого Княжества Литовского уже в более поздний период и определяет ее место и значение как культурной и духовной составляющей общехристианской жизни.

Можно отметить и что издание сборника докладов дополнено иллюстрациями хорошего качества, позволяющими наглядно представить исследуемый материал. В целом же анализируемый нами том демонстрирует новый уровень подхода к изучению библейской тематики учеными России и позволяет надеяться, что подготовленное коллективом авторов научное издание Супрасльской рукописи — Библейского кодекса Матфея Десятого, в будущем еще стимулирует такие комплексные разыскания.

- ¹ Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания К 510-летию создания библейского сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2017.
- ² Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 85.
- ³ Мещерский Н. А. История христианской литургической письменности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 264–266; Скабалланович М. Н. Толковый типикон. Объяснительное изложение типикона с историческим введением. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. С. 558–559.
- ⁴ Лавров П. А. Библейские книги 1507 г. // Slavia. 1933. № 12. С. 82–112.
- ⁵ Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88.
- ⁶ Лавров П. А. Библейские книги 1507 г. // Slavia. 1933. № 12. С. 92.
- ⁷ Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 57.

References

- ALEKSEEV A. A., LIHACHEVA O. P. *Suprasl'skij sbornik 1507 g.* // Materialy i soobshcheniya po fon-dam Otdela rukopisnoj i redkoj knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR. Leningrad, 1978. S. 54–88.
- LAVROV P. A. *Biblejskie knigi 1507 g.* // Slavia. 1933. N 12. S. 82–112.
- MESHCHERSKIJ N. A. *Istoriya hristianskoj liturgicheskoj pis'mennosti*. St Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2013.
- SKABALLANOVICH M. N. *Tolkovyj tipikon. Ob»yasnitel'noe izlozhenie tipikona s istoricheskim vvedeniem*. Moscow: Izd. Sretenskogo monastyrya, 2004.
- Slavyanskaya Biblija v ehpoju rannego knigopechataniya. K 510-letiju sozdaniya biblejskogo sbornika Mat-feya Desyatogo* / Otv. red. A. A. Alekseev. St Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2017.

Список литературы

- Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88.
- Лавров П. А.* Библейские книги 1507 г. // Slavia. 1933. № 12. С. 82–112.
- Мещерский Н. А.* История христианской литургической письменности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
- Скабалланович М. Н.* Толковый типикон. Объяснительное изложение типикона с историческим введением. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004.
- Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания библейского сборника Матфея Десятого / Оtv. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2017.

Е. Н. Мещерская. Новые исследования по библеистике

Статья посвящена выходу из печати тома докладов международной научной конференции, организованной Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) и Библиотекой Российской академии наук в июне 2017 г. и посвященной 510-й годовщине создания замечательного памятника отечественной письменности и культуры — Супрасльского сборника, или Сборника библейских книг, составленного и переписанного в Супрасльском монастыре около Вильно книжником Матфеем Десятым. Систематическое и всестороннее изучение рукописи еще не проводилось, и в представленных в издании статьях иногда впервые, а иногда по-новому освещаются многие проблемы, возникающие при исследовании этого кодекса. Работа коллектива авторов проводилась с целью подготовки научного издания этой уникальной и важной для истории славянской Библии рукописи.

Ключевые слова: рукопись, славяно-русская Библия, иллюминированная рукопись, библейские переводы, литургика, библейская экзегетика, источники, палеография, текстология, кодикология.

E. N. Mescherskaya. New Research on Biblical Studies

The article deals with the publication of the volume of reports of the International scientific conference organized by the Institute of Russian Literature (Pushkin House) and the Library of the Russian Academy of Sciences in June 2017 y. and devoted to the 510th anniversary of the creation of a remarkable monument of Russian literature and culture — Supraslsky collection or Collection of Biblical books, compiled and rewritten in the Supraslsky monastery near Vilna by the scribe Matthew the Tenth. A systematic and comprehensive study of the manuscript has not yet been carried out, and in the articles presented in this volume, for the first time, and sometimes in a new light, many of the problems that arise in the investigation of this codex are highlighted. The work of the authors team was carried out with the goal of preparing a scientific publication of this unique and important for the history of the Slavonic Bible tradition.

Key words: manuscript, Slavonic-Russian Bible, illuminated manuscript, biblical translation, liturgy, biblical exegetics, sources, paleography, textology, codicology.

Мещерская, Елена Никитична — д. и. н., профессор кафедры библеистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Mescherskaya, Elena N. — Professor, Saint Petersburg State University, Russian Federation.

E-mail: syriac@inbox.ru

И. Г. Воробьева

В. И. Райцес — сын «врага народа». К 90-летию со дня рождения

Имя Владимира Ильича Райцеса (1928–1995) известно читателям прежде всего по его книгам, статьям, сценариям популярных фильмов для школьников, посвященным жизни и деятельности Жанны д'Арк и восприятию ее феномена современниками и потомками, его участию в качестве консультанта-историка в работе над фильмом Глеба Панфилова «Начало».

Первая книга В. И. Райцеса о Жанне вышла в 1959 г. в издательстве «Учпедгиз». Изданная в 1982 г. в серии «Научные биографии» тиражом 100 тыс. экз. книга «Жанна д'Арк: Факты, легенды, гипотезы» была переведена на болгарский язык, имела несколько положительных отзывов российских медиевистов, переиздана в 2003 г.

После долгожданной поездки во Францию в 1989 г. историк работал над большой монографией о посмертной жизни Жанны д'Арк, о том, как складывался ее образ в сознании потомков. Но тяжелая болезнь не позволила закончить ее, несколько глав из книги были опубликованы после смерти В. И. Райцеса в августе 1995 г.

Памяти историка были посвящены некрологи в «Одиссее», в «Средних веках»¹. Проникновенные памятные заметки оставила его жена Стелла Лазаревна Абрамович, ушедшая вскоре вслед за мужем². Его студенческий товарищ А. Х. Горфункель написал обширные мемуары, вспоминая дружбу с В. И. Райцесом³. Упомянул А. Х. Горфункель и драматические события из жизни друга, отец которого был объявлен «врагом народа». На основе ар-

хивных материалов Ленинградского университета те события конкретизировал П. С. Александров⁴.

Для биографии историка представляется важным рассмотреть материалы архивно-следственного дела его отца, арестованного в 1937 г. в Калинин. О нем я узнала от самого Владимира Ильича, с которым меня познакомил в апреле 1982 г. профессор Владимир Александрович Якубский, его студенческий товарищ. В то время я готовилась к обсуждению своей кандидатской диссертации на кафедре истории средних веков Ленинградского университета. В кратком разговоре с В. И. Райцесом я пригласила его в Калинин (так называлась Тверь в 1931–1990 гг.) для чтения лекции, сославшись на то, что и А. Д. Люблинская, и В. А. Якубский бывали уже в нашем университете. Ответ был кратким и резким: никогда не поеду, мой отец, помощник секретаря обкома, был расстрелян в 1938 г. в Калинин.

Эти слова запомнились, хотелось узнать подробней. Но в имевшихся в то время изданиях не упоминалось о событиях 1937 г., даже в книгах «Памяти жертв политических репрессий», подготовленных по данным архива ФСБ, имя И. С. Райцеса не значилось. Тем не менее в опубликованных и доступных в Интернете «Сталинских расстрельных списках» имя И. С. Райцеса есть. Появилась возможность обратиться к архивным документам: дела репрессированных, переданные из архива ФСБ, находятся в Тверском центре документации новейшей истории и доступны исследователям.

Поставив задачу восстановить биографию Ильи Симоновича Райцеса, я обнаружила в следственном деле документы об участии Владимира Ильича в деле реабилитации отца. Попробуем следовать нацеленности самого историка «на раскрытие человеческих индивидуальностей, воплощавших в себе своего рода “замысел эпохи”», «ибо человек — и объект, и субъект истории», а биография, по его словам, есть форма исторического синтеза⁵.

В книгах об Орлеанской деве В. И. Райцес постоянно обращался к судебным документам. Так, во введении к книге 1982 г. он объяснял цель своего повествования, обращая внимание на научную значимость вечной темы о простой и бесконечно сложной истории Жанны. Необходимость переосмысления известных фактов он видел «в изменении подхода к изучаемому явлению, постановке новых проблем, совершенствовании методов исследования». Вводя понятие «народная религиозность», позволяющее, по его словам, «глубже осмыслить любопытный социально-психологический феномен — массовой веры в божественный характер миссии Жанны-Девы», историк сообщал об источниках деятельности Жанны: «О многом рассказала сама Жанна в показаниях перед инквизиционным трибуналом, который судил ее в первой половине 1431 г. Материалы этого процесса сохранились. Они доносят до нас подлинные слова Жанны и позволяют воссоздать обстановку суда, который закончился вынесением обвинительного приговора и казнью подсудимого. Спустя четверть века, в 1456 г., дело Жанны д'Арк было пересмотрено: смертельный

приговор объявили судебной ошибкой, а саму Жанну признали невиновной. Этому предшествовало длительное расследование, в ходе которого несколько специальных комиссий допросили более ста человек, знавших Жанну в разные периоды ее короткой и славной жизни. Материалы процесса реабилитации также сообщают нам массу ценнейших сведений самого различного характера». Приведенная цитата имеет непосредственное отношение к биографии самого В. И. Райцеса.

Архивно-следственное дело по обвинению Ильи Симоновича Райцеса⁶ на 127 листах содержит документы, датируемые августом 1937 — августом 1955 г.

Ордер на арест подписан 13 августа 1937 г. Постановление об избрании меры пресечения было основано на обвинении в том, что И. С. Райцес «является активным участником право-троцкистской террористической организации» и должен «содержаться под стражей по ст. 58–10 и 11».

Обыск был произведен в тот же день. В протоколе сделана запись о конфискованных вещах. Перечислены: партбилет, паспорт, пропуск для входа в обком ВКП(б), револьвер системы «Наган» и 14 боевых патронов, пять папок разной переписки, регистрационный бланк члена ВКП(б), личное дело № 436254 на имя И. С. Райцеса, разная переписка.

При обыске изъяли 22 книги. В их числе книги Троцкого, Бухарина, Каутского, материалы XIII съезда партии и др. Названы две религиозные книги: «Вторая книга Царств» и «Вторая книга Паралипоменон». О профессиональных занятиях арестованного может свидетельствовать «Справочная книга журналиста».

Биографические сведения подследственный сообщал, заполняя бланк анкеты, из которой следовало, что он родился 4 марта 1903 г. в Новозыбкове Западной области, еврей, гражданин СССР. Его отец Симон Ильич, в то время семидесятилетний пенсионер, проживал в том же Новозыбкове. И. С. Райцес имел брата Иосифа, учившегося в Академии Толмачева в Ленинграде, ему было 32 года. Имена шестерых замужних сестер не названы, жили они самостоятельно. Видимо, матери Ильи Симоновича в то время не было в живых. Его жена, Либина Елена Моисеевна (1904–1988), работала заведующей биохимической лабораторией в городской больнице Калинина. Она окончила биологический факультет Ленинградского университета и работала в дальнейшем в Ленинграде врачом-бактериологом, как сообщила С. Л. Абрамович.

Владимиру Ильичу было на момент ареста отца 9 лет, он учился в школе, ее номер не указан. Семья жила в центре города, на бульваре Радищева, д. 11. кв. 56. Дом сохранился.

По социальному происхождению И. С. Райцес значился как «сын кустика с применением наемной силы 2 рабочих». Его отец до 1917 г. имел кустарный завод по производству сельтерской воды.

Ни в царской, ни в Белой, ни в Красной армии он не служил по состоянию здоровья — ввиду «потери зрения».

В анкете И. С. Райцес написал, что состоял в ВКП(б) с 1920 г. и «исключен в связи с данным делом». Из жалобы В. И. Райцеса, полный текст которой приведен ниже, известно, что его отец был одним из организаторов комсомола в г. Гомеле, делегатом Третьего съезда РКСМ, на котором выступал Владимир Ильич Ленин.

В анкете в графе «образование» записано, что он окончил школу II ступени, т. е. имел среднее образование. Данных об учебе в Институте красной журналистики, указанном С. Л. Абрамович, в анкете нет.

Журналистикой И. С. Райцес занимался профессионально еще до прибытия в Калинин, о чем писал его сын в жалобе в 1954 г. (о ней подробнее будет сказано ниже). И. С. Райцес в течение длительного времени работал в органах печати: редактором газеты «Труд» в г. Клинцы Брянской области и заместителем ответственного редактора газеты «Брянский рабочий». В 1932 г. был переведен на работу в Москву, где работал заместителем редактора газеты «За коллективизацию». В протоколе допроса от 15 октября 1937 г. упомянуто, что И. С. Райцес выступал в 1930 г. на собрании парторганизации в Институте журналистики Москве и высказывал «несогласие с генеральной линией партии».

В Калинин он был переведен в начале 1935 г. на партийную работу в связи с образованием Калининской области. В анкете указано место службы И. С. Райцеса — ответственный редактор журнала «В наши дни» и председатель областного радиокомитета. Он был членом профсоюза работников электросвязи.

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «В наши дни», орган Калининского обкома ВКП(б) и облисполкома, выходил в 1936–1937 гг. В 1936 г. ответственным редактором издания одновременно стал редактор областной газеты «Пролетарская правда» С. С. Голосовский (1903–1942). Вышло два номера журнала. В октябре 1936 г. С. С. Голосовского перевели в Москву. Несмотря на упоминания его фамилии в протоколах допроса И. С. Райцеса, он не подвергался репрессиям. Семен Семенович Голосовский погиб в годы войны⁷.

Журнал «В наши дни» публиковал стихи и прозу местных писателей, в том числе начинающего автора Б. Н. Кампова (Борис Полевой). Кстати, на здании, где проживал И. С. Райцес, имеется мемориальная доска с указанием, что Герой Социалистического Труда Борис Полевой жил в этом доме в 1939–1941 гг., т. е. после ареста многих его прежних обитателей.

В 1937 г. состав редколлегии журнала изменился. В него вошли А. Г. Гвоздев, А. В. Горлов, Е. Я. Носовский (ответственный редактор) и И. С. Райцес. Номер был сдан в производство 9 января 1937 г. и подписан в печать 19 февраля. Вышел сдвоенный номер. Большинство статей посвящены 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина. В административные границы Калининской области после ее создания входили село Михайловское и Святогорский монастырь. В журнале публиковались фотография могилы поэта, дома И. И. Вульфа в Бернове,

воспоминания Панафидиной, большая статья профессора Калининского пединститута А. Н. Вершинского⁸ о приездах Пушкина в Тверскую и Псковскую губернии. Жаль, что пушкинист С. Л. Абрамович не знала об этом журнале и об участии отца ее мужа в издании.

Журнал «В наши дни» больше не выходил, вероятно, из-за ареста и членов редколлегии, и партийного руководства Калининской области. В 1936 г. в журнале был напечатан обширный доклад первого секретаря обкома М. Е. Михайлова, в нем назывались идеологические задачи издания. В протоколе допроса И. С. Райцеса встречается имя Е. Я. Носовского. Его обвиняли в том, что он пропустил недоброкачественную статью в журнале и что родственники его жены были арестованы в Москве. От И. С. Райцеса добивались показаний о причастности Е. Я. Носовского к деятельности созданного в Калинин подполья. Дальнейшая судьба Е. Я. Носовского мне неизвестна, его фамилии в «Сталинских расстрельных списках» нет.

Организатором троцкистского подполья определили первого секретаря Калининского обкома ВКП(б) М. Е. Михайлова. Михаил Ефимович Михайлов (Каценеленбоген) (1902 — 1 августа 1938) — член ЦК ВКП(б) (1937–1938), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934–1937), делегат XVII съезда ВКП(б). И. С. Райцес знал его по работе в Москве. Именно тот и пригласил его в Калинин в 1935 г. И. С. Райцес исполнял обязанности его помощника. В обвинительном заключении от 8 февраля 1938 г. И. С. Райцес назван как «бывший помощник секретаря Калининского обкома ВКП(б)». М. Е. Михайлов с июля 1937 г. являлся первым секретарем Воронежского обкома партии, там и был арестован 10 ноября и осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 1 августа 1938 г.

М. Е. Михайлова признали виновным в том, что «он проводил подрывную работу в сельском хозяйстве Московской, а затем Калининской и Воронежской областей», «создал в Калининской области несколько террористических групп для осуществления террористических актов против руководителей ВКП (б) и Советского правительства»⁹.

И. С. Райцеса допрашивали как участника троцкистского подполья и выбивали показания о связях с М. Е. Михайловым, Л. С. Копелевым (оба в «Сталинских расстрельных списках» (далее — СРС) 10.07.1937 г.), И. С. Еновым-Ходарковским (в СРС от 15.09.1937). Трудно назвать общее число обвиненных по этому делу, в следственном деле И. С. Райцеса встречаются фамилии около двух десятков людей, многие из них были арестованы и расстреляны еще до его ареста. Судьба И. С. Райцеса была предрешена. Его фамилия значилась в СРС по Калининской области от 8 февраля 1938 г. в графе первой категории. Но дел было так много, что приговор был объявлен только в мае.

В ходе закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР 9 мая 1938 г., длившегося 15 минут, И. С. Райцеса обвинили в преступлениях, предусмотренных статьей 58-8 и 58-11. В последнем слове он просил суд сохранить ему жизнь. Приговор к высшей мере уголовно-

го наказания — расстрелу — с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества от 9 мая 1938 г. был приведен в исполнение в тот же день. В следственном деле имеется копия из Акта о приведении приговора в исполнение, хранящегося в Особом архиве 1-го спецотделения НКВД, т. 8, л. 510.

Семья И. С. Райцеса не имела сведений о его судьбе. Жена вместе с сыном уехала по совету друзей в Клинцы к бабушке, позднее они переехали в Ленинград к ее брату. Е. М. Либина пыталась узнать о муже, обращаясь к друзьям и родным. В деле имеется копия ответа на заявление ее сестры Зои Моисеевны Гильдиной (1903–1973)¹⁰. «Согласно указанию начальника отдела “А” НКГБ СССР тов. Герцовского, прошу дать указание объявить гражданке Гильдиной Зое Моисеевне, проживающей в г. Москве по адресу: Старо-Петровский проезд, дом 41 (Огиза), кв. 10, о том, что муж ее сестры Либиной Елены Моисеевны — Райцес Илья Симонович, осужденный в 1938 г. ВК Верховного суда за антисоветскую деятельность, отбывая наказание в лагерях НКВД, умер 9 ноября 1940 г. от крупозного воспаления легких». Эти сведения были сообщены З. М. Гильдиной 7 февраля 1944 г., о чем имеется ее расписка.

В конверте в следственном деле имеется документ, напечатанный на машинке, с грифом «совершенно секретно». В Свердловск заместителю начальника спецотдела НКВД отправлялось указание: «Прошу в карточке ОСК на осужденного в 1938 г. ВК Верховного суда СССР к высшей мере наказания Райцеса Ильи Симоновича (Архивно-следственное дело № 266028, т. 48) сделать отметку о том, что 7 февраля 1944 г. его родственникам объявлено, что Райцес И. С. умер 9 ноября 1940 г. в лагере НКВД от крупозного воспаления легких, в связи с чем впредь выдавать такие справки».

Можно предположить, что о смерти отца Владимиру Ильичу Райцесу мать сообщила именно тогда, она же просила хранить это в тайне. В памятных записках С. Л. Абрамович писала, что «сын оплакивал отца и восхищался им. В семье хранились фотографии человека с обаятельной улыбкой; его шуточные стихи, обращенные к жене и сыну; письма»¹¹. В 14 лет, вступая в комсомол, по совету школьного учителя, он рассказал на комсомольском собрании, что отец умер, а подробности не сообщал. То же В. И. Райцес записал в анкете, поступая в Ленинградский университет на исторический факультет. Но проблема с анкетными данными всё же возникла. По воспоминаниям А. Х. Горфункеля, по окончании университета в 1950 г. они вместе пытались устроиться на работу в исторический архив. Райцес, заполняя анкету, указал на арест отца, что и послужило причиной отказа при устройстве на работу. С трудом он получил место учителя в средней школе в Пушкине.

После смерти Сталина у родных осужденных коммунистов появилась возможность обращаться с жалобами в Прокуратуру СССР. Поддерживая отношения с бывшими товарищами отца, в частности с женой М. Е. Михайлова Лаймой Юльевной Цельмс (1903–1988)¹², и следуя ее примеру, В. И. Райцес написал жалобу на имя генерального прокурора СССР Р. А. Руденко в августе

1954 г. Узнав, что М. Е. Михайлов посмертно реабилитирован, он вновь письменно изложил жалобу, датированную 21 ноября 1954 г.

Жалоба рассматривалась долго, только 18 августа 1955 г. В. И. Райцес был ознакомлен с определением: «Приговор ВК ВС СССР от 9 мая 1938 г. в отношении Райцеса Ильи Симоновича по вновь открытым обстоятельствам отменить и на основании ст. 5 п. 4 УПК РСФСР дело о нем в уголовном порядке прекратить». В деле есть расписка В. И. Райцеса, что определение ВК ему объявлено. Подробности проведенного расследования рекомендовалось родственникам не сообщать.

Документ о реабилитации дал возможность В. И. Райцесу вновь вернуться к вопросу об официальном зачислении в очную аспирантуру. Опубликованные документы из архива Ленинградского университета свидетельствуют, что осенью 1954 г. ему в учебе в аспирантуре было отказано именно на основании сокрытия анкетных данных. Кафедра истории средних веков все годы боролась за своего аспиранта. Так, в протоколе кафедры от 26 марта 1956 г. при обсуждении темы кандидатской диссертации указывалось, что Райцес сдал кандидатский экзамен, проделал значительную часть работы и может завершить ее в течение 10–12 месяцев. В мае 1956 г. он был зачислен на третий курс очной аспирантуры. Но подготовленная диссертация по теме «Народные движения в юго-западной Франции накануне гражданских войн XVI в.» не была завершена, тема была заменена, и защита состоялась лишь в 1968 г. Возможно, причиной тому стало постоянное сознание ущемленности и неослабевающего морального прессинга. Однако честное имя отца и собственное достоинство В. И. Райцес защитил, и свидетельство этому — текст жалобы от 21 ноября 1954 г.

Этот текст находится в следственном деле, привожу его полностью, сохраняя орфографию, подчеркивания и выделение шрифтом.

Ленинград, 21/11 1954 г.

Уважаемый товарищ Комаров!

Я обращаюсь к Вам с просьбой о восстановлении честного имени коммуниста — моего отца Райцеса Ильи Симоновича, 1903 г. рожд., члена партии с 1920 г., арестованного в г. Калинин, где он последние два месяца работал в качестве председателя Областного Радиокomiteта, а до этого работал там же помощником секретаря Обкома партии. Как сообщили моей матери, он был осужден особым совещанием на 10 лет без права на переписку и связь с семьей. О дальнейшей его судьбе нам ничего неизвестно.

Как я узнал недавно, бывший секретарь Калининского Обкома партии М. Михайлов посмертно реабилитирован, в связи с чем его жена Цельмес Лайма восстановлена в партии. Мой отец, РИС, в течении нескольких лет работал с М. Михайловым в качестве его помощника в Москве и Калинин и был таким же честным коммунистом, как и Михайлов

Вступив в 1920 г. в возрасте 17 лет, в ряды Компартии, он всю свою жизнь отдавал служению партии и народу. Мой отец был одним из организаторов комсомола в г. Гомеле, — «душой гомельского комсомола» — как вспоминают о нем товарищи, знавшие его по работе. Он был делегатом Третьего съезда РКСМ, на котором выступал Владимир Ильич Ленин.

В течение длительного времени он работал в органах печати (редактором газеты «Труд» в г. Клинцы Брян. обл. и заместителем ответ. редактора газеты «Брянский рабочий»).

В 1932 г. мой отец был переведен на работу в Москву, где работал заместителем редактора газеты «За коллективизацию» и активно боролся за социалистическую перестройку деревни. После организации политотделов МТС он по мобилизации партии был направлен на работу в политсектор Московского ОблЗУ, а при выделении Калининского обкома партии был направлен на работу в аппарат Калининского обкома партии, где он был помощником секретаря обкома по деревне.

МОЙ ОТЕЦ, РАЙЦЕС ИЛЬЯ СИМОНОВИЧ, НЕ УЧАСТВОВАЛ НИ В ОДНОЙ ИЗ ОППОЗИЦИЙ И ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ БЫЛ ВЕРЕН ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ. Уже после своего ареста он просил передать моей матери через одного из товарищей, чтобы она не думала о нем плохо и растила сына честным большевиком. Он был верным и преданным сыном своей Родины, непоколебимым коммунистом. Об этом говорят все без исключения товарищи, знавшие моего отца по работе в комсомоле, и по работе в печати, и по работе в партии.

Я прошу Вас, уважаемый товарищ Комаров, поддержать мое ходатайство перед Прокуратурой Союза ССР о реабилитации моего отца Райцеса Ильи Симоновича — честного коммуниста, ставшего жертвой трагической ошибки. В августе 1954 г. я обратился с жалобой на имя Генерального прокурора СССР тов. Руденко, и в сентябре мне было сообщено, что моя жалоба проверяется. Однако с тех пор прошло уже почти полгода, но ответа всё еще нет.

Меня не перестает мучить судьба моего отца.

Кроме того, у нас, к сожалению, не перевелись еще люди, которые судят о человеке по его анкетным данным, и моя анкета в свое время немало помешала мне и в поступлении на работу, и в поступлении в аспирантуру.

Надеюсь, что Вы мне поможете / Подпись

Сообщаю некоторые данные о себе. Я родился в 1928 г. В 1950 окончил Ленинградский Государственный Университет по Историческому факультету. С тех пор пятый год работаю учителем в 406 школе Пушкинского р-на г. Ленинграда. Веду общественную работу: являюсь руководителем лекторской группы РК ВЛКСМ.

Мой адрес: г. Ленинград, ул. Егорова, д. 16. кв. 24

Райцесу Владимиру Ильичу».

Илья Симонович Райцес был реабилитирован 18 июня 1955 г. Для его сына начинался следующий жизненный этап, он был наполнен многими драматическими событиями, но В. И. Райцес всегда помнил о стойкости отца и французской девушки, изучению жизни которой он посвятил многие годы.

- ¹ *Малинин Ю. П.* Памяти Владимира Ильича Райцеса // Средние века. 1996. Вып. 59. С. 332–334; *Бессмертный Ю. Л.* Владимир Ильич Райцес (1928–1995) // Одиссей. 1996. М.: Coda, 1996. С. 360–362.
- ² *Абрамович С. Л.* Владимир Ильич Райцес. Памятные записки // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 346–362.
- ³ *Горфункель А. Х.* Моя школа, мои университеты... // Судьба, учителя, история. Мемуары историков. Приложение к журналу «Средние века». Вып. 4. М.: Институт всеобщей истории, 2009. С. 111–288.
- ⁴ *Александров П. С.* Историк средневековой Франции в советской России: судьба В. И. Райцеса // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / [Редколл.: Н. Н. Алеврас (гл. ред.) и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 109–115.
- ⁵ *Райцес В. И.* Биография — форма исторического синтеза // Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки: Вокруг французской школы Анналов. М., 1993. С. 163–164.
- ⁶ Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 7849. Д. 16880-С. Далее цитируются материалы этого дела.
- ⁷ См.: *Маркова Т.* «Свой добрый век мы прожили как люди...» // Тверская жизнь. 2010. 01.06. URL: <https://tverlife.ru/news/12374.html>.
- ⁸ А. Н. Вершинский — профессор Калининского пединститута, выпускник Петербургского университета, первый преподаватель краеведения. См.: *Воробьёва И. Г.* Преподавание всеобщей истории в Твери в 1917–2017 годах // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2017. № 3. С. 11–28.
- ⁹ См.: Записка Р. А. Руденко в ЦК КПСС о реабилитации М. Е. Михайлова. 12 ноября 1954 г. URL: <http://istmat.info/node/57875>. (дата обращения 13.11.2018).
- ¹⁰ Зоя Моисеевна Гильдина — филолог, о ней см.: *Мюллер-Кочеткова Т.* Сплетение судеб, лет, событий. Baltimore: Seagull press, 2003.
- ¹¹ *Абрамович С. Л.* Владимир Ильич Райцес. С. 146.
- ¹² См.: *Целмс Г. М.* «Мы живем, под собою не чуя страны...»: воспоминания простого советского человека. М.: Новый Хронограф, 2015.

References

Abramovich S. L. *Vladimir Il'ich Raitses. Pamyatnye zapiski* [Vladimir Ilyich Raitses. Memorials. In Russ.] // Srednie veka. 1997. Vyp. 60. S. 346–362.

Aleksandrov P. S. *Istoriik srednevekovoj Frantsii v sovetskoj Rossii: sud'ba V. I. Raitsesa* [The historian of the medieval France in the Soviet Russia: the destiny of V. I. Raitses. In Russ.] // Istorik v menyayushemsya prostranstve rossijskoj kul'tury: sbornik statej / [Redkoll.: N. N. Alevras (gl. red.) i dr.]. Chelyabinsk: Kamennyj pojas, 2006. S. 109–115.

Vorobyova I. G. *Prepodavanje vseobshhej istorii v Tveri v 1917–2017 godakh* [The teaching in the Universal History in Tver' in 1917–2017. In Russ.] // *Vestnik Tverskogo gosuniversiteta*. Ser.: Istorija. 2017. N3. S. 11–28.
Gorfunkel' A. Kh. *Moya shkola, moi universitety...* [My school, my university... In Russ.] // *Sud'ba, uchitel'ya, istoriya*. Memuary istorikov. Prilozhenie k zhurnalu "Srednie veka". Vyp. 4. Moscow: Institut vseobshhej istorii, 2009. S. 111–288.

Malinin Yu. P. *Pamyati Vladimira Il'icha Raitsesa* [In memory of Vladimir Ilyich Raitses. In Russ.] // *Srednie veka*. 1996. Vyp. 59. S. 332–334.

Bessmertnyy Yu. L. *Vladimir Il'ich Raitses (1928–1995)* [Vladimir Ilyich Raitses (1928–1995). In Russ.] // *Odissey*. 1996. Moscow: Coda, 1996. S. 360–362.

Raitses V. I. *Biografiya — forma istoricheskogo sinteza* [The biography — the form of the historical syntheses. In Russ.] // *Spory o glavnom: Diskussiya o nastoyashem i budushhem istoricheskoy nauki: Vokrug frantsuzskoy shkoly Annalov*. Moscow, 1993. S. 163–164.

Tselms G. M. *"My zhivem, pod soboyu ne chuya strany..." : vospominaniya prostogo sovetskogo cheloveka* ["Our lives no longer feel ground under them...": the memoirs of the ordinary soviet man. In Russ.]. Moscow: Novyj Khronograf, 2015.

Список литературы

Абрамович С. Л. Владимир Ильич Райцес. Памятные записки // *Средние века*. 1997. Вып. 60. С. 346–362.

Александров П. С. Историк средневековой Франции в советской России: судьба В. И. Райцеса // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / [Редколл.: Н. Н. Алеврас (гл. ред.) и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 109–115.*

Воробьева И. Г. Преподавание всеобщей истории в Твери в 1917–2017 годах // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История*. 2017. № 3. С. 11–28.

Горфункель А. Х. Моя школа, мои университеты... // *Судьба, учителя, история. Мемуары историков. Приложение к журналу «Средние века»*. Вып. 4. М.: Институт всеобщей истории, 2009. С. 111–288.

Малинин Ю. П. Памяти Владимира Ильича Райцеса // *Средние века*. 1996. Вып. 59. С. 332–334.

Бессмертный Ю. Л. Владимир Ильич Райцес (1928–1995) // *Одиссей*. 1996. М.: Coda, 1996. С. 360–362.

Райцес В. И. Биография — форма исторического синтеза // *Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки: Вокруг французской школы Анналов*. М., 1993. С. 163–164.

Цельмс Г. М. «Мы живем, под собою не чуя страны...»: воспоминания простого советского человека. М.: Новый хронограф, 2015.

И. Г. Воробьева. В. И. Райцес — сын «врага народа». К 90-летию со дня рождения

Владимир Ильич Райцес (1928–1995) — выпускник Ленинградского университета, известен работами по истории средневековой Франции и особенно исследованиями биографии героини французского народа Жанны д'Арк. Профессиональный карьерный рост историка был осложнен анкетными данными, ему не удалось завершить докторскую диссертацию, преподавать на кафедре истории средних веков, несмотря на признание французских коллег. Его отец И. С. Райцес (1903–1938) — коммунист, сотрудник партийного аппарата, был репрессирован и погиб в годы Большого террора. Сын боролся за восстановление чести и достоинства отца, о чем свидетельствует архивно-следственное дело, хранящееся в Центре документации новейшей истории в Твери. На его основе впервые восстановлены факты биографии Ильи Симоновича Райцеса.

Ключевые слова: В. И. Райцес, И. С. Райцес, М. Е. Михайлов (Каценеленбоген), Л. Ю. Цельмс, Жанна д'Арк, архивно-следственное дело, Сталинские расстрельные списки.

I. G. Vorobyova. V. I. Raitses — the son of the “enemy of people”: to the 90th anniversary of his birth

Vladimir Ilyich Raitses (1928–1995) — the graduate of the Leningrad University, is famous by his studies upon the history of the Middle Ages in France, especially by the researches of the biography of Joan of Ark, the hero of French nation. His professional carrier was complicated by the form data; he had not an opportunity to complete the doctor dissertation, to teach at the cathedral of the Middle Ages, in spite of the acknowledgment by his French colleges. I. S. Raitses, his father, the member of the communist party machinery, was repressed

and died during the Big Terror. The son struggled for the rehabilitation of his honour and dignity, the evidence of which are the archive-investigation files that are being kept at the Centre of Newest History Documentation in Tver. The facts of the biography of Ilya Simonovich Raitses are reconstructed for the first time on this base.

Key words: V. I. Raitses, I. S. Raitses, M. E. Michailov (Katsenelenbogen), L. Iu. Tselms, Joan of Ark, archive-investigation files, Stalin's execution lists.

Воробьёва, Ирина Геннадиевна — д. и. н., профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета.

Vorobyova, Irina Gennadievna — The Doctor of History, The professor, The Department of General History, The Tver State University.

E-mail: Dubrovnik@mail.ru

Н. Г. Кедров

М. А. Безнин в галерее историков-марксистов

Настоящее обращение к научному творчеству Михаила Алексеевича Безнина обусловлено следующим. Во-первых, в настоящее время концепция аграрного строя М. А. Безнина и Т. М. Димони получила широкую известность среди российских историков-аграрников¹. Ее авторы претендуют на переосмысление всей истории колхозной деревни (период 1930–1980-х гг.). Поэтому, думаю, для исследователей, занимающихся изучением конкретных проблем истории советской деревни, будет полезно выяснить основной смысл и идейные истоки предложенных Безниным и Димони методологических и концептуальных инноваций. Во-вторых, не менее любопытна реакция сообщества историков-аграрников на эти подходы и концептуальные решения. Неприятие и непонимание ряда высказанных авторами концепции трактовок и неизбежные в силу этого кулуарные споры среди коллег заставляют нас более пристально посмотреть на природу этого конфликта идей. Возможно, ее понимание поспособствует дальнейшему поиску путей обновления аграрной историографии.

Несмотря на широкое обсуждение в академическом сообществе концепции Безнина и Димони, конкретные возражения им в научной печати высказали лишь В. П. Данилов, В. А. Ильиных и И. А. Кузнецов. Так, Данилов, помимо всего прочего один из учителей Безнина, оппонировал авторам концепции во время обсуждения их доклада на Ученом совете Института российской истории РАН в марте 2004 г. Тогда маститый историк-аграрник сделал замечания докладчикам по поводу используемой ими дефиниции капитала — как овеществленного труда, а также хронологических граней существования аграрного

общества в России. Но, пожалуй, наиболее острые возражения ученого были связаны с тем, что концепция вологодских историков фактически отрицала так усердно постулируемое Даниловым с конца 1980-х гг. представление об альтернативности социально-экономического и политического развития СССР. Историк тогда заявил: «Конечно, проще всего отбросить концепцию альтернативы, в равной мере считая, что сталинская коллективизация, как и ельцинская деколлективизация будут иметь один результат — капитализацию. Но были и другие варианты развития, в том числе и кооперативные»². Этот момент имеет чрезвычайно большое значение для понимания сути спора. Ведь отрицание альтернатив не только снимало с повестки дня исторической науки присущий работам Данилова обличительный пафос по отношению к коллективизации и реформам 1990-х гг., но и предполагало понимание природы исторических изменений, отличное от концепции управляемого (программируемого) движения, заложенной в парадигме аграрной историографии 1990-х гг. Показательно и то, что М. А. Безнин в своем ответе на замечания, подчеркивая заслуги Данилова, не стал, однако, отрицать этого расхождения.

Несколько позже, в 2012 г., на брянской сессии Симпозиума по изучению аграрной истории Восточной Европы с некоторыми полемическими возражениями по отношению в концепции Безнина и Димони выступил В. А. Ильиных. В представленном им на той конференции докладе аграрный строй рассматривался как более дискретная величина. В отличие от Безнина и Димони, использующих эту категорию скорее как некую общность описываемых ими экономических и социальных изменений, Ильиных рассматривал аграрный строй в качестве совокупности организационных форм, определяющих облик производственных отношений в деревне на том или ином историческом этапе. В результате основной рабочей единицей его концепции стала так называемая модель аграрного строя. Всего в развитии сибирской деревни в XX в. исследователь выделил существование трех таких моделей: традиционно-крестьянской, колхозно-совхозной и совхозно-колхозной. Хронологическими гранями описываемых им изменений выступили масштабные социально-политические процессы: коллективизация и хрущевские реформы 1953–1960-х гг.³ Соответственно в своем докладе историк попытался соединить развиваемую им с конца 1990-х гг. идею аграрной эволюции с характерным для современной парадигмы аграрной историографии мнением о политической детерминированности основных процессов в жизни советской деревни. Концепция В. А. Ильиных имеет и еще один весьма любопытный теоретический выход. Поскольку результаты всех попыток реформирования аграрного строя так и не привели к ожидаемым результатам, то по сути дела получалось, что в докладе подспудно оспаривался тезис марксистской историографии (успешно перенятый ныне сторонниками так называемой модернизационной теории) о прогрессивности общественного развития. Во всяком случае, эта мысль явственно звучала в докладе Ильиных по отношению к итогам развития аграрного сектора советской экономики.

Наконец, И. А. Кузнецов написал рецензию на монографию М. А. Безнина и Т. М. Димони «Аграрный строй России 1930–1980-х годов» (М., 2014). Рецензия целиком носит полемический характер⁴. В аргументации автора можно увидеть два пласта критики. Первый из них обращен непосредственно на идеи вологодских историков. Кузнецов вслед за Даниловым пытался определить их отношение к сталинизму. Историк писал, что в концепции Безнина и Димони и нарративах сталинского времени осуществление коллективизации одинаково объяснялось «объективной необходимостью». Однако необходимость необходимости рознь. Так, у Безнина и Димони под ней рассматривается скорее естественная логика развития социально-экономических процессов (И. А. Кузнецов верно замечает, что авторы концепции не рефлексиируют «по поводу того, для кого указанный перелом были необходим»). В рамках предложенного ими подхода вообще нет отсылки к дискурсу об эффективности описываемых ими реалий, тогда как в сталинских речах и литературе того времени речь шла именно об эффективности системы по сравнению с политическим окружением СССР. В рамках последней модели исторического движения его субъект был, разумеется, обязательным и мог обозначаться с помощью различного рода эвфемизмов (будь то страна, народ или партия). В этом-то как раз и заключается существенное отличие предложенной Безниным и Димони эпистемологической модели от тех подходов, которые были присущи советской литературе сталинских времен. Далее автор рецензии с успехом доказывал, что существовавшая в Советском Союзе система экономических отношений была далека от характеристик классического капитализма (в частности плановые начала в ней превалировали над рыночными механизмами). С рядом аргументов И. А. Кузнецова в этом вопросе сложно не согласиться, однако важно обратить внимание и на то, что сами авторы концепции настаивают на некоторой инаковости описываемой ими природы аграрного строя, используя по отношению к нему понятие «государственный капитализм». Второй пласт полемических интенций И. А. Кузнецова связан с критическим переосмыслением объяснительных возможностей марксизма, сетка понятий которого, по словам автора, «упрямо натягивается на реалии всех эпох и стран»⁵. Речь об этом аспекте пойдет ниже.

Реакция научного сообщества на предложенные М. А. Безниным и Т. М. Димони идеи кажется еще более удивительной, если учесть, что они были далеко не первыми исследователями, высказавшими мысль о том, что за социалистическими декорациями советской системы могут скрываться буржуазные отношения. Первенство в этом вопросе, вероятно, всё же следует отдать Л. Д. Троцкому, который еще в 1930-е гг. декларировал утверждения подобного рода⁶. Его идеи стали исходным пунктом изучения истории Советского Союза левыми марксистами за рубежом. Среди работ последних наибольшую известность получила книга Т. Клиффа, предполагавшего, в отличие от Троцкого, наличие в СССР уже не только буржуазных тенденций, но и сложившейся системы

государственного капитализма⁷. В 1990-е гг. работы Троцкого и Клиффа были переизданы в России и стали доступны для широкого круга отечественных читателей. О знакомстве российских ученых с их идеями свидетельствует, в частности, схоластический спор о применимости этих подходов, вспыхнувший на рубеже 1990–2000-х гг. на страницах журнала коммунистической направленности «Альтернативы»⁸. Но вернемся ко «льву революции» и «пророку в изгнании».

Как известно, ко времени написания «Преданной революции» Л. Д. Троцкий жил уже в Мексике. Тем не менее он продолжал свою непримиримую борьбу с И. С. Сталиным. Главной ее формой теперь было печатное слово. Поэтому, конечно, бессмысленно отрицать политический характер его упреков в адрес социально-политической системы СССР. Но обладая ярчайшим аналитическим талантом и хорошо зная положение дел в стране Советов, Троцкий смог подметить вещи, оставшиеся невидимыми для других авторов, обращавшихся в то же время к осмыслению исторического опыта СССР. Вкратце логика его рассуждений может быть представлена следующим образом. Теоретики марксизма предвидели отмирание государства в будущем коммунистическом обществе, но в стране победившей Октябрьской революции государство не исчезло. Упразднить последнее пришедшим к власти большевикам не позволила необходимость удержания власти в условиях политической нестабильности и гражданской войны. Соответственно временно в лице служащих многочисленных учреждений власти сохранились и «винтики» этой отжившей с точки зрения марксизма системы. Однако в дальнейшем бюрократия, несмотря на существовавшие прогнозы, не только не отмерла, но и смогла путем «перерождения партии» захватить лидирующие позиции в стране под управлением формально провозглашаемой «диктатуры пролетариата». Троцкий отмечал, что по мере роста экономической мощи СССР внутри советского общества набирают силу процессы, связанные с приобщением бюрократии к стратегиям буржуазного потребления, происходит усиление социальной дифференциации и возвращение к характерной для капитализма системе оплаты труда. Собственно антидемократический курс сталинского руководства был связан, по мнению Троцкого, со стремлением партийной бюрократии всеми силами сохранить свое господствующее положение в стране. Говоря о природе советского строя, Лев Давыдович писал: «Изнутри советского режима вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он в противоположность загнивающему капитализму развивает производительные силы, он подготавливает экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду буржуазным слоям, он доводит до всё более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он подготавливает капиталистическую реставрацию. Противоречия между формами собственности и нормами распределения не могут нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут в том или ином виде распространиться на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в со-

ответствие с социалистической собственностью»⁹. Характеризуя советское общество как «промежуточное между социализмом и капитализмом», Троцкий писал, что существуют два гипотетических варианта развития событий: переход к социализму или откат к капитализму¹⁰. Окончательный ответ на вопрос о будущем СССР, по его мнению, должна была дать новая революция.

Нет никаких сомнений в том, что Троцкий был ортодоксальным марксистом. У Маркса он позаимствовал положение о борьбе антагонистических классов, теорию эксплуатации, представление о социальной обусловленности исторических явлений, но, пожалуй, лучше всего им был усвоен (и творчески переработан) марксистский концепт революции. Еще экзальтированный биограф Троцкого И. Дойчер отмечал, что как историк он был в большей степени ориентирован не на фундаментальные работы отцов-основателей учения в области политэкономии, а на малые историко-социологические произведения К. Маркса, такие как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции»¹¹. В своей историософии революции Троцкий неоднократно подчеркивал организованный характер революционного движения. Так, в «Истории русской революции» он писал, что «без руководящей организации энергия масс распределилась бы, как пар, не заключенный в цилиндр с поршнем», а «массовое восстание никогда не бывает чисто стихийным»¹². Не случайно Троцкий считал, что Октябрьская революция не состоялась бы без участия В. И. Ленина (мнение, которое И. Дойчер назвал «оптической иллюзией Троцкого»). В этих характеристиках заметны следы представления о революции как частично программируемом историческом движении. Рассуждая в «Преданной революции» о возможных вариантах будущего развития СССР, Троцкий обратился ко вполне антропологической концепции выбора. Данная категория служила также для внутреннего оправдания осуществляемой им борьбы со сталинским режимом. Последующая историографическая традиция осмысления левыми марксистами исторического опыта СССР сохранила критические интенции. В этом моменте заключено серьезное отличие работ левых марксистов от предложенной Безниным и Димони концепции аграрного строя советской деревни. Ибо ни об осуждении, ни об оправдании описываемых вологодскими историками явлений в их работах речи не идет. Нет у них разграничения и на социалистические и капиталистические тенденции. Авторы концепции равным образом рассматривают и техническое перевооружение советских сельскохозяйственных предприятий, и попытки жителей села приобщиться к тем или иным благам жизни как частные грани единого исторического процесса — первоначального накопления. Концепт революции в теоретических построениях вологодских историков также не играет существенной роли. Не случайно в качестве нижней хронологической грани своего исследования они избрали не 1917, а 1929 г. Именно коллективизация, а не революция стала, по их мнению, важнейшей вехой эволюции аграрного строя России в XX столетии.

Еще более в отсутствии влияния идей Троцкого на авторов концепции убеждает творческий путь М. А. Безнина. Выпускник Ленинградского государственного университета, он, отработав несколько лет учителем в сельской школе, в конце 1970-х гг. начал свою трудовую деятельность в Вологодском государственном педагогическом институте (ныне часть Вологодского государственного университета), где прошел путь от ассистента до проректора по научной работе. В начале 1980-х гг. Безнин обучался в аспирантуре кафедры истории советского общества ЛГУ, а в 1983 г. состоялась защита его кандидатской диссертации «Совхозные рабочие Европейского севера РСФСР в годы восьмой и девятой пятилеток»¹³. Официальным оппонентом этой работы выступил И. Е. Зеленин. С этого времени началось активное сотрудничество Безнина с сектором истории советского крестьянства и сельского хозяйства Института истории СССР АН СССР, куда несколько лет спустя молодой историк приехал поступать в докторантуру. На тот момент времени перед ним стоял вопрос о выборе дальнейшего направления исследований. В частности, некоторая двойственность заметна в формулировке представленного на заседании сектора в 1986 г. доклада «Значение бюджетных исследований в изучении истории крестьянства и совхозных рабочих (на материалах РСФСР)»¹⁴. Речь шла либо о продолжении изучения истории совхозов, либо о выходе на новые исследовательские сюжеты. Именно тогда В. П. Данилов предложил молодому историку заняться анализом различных аспектов хозяйственной жизни крестьянского двора, попутно рекомендовав обратить внимание на труды А. В. Чайнова. Результатом творческого сотрудничества Безнина и Данилова стала докторская диссертация «Крестьянский двор в Российской Нечерноземье. 1950–1965 гг.», защищенная Безниным в 1991 г. в Институте российской истории РАН. Если сравнить тематику двух квалификационных работ историка, то мы увидим, что его усилия были направлены прежде всего на анализ двух полярных хозяйственных систем в жизни деревни. С одной стороны, совхозные рабочие — это наиболее пролетаризированный отряд тружеников села, с другой стороны, крестьянское хозяйство, которое хотя еще и не полностью утратило своей роли в жизни деревни в 1950–1960-е гг., но медленно и верно становилось рудиментом прошлого. Соединение кусочков этой мозаики в единое целое рано или поздно поставило бы на повестку дня исследователя вопросы как о выяснении общих тенденций аграрной эволюции, так и о соотношении этих хозяйственных анклавов в жизни деревни. Новое видение аграрной истории советской деревни стало для М. А. Безнина результатом интеллектуального синтеза его прежних наработок. Таким образом, ни о каком влиянии идей Троцкого здесь речи не идет. Вместе с тем, исходя из сказанного, логично будет поставить вопрос о влиянии на формирование безнинской концепции аграрного строя методологических и концептуальных подходов В. П. Данилова.

Такое влияние, безусловно, имело место. И речь в данном случае идет не только об усвоении Безниным чайновской методологии изучения крестьян-

ского двора и свойственного Данилову категориального аппарата, но и о возможности увидеть элементы континуитета в описанных ими процессах эволюции советской деревни. Во всяком случае, сам М. А. Безнин, презентуя уже свое обновленное видение аграрной истории, неоднократно подчеркивал этот момент¹⁵. При этом обычно фигурировала отсылка к работам Данилова 1960–1970-х гг., в особенности к двум знаменитым монографиям последнего по истории доколхозной деревни. В. П. Данилов, как и другие историки «нового направления», в тот период своего научного творчества активно обращался к идее многоукладности, предполагавшей выделение в экономической жизни того или иного общества ряда более мелких подсистем — хозяйственных укладов. Этот нюанс позволял историкам «нового направления», не отрицая формационность, более детально и, соответственно, реалистично характеризовать социально-экономические процессы. Сам Данилов, как известно, подробнейшим образом проанализировал хозяйственную жизнь советской деревни эпохи нэпа и пришел в выводу о существовании пяти таких систем отношений — патриархального, мелкотоварного, капиталистического, социалистического и переходного к социалистическому укладов¹⁶. Антагонистическими полюсами этого строя у него, разумеется, выступали капитализм и социализм. Но капиталистические отношения, по мнению исследователя, находились на ранней стадии их развития, а социалистические формы хозяйствования еще не успели набрать вес (их доля в экономической жизни деревни был ничтожно мала). В известной степени крестьянство было включено в систему рыночных отношений (мелкотоварный уклад) и деятельность кооперативных организаций («формы, переходные к социализму»). Однако основой хозяйственной жизни деревни в 1920-е гг. оставался крестьянский двор с абсолютным преобладанием ручного труда и ориентацией на семейное потребление. Согласно данным Данилова, к концу десятилетия роль техники в производстве крестьянским хозяйством сельскохозяйственных культур не превышала 1–2,5% от всех издержек производства, а 2/3 производимого в нем хлеба шло на собственное потребление¹⁷. Исходя из этого, историк делал вывод о преобладании в доколхозной деревне патриархальных и мелкотоварных отношений. Именно эти характеристики М. А. Безнин и Т. М. Димони соотносят с используемым ими понятием «аграрное общество». Вологодские историки также оперируют концептом хозяйственного уклада как единицей анализа. В истории колхозной деревни они выделяют наличие трех таких экономических подсистем: крестьянского, колхозного и совхозного укладов. И хотя два последних, в отличие от Данилова, связываются авторами концепции отнюдь не с генезисом социалистических отношений, а с процессом первоначального накопления, сам анализ тенденций экономического развития как бы продолжает картину, зафиксированную Даниловым на конец 1920-х гг. Постепенное вытеснение крестьянского уклада на периферию экономической жизни советского общества, сопровождающееся ростом технической вооруженности сельскохозяйственного производства

и увеличением его товарности, казалось бы, развивают намеченные еще Даниловым линии эволюции аграрного строя. Почему же в таком случае концепция Безнина и Димони вызвала столь резкую критику со стороны мэтра-аграрника?

Дело в том, что Данилов почти неправдоподобным образом соединял в себе черты либерального исследователя и убежденного коммуниста. В 1960-е гг., будучи секретарем парткома Института истории, он всеми силами сражался за историческую правду и поддерживал труды опальных коллег. В 1990-е гг. он не принял либеральных реформ и, по всей видимости, до конца своих дней сохранял веру в возможность построения демократического и социально ориентированного общества. Представления о социалистическом характере советского общества оказали самое существенное влияние на профессиональную деятельность историка. В 1950–1980-е гг. основной интенцией усилий Данилова в науке был поиск объективных предпосылок коллективизации как важнейшей вехи утверждения социалистического уклада в деревне. Причем эта задача была для него отнюдь не фигурой речи. Раз за разом «меня оптику» и переноса свой взгляд с одного явления на другое (будь то производительные силы, социальные отношения, развитие кооперации или крестьянская культура), Виктор Петрович проделал просто титаническую работу в этом направлении. Как известно, обнаружить наличие таковых историку так и не удалось. В 1965 г., во время обсуждения в Институте истории первого тома неизданного коллективного труда «История коллективизации сельского хозяйства в СССР» на прямо поставленный Ю. А. Поляковым вопрос: «Вы считаете, что объективных условий для коллективизации не было?», Данилов ответил: «“Должных” не было»¹⁸. В 1990-е гг., когда советское общество завершило свое историческое существование, историк занялся поиском точки системного сбоя, не позволившего реализовать, по его мнению, заложенные революцией демократические возможности. Ответ на этот вопрос им был вскоре получен. Точкой невозврата была названа «революция сверху». Историк писал: «...сталинская организация партийно-государственного управления была носителем и источником институционального кризиса», «командно-мобилизационная система управления очень быстро, еще в 1930-х годах — превратилась в тормоз для социально-экономического и культурного развития страны в целом»¹⁹. Из этих убеждений Данилова выростала тема альтернатив как неких нереализованных возможностей построения подлинного социализма. Она стала важнейшим несущим элементом практически всех работ Данилова конца 1980 — середины 2000 гг., так как связывала воедино политические и научные взгляды историка на всех этапах его богатого жизненного и творческого пути. И на эту «святая святых» даниловского мировоззрения покусился М. А. Безнин, обнаруживший и в коллективизации, и в хрущевских реформах, и в ельцинской приватизации единую логику исторических процессов.

Сам Михаил Алексеевич после защиты докторской диссертации и назначения проректором ВГПУ пробовал себя в профессиональной политике.

В 1990-е гг. он даже баллотировался от КПРФ на пост губернатора Вологодской области. Однако в политической ангажированности своих работ историк замечен не был. Напротив, одной из ведущих теоретических посылок концепции Безнина и Димони стала деидеологизация науки. «Описание процесса капитализации необходимо лишить идеологического подтекста и рассматривать его прежде всего как элемент функционирования экономики, отделяя от оценки решения социализированным государством других общественных задач», — гласил первый тезис доклада, с которого, собственно, и началась история концепции вологодских историков²⁰. Эта интенция их программы тесно связана с выработкой универсального научного языка для описания рассматриваемых явлений. Авторы концепции справедливо отмечают, что такие понятия, как «капитал», «эксплуатация», «менеджеры», «рабочая аристократия», по идеологическим причинам не использовались советскими обществоведами для анализа советского народного хозяйства, зато с успехом применялись для характеристики экономики капиталистических стран. Отчасти подобный ход мысли был заложен еще В. П. Даниловым, когда в начале 1990-х гг. он стал описывать функционирование колхозной системы с помощью характеристик «юридическое прикрепление крестьян к колхозам», «принудительный труд», «бесплатная эксплуатация крестьянства», т. е. в терминах, используемых в советской науке обычно для анализа феодального общества²¹. Эту инициативу мэтра активно поддержали как М. А. Безнин, так и многие другие историки-аграрники. В частности, такой подход был применен Безниным при характеристике крестьянских повинностей в пользу советского государства как «традиционной для аграрного (или так называемого “феодального”) общества системы взаимоотношений»²². Этот вывод повторяется и в недавней монографии Безнина и Димони, однако там же звучит мысль о том, что «повинности российских колхозников в 1930–1980-е годы были важнейшим элементом трансформации российского общества из аграрного в индустриальное»²³. Переход от повинностного к экономическому типу эксплуатации представляется авторами как один из важнейших показателей процесса капитализации. Таким образом, если коллективизация (в ее сталинских формах) в работах Данилова 1990–2000-х гг. конституировалась как трагическая ошибка, отступление от намеченного революцией исторического движения и частичное возвращение к практикам феодализма, то у Безнина и Димони она теперь признаётся специфическим (без постановки характерных для отечественного научного дискурса советской истории знаков «плюс» или «минус») российским путем аграрной модернизации. И в этом аспекте М. А. Безнин, бесспорно, разошелся с позицией своего учителя.

Марксизм как теоретическая доктрина, разумеется, неотделим от веры его адептов в светлое будущее. Тем не менее фундамент учения составляла не только его политическая программа, но и глубокий социологический анализ основных тенденций социально-экономического развития ведущих европейских

стран середины XIX в. Если взглянуть на сказанное выше под углом соотношения рассмотренных концепций с этими основами марксизма, то можно было бы прийти к следующим заключениям. Концепция Безнина и Димони с точки зрения Троцкого и Данилова выглядела бы в недостаточной степени марксистской, поскольку она не выдержана в духе социальных идеалов учения и в ней напрочь отсутствует соответствующая футурология. Взгляды Троцкого и Данилова с точки зрения вологодских историков тоже, вероятно, оказались бы не вполне марксистскими в силу политической пристрастности их авторов, не позволившей им в полной мере применить объективные законы марксовой политэкономии. В связи с этим любопытно соотнести выявленные вологодскими историками тенденции социально-экономического развития советской деревни с оригинальным марксистским анализом процессов, происходивших в Европе.

В своей концепции аграрного строя М. А. Безнин и Т. М. Димони опираются прежде всего на марксистскую теорию первоначального накопления капитала. Согласно К. Марксу, первоначальное накопление является исходным пунктом развития капитализма. Свой анализ этого процесса он дал, основываясь на материалах преимущественно английской истории XV–XIX вв. Повышение цен на шерсть на рубеже XV–XVI вв. привело к широкому распространению практики огораживаний в английской деревне. Вместо традиционных сельскохозяйственных угодий стали создаваться пастбища, требовавшие для ведения хозяйства значительно меньше рабочих рук. Крестьяне, бывшие к тому времени уже юридически свободными, просто сгонялись с земли. Разумеется, они автоматически не превращались в рабочих. Этому процессу способствовала политика английского государства, которое, используя рычаги внеэкономического принуждения (суровое законодательство против бродяжничества), заставляло их продавать свой труд зарождающимся капиталистам. Лишение трудящихся средств производства вело также к денатурализации хозяйства и превращению их в потребителей фабричной продукции, что в свою очередь способствовало становлению внутреннего рынка. Другим социальным результатом описанных Марксом изменений стало обогащение необходимых для ведения пастбищного хозяйства арендаторов и превращение их в капиталистических фермеров. Дальнейшему росту концентрации капитала способствовала колониальная экспансия со свойственными ей ограблением колоний, работорговлей и торговыми войнами. Наконец промышленная революция XIX в. явила собой формальное завершение этого процесса. Итак, для победы капиталистического способа производства, по Марксу, нужны были два условия: «...совершить процесс отделения рабочих от средств их труда на одном полюсе, превратить общественные средства производства и жизненные средства в капитал, на противоположном полюсе превратить народную массу в наемных рабочих»²⁴. Похожие процессы М. А. Безнин и Т. М. Димони обнаружили в истории колхозной деревни. Исследование капитализации и раскрестьянивания стали двумя важнейшими направлениями приложения их интеллектуальных усилий.

Капитализацию вологодские историки называют экономической сутью происходивших в колхозной деревне изменений. Такое утверждение стало возможным в силу понимания ими капитала как овеществленного труда. В данную категорию Безнин и Димони включают сельскохозяйственные строения, производственный инвентарь, сельскохозяйственную технику, скот. Этим они пытаются придать этому понятию более универсальный (даже по сравнению с марксовой трактовкой) характер²⁵. Разумеется, обнаружить действие капитала в этой его дефиниции можно в истории практически любого общества. Безнин и Димони с успехом находят его и в функционировании советского сельского хозяйства. Весьма показателен в этом отношении проведенный авторами анализ формулировок советской статистики. Как показывают их данные, понятие «основные капиталы колхозов» еще в 1920-е гг. вполне легитимно применялось советскими экономистами и статистиками. Однако затем было заменено на более нейтральные с идеологической точки зрения определения «основные фонды», «основные средства производства»²⁶. Исследователи показывают нарастание капитала в сельском хозяйстве СССР. Так, с 1928 по 1970 г. его основные фонды в сопоставимых ценах выросли с 17,7 до 90,3 млрд руб., т. е. более чем в 5 раз²⁷. Этот процесс имел неравномерный характер. В 1930–1940-е гг. нарастание капитала происходило медленно, тогда как в 1950–1980-е гг. — «с относительно высокими темпами». Последнее было следствием увеличения прямого финансирования и кредитования колхозов и совхозов государством. Исходя из показателей капитализации, Безнин и Димони пытаются определить хронологический рубеж, отделяющий аграрное общество от капитализированного (индустриального). Важным показателем этой грани, по их мнению, является доля затрат живого труда в себестоимости продукции. В ранних текстах концепции преодоление пятидесятипроцентного показателя в соотношении труда и капитала как факторов производства в советском сельском хозяйстве фиксировалось ими на начало 1960-х гг.²⁸ Затем эта грань была смещена вологодскими историками на вторую половину 1960-х гг.²⁹ В недавней же книге, несмотря на повторение некоторых прошлых выкладок, и вовсе звучит скептический вывод по поводу точного определения затрат труда и капитала в советской аграрной экономике. При этом авторы пишут о том, что даже на конец советского периода «завершенность капиталистического тренда вряд ли может быть признана окончательной»³⁰.

Второй составляющей описываемых вологодскими историками исторических изменений стало раскрестьянивание. Эта тема интересовала М. А. Безнина со второй половины 1980-х гг.³¹, поэтому представляется возможным увидеть определенную эволюцию в расстановке акцентов при обращении к этому исследовательскому сюжету. Первоначально историк делал упор на изучении «исчезновения деревни» и распаде социально-экономических структур, присущих крестьянству как социальному типу. В связи с этим Безнин выделял так называемые «внешнее» и «внутреннее» раскрестьянивание. Под первым

понималось уменьшение доли сельского населения по сравнению с городским, о чем красноречиво свидетельствовали материалы переписей населения. Так, если в 1939 г. в сельской местности проживало 67% населения России (РСФСР), то к 1959 г. этот показатель сократился до 48%, а к началу 1990-х гг. соответственно до 26%³². Второе предполагало внутреннее перерождение крестьянства, превращение его из класса мелких товаропроизводителей в наемных рабочих при колхозах и совхозах. Еще в своей первой монографии М. А. Безнин писал об изменении функций крестьянского двора, постепенном (так как еще в начале 1950-х гг. приусадебное хозяйство колхозников давало от 70 до 90% всех доходов) росте его роли в бюджете сельской семьи и переориентации последней на общественное производство³³, а позже (уже в соавторстве с Т. М. Димони) характеризовал изменение потребительских стратегий селян³⁴. Таким образом, грань, отделяющая крестьянина от рабочего, по мнению Безнина, была преодолена уже в 1960-е гг. Стоит заметить, что все эти идеи вполне укладывались в общественное восприятие исторических реалий. «Исчезновение деревни» было красочно воспето еще на закате советской эпохи деревенской прозой. Однако начиная примерно с середины 2000-х гг. исследование Безниным и Димони социальной жизни села получило новый вектор. Теперь в их работах речь шла не столько о разрушении норм крестьянского уклада, сколько о формировании новых социальных общностей на селе. К настоящему времени таковых вологодские историки обозначили пять. Это протобуржуазия (председатели колхозов и директора совхозов), менеджеры (бригадиры, звеньевые, заведующие фермами), интеллектуалы (агрономы, зоотехники, бухгалтеры и другие специалисты), рабочая аристократия (трактористы, комбайнеры, механизаторы), сельскохозяйственный пролетариат (рядовые колхозники и рабочие совхозов). Вместе с этим новым вектором изучения темы, соответственно, несколько сместился и фокус исследовательского внимания ученых с изучения внешних факторов воздействия на межклассовые отношения этих социальных групп. М. А. Безнин и Т. М. Димони отмечают, что растущая дифференциация деревенского социума была осознана самими жителями села, писателями-деревенщиками и даже советскими социологами. Вот только собранные историками данные свидетельствуют о том, что критерием социального неравенства в колхозной деревне были должностной статус и, особенно на ранних этапах ее существования, происхождение (сельское или городское) ее жителей. Социальный протест селян, судя по книге Безнина и Димони, был направлен главным образом против политики власти³⁵. Похоже, что антагонистическое противоречие между трудом и капиталом все-таки было не вполне осознано жителями советской деревни.

Казалось бы, М. А. Безнин и Т. М. Димони почти «под копирку» перенесли основные контуры марксистской схемы первоначального накопления на историю колхозной деревни. Однако на этом пути они столкнулись с определенными эпистемологическими трудностями. Хотя современные марксисты,

например Г. Бернштейн³⁶, упорно пытаются отыскать структуры, присущие марксовской классовой модели, в современном обществе, на самом деле социальная эволюция европейских стран уже в XIX в. пошла совсем другим путем, нежели тот, который предполагал Маркс. Возросшая вместе с расширением промышленных предприятий необходимость организации производственного процесса и управления рабочей силой привела к обособлению отличной от труда и капитала социальной группы — менеджеров в современном понимании этого явления. Техническое перевооружение предприятий, усложнение технологий и рост специальных знаний в процессе производства привели к выделению так называемого «профессионального класса» — работников умственного труда, занятых в производстве экономических благ. Дифференциация и усложнение трудовых операций вели, соответственно, к появлению новых прослоек в рабочем классе. Наконец, процесс акционирования промышленных предприятий и наделение частью этих активов трудящихся способствовали смягчению марксова противоречия между трудом и капиталом. В силу этих изменений наемные рабочие постепенно перестали поддерживать идею радикального революционного переустройства общества. Все эти тренды социальной эволюции европейского общества свидетельствуют о том, что марксизм уже к началу XX в. потерял свое значение как инструмент объяснения социальной реальности. Марксистские закономерности продолжали действовать только на окраинах Европы. Очевидно, что ряд свойственных первоначальному накоплению структур можно обнаружить и в российской истории XX столетия, чем успешно воспользовались Безнин и Димони.

Но вместе с тем они предложили уже более гибкую по сравнению с классическим марксизмом модель социального анализа. Помимо протобуржуазии и пролетариата исследователи, как уже было сказано, выделили в истории колхозной деревни еще три социальных общности: менеджеров, интеллектуалов и рабочую аристократию. Здесь авторам концепции следует отдать должное, они учитывают произошедшие уже после выхода работ Маркса социальные сдвиги. Но при этом исследователи почему-то непременно пытаются увязать социальную природу выделенных ими групп с марксистской догматикой. Для этого им пришлось применить ряд любопытных интеллектуальных решений. Например, хорошо известно, что руководители советских сельхозпредприятий не являлись ни собственниками, ни акционерами своих колхозов и совхозов. Тем не менее Безнин и Димони отмечают нарастание объема прав по отношению к подведомственным им предприятиям. Историки вполне резонно указывают на широкое распространение со стороны представителей председательского корпуса и директоров совхозов практики использования имеющихся ресурсов в личных целях и рассматривают это явление как элемент формирования буржуазности³⁷. Однако следует заметить, что к «колхозному добру» нередко как к своему собственному относились не только руководители предприятий, но и представители

всех остальных страт колхозного социума. Или другой момент связан с осмыслением авторами концепции социальной природы группы «колхозных интеллектуалов». Характеризуя последних, Безнин и Димони апеллируют к термину Дж. Гэлбрайта «интеллектуальный капитал», под которым подразумеваются некие специальные знания, которые становятся фактором производства. Отсюда вытекает и столь неожиданное для данной социальной группы определение³⁸. Вместе с тем заметим, что специальные знания — это основа любой профессии, от деревенского пастуха до программиста NASA. Отсылка к марксистскому отношению к собственности тут выглядит совершенно излишней. Такие маленькие уловки дают возможность думать, что авторы концепции анализируют всё же несколько иное явление, нежели классовая структура (в марксистской ее коннотации). В связи с этим, кажется, вполне можно согласиться с одним из выводов рецензии И. А. Кузнецова: «...авторы взяли за основу стратификацию профессиональных групп, но старались выдержать марксистский подход к определению классов как страт»³⁹.

Сказанное выше может служить подтверждением общих методологических проблем, которые ныне испытывает отечественное обществознание. Сегодня, казалось бы, нет никаких оснований распространять структуры марксистского анализа на всю историю человеческого общества. Несомненно, К. Маркс был одним из умнейших людей своего времени, но его обращение к исследованию истории до XIX в. было ограничено единичными эпизодами. Иными словами, Маркс просто не настолько хорошо знал прошлое, чтобы профессионально судить о нем. На это обстоятельство обращал внимание еще Э. Дюркгейм. Говоря о марксистских законах, претендующих «быть ключом всей истории», он писал, что для доказательства их марксисты «довольствуются тем, что приводят несколько разбросанных повсюду, не связанных между собой фактов, которые не образуют никакого методологически выстроенного ряда и интерпретация которых далеко не определена: ссылаются на первобытный коммунизм, борьбу между патрициатом и плебсом, третьим сословием и дворянством, объясняя это экономическим фактором»⁴⁰. В основе марксизма изначально лежала экстраполяция обнаруженных Марксом социально-экономических тенденций развития Европы в новое время на всё историческое развитие человечества. Понятно, что в советский период жесткие идеологические рамки просто не позволяли историкам сделать шаг влево, шаг вправо от формационной трактовки исторического процесса. Те времена давно уже канули в Лету, однако инерция марксистского восприятия истории продолжает влиять на российское научное сообщество. После дискредитации «единственно верного» учения в 1990-е гг. инструмент, способный контекстуализировать конкретные исторические исследования и при этом, в отличие, скажем, от цивилизационной теории, не требовавший серьезной перестройки аналитических структур, был найден в теории модернизации. При этом почему-то никто не обратил внимания, что даже в сравнении с вульгаризированным советским марксизмом последняя

отличается как меньшим набором исторических состояний (по сути дела ею констатируются всего два таких агрегата: традиционное и современное общество), так и размытостью, отсутствием конкретности при определении границ перехода из одного состояния в другое. Еще одним сомнительным достоинством теории модернизации было то, что она придавала характерной для историографии 1990-х гг. трактовке социальных изменений как программируемого посредством реформ исторического движения элемент объектности. Эти причины привели к тому, что модернизационная теория фактически стала новой догмой отечественного обществознания, а ее сторонники принялись везде и всюду искать следы перехода от традиции к модерну⁴¹. М. А. Безнин и Т. М. Димони также придерживаются этого подхода. Михаил Алексеевич еще в 1991 г., в своей первой монографии, констатировал завершение тысячелетней истории российского крестьянства⁴². Теперь же авторы концепции утверждают, что в исследуемый ими период совершился переход «от аграрного общества к индустриально-капиталистической модели»⁴³. Нет сомнения в том, что историки фиксируют важные сдвиги в жизни российского общества, но на каких основаниях они распространяют свои выводы на всю предшествующую историю России, помещая последнюю во «тьму» традиционного общества, как будто до описанных ими нескольких десятилетий в ее прошлом и вовсе не было каких-либо социальных изменений?

Вместе с тем, с точки зрения развития современной аграрной историографии появление концепции Безнина и Димони следует оценить крайне положительно. Историки не только представили свой оригинальный взгляд на социально-экономическое развитие российской деревни в XX в., но и не побоялись первыми шагнуть в «реформацию» аграрной историографии⁴⁴. Отдельного упоминания заслуживают интенции их программы, направленные на деидеологизацию и унификацию дискурса отечественной аграрной истории. Привлекает также и то, что так называемые «теневые механизмы» советской экономики рассматриваются авторами не как некая девиация, а как неотъемлемая часть происходивших в стране изменений. Но, пожалуй, главное значение концепции Безнина и Димони состоит в том, что они представили подлинно социальную историю советской деревни. Социальные процессы в их анализе превратились в действительные детерминанты исторического развития. Если рассматривать эволюцию постсоветской аграрной историографии, то можно заметить, что на изучение сюжетов собственно социальной истории отечественные аграрники вышли еще в начале 2000-х гг. Однако за редкими исключениями до сих пор в соответствии со сложившимся в 1990-е гг. каноном их анализ осуществляется почему-то посредством изучения государственной политики. Критикуя этот подход, М. А. Безнин и Т. М. Димони предложили в полной мере объектную модель анализа, в которой изучение политических кампаний и реформ отходит на второй план, ибо последние и сами являются отражением глубинных экономических и социальных трансформаций российского общества. Переводя

сказанное на язык плотницкого ремесла, можно заметить, что российские историки-аграрники так привыкли орудовать молотком, что и сами не заметили, что теперь забывают уже не гвозди, а шурупы. И вот М. А. Безнин отыскал на чердаке своего деревенского дома отвертку — старый добротный немецкий инструмент. Шурупы закручивать ей, конечно, сподручнее, вот только и тут может случиться проблема. Резьба на их головках бывает различной и не факт, что найденная отвертка будет одинаково полезна везде и всюду.

¹ Среди многочисленных работ М. А. Безнина и Т. М. Димони на эту тему отметим две наиболее принципиальные, ставшие вехами развития концепции. Это 44 тезиса, впервые представленные авторами в 2003 г. и ставшие своего рода теоретическим субстратом их дальнейшей работы (*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003) и недавняя монография, подводящая промежуточный итог работы исследователей за десятилетие (*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014).

² *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 180.

³ *Ильиных В. А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 620–629.

⁴ *Кузнецов И. А.* Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) // Крестьяноведение. 2017. № 1. С. 171–179. Там же. С. 179.

⁵ *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. М., 1991.

⁶ *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. Б. м., 1991.

⁷ *Воейков М.* Дискуссионные вопросы природы СССР // Альтернативы = Alternatives. 1996. № 2. С. 192–199; *Славин Б.* Почему советское общество не было буржуазным (к дискуссии с Михаилом Воейковым) // Альтернативы = Alternatives. 2002. № 4. С. 2–31.

⁸ *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. С. 202–203.

⁹ С учетом наших знаний истории 1990-х гг. слова Троцкого о механизмах возможной реставрации капитализма сегодня выглядят действительно пророческими: «Главной задачей новой власти было бы восстановление частной собственности на средства производства. Прежде всего, потребовалось бы создание условий для выделения из слабых колхозов крепких фермеров и для превращения сильных колхозов в производственные кооперативы буржуазного типа, сельскохозяйственные акционерные компании. В области промышленности денационализация началась бы с предприятий легкой и пищевой промышленности. Плановое начало превратило бы переходный период в серию компромиссов между государственной властью и отдельными “корпорациями”» (*Троцкий Л. Д.* Преданная революция. С. 210).

¹⁰ *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 275.

¹¹ *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1: Февральская революция. М., 1997. С. 29; Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М., 1997. С. 153.

¹² Михаил Алексеевич Безнин — ученый, историк-аграрник (к 50-летию со дня рождения) // Сборник научных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.). Вологда, 2004. С. 4–5.

- ¹⁴ Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1829. Л. 23–26 (Протокол заседания сектора истории советского крестьянства и сельского хозяйства. 25 марта 1986 г.).
- ¹⁵ *Безнин М. А., Димони Т. М.* 1) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 8; 2) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 164.
- ¹⁶ *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. С. 356. См. на эту тему также: *Данилов В. П.* Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика: вопросы теории и истории. М., 1974. С. 58–79.
- ¹⁷ *Данилов В. П.* 1) Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 267; 2) Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. С. 177.
- ¹⁸ Стенограмма заседания Ученого совета Отдела истории советского общества. 29 июля 1965 г. // *Данилов В. П.* История крестьянства в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 303. Показательно, что уже здесь Данилов апеллировал к внеисторической реальности, неким своим представлениям о том, как должны были протекать процессы. В гораздо более гипертрофированной форме этот подход получил развитие у ученого при разработке им теории исторических альтернатив.
- ¹⁹ *Данилов В. П.* Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // *Данилов В. П.* История крестьянства в XX веке. Ч. 2. М., 2011. С. 750.
- ²⁰ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 4.
- ²¹ *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // *Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 856.
- ²² *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001. С. 6.
- ²³ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 172.
- ²⁴ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М., 1949. Т. 1. С. 718–767.
- ²⁵ Этот вопрос вызвал микродискуссию во время обсуждения доклада Безнина и Димони на Ученом совете Института российской истории РАН. Тогда В. П. Данилов оппонировал докладчикам, указав на то, что под капиталом (в его марксистских дефинициях) понимается «самовоспроизводящая стоимость» и это не живой и мертвый инвентарь, а общественные отношения. В свою очередь Данилову возражал А. А. Иголкин, ссылаясь на то, что марксистское определение капитала практически не используется в современной экономике (*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 179–181). Казалось бы, этот вопрос может иметь значение исключительно для ценителей чистоты учения, однако он высвечивает едва уловимый элемент двойственности в концепции М. А. Безнина и Т. М. Димони. Дело в том, что они в своих работах апеллируют к двум совершенно различным концептам марксизма: 1) марксовой теории первоначального накопления; 2) ленинским представлениям о государственном капитализме. О первой было сказано выше. Подчеркнем тем не менее, что сам К. Маркс отличал капиталистическое накопление от первоначального, при котором «способ производства еще не обладал специфическим капиталистическим характером» (*Маркс К.* Капитал. С. 742). В. И. Ленин прибег к понятию «государственный капитализм» в 1920-е гг., чтобы объяснить контроль большевистской партии над большей частью промышленности, транспортом и рядом других экономических институтов. С точки зрения правоверных марксистов государство, равным образом как и денежные отношения, после победы пролетарской революции должны были отмереть сами по себе. Ленину нужно было как-то растолковать непонятливой публике существование этих реалий в стране Советов. Тем не менее капитализм рассматривался им в этом контексте как уже сложившееся явление, ибо сами капиталистические отношения, по его мнению, возникли и утвердились еще до революции 1917 г. Сталин

в этом вопросе поступил проще, объявив, что засилье государства в экономике и есть социализм. Читателям научных трудов Безнина и Димони, по-видимому, не всегда ясно, о чем у них идет речь: о формировании институтов буржуазного общества или о специфической форме уже сложившихся отношений. Отсюда и возникают упреки в том, что капитализм в СССР был не настоящим.

- ²⁶ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 26–30.
- ²⁷ Там же. С. 41.
- ²⁸ *Безнин М. А., Димони Т. М.* 1) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 9; 2) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 165.
- ²⁹ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005. С. 96.
- ³⁰ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 126.
- ³¹ См., напр.: *Безнин М. А.* Раскрестьянивание в России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992.
- ³² *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 20.
- ³³ *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.
- ³⁴ *Безнин М. А., Димони Т. М.* К вопросу о социальной дифференциации крестьянства во второй половине XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 111–120.
- ³⁵ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 559–605.
- ³⁶ *Бернштейн Г.* Социальная динамика аграрных изменений. М., 2016.
- ³⁷ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 233–241.
- ³⁸ Там же. С. 198–199. В более ранних вариантах этой стратификационной сетки Безнин и Димони всё же использовали более традиционное для этой социальной группы наименование — специалисты. См.: *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальная трансформация российской деревни в 1930–1980-е гг.: новые подходы // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века. Коломна, 2007. С. 34.
- ³⁹ *Кузнецов И. А.* Приключения государственного капитализма... С. 173.
- ⁴⁰ *Дюркгейм Э.* Материалистическое понимание истории // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006. С. 205.
- ⁴¹ Отметим здесь несколько наиболее значимых работ: *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000; *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2015 и др.
- ⁴² *Безнин М. А.* Крестьянский двор... С. 224. Сомнение вызывает не верхняя, а нижняя грань существования крестьянства в России. Хорошо известно, что сам термин «крестьяне» появился в XIV в. и первоначально являлся типом религиозной, а не социальной идентичности. Тот социальный слой, который дожил до коллективизации и стал «рабочим материалом» рассмотренных М. А. Безниным социальных трансформаций, сложился только в XVII в. в результате объединения разнородных групп сельского населения.
- ⁴³ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 5.
- ⁴⁴ Этой метафорой мы обязаны специалисту по истории средних веков и раннего нового времени, профессору Ю. К. Некрасову. 22 октября 2003 г. на истфаке Вологодского государственного педагогического университета М. А. Безнин и Т. М. Димони впервые представили основные идеи своей программы переосмысления аграрной истории России XX столетия. Именно тогда Юрий Клавдиевич, предрекая, что авторов «будут бить», в шутку заметил «Лютер написал 95 тезисов, Цвингли 67, а наши коллеги 44». М. А. Безнин на это отреагировал репликой: «Регресс очевиден».

References

BERNSTAIN G. Sotsial'naya dinamika agrarnykh izmenenii [Social dynamics of agrarian changes. In Russ.]. Moscow, 2016.

BEZIN M. A. Krest'yanskii dvor v Rossiiskom Nechernozem'e v 1950–1965 gg. [Country court yard in Russian Nechernozeme in 1950–1965 s. In Russ.]. Moscow; Vologda, 1991.

BEZIN M. A. Raskrest'yanivanie v Rossii [Disruralisation in Russia. In Russ.] // Krest'yanskoe khozyaistvo: istoriya i sovremennost'. Ch. 1. Vologda, 1992. S. 103–110.

BEZIN M. A., DIMONI T. M. Agrarnyi stroi Rossii v 1930–1980-e gody [Agrarian system of Russia in 1930–1980s years. In Russ.] // Trudy Instituta rossiiskoi istorii. Vyp. 6. Moscow, 2006. S. 161–187.

BEZIN M. A., DIMONI T. M. Agrarnyi stroi Rossii v 1930–1980-e gody. Tezisy nauchnogo doklada [Agrarian system of Russia in 1930–1980s years. Theses of the scientific report. In Russ.]. Vologda, 2003.

BEZIN M. A., DIMONI T. M. Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov [Agrarian system of Russia 1930–1880s years. In Russ.]. Moscow, 2014.

BEZIN M. A., DIMONI T. M. Kapitalizatsiya v rossiiskoi derevne 1930–1980-kh godov [Capitalization in the Russian village 1930–1980s years. In Russ.]. Vologda, 2005.

BEZIN M. A., DIMONI T. M. K voprosu o sotsial'noi differentsiatsii krest'yanstva vo vtoroi polovine XX veka [To a question on social differentiation of peasantry in second half of 20th century. In Russ.] // Severnaya derevnya v XX veke: aktual'nye problemy istorii. Vologda, 2000. S. 111–120.

BEZIN M. A., DIMONI T. M. Sotsial'naya transformatsiya rossiiskoi derevni v 1930–1980-e gg.: novye podkhody [Social transformation of the Russian village in 1930–1980s: new approaches. In Russ.] // Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XX – nachale XX veka. Kolonna, 2007. S. 308–319.

BEZIN M. A., DIMONI T. M., IZYUMOVA L. V. Povinnosti rossiiskogo krest'yanstva v 1930–1960-kh godakh [Duties of the Russian peasantry in 1930–1960s years. In Russ.]. Vologda, 2001.

DANILOV V. P. Vozniknovenie i padenie sovetskogo obschestva: sotsial'nye istoki, sotsial'nye posledstviya [Occurrence and falling of the Soviet society: social sources, social consequences. In Russ.] // Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva Izbrannye trudy. Ch. 2. Moscow, 2011. S. 742–759.

DANILOV V. P. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva v SSSR [Collectivisation of agriculture in the USSR. In Russ.] // Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy. Ch. 1. Moscow, 2011. S. 801–861.

DANILOV V. P. Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, khozyaistvo [Soviet village before collective farms: the population, land tenure, an economy. In Russ.]. Moscow, 1977.

DANILOV V. P. Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsial'naya struktura i sotsial'nye otnosheniya [Soviet village before collective farms: social structure and social relations. In Russ.]. Moscow, 1979.

DANILOV V. P. Sotsial'no-ekonomicheskie układy v sovetskoj dokolkhoznoj derevne: ikh sootnoshenie i vzaimodeistvie [Social and economic structures in Soviet village before collective farms: their parity and interaction. In Russ.] // Novaya ekonomicheskaya politika: voprosy teorii i istorii. Moscow, 1974. S. 58–79.

DOICHER I. Trotskii v izgnanii [Trotsky in exile. In Russ.]. Moscow, 1991.

DYURKGEIM E. Materialisticheskoe ponimanie istorii [Materialistic understanding of history. In Russ.] // Dyurkgeim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. Moscow, 2006. S. 199–207.

ILINYKH V. A. Agrarnyi stroi Sibiri v XX veke: etapy transformatsii [Agrarian system of Siberia in the 20th century: transformation stages. In Russ.] // Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 2012: Tipologiya i osobennosti agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoi Evropy X–XXI vv. Moscow; Bryansk, 2012. S. 620–629.

KLIFF T. Gosudarstvennyi kapitalizm v Rossii [The state capitalism in Russia. In Russ.]. B. m., 1991.

KRASILSHCHIKOV V. A. Vdgonku za proshedshim vekom. Razvitie Rossii v XX veke s tochki zreniya mirovykh modernizatsii [After the last century. Development of Russia in the 20th century from the point of view of world modernizations, In Russ.]. M., 1998.

KUZNETSOV I. A. Priklyucheniya gosudarstvennogo kapitalizma v sel'skom khozyaistve SSSR (po povodu odnoi istoricheskoi kontseptsii) [Adventures of the state capitalism in agriculture of the USSR (concerning one historical concept). In Russ.] // Krest'yanovedenie. 2017. N 1. S. 171–179.

MARKS K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii [The capital. Criticism of political economy. In Russ.]. Moscow, 1949. T. 1.

Mikhail Alekseevich Beznin – uchenyi, istorik-agrarnik (k 50-letiyu so dnya rozhdeniya) [Michael Alekseevich Beznin – the scientist, the historian-agrarian (to the 50th anniversary from the date of a birth). In Russ.] // Sbornik nauchnykh rabot k 50-letiyu Mikhaila Alekseevicha Beznina. Problemy ekonomicheskoi i sotsial'noi istorii: obscherossiiskii i regional'nyi aspekty (XIX–XX vv.). Vologda, 2004. S. 4–13.

MIRONOV B. N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [The Russian empire: from tradition to a modern. In Russ.]. V 3 t. St Petersburg, 2015.

Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX vv. [Experience of the Russian modernisations — 18th–20th centuries. In Russ.]. Moscow, 2000.

SLAVIN B. Pochemu sovetskoe obshchestvo ne bylo burzhuznym (k diskussii s Mikhailom Voeikovym) [Why the Soviet society was not bourgeois (to the discussion with Michael Voeikovym). In Russ.] // *Al'ternativy = Alternatives*. 2002. N 4. S. 2–31.

TROTSKII L. D. Istoriya russkoi revolyutsii. T. 1: Fevral'skaya revolyutsiya [History of Russian revolution. T. 1: February revolution. In Russ.]. Moscow, 1997.

TROTSKII L. D. Istoriya russkoi revolyutsii. T. 2: Oktyabr'skaya revolyutsiya [History of Russian revolution. T. 2: October revolution. In Russ.]. Ch. 2. Moscow, 1997.

TROTSKII L. D. Predannaya revolyutsiya [Betrayed revolution. In Russ.]. Moscow, 1991.

VOEIKOV M. Diskussionnye voprosy prirody SSSR [Debatable questions of the nature of the USSR. In Russ.] // *Al'ternativy = Alternatives*. 1996. N 2. S. 192–199.

Список литературы

Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.

Безнин М. А. Раскрестьянивание в России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 103–110.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 161–187.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014.

Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005.

Безнин М. А., Димони Т. М. К вопросу о социальной дифференциации крестьянства во второй половине XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 111–120.

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальная трансформация российской деревни в 1930–1980-е гг.: новые подходы // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века. Коломна, 2007. С. 308–319.

Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.

Бернштайн Г. Социальная динамика аграрных изменений. М., 2016.

Воейков М. Дискуссионные вопросы природы СССР // *Альтернативы = Alternatives*. 1996. № 2. С. 192–199.

Данилов В. П. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Данилов В. П. История крестьянства. Избранные труды. Ч. 2. М., 2011. С. 742–759.

Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 801–861.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979.

Данилов В. П. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика: вопросы теории и истории. М., 1974. С. 58–79.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991.

Дюркгейм Э. Материалистическое понимание истории // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006. С. 199–207.

Ильиных В. А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 620–629.

Клифф Т. Государственный капитализм в России. Б. м., 1991.

Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

Кузнецов И. А. Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) // Крестьяноведение. 2017. № 1. С. 171–179.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1949. Т. 1.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2015.

Михаил Алексеевич Безнин — ученый, историк-аграрник (к 50-летию со дня рождения) // Сборник научных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.). Вологда, 2004. С. 4–13.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.

Славин Б. Почему советское общество не было буржуазным (к дискуссии с Михаилом Воейковым) // Альтернативы = Alternatives. 2002. № 4. С. 2–31.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1: Февральская революция. М., 1997.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М., 1997.

Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991.

Н. Г. Кедров. М. А. Безнин в галерее историков-марксистов

Статья посвящена анализу научных работ М. А. Безнина, которые в настоящее время вызвали широкий резонанс среди российских историков-аграрников. В частности предметом дискуссий стала идея ученого о капитализации как одной из центральных тенденций развития экономики колхозной деревни. Автор рассматривает взгляды М. А. Безнина в сравнительно-историческом контексте. В частности, предложенная историком концепция аграрного строя России сопоставляется с идеями Л. Д. Троцкого, В. П. Данилова и К. Маркса. В статье характеризуются идейные истоки и основные положения концепции Безнина. Автор приходит к выводу, что работы М. А. Безнина стали значительным шагом вперед в изучении социальной эволюции советской деревни. Вместе с тем заложенные в них марксистские подходы имеют серьезные издержки в качестве инструмента познания прошлого.

Ключевые слова: аграрная историография, советская деревня, М. А. Безнин, марксизм.

N. G. Kedrov. M. A. Beznin in gallery of historians-Marxists

Article is devoted to the analysis of M. A. Beznin's scientific works which have evoked a wide response now among the Russian agrarian historians. In particular, the idea of the scientist about capitalization as one of the central tendencies of development of economy of collective-farm village became a subject of discussions. The author considers Beznin's views in a comparative-historical context. In particular the Beznin's conception of an agrarian system of Russia is compared with the ideas of L. D. Trotsky, V. P. Danilov and K. Marx. In article ideological sources and substantive provisions of the conception of Beznin are characterized. The author comes to a conclusion that M. A. Beznin's works became a considerable step forward in studying of social evolution of the Soviet village. At the same time, the Marxist approaches put in them have serious costs as the tool of knowledge of the past.

Key words: agrarian historiography, Soviet village, M. A. Beznin, Marxism.

Кедров, Николай Геннадьевич — к. и. н., независимый исследователь.

Kedrov, Nickolay Gennadievich — PhD (History), independent researcher.

E-mail: nk149@yandex.ru

А. И. Рупасов

Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг.

Успех того социального эксперимента, который взялись в 1917 г. осуществить в России большевики, во многом зависел не только от исхода затянувшейся на несколько лет вооруженной борьбы, но и от того, насколько им удастся отсечь от активного участия в общественной жизни те социальные слои, которые рассматривались ими как классово чуждые. Этот процесс, в результате которого в СССР появился отнюдь не малочисленный социальный слой лишенных избирательных прав, в повседневном языке нареченных лишенцами, принял довольно затяжной характер. Социальное происхождение родителей предопределяло судьбу детей, родившихся и после потрясений 1917 г., клейма лишенца не мог избежать и тот, кто искренне принимал новый строй, готов был даже служить его защите в рядах РККА. Находилось немало доброхотов, стремившихся по идеологическим или корыстным мотивам напомнить властям о том, кто в силу тех или иных обстоятельств ускользнул от их бдительного ока. С другой стороны, далеко не всегда на низовом уровне, в нашем случае на уровне районных исполкомов Петрограда/Ленинграда, проявлялось желание заниматься трудоемким делом выявления потенциальных лишенцев, специальным аппаратом для этого они не располагали. В некоторых случаях уклонение от такого рода действий граничило с намеренным противодействием получаемым сверху директивам.

Для оказавшегося в списке лишенцев или опасавшегося в нем оказаться человека действенной гарантией, обеспечивавшей ему возможность не только служебной карьеры, но и просто получения работы, членства в профсоюзе, получения высшего образования и тех или иных льгот, являлось обладание правом участия в выборах. Вполне понятно, почему с середины 1920-х гг. и до вступления в силу так называемой Сталинской конституции 1936 г. местные и центральные органы власти были вынуждены рассматривать огромное количество обращений граждан об исключении их из списков лишенных избирательных прав. Межведомственная переписка по этим вопросам, в кругооборот которой были вовлечены суды разных уровней, НКВД, ОГПУ, ЦИК СССР, ВЦИК РСФСР, все без исключения наркоматы, избирательные комиссии исполнительных органов всех уровней, а также бесчисленные главки, тресты, учебные заведения, кооперативы, жилищно-арендованные товарищества и т. д., и т. п., поражает своими масштабами. Особое место занимали доносы, отношение к которым органов власти отнюдь не было пренебрежительным.

Заслуживает внимания сделанное Т. С. Смирновой наблюдение: «Неясным оставалось даже социальное пространство “бывших” — этого загадочного социального образования, существовавшего лишь в политической практике большевистской власти, но не в рамках официальной социальной структуры Советской России. Таким образом, представления о “бывших” базировались в советские годы более на художественной литературе, чем на научно-исторических фактах. Литература и кинематограф создали некий абстрактный клишированный образ “бывших хозяев жизни”, на которых, по образному выражению М. Горького, “классовый признак” наносился на лицо, “словно бородавка”»¹.

Появление необычайно обширного круга лишенных избирательных прав произошло едва ли не одновременно со свержением Временного правительства. Уже в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа закреплялась норма, в соответствии с которой вводился запрет на какое-либо участие «эксплуататоров» в любых органах власти. В 1923 г. один из разработчиков первой Конституции РСФСР (1918 г.) Георгий Семенович Гурвич отмечал, что избирательное право с установлением нового строя в России перестает быть правом, превращается в социальную функцию избирателей и в этом качестве служит для выявления классового интереса². А стремившийся доказать демократичность советского избирательного права С. М. Бродович был вынужден констатировать: «Один и тот же факт — то обстоятельство, что советский строй обеспечивает господство и закрепляет государственную власть за трудящимися — приводит, в одном отношении, к необычайному расширению границ круга избирателей, в другом — заставляет суживать эти границы»³. Вместе с тем тот же Бродович обращал внимание на исключительный факт: от 78 до 60% граждан, «призываемых Конституцией к участию в политической жизни, отвечают глухим молчанием на этот зов или, вернее, вообще его не слышат»⁴. Факт, который со временем стал для власти крайне тревожащим.

Конституция РСФСР 1918 г. лишала избирательных прав лиц, прибегающих к наемному труду в целях извлечения прибыли, агентов и служащих полиции, служителей культа и некоторых других (ст. 65), однако, как отмечает, например, В. Н. Белоновский, в последующих актах по предмету избирательных прав данная норма жестко не закреплялась при существующей отсылке на эту статью, при этом акцент делался на «не совсем юридических категориях, как то: мироед, кулак, эксплуататорский элемент, контрреволюционер» и т. д.⁵ Первое же нормативное регулирование вопроса о лишении избирательных прав было закреплено четыре года спустя после первой Конституции РСФСР — в августе 1922 г. в декрете ВЦИК «Инструкция о перевыборах городских и сельских советов, о созыве волостных, уездных и губернских съездов Советов». О том, насколько важным являлось для новой власти именно лишение избирательных прав, свидетельствует, например, декрет ВЦИК «О сроке службы в Красной армии», в котором в п. 2 вводилась следующая норма: «...всякий солдат Красной армии, который самовольно покинет ряды армии до истечения указанного срока, подвергается ответственности по всей строгости революционных законов *вплоть до лишения прав гражданина Республики*»⁶.

Расширение круга лишенных избирательных прав было закреплено в Конституции РСФСР 1925 г. (ст. 69). Когда избирательная кампания 1925 г. засвидетельствовала некоторый упадок влияния большевиков, новации в отношении лишенцев наметили четкий тренд к ужесточению. Для Ленинграда это ужесточение должно было иметь особые последствия. Результатом новой экономической политики стало быстрое оживление всех сфер городской жизни. Население Ленинграда росло не только за счет буквально всасывающей трудовые ресурсы ожившей промышленности, но и за счет забытого было расцвета сферы услуг, ставшей одним из источников расширения круга тех, кто, даже не относясь к «бывшим», с неизбежностью попадал в число потенциальных лишенцев. Численность же «бывших», переживших период военного коммунизма в городе или вернувшихся в него в начале 1920-х гг., сколько-нибудь точному определению не поддается, как и численность лишенцев (в силу отрывочности сохранившихся документов районных избирательных комиссий и не отличающихся ясностью документов о высылке из Ленинграда валютчиков, деятелей «черной биржи», содержателей притонов и карточных клубов и т. п.). Можно лишь утверждать, что наметившаяся тенденция к более жесткому выявлению потенциальных лишенцев с 1926 г. начала набирать обороты. Так, более или менее спокойно проживавшие в Ленинграде с 1923 г. бывший товарищ министра народного просвещения в правительстве Колчака Павел Иванович Преображенский, трудившийся старшим геологом отдела разведки Геологического комитета, и его коллега — также бывший товарищ министра народного просвещения в правительстве Колчака и заведующий административно-финансовым отделом Геологического комитета Николай Осипович Палечек, а также бывший Олонецкий и Архангельский губернатор Алек-

сандр Федорович Шидловский, Евгений Гаврилович Шинкевич — высокопоставленный чиновник министерства внутренних дел, работавший с 1921 г. на должности научного сотрудника 1-го разряда Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР (КЕПС) и секретаря отдела Севера, только в 1926 г. попали в списки лишенцев⁷.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что сколько-нибудь отлаженной, юридически чистой процедуры составления списков избирателей и списков лишенных избирательных прав в действительности так никогда и не было создано⁸. О том, как представлялся механизм выявления лишенцев, свидетельствует протокол Межрайонного совещания председателей райисполкомов при Орготделе Ленгубисполкома от 25 октября 1926 г. Выступивший с докладом Я. М. Малецкий⁹ в частности заявил: «<...> 7) Райисполкомам через организации на предприятиях и в учреждениях выявить список лиц, работающих в учреждениях, но лишенных по циркуляру ЦИК избирательных прав. 8) Выявление лиц, лишенных избирательных прав среди населения неорганизованного в профессиональные союзы проводится через ЖАКТы, управдомов, комендантов или особых уполномоченных»¹⁰. А в январе 1927 г. на инструктивном совещании членов избирательных комиссий один из выступавших признавал: «Что касается лишения избирательных прав, пока у местных избирательных комиссий материалов еще немного»¹¹. Иными словами, сами избирательные комиссии, как районные, так и городская, не обладали каким-либо аппаратом для проведения работы по выявлению лишенцев, более того, работа членов этих комиссий не оплачивалась, как правило, они были штатными сотрудниками органов исполнительной власти, привлекаемыми на время избирательных кампаний. В самом желании получить сведения от ЖАКТов, управдомов и т. п. проскальзывает намек на дореволюционный опыт работы полиции, для которой основными поставщиками информации о жильцах дома служили дворники.

Распространение нежелательных настроений, фиксировавшееся ГПУ и партийными структурами, побуждало власть проявлять исключительное внимание к устранению недостатков прежних избирательных кампаний, а именно стремиться устранить недопустимое расширение круга избирателей, происшедшее якобы как за счет неправильного учета лишенцев, так и слабого участия в выборах общественных организаций и профсоюзов. Чтобы обеспечить высокую явку рабочих на избирательные собрания, на некоторых предприятиях до окончания работ закрывали ворота, объявляли о сокращении рабочего дня на 1 час (этот час оплачивался). Однако избежать массовых уходов рабочих с собраний удавалось далеко не всегда¹². Тот факт, что к концу десятилетия негативные настроения в Ленинграде имели явную тенденцию к усилению, не мог не способствовать усилению работы по выявлению лишенцев¹³.

Анализируя причины, побуждавшие власть постепенно расширять круг лишенных избирательных прав лиц, С. А. Красильников считал, что лишение

прав выполняло следующие функции: превентивную (предотвратить возможное усиление позиций и влияния в обществе тех или иных групп, потенциальных или реальных противников большевизма); проведения искусственного структурирования общества; установления поэтапного тотального контроля над основной частью общества; привлечения к проведению мер ограничительно-дискриминационного характера (соучастие) социальных низов; поддержания в обществе атмосферы раскола и конфронтации — поддержание психологии агрессии в отношении бывших привилегированных сословий и корпораций¹⁴.

Изначально процедура проверки достоверности сведений, на основании которых производилось включение в список лишенных избирательных прав, была многоступенчатой. Если, например, избирательная комиссия в Конной Лахте в ответ на заявление гражданина Козьмы Зверева «о неправильном лишении его избирательного права как торговца, тогда как он никогда торговлей не занимался, а продает только лишь свои вещи, будучи безработным», приняла решение запросить у него «карточку безработного и удостоверение от общества, что он торговлей не занимается», то вышестоящая Сестрорецкая городская избирательная комиссия после получения дополнительных сведений приняла решение Зверева К. С. избирательных прав лишить «как занимающегося комиссионерством — торговлей по продаже разных вещей на рынках г. Ленинграда»¹⁵.

Районные власти Петрограда/Ленинграда имели до середины 1920-х гг. только некое общее представление о численности проживающих на их территории лишенцев. Приблизительное, так как жилуправления не спешили с подачей соответствующих сведений, особенно если в доме проживали семейства преуспевающих нэпманов, так как нередко их деньги помогали содержать домовое хозяйство в хорошем состоянии. Дополнительная информация поступала районным и городским властям от «доброжелателей», руководивших самыми разными мотивами. Так, А. И. Израилев, юрист Петроградского райисполкома, попал в 1923 г. в число лишенцев после получения губернской прокуратурой анонимки, в которой он обвинялся в следующих прегрешениях: не указал в анкете, что в 1921 г. нарсудом 2-го отделения Смольнинского района был осужден на 6 месяцев принудительных общественных работ, что в действительности у него нет высшего юридического образования и что, являясь юристом райисполкома, он в судах ведет дела против райисполкома¹⁶.

В тех же случаях, когда районными исполкомами допускались пропуски в списках лишенцев и при этом находилось чье-то бдительное око, данное упущение фиксировавшее, стандартной отговоркой служил, например, ответ Совета Центрального городского района: «<...> гр-н Гуревич Вульф Файбушевич случайно не попал в списки лишенных избирательных прав, но это не значит, что он не лишен прав голоса. Ввиду того, что гр-н Гуревич являлся владельцем

кино и в 1927 г. был лишен права голоса, то необходимо его считать как лишенного до того времени, пока не будет представлена справка, что он восстановлен в избирательных правах»¹⁷.

В некоторых случаях, явно не рассчитывая на возможность исключения из списков лишенцев, некоторые граждане стремились добиться внесения мелких поправок в формулировки своего социального происхождения, явно рассчитывая не на некое, пусть незначительное, «улучшение» своего социального статуса. Так, М. П. Боровик, подавший в 1925 г. заявление «о неправильном показании в списке лишенных избирательных прав, что он мещанин и имеет в Ленинграде торговлю», добился того, что избирательная комиссия согласилась внести в список исправление: «Крестьянин, бывший торговец»¹⁸.

Довольно нередкими были случаи, когда тот или иной гражданин невольно сам провоцировал органы исполнительной власти на исключение себя из числа обладающих правом голоса. Так, в конце 1928 г. проживавший в Ленинграде бывший житель Вятки некто К. И. Лаптев поднял перед Вятским Горсоветом вопрос о возвращении ему муниципализированного дома. Ему лучше было не напоминать о себе. Ответный удар был нанесен незамедлительно. Вятские власти не стремились расставаться с доставшейся им недвижимостью. В Ленинград по трем адресам (не только в Ленсовет, но также в Союз Пищевиков и Кассу социального страхования) была направлена выписка заседания президиума Вятского городского совета, которой не только сообщалось об отказе Лаптеву в его ходатайстве, но ленинградские органы ставились в известность, что «гр-н Лаптев Кузьма Игнатьевич должен быть лишен избирательных прав, как владелец кожевенных заводов в г. Вятке и нескольких домовладений», а ленинградская соцстрахкасса обязана снять его с пособия по безработице по вышеуказанным мотивам¹⁹. Не менее характерным случаем является попытка проживавшей в Ленинграде Бейлы Хаимовны Бугаковой, уроженки города Торопца, добиться восстановления в избирательных правах. Она, видимо, и не подозревала, чем это обернется для проживавших вместе с ней ее взрослых детей. Торопецкий горсовет отклонил просьбу о восстановлении в избирательных правах, так как «вся семья Бугаковых <...> сумела обойти низовые органы власти и получила специальное образование в высшеучебных заведениях, прикрываясь званием трудового элемента, в то время, когда Орготделу хорошо известно, что вся семья Бугаковых всё время жила на нетрудовые доходы, торгуя оптом и в розницу тряпьем и кожами и поддерживая для торговли связь с помещиками»²⁰. Спустя три месяца, так как ответа из Ленинграда получено не было, Торопецкие и Великолукские власти проявили настойчивость и повторили свой запрос, на сей раз перечислив всех трех дочерей Бугаковой и обратив внимание на одну из них как служащую Совпольторга²¹: «Имея в виду, что Бугаковы являются выходцами из нетрудовой семьи — крупных торговцев и всё время жили и учились на нетрудовые доходы, добытые от торговли их отцом, Президиум Окрисполкома просит рассмотреть

вопрос о включении проживающих в гор. Ленинграде гр. Бугаковых в списки лиц, лишенных избирательных прав»²².

В некоторых случаях оказавшиеся в списках лишенцев граждане пытались апеллировать к вышестоящим инстанциям, ссылаясь на предвзятость или отказ учитывать их современное положение. Так, включенная в районные списки лишенцев В. А. Пузыревская, супруга вице-губернатора, с которым она развелась еще в 1919 г. и в конце 1920-х гг. работала в артели «Артшвей», своим заявлением в Ленгорсовет о восстановлении в правах запустила бюрократическую машину. Полученная властями уточненная информация сводилась к следующему: «При выяснении же фактических взаимоотношений названной гражданки с ее б[ывшим] мужем, установлено, что она с мужем живет в одной квартире, продолжая супружеское сожителство, т.е. ее брак формально расторгнут, фактически же он продолжается, в силу чего Президиум Райсовета, руководствуясь ст. 12, п. “м” в ходатайстве Пузыревской отказал»²³.

Не может не удивлять стремление разного уровня властей брать на заметку любой слух. Так, Городской совет Казани заинтересовался неким Ижбердевым, который, *по неким сведениям*, был муллою и занимался скупкой золота и жемчуга²⁴.

Городские власти Ленинграда не только реагировали на получаемые из разных частей СССР запросы, но и сами активно рассылали таковые. Так, в марте 1929 г. в Верховный суд УССР последовал следующий запрос: «Настоящим президиум В. О. Райсовета просит сообщить, когда и по какому делу привлекался к ответственности гражданин Мухин Владимир Герасимович²⁵ и каково решение суда по данному вопросу. По имеющимся у нас сведениям, гражданин Мухин В. Г. был судим закрытой сессией Верховного Суда УССР в октябре или в ноябре 1928 года по обвинению его во вредительстве — дело Южно-рудного треста²⁶. Указанные сведения нам необходимы при рассмотрении вопроса о восстановлении в избирательных правах сына его — Мухина Юрия Владимировича»²⁷.

Осложнение внешнеполитической ситуации в конце 1920-х гг. повлекло обостренное внимание власти к классовой чистоте рядов компетентных органов и РККА. В Леноблисполком и в районные исполкомы Ленинграда потекли запросы со всего Советского Союза. Типичным было обращение, которое в начале 1929 г. направили Молдавский отдел ГПУ и управление 25-го пограничного отряда войск ГПУ в Василеостровский райисполком: «Срочно прошу сообщить социально-имущественное положение семьи красноармейца нашего отряда Григорьева П., проживающего в вашем районе (точного адреса не знаем)... Просьба к выявлению социально-политической физиономии подойти аккуратно, дабы иметь точную характеристику вышеуказанного красноармейца, каковая нужна на предмет изъятия из Погранохраны социально чуждого элемента»²⁸. В некоторых случаях командование частей явно с некоторым сожалением оказывалось вынуждено обращаться в органы исполнительной вла-

сти Ленинграда с просьбой о рассмотрении поднимаемого вопроса. В ноябре 1929 г. из 8-го Отдельного Ярославского дивизиона войск ОГПУ в Ленсовет поступило следующее обращение: 4 ноября уволен досрочно как элемент социально чуждый командир отделения Гульковский Петр Николаевич, скрывающий свое социальное происхождение (назвался рабочим, тогда как его отец был дворянином, полковником, командовал лейб-гвардии драгунским полком, чье семейство и сейчас живет не нуждаясь, хорошо одеваясь, «а сам Петр Гульковский воспитывался в 1915–1917 гг. в кадетском корпусе, в 1927–1925 жил в деревне с родителями. За время службы во вверенном мне дивизионе пролез в партию... был исключен во время чистки»). Вместе с тем командование части заверяло: «За время службы в армии Гульковский вел себя лояльно и каких-либо антисоветских влияний на красноармейцев не проявлял»²⁹.

Основанием для запроса в органы исполнительной власти Ленинграда могли служить слухи, некая расплывчатая информация. Комиссар «1-го стрелкового полка Отдельной дивизии особого назначения Феликса Дзержинского при Коллегии ОГПУ» был крайне обеспокоен социальным происхождением своего подчиненного Теодора Гаазе, что и побудило его обратиться с просьбой получить сведения о семье красноармейца: «<...> не производит ли какой-либо противосоветской работы, не лишена ли избирательных прав и не лишен ли сам красноармеец. Помимо матери у него имеется замужняя сестра — желательным установить, имеется ли между им и сестрой и ее мужем какая-либо связь. Классовое лицо мужа сестры и самой сестры. У нас имеются неточные сведения о том, что отец красноармейца являлся ювелиром и за спекуляцию валютой был выслан и в ссылке умер»³⁰. Справка из Центрального городского района Ленинграда должна была успокоить военачальника: его подчиненный до призыва на военную службу был безработным, компрометирующие материалы на него отсутствовали, а что касается семьи, то «отец его Гаазе Готтлиб-Фридрих-Теодорович, 1876 г. р., был золотых дел мастер (кустарь), умер 26 декабря 1928 г. и похоронен в Ленинграде <...> при своей жизни ни разу не судился, в ссылке не был. Избирательных прав никто не лишен <...> Из всей семьи Гаазе никто никогда не судился, о чем свидетельствует справка из Регистрационного статистического отдела ОГПУ и дактилоскопического отделения Угрозыска»³¹.

Обращает на себе внимание тот факт, что городские власти Ленинграда не довольствовались отписками на поступавшие из ГПУ и РККА запросы. Сохранилось немало документов, зафиксировавших отказ вносить в списки лишенных избирательных прав того или иного военнослужащего. Совет Петроградского района отказался, например, делать это в отношении Н. Н. Мирова, «изъятого из рядов РККА как сына служителя культа», так как оснований о включении в списки лишенцев гр-на Мирова не имеется и последний изъят из РККА неправильно, поскольку «документы подтверждают, что гр-н Миров с 1921 г. связи с отцом не имеет и в списках семьи отца не значится и с 1921 г. по день призыва в РККА жил в разных городах и работал в разных предприятиях»³².

Бывали и иного рода ситуации, когда подозрения появлялись у самих городских властей, и они обращались за получением информации в ОГПУ. Так, когда возникли такие подозрения в отношении К. Т. Арсеньева, победившего на выборах в Совет Центрального городского района, на отправленный в полномочное представительство ОГПУ в Ленинградском военном округе запрос был получен следующий ответ: «...сообщаем, что сведения о сокрытии им своего социального происхождения и офицерского звания не подтверждаются. Отец Арсеньева служил с 1883 по 1912 г. в Санкт-Петербургском почтамте почтальоном, сам же Арсеньев служил делопроизводителем на Бессарабской железной дороге, которая в период войны 1914–1918 гг. была как стратегическая причислена к военному командованию и служащие были обязаны носить полувоенную форму военных чиновников»³³.

Внимание властей с середины 1920-х гг. было приковано и к сфере образования, особенно высшего, но не избежали этого внимания и студенты рабфаков и техникумов³⁴. Как правило, лишали избирательных прав тех, чьи родители, на иждивении которых они находились, либо сами студенты попадали под статью 69-ю, как, например, некий Николай Карпов, бывший полицейский столоначальник, в 1928 г. учившийся в Ленинградском институте медицинских знаний.

Вместе с тем, несмотря на то что процесс лишения избирательных прав становился всё более упорядоченным и всё более жестким, случаи восстановления в правах по-прежнему были нередкими. Уместным будет привести почти полностью заявление Ивана Кельсиевича Кельсиева, по которому избирательной комиссией всего через неделю после подачи было принято положительное решение:

«Согласно полученного извещения от Домоуправления я лишен избирательных прав за мелкую торговлю, а также лишены избирательных прав: моя жена старуха и дочь. Я считаю, что занятие торговлей хотя формально и является основанием к лишению прав, но в данном случае по существу обстоятельств дела, лишение меня избирательных прав неправильно:

До революции я всё время работал в качестве рабочего-кирпичника на ленинградских кирпичных заводах, вблизи Колпина. Работал с момента увольнения меня с военной службы, т. е. в течение 25 лет.

После Революции я был вынужден уехать из Ленинграда, т[ак] к[ак] заводы перестали работать. Я выехал в Костромскую губернию, где и жил до 1923 г. Работал у крестьян на разных работах.

В 1923 г. я приехал опять в г. Ленинград, но т[ак] к[ак] по возрасту уже был стар, я не мог найти работу и вынужден был заняться мелкой торговлей, с корзиной. Торговал с 1924 г. разной мелочью, конфектами, семечками, яблоками и пр.

Это давало мне небольшой заработок, чтобы прокормиться троим: мне старику 68 лет, жене-старухе — 60 лет и безработной дочери — 18 лет.

Сейчас, когда за эту мелкую торговлю лишили избирательных прав, Домоуправление не выдало мне заборную книжку на получение хлеба и мы вынуждены покупать хлеб по повышенной цене, что ставит нас стариков в тяжелое

положение. Я думаю, что как бывший рабочий и только в силу своей старости и нужды вынужден заняться торговлей, я не являюсь социально-опасным элементом и врагом Советской власти»³⁵.

Хотя в ряде случаев в избирательных правах восстанавливали бывших полицейских чинов, такое было редкостью, но в любом случае исполнительная власть стремилась собрать максимальную информацию о человеке, лишаемом избирательных прав. Так, президиум Райсовета Центрального городского района специально запрашивал в Окружном суде весной 1929 г. копию приговора Борису Алексеевичу Литвинову, судимому «Ленинградским губсудом в июле 1927 г. за руководство в 1905 г. ликвидацией восстания в Прибалтийском крае и производство расстрелов участников восстания»³⁶. В данном случае представляет интерес тот факт, что, несмотря на наличие приговора, Литвинов, как выясняется, не был лишен избирательных прав.

Далеко не всегда исполнительные органы принимали решения на основании так называемых документальных свидетельств, в некоторых случаях довольствовались и «недокументальными»³⁷, т. е. слухами, личными впечатлениями от поведения человека, его внешнего вида и т. п.

Маховик выявления потенциальных лишенцев в 1920-е гг. в Ленинграде еще не был запущен, вся его мощь проявилась в середине следующего десятилетия. Конституция 1936 г., предоставляя равные права практически всем гражданам, предусматривала отстранение от выборов, кроме умалишенных, также лиц, осужденных судами с лишением избирательного права в качестве факультативного наказания. Статьи Уголовного кодекса о поражении в правах (поражение политических и отдельных гражданских прав п. «д» ст. 20 УК РСФСР 1926 г.) и лишении избирательных прав (п. «а» ст. 31 УК РСФСР 1926 г.) сохранялись еще на протяжении двух десятилетий. Эта норма была отменена Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об отмене лишения избирательных прав по суду».

¹ *Смирнова Т. М.* Бывшие люди Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. С. 4.

² *Гурвич Г. С.* История Советской Конституции. М.: Изд-во Соц. Акад., 1923. С. 46.

³ *Бродович С. М.* Советское избирательное право. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 38. «Избирательное право, — писал в предисловии к его книге член комиссии законодательных предложений СНК ССР Дмитрий Александрович Магеровский, — является тем организующим началом, при помощи которого подбирается людской состав советов, съездов исполнительных комитетов» (Там же. С. 4).

⁴ *Бродович С. М.* Советское избирательное право. С. 56.

⁵ *Белоновский В. Н.* Юридическая ответственность в избирательном праве советского периода. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014. С. 172.

⁶ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. С. 155–156.

- ⁷ Список граждан, лишенных избирательных прав, работающих на предприятиях и в учреждениях Василеостровского района в 1926 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 3. Л. 20.
- ⁸ Даже в 1939 г. составление списков избирателей в Ленинграде оставляло желать лучшего. Так, например, на собрании 10 ноября 1939 г. председателей и секретарей участковых избирательных комиссий по выборам в местные советы депутатов трудящихся во дворце им. Урицкого докладчик Пономарев заявил: «В Дзержинском районе имелось общежитие 7-го отделения милиции и там жил милицейский состав. Они решили, что в части прописки Положение для [них] необязательно и жили без прописки, да и без паспортов. В самый последний день было обнаружено, что в общежитии живут люди, и они не фигурируют в списках, и пришлось срочно это дело выправить. Или был такой курьезный случай. В районе жила в одном месте группа китайцев. Всех китайцев включили в списки избирателей, а потом вдруг неожиданно установили, что они подданные Китая. Оптом решили всех исключить из списка, а когда исключили, обнаружилось, что всё же три китайца оказались гражданами Советского Союза. Пришлось снова включать. В Московском районе полтора года как человек умер, а его искали долго. Он был в списке избирателей» (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 854. Л. 49).
- ⁹ Яков Маркович Малецкий (1894–1938) – возглавлял орготдел до ноября 1929 г., когда был назначен начальником Ленинградского областного отдела статистики. Автор книги «Массовая работа горсоветов (практика Петрограда)» (М., 1923).
- ¹⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 8. Л. 6.
- ¹¹ Общегородское инструктивное совещание членов районных, участковых и местных избирательных комиссий, 17 января 1927 г. Правленая стенограмма // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 537. Л. 11–19.
- ¹² *Двоеглазов И. М., Офицерова Н. Ф.* Выборы 1927 г. в освещении ленинградской прессы // Неделя науки СПбГПУ. 2014. С. 50.
- ¹³ Так, в Информационной сводке орготдела Ленсовета в январе 1930 г. констатировалось: «<...> случаи антисоветских выпадов и демагогических выступлений, главным образом на собраниях неорганизованных групп и непроизводственных союзов – продолжают <...> Ничего нигде нет, а для коммунистов и непманов есть всё, так как у них есть деньги»; «Построим пятилетку, а сами с голодудохнем», «Всё у нас гниет – картошка, рыба и т. д. и сгниет, в конце концов, и сама советская власть <...> Масло и яйца увозят за границу, чем подрывают здоровье трудящихся»; «Нас забивают работой, дети мрут от голода, работая изнуренные, в пыли мы скородохнем у машин» (Информационная сводка № 11, 25.1.1930 // ЦГА СПб. Ф. Р-151. Оп. 4. Д. 19. Л. 32 об. – 33).
- ¹⁴ *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). URL: http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml.
- ¹⁵ Протокол № 2 избирательной комиссии по перевыборам Лахтинского Сельсовета от 12 февраля 1925 г. // ЦГА СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 405. Л. 7; Протокол заседания Сестрорецкой городской избирательной комиссии от 17 февраля 1925 г. // Там же. Л. 51.
- ¹⁶ Письмо из секретной части прокуратуры Петроградской губернии в Аттестационную комиссию при Райисполкоме Петроградского района, 04.08.1923 // ЦГА СПб. Ф. Р-151. Оп. 4. Д. 4. Л. 1–2.
- ¹⁷ Письмо заведующего секретной частью Совета Центрального городского района Захарова в Мобилизационную часть Военного комиссариата Ленинграда, 20.02.1930 // ЦГА СПб. Ф. Р-56. Оп. 3. Д. 3. Л. 267.
- ¹⁸ Протокол заседания Сестрорецкой городской избирательной комиссии от 17 февраля 1925 г.
- ¹⁹ Президиум Вятского городского совета рабочих и красноармейских депутатов Ленинградскому Горсовету, г/о Пищевиков, Стражкасса, 28 января 1929 г. // ЦГА СПб. Ф. 1021. Оп. 6. Д. 5. Л. 1.

- ²⁰ Запрос Президиума Великолуцкого окружного исполнительного комитета в Ленинградский областной административный отдел, 26 января 1929 г. // ЦГА СПб. Ф. 1021. Оп. 6. Д. 5. Л. 2.
- ²¹ Советско-Польское акционерное торговое смешанное общество (Совпольторг) функционировало в 1926–1934 гг.
- ²² Запрос Президиума Великолуцкого окружного исполнительного комитета в Ленинградский Совет (Смольный), 17 апреля 1929 г. // ЦГА СПб. Ф. 1021. Оп. 6. Д. 5. Л. 27.
- ²³ Письмо секретаря Володарского райсовета Зиновьева в Президиум Ленинградского Совета, 14.05.1929. Секретно // ЦГА СПб. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 12. Л. 57.
- ²⁴ Письмо Секции Рабоче-Крестьянской инспекции Казанского горсовета в Ленгорсовет, 28.02.1930 // ЦГА СПб. Ф. Р-56. Оп. 3. Д. 3. Л. 311.
- ²⁵ Владимир Герасимович Мухин (1879–1930) в 1928 г. был назначен главным инженером Государственного Южнорудного треста и в том же году арестован.
- ²⁶ В 1928 г. чекистские органы сфабриковали дела о контрреволюционной вредительской деятельности в правлении Южнорудного треста (Харьков).
- ²⁷ Письмо секретаря [Василеостровского] Райсовета Кауста и заведующего секретариатом Мясникова в Верховный Суд УССР, 6 марта 1929 г. Секретно // ЦГА СПб. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 3. Л. 190.
- ²⁸ Письмо начальника 25-го пограничного отряда войск ГПУ по политчасти Розенфельда председателю Василеостровского райисполкома, 12.02.1929 // ЦГА СПб. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 3. Л. 189.
- ²⁹ Запрос командира 8-го Отдельного Ярославского дивизиона войск ОГПУ Самохвалова и комиссара Панюшкина в Ленсовет, 18 ноября 1929 г. // ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 4. Д. 19. Л. 57.
- ³⁰ Запрос из 1-го стрелкового полка Отдельной дивизии Особого назначения Феликса Дзержинского при Коллегии ОГПУ в Президиум Райсовета Центрального городского района, 23.10.1929 // ЦГА СПб. Ф. Р-56. Оп. 3. Д. 3. Л. 25.
- ³¹ Письмо Совета Центрального городского района комиссару 1-го Стрелкового полка... 27.10.1929 // ЦГА СПб. Ф. Р-56. Оп. 3. Д. 3. Л. 22 (ср. такой же документ из 4-го отделения милиции Ленинграда, л. 28).
- ³² Письмо Совета Петроградского района в Административный отдел Ленсовета, 01.03.1930 // ЦГА СПб. Ф. Р-151. Оп. 4. Д. 19. Л. 133.
- ³³ Письмо ПП ОГПУ в ЛВО председателю Мандатной комиссии Президиума Райсовета Центрального городского района, 02.03.1930 // ЦГА СПб. Ф. Р-56. Оп. 3. Д. 3. Л. 198.
- ³⁴ См., напр.: Справка Президиума Володарского райисполкома в Ленинградский областной комитет комсомола, 6 марта 1929 г. // ЦГА СПб. Ф. 1021. Оп. 6. Д. 5. Л. 38.
- ³⁵ Заявление И. К. Кельсиева в избирательную комиссию, 26 января 1929 г. // ЦГА СПб. Ф. 1021. Оп. 6. Д. 5. Л. 110–111.
- ³⁶ Письмо секретаря Райсовета Центрального городского района Зиновьева председателю Окружного суда, 29 марта 1929 г. Секретно // ЦГА СПб. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 12. Л. 23.
- ³⁷ Так, в справке ЖАКТа дома № 45 по ул. Некрасова от 29 июля 1929 г. на некоего Хвастушина Николая Никитича «секретно» указывалось: «Сведения не документального характера: По общему определению живущих в доме и знающих Н. Н. Хвастушина, в денежных делах он крайне недобросовестен, постоянно старается уклониться от платежей, во время временной безработицы чем-то промышлял, в первый период нэпа имел рыбный магазин в Ленинграде по Большому проспекту Петроградской стороны, но этот факт удачно скрывался от Домоуправления. В личной жизни беспорядочен, всегда жил покупчески, не исключая и периодов безработицы» (ЦГА СПб. Ф. 1021. Оп. 6. Д. 5. Л. 417).

References

- BELONOVSKIJ V. N. *Yuridicheskaya otvetstvennost' v izbiratel'nom prave sovetskogo perioda*. [Legal responsibility in the electoral law of the Soviet period. In Russ.] Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2014.
- BRODOVICH S. M. *Sovetskoe izbiratel'noe pravo*. [Soviet electoral law. In Russ.] Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925.
- GURVICH G. S. *Istoriya Sovetskoy Konstitucii*. [History of the Soviet Constitution. In Russ.] Moscow: Izd-vo Socz. Akad., 1923.
- KRASIL'NIKOV C. A. *Na izlomax social'noj struktury: marginaly v poslerevolucionnom rossijskom obshchestve (1917 – konec 1930-x gg.)* [On the fractures of the social structure: marginals in post-revolutionary Russian society (1917 – late 1930s.). In Russ.]. URL: http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml (date of access 01.02.2019).
- SMIRNOVA T. M. *By vshie lyudi Sovetskoy Rossii: Strategii vy zhivaniya i puti integracii. 1917–1936 gody*. [Former people of Soviet Russia: Survival strategies and ways of integration. 1917–1936. In Russ.]. Moscow: Mir istorii, 2003.

Список литературы

- Белоновский В. Н. Юридическая ответственность в избирательном праве советского периода. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014.
- Бродович С. М. Советское избирательное право. Л.: Гос. изд-во, 1925.
- Гурвич Г. С. История Советской Конституции. М.: Изд-во Соц. Акад., 1923.
- Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). URL: http://zaimka.ru/soviet/krasiln1_p1.shtml (дата обращения 01.02.2019).
- Смирнова Т. М. Бывшие люди Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003.

А. И. Рупасов. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг.

В статье анализируется практика лишения граждан избирательных прав в Ленинграде в годы новой экономической политики. Целью этой практики являлось отсечение от активного участия в общественной жизни тех социальных слоев населения, которые рассматривались властью как классово чуждые. Однако, как позволяют судить документы органов исполнительной власти муниципального уровня, далеко не всегда, прежде всего на уровне районных исполкомов Петрограда/Ленинграда, проявлялось желание заниматься трудоемким делом выявления граждан, подлежащих включению в списки лишенных прав. В некоторых случаях уклонение от такого рода действий муниципальных органов граничило с намеренным противодействием получаемым сверху директивам. Такого рода отношение к выполнению директив вышестоящих органов сохранялось даже после того, как в середине 1920-х гг. (после вызвавшей у политического руководства страны опасения избирательной кампании 1925 г.) наметился тренд к ужесточению политики в этом вопросе. В результате сложилась разветвленная система получения информации, охватывавшая всю страну, а возникшая эйфория подозрительности привела к тому, что исполнительные органы власти принимали решения не только на основании так называемых документальных свидетельств, но и могли довольствоваться и «недокументальными свидетельствами», т. е. слухами, личными впечатлениями от поведения человека, его внешнего вида и т. п.

Ключевые слова: Советская Россия, правовая система, лишение избирательных прав, Ленинград, 1920-е гг.

Alexandr I. Rupasov. Deprived of electoral rights in Leningrad in the 1920th

The article analyzes the practice of depriving citizens of electoral rights in Leningrad during the new economic policy. The purpose of this practice was to cut off from the active participation in public life of those social strata, which were considered by the authorities as class alien. However, as allow us to judge the documents of the organs of Executive power at the municipal level, not always, first of all, at the level of district Executive committees of Petrograd/Leningrad, manifested a desire to engage in time-consuming identifying

citizens who were subject to inclusion in lists of the deprived rights. In some cases, evasion of this kind of action by municipal authorities bordered on deliberate opposition to the directives received from above. This kind of attitude to the implementation of the directives of higher authorities remained even after the mid-1920s (after the country's political leadership fears of the election campaign of 1925) there was a trend to tighten policy on this issue. The result was an extensive system of information, covering the whole country, and the resulting euphoria of suspicion led to the fact that the Executive authorities take decisions not only on the basis of the so-called documentary evidence, but could be satisfied with "soft evidence", i. e., rumors, personal impressions of human behavior, his appearance, etc.

Key words: Soviet Russia, legal system, deprivation of electoral rights, Leningrad, 1920s.

Рупасов, Александр Иванович — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук; член-корреспондент Финляндского исторического общества (Suomen Historiallinen Seura).

Rupasov, Aleksandr Ivanovich — Dr. of Sciences (History), St Petersburg institute of History, Russian academy of Sciences; corresponding member of the Finnish historical society.

E-mail: rupasov_ai@mail.ru

А. И. Богомолов

Рецензия на монографию:
Alapuro R. State and Revolution in Finland.
Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. XIV, 306 p.
(**Historical Materialism Book Series. Vol. 174**)

Столетие независимости Финляндии не могло остаться без внимания историков, политологов, философов. На первый взгляд, давно и обстоятельно исследованные события и процессы вековой давности оставляли скромное пространство для полета мысли. Однако это представление оказалось ошибочным, и рецензируемая монография одного из видных финских политологов Ристо Алапуру «Государство и революция в Финляндии» уже своим названием намекала на то, что автор не склонен довольствоваться банальным пересказом событий дней минувших.

Прежде всего следует отметить не столько великолепное знание автором историографии затрагиваемых проблем, сколько явно полемический характер сочинения. Обращаясь к работе Баррингтона Мура «Социальные истоки диктатуры и демократии», Алапуру особо отмечает то, что Мур, рассмотрев пути, по которым шли разные государства в современную эпоху, и последовавшие изменения в их политических системах, сознательно пренебрег в своем анализе малыми государствами, полагая, что малые страны зависят экономически и политически от больших и сильных, а следовательно, определяющие причины их внутривнутриполитических и социальных процессов лежат вне пределов их собствен-

ных границ. Эта точка зрения, по выражению Алапуру, «инкапсулирует основную проблему», рассмотрению которой посвящено его сочинение: каким образом зависимость от могущественных государств влияет на предварительные условия, формы и результаты коллективных действий в малых государствах, на возникновение революций и иных крупномасштабных конфликтов, а также на институционализацию политических систем? Более конкретно, т. е. применительно к Финляндии, Алапуру ставит несколько вопросов: какова роль внутренних и внешних факторов в образовании Финляндского государства, как совокупность этих факторов способствовала ранней политической мобилизации и взрыву в 1918 г., каково было воздействие провала революции на государственные структуры и процессы 1920-х и 1930-х гг.?

Свой анализ Р. Алапуру начинает издали. В XIX столетии Финляндию характеризовали почти полное социальное спокойствие и жесткая консервативная политическая система. Присоединение Финляндии к России в 1809 г. повлекло за собой исключительное усиление позиции финляндской бюрократии: отказываясь созывать сейм на протяжении полувека, монархия косвенно способствовала вознесению на политическую высоту высшего административного органа — сената. Парадоксально, но усиление бюрократии, являвшейся оплотом нобилитета, подчеркивает Алапуру, порождая новые противоречия, в итоге способствовало подрыву позиций нобилитета, принадлежность к дворянскому сословию становилась скорее наградой, чем условием бюрократического карьерного успеха. Последовавшая капиталистическая трансформация, в свою очередь, способствовала возникновению напряженности между гражданской бюрократией с одной стороны и академическими и церковными кругами с другой. Новые поколения дворян склонялись к бюрократической карьере, что неизбежно вело к упадку роли лютеранского духовенства, результатом чего стало ослабление прежних тесных контактов церковных и академических кругов, что происходило к тому же на фоне вливания в ряды духовенства социально мобильных крестьянских сыновей, говоривших в основном по-фински. Результатом не могло не стать возрастание напряженности в обществе Великого княжества в последние десятилетия XIX в.

Ристо Алапуру обоснованно обращает особое внимание на тот факт, что быстрый демографический рост сельского населения, повлекший появление аграрного пролетариата, начался в Финляндии до начала индустриализации и экономического подъема, что способствовало эмиграции (при этом он подчеркивает, что масштабы эмиграции значительно уступали масштабам эмиграции из Швеции, что в дальнейшем сказалось на внутривнутриполитических процессах в Финляндии). Однако в Великом княжестве взаимовлияние промышленной и сельскохозяйственной революций было иным, чем в остальной части Восточной Европы. Поскольку капиталистические преобразования Финляндии основывались главным образом на развитии деревообрабатывающей промышленности, изменения произошли непосредственно в сельской местности,

именно там выросли новые промышленные центры, и там, в отличие от других, крестьяне владели большей частью лучших лесных земель. Трансформация экономики Финляндии во второй половине XIX в. привела к тому, что если веком ранее основными ее бенефициарами являлись крестьяне западной части княжества, занятые в наиболее развитой сфере экономики — кораблестроении, ориентированном на метрополию — Швецию, то теперь роль ядра стал играть юг, ставший центром индустриализации. В силу этого социальная структура разных частей княжества претерпела кардинальные изменения, юг становится не только ядром государства, но и обремененным социальными противоречиями центром. Восточная Финляндия (за исключением района Выборга) и обширные пространства на севере остаются на периферии, откуда миграционные потоки устремляются на юг и к Выборгу. Миграционные потоки, прежде ориентированные на Петербург, иссякают.

Нельзя не согласиться с Алапуру, что едва ли не в исключительной степени важным было то, что в среде как средних классов, так и высших слоев общества имелись сильные стимулы для националистической мобилизации. Национализм присущ процессу модернизации, охватившему со второй половины XIX в. Великое княжество. В индустриализирующемся обществе, становящемся всё более централизованным, специализированным и профессионально мобильным, грамотность и образование приобретали как никогда большое значение, неизбежно возникала объективная социальная потребность в культурной однородности, язык приобретал новую и решающую роль в определении социальных границ.

Ссылаясь на Э. Дж. Хобсбаума, называвшего национализм «гражданской религией» современного территориально-централизованного государства, Р. Алапуру подчеркивает, что такое государство объективно способствует развитию у граждан комплекса мотиваций, которые придают им первичное и первостепенное чувство ответственности перед государством и устраняют иные обязательства в отношении других групп и центров в пределах или за пределами территории; национализм становится идеологией, с помощью которой население устанавливает чувство идентичности с современным государством. Высшие классы Финляндии с их шведской культурой испытывали исключительно сильные стимулы для принятия языка и культуры подавляющего большинства народа, как из-за политической зависимости страны от великого самодержавного государства (России), так и из-за их собственной потребности как государственных бюрократов установить чувство долга перед финским государством. Как следствие, выросла достаточно единая национальная культура. В конце концов слабость дворянства как класса землевладельцев и их положение в государственных структурах заставили их принять финский язык в качестве родного и активно искать способы устранения межклассовых противоречий на основе способствующей национальной интеграции единой культуры.

Более того, отмечает Алапуру, в буржуазной среде Великого княжества преобладало мнение, что создание профсоюзов может благотворно сказаться на разрешении конфликтов, что рабочие организации будут способствовать образованию рабочих и делать их более ответственными. Схожие идеи имели распространение и в среде университетских интеллектуалов. Массовые организации не представлялись таящими в себе серьезную угрозу. С другой стороны, имперские власти благосклонно относились к сравнительно небольшой рабочей партии — социал-демократической партии Финляндии, считая ее менее опасной, чем более беспокойные буржуазные политические партии и группировки, и даже надеялись использовать ее против них. Итог — рост популярности среди широких масс именно этой политической силы. Однако, даже несмотря на поразительную победу социал-демократов на выборах в 1907 г. в первый бессловный сейм (поразительную уже в силу того, что 90 % голосов было получено ими в сельской местности), они как представители всего рабочего движения в Финляндии не обеспечили себе места ни в высших эшелонах власти, ни в администрации, ни тем более в гражданском обществе, их партия была в значительной степени изолирована.

После Февральской революции в России финские социал-демократы начали делиться политической властью в буржуазном государстве. Экономическая и социальная ситуация ухудшалась: импорт зерна из России иссякал, предвещая рост цен на продовольствие; сокращение военных расходов империи в Финляндии способствовало массовой безработице; инфляция ускорялась. Эти проблемы обусловили необходимость эффективного выполнения политических решений, однако не было никакой гарантии, что административный аппарат окажется пригодным инструментом для проведения социал-демократической политики: этот аппарат, с которым они должны были работать, был буржуазным по своей сути. Социал-демократы разделили политическую власть в условиях, весьма сходных с теми, которые существовали во многих западноевропейских странах, например в Швеции в 1917 г. Но финскому государству в результате Февральской революции был нанесен ущерб в одном существенном отношении: оно осталось без контроля над основными средствами принуждения. Единственными вооруженными силами, на которые могло опереться государство в возможном кризисе, были в конечном счете имперские войска, дислоцированные в стране, но русская революция в значительной степени парализовала эту силу. Финская полиция была распущена. До конца 1917 г. Финляндия не имела полицейских сил.

Правящие финские круги утратили максимальную защиту, которую дает контроль над вооруженными силами, в тот самый момент, когда рухнуло русское самодержавие, а создать орудие насилия без согласия, как пишет Алапуру, «социалистического парвеню» оказались не в состоянии. Социал-демократы оказались у власти в государстве, неспособном прибегнуть к силе, но вместе с тем с прочной буржуазной институциональной структурой. Алапуру полагает,

что в долгосрочной перспективе отсутствие инструментов принуждения при наличии контроля над временными механизмами поддержания порядка могло оказаться преимуществом для социал-демократов, потенциальным оружием для оказания давления на государственную власть. Однако такие временные механизмы представляли ценность для партии только в том случае, если их можно было удерживать под контролем, — т.е. только в том случае, если движение, возглавляемое парламентской партией, могло контролировать внепарламентскую деятельность. Партия не занимала, скорее, не могла занять четкой позиции, когда быстро мобилизованные массы предъявляли государству свои требования. Партия не закрепились в государстве, поэтому нуждалась в поддержке масс. Характерным для двусмысленной ситуации является тот факт, что социал-демократические министры не были ведущими фигурами и что партия не сформировала правительство в одиночку, хотя могла бы это сделать в марте. В Великом княжестве складывалась ситуация, чем-то напоминающая российское двоевластие, ситуацию, которую Алапуру называет множественным суверенитетом. Правительство не имело искренней поддержки движения. Способность партии решать краткосрочные проблемы и проводить реформы, которые она считала принципиально необходимыми, была чрезвычайно важна, но партийные цели могут быть достигнуты только в том случае, если жизнь будет продолжаться упорядоченно и достижение этих целей облегчит поддержание порядка. Поначалу всё казалось вполне удовлетворительным, несмотря на некоторые неприятные инциденты.

Однако к лету 1917 г. поддержание порядка стало главной проблемой, стоявшей перед буржуазными кругами. Роспуск полиции лишил государство единственного аппарата, который действительно защищал личные и имущественные права, а участие в поддержании порядка мобилизованных рабочих, какими бы малочисленными они ни были, представляло собой, с точки зрения буржуазных кругов (и не только их), большую потенциальную угрозу. Однако в сложившейся ситуации не было возможности прибегнуть к «традиционным репрессиям для борьбы с беспорядками». Когда в июне буржуазного министра внутренних дел спросили о легализации буржуазных национальных гвардий (шюцкоров) или о создании военизированной полиции, он отверг обе идеи: это станет подстрекательством к гражданской войне, а русские не позволят создать военизированную полицию. Роспуск в августе 1917 г. Временным правительством сейма был единодушно поддержан буржуазными партиями. Социал-демократы покинули правительство. Остались только буржуазные министры, и их первой целью стало «создание мощной силы безопасности для страны».

На новых выборах в сейм социал-демократы потерпели поражение, потеряв одиннадцать мест, буржуазные партии получили большинство. Поражение поставило перед партией сложную задачу: контролировать поднимающиеся революционные настроения масс. Многие лидеры социал-демократов еще ранее опасались ухода из правительства в августе, так как видели в участии

в нем средство сдерживания масс. Та же идея была высказана в ходе избирательной кампании. О. В. Куусинен, один из ведущих деятелей партии, видел последствия проигрыша таким образом: «Что произойдет, если мы потерпим поражение на выборах? Тогда в народе вспыхнет революция. Нет знания о том, как такая революция может закончиться. Это может привести к катастрофе для всего рабочего движения, и это одна из причин, почему мы должны стремиться к победе на выборах».

Согласно традиции, рабочие красные гвардии должны были быть дисциплинированы, а рабочее движение должно было иметь полный контроль над ними. В действительности авторитет партии в движении падал, в ряде случаев даже в крупных городах охрана порядка поддерживалась красными гвардиями, имевшими лишь слабые связи с партией. Вместе с тем, несмотря на радикализацию и быстрое расширение других ветвей движения, социал-демократическая партия не была подавлена. Ее авторитет был поставлен под сомнение, однако, подчеркивает Алапуру, она смогла сохранить центральное положение. При этом приостановить дальнейшую радикализацию ситуации партия всё же была неспособна. Последний шаг, предшествовавший началу складывания именно революционной ситуации, был сделан 1 ноября, когда социал-демократы опубликовали программу под названием «Мы требуем», в которой утверждалось, что роспуск парламента явился результатом сговора между финской буржуазией и русскими реакционерами, старый парламента по-прежнему является единственным законным парламентом, требовалось провести выборы учредительного собрания, принять немедленные меры по обеспечению продовольствием и занятости населения, осуществить реформы, принятые предыдущим парламентом, распустить шюцкоры. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Алапуру, что социал-демократическая партия полностью сознавала сильное давление снизу и по этой причине программа была принята — прежде всего для того, чтобы ослабить это давление и найти выход из положения — как последний шанс для буржуазии предотвратить революцию. Программа не представляла собой вызова базовой структуре капиталистического общества, а скорее, являлась подлинной попыткой урегулирования политического кризиса, мотивированной желанием партии предотвратить революцию. Именно с этого времени тенденция к упомянутому «множественному суверенитету» стала совершенно явной. Разразившаяся всеобщая забастовка не позволяла партийным лидерам уклониться от участия в ней, но, подчеркивает Алапуру, они не имели реального представления о том, что делать, если у них в руках снова окажется власть. По его мнению, хотя объективные причины революции уже существовали, субъективные причины — «инструменты революции» — отсутствовали.

Революция была «поразительно пролетарской»: в отличие от большинства революций, интеллектуальные круги в ней не участвовали. В Финляндии интеллигенция всего за несколько десятилетий до этого выработала национальную идеологию, и весь «национальный» образованный класс пришел в ужас

от этого разрыва солидарности в обществе. Впоследствии, считает Алапуро, именно этот шок вызвал финскую версию фашистского движения, получившего название Лапуаского. Движение Лапуа не было отдельной группой или конкретной партией, в отличие от многих других государств, в которых возникли разного рода фашистские движения; скорее это была обычная буржуазная реакция на финское коммунистическое движение, возникшее в результате жесткого подавления революции и имевшее удивительно тесные связи с новым советским государством. Для такой интерпретации, признается Алапуро, он нашел поддержку прежде всего в модели Чарльза Тилли (Charles Tilly) о непосредственных причинах революционных ситуаций, но вместе с тем он считает, что революционный процесс в Финляндии не следовал «идеализированной революционной последовательности», которая начинается с постепенной мобилизации претендентов на власть и сопровождается быстрым ростом поддержки их притязаний и, наконец, завершается безуспешными усилиями правительства подавить альтернативную коалицию. Алапуро считает, что исключительной особенностью финской революции является то, что путь к ней начинался с третьей непосредственной причины — неспособности правительства подавить возможного революционного соперника. Этот самый соперник появился лишь постепенно, в результате кропотливого процесса мобилизации. Именно поэтому, подчеркивает Алапуро, модель Тилли полезна не тем, что она согласуется с финскими реалиями, а потому что финские отклонения от этой модели проливают свет на особенности финского случая, позволяя сравнивать с революционными ситуациями в других местах и в другое время. Решающее значение для понимания финской революции имеет понимание специфической взаимосвязи между внешними и внутренними факторами — параличом аппарата принуждения вследствие кризиса в России с одной стороны и сильной позицией движения домашней прислуги в начале кризиса с другой.

Среди изданных к столетию независимости Финляндии сочинений монография Ристо Алапуро стоит особняком, представляя собой попытку сжатого, но цельного анализа комплекса сложных проблем. Этому не стоит удивляться, поскольку впервые финский исследователь обратился к этой теме еще в 1970-х гг.

**A. I. Bogomolov. Review on monograph: *Alapuro R. State and Revolution in Finland*.
Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. XIV, 306 p. (Historical Materialism Book Series. Vol. 174)**

Богомолов, Алексей Иванович — к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Bogomolov, Alexey Ivanovitch — Ph. D., researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: iohannes@yandex.ru

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а.л. (для аспирантов — не более 0,5 а.л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а.л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).
- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.
- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева, а также переводом заглавия статьи на английский язык.
- Сноски к тексту — концевые, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы с полным переводом ссылки на английский язык, данным в квадратных скобках.
- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.
- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.
- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации/отказе в публикации/направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.
- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.
- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию, без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.
- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.
- Авторы должны подписывать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

